

ISSN 2949-124X (Print)
ISSN 3034-5790 (Online)

Российская Академия Наук

Российская история

НАУКА
1727

2025 6

Российская Академия Наук

Российская история

В номере:

ISSN 2949-124X (Print)
ISSN 3034-5790 (Online)

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

Дети русской элиты XVI – начала XVII в.

В.Н. Татищев о Софье Палеолог

*Замена чиновниками аттестатов
в Московском университете 1810-х гг.*

*«Три Афона»
великого князя Константина Николаевича*

Доктор А.И. Дубровин и Государственная дума

Общество женщин-юристов в Санкт-Петербурге

*Петроградские славянофилы
в годы Первой мировой войны*

*Подготовка физкультурных кадров
в 1920–1930-х гг.*

Обсуждаем книги

А.М. Попов. За два шага до бездны:
интриги против военного министра
и саморазрушение власти в России 1907–1915 гг.

Ю.А. Пелевин. Александр Михайлов
и его революционная эпоха

МОСКВА

6 2025
ноябрь
декабрь

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В.Н. Захаров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Аракчеев, А.Н. Артизов, Б.В. Базаров, В.П. Булдаков, Р.Г. Гагкуев, А.Е. Иванов,
С.П. Карпов, В.В. Кондрашин, **В.А. Кучкин**, А.К. Левыкин, Д. Ливен, Е.А. Мельникова,
С.В. Мироненко, К.В. Никифоров, Ю.А. Петров, Е.И. Пивовар, Р.Г. Пихоя, Д. Свак,
А.В. Сиренов, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У Эньюань, В.С. Христофоров,
В.В. Шелохаев, А.В. Юрсов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.Г. Агеева, А.Л. Беглов, О.В. Большакова, О.В. Будницкий, П. Бушкович,
П.Г. Гайдуков, А.А. Горский, В. Дённингхаус, С.В. Журавлёв, В.В. Зверев,
Е.Ю. Зубкова, А.А. Иванов, Д.Ю. Козлов, Н.В. Козлова, Б.И. Колоницкий,
М. Крамер, В.Н. Круглов, Д.В. Лисейцев (зам. главного редактора), П.В. Лукин,
А.В. Мамонов (зам. главного редактора), Л.В. Мельникова, А.П. Павлов,
Д.Б. Павлов, Д.А. Редин, К.А. Соловьев, П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723 69 10

Электронная почта: roshist@pran.ru; otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

Сайт: <https://roshistras.ru>; rossijskaja-istorija.ru

На обложке: Русский общежительный монастырь Святого великомученика и целителя Пантелеймона на Святой горе Афонской (хромолитография, 1901 г.)

Детность в семьях русской элиты второй половины XVI – начала XVII в. (по церковной поминальной документации)

Сергей Шокарев

Children in the families of the Russian elite
of the second half of the 16th – early 17th centuries
(according to church memorial documentation)

Sergey Shokarev

(Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow)

DOI: 10.7868/S3034579025060014

Количество рождённых детей, младенческая и детская смертность являются важными демографическими показателями и значимым фактором повседневной жизни. Для русского Средневековья, однако, такие подсчёты ограничены неполнотой источников. Единственное исследование, включающее показатели детности, – работа В.А. Кучкина о генеалогии и демографии московских Рюриковичей: учёный вычислил количество рождений и определил масштабы детской смертности. Согласно его подсчётом, из 60 семей московских Рюриковичей 16 были бездетными, в остальных 44 родились 137 детей (по 3,1 ребёнка на семью). Из них 51 (37,2%) умерли в младенчестве, детстве и отрочестве. 86 детей, доживших до зрелости, приходятся на 30 семей, составляя среднее число детей в семье 2,87. Таким образом, заключает учёный, «княжеская семья состояла примерно из 4–5 человек: супружеская пара и 2–3 ребёнка. Полученный средний показатель соответствует среднему показателю численности семьи различных социальных групп в Западной Европе в XV в.». Но если учитывать все семейные пары, включая бездетные, показатель составит 1,43 ребёнка на семью, «свидетельствуя, что численность московских Рюриковичей медленно, но неуклонно снижалась»¹.

Летописи отмечали только рождение детей в княжеских и царских семьях. Для оценки количества детей в семьях аристократии можно привлечь родословные книги, однако в них не учитывались рано умершие. Сведения о «младенцах» имеются в церковной поминальной документации (синодики, вкладные и кормовые книги) и надгробиях. К сожалению, эти источники не дают полной картины, сообщая информацию об ограниченном числе семей. Нет возможности точно документировать бездетность, так как детей указывали не во всех поминальных записях. Однако при сопоставлении нескольких помянников

© 2025 г. С.Ю. Шокарев

Автор благодарен Ф.Б. Успенскому (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН) и М.И. Давыдову (Государственный Владимиро-Сузdalский музей-заповедник) за ценные советы и консультации при написании статьи.

¹ Кучкин В.А. Московские Рюриковичи (генеалогия и демография) // Исторический вестник. 2013. Т. 4. № 151. С. 65, 66.

можно получить общее представление о наиболее значимых семьях русской средневековой аристократии.

Хорошо известно количество детей, в том числе умерших в раннем возрасте, в семьях монархов. Царь Иван Грозный в трёх браках имел восемь детей. От первой жены Анастасии Романовны Захарьиной (Юрьевой) († 7 августа 1560 г.) родились Анна (10 августа 1549 г. – 20 июля 1550 г.), Мария (17 марта 1551 г. – 8 декабря 1551 г.), Дмитрий (около 19 октября 1552 г. – 6 июня 1553 г.), Иван (28 марта 1554 г. – 19 ноября 1581 г.), Евдокия (26 февраля 1556 г. – 16 июля 1558 г.) и Фёдор (31 мая 1557 г. – 8 января 1598 г.)². Как видим, дочери и сын Дмитрий умерли в младенчестве, а младшие сыновья дожили до зрелости. От второй жены – Марии Темрюковны Черкасской († 6 сентября 1569 г.) родился сын Василий (21 марта 1563 г. – 3 или 4 мая 1563 г.)³. От шестой, Марии Фёдоровны Нагой († 28 июня 1611 г.), был Дмитрий (около 19 октября 1582 г. – 15 мая 1591 г.), погибший в Угличе⁴.

Царевич Иван Иванович был женат трижды, но детей не имел. А. Поссевино сообщает, что третья жена царевича родила мёртвого младенца, после того как свёкор, Иван Грозный, избил её посохом⁵. Вряд ли стоит учитывать этого ребёнка в статистике. Многобрачие не являлось выбором царевича, его личной жизнью распоряжался отец. Вероятно, причиной разводов стало отсутствие детей после первых лет брака. Бездетность в трёх браках оказалась следствием постоянного давления отца на сына, которое привело и к преждевременной смерти наследника.

Младший сын Ивана Грозного, царь Фёдор Иванович, был женат на Ирине Фёдоровне Годуновой († 26 сентября 1603 г.). Долгое отсутствие детей в этом браке вызывало озабоченность царской четы и московского двора. 26 мая 1592 г. родилась дочь, получившая имя Феодосия (греч. «Богом данная»)⁶. К несчастью, век царевны оказался недолг, она умерла, не дожив до двух лет. Дата её смерти (25 января 1594 г.) зафиксирована на надгробии и в поминальной документации⁷.

² ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 158, 161, 222, 232, 239, 265, 283, 299, 300; Ч. 2. СПб., 1906. С. 328; Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований. В 4 т. / Отв. ред.-сост. Т.Д. Панова. Т. 3. Ч. 1. М., 2018. С. 212; Алексеев А.И., Маштафаров А.В. Вкладная и кормовая книга московского Симонова монастыря // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 20, 80–83; Кучкин В.А. Указ. соч. С. 52, 53; Литвинова А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 389–395.

³ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 365, 366; Алексеев А.И., Маштафаров А.В. Вкладная и кормовая книга... С. 21, 22.

⁴ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 194, 196; Некрополь русских великих княгинь и цариц... С. 82, 83; Кучкин В.А. Московские Рюриковичи... С. 53, 55, 59; Литвинова А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей... С. 389–395. Относительно дат рождений и имён (а точнее, двуимённости) старшего и младшего Дмитриев А.Ф. Литвинова и Ф.Б. Успенский предположили, что младший мыслился отцом как продолжение старшего и потому получил в честь него имена Дмитрий и Уар. Возможно, оба царевича родились около 19 октября (день памяти св. Уара), но могло произойти перенесение представлений о дате рождения (и двуимённости) с одного на другого.

⁵ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 50.

⁶ Именны царевны отмечались 29 мая на память прмц. Феодосии (Кириченко Л.А., Николаева С.В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (исследование и публикация). М., 2008. С. 213; Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках / Подгот. Т.И. Шаблова. СПб., 2012. С. 128).

⁷ Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива московского Новодевичьего монастыря. М., 1985. С. 167, 182; Алексеев А.И., Маштафаров А.В. Вклад-

Младший брат Ивана IV, князь Юрий Васильевич Угличский, был глухонемым, но, вероятнее всего, не столь недееспособным, как его характеризовал А.М. Курбский⁸. 3 ноября 1547 г. он женился на княжне Ульяне Дмитриевне Палецкой (в монашестве Александра; † 8 мая 1574 г.). Их сын Василий (февраль 1559 г. – 20 февраля 1560 г.) умер в младенчестве⁹.

Семейной жизни кн. Владимира Андреевича Старицкого, двоюродного брата Ивана Грозного, посвящены работы Т.Д. Пановой и Ю.Д. Рыкова¹⁰. Владимир Андреевич женился 18 мая 1550 г. на Евдокии Александровне Нагой. Затем (до 1555 г.) она постриглась в монахини с именем Евпраксия и упоминается в документах сузdalского Покровского монастыря вплоть до 1612 г.¹¹ Скорее всего, причиной развода явилась бездетность княгини. По мнению Пановой, в этом браке родилась дочь, умершая в младенчестве или детстве. Об этом как будто свидетельствует надпись на покрове, изготовленном по велению княгини-старицы Евпраксии: «За тот вклад поминал дщю князя Владимира Андреевича и мою»¹². Однако это не так, о чём будет сказано далее.

28 апреля 1555 г. князь Владимир женился на княжне Евдокии Романовне Одоевской († 9 октября 1569 г.)¹³. Благодаря эпитафиям из некрополя Вознесенского монастыря установлены имена и даты жизни их дочерей: Мария (Старшая) (1559 г. – 9 октября 1569 г.), Евдокия (20 февраля 1560 г. – 20 ноября 1570 г.), Татьяна (январь 1563 г. – 8 января 1564 г.)¹⁴ и Анастасия (январь 1568 г. – 7 января 1568 г.)¹⁵. Старшая дочь Мария погибла вместе с родителями. По мнению Пановой, в этой семье был ещё один ребёнок, умерший в детстве: при исследованиях останков княгини Евдокии в её саркофаге выделены частично сохранившиеся останки ребёнка 12–13 лет, предположительно мальчика. До взрослого возраста дожили Василий (1557/58–1573) и Мария (Младшая) (1561–1613/14), в иночестве Марфа, супруга ливонского короля Магнуса. Таким образом, согласно выводам Пановой, у Владимира Старицкого имелись

ная и кормовая книга... С. 23; Некрополь великих княгинь и цариц... Т. 3. Ч. 2. С. 256, 260; Шереметев С.Д. Труды по истории Смутного времени. М., 2015. С. 109.

⁸ Шокарев С.Ю. Князь Юрий Васильевич Углицкий, брат Ивана IV Грозного (к вопросу об отражении личных качеств в источниках официального происхождения) // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: доклады и тезисы XIV научной конференции. М., 2002. С. 527–529; Halperin Ch.J. Ivan the Terrible's Younger Brother: Prince Yury Vasil'evich (1533–63) // The Court Historian. 2017. 22:1. Р. 1–16.

⁹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 154; Ч. 2. С. 317, 325, 382, 457; Гиришберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья. XIV–XVII вв. Ч. 1. Надписи XIV–XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. Вып. 1. М., 1960. С. 27.

¹⁰ Панова Т.Д. Состав семей старицкого князя Владимира Андреевича // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкоznание. Культурология. 2018. № 4(37). С. 98–108; Рыков Ю.Д. Потомки князя Владимира Андреевича Старицкого и судьба его дочери Марии (в иночестве – Марфы), королевы Ливонской // Российская генеалогия. 2020. № 8. С. 7–45.

¹¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 160; Акты Покровского сузdalского девичьего монастыря XVI – начала XVII века / Сост. А.В. Антонов, А.В. Маштафаров. М., 2019 (далее – АПСДМ). С. 390, 404; Кучкин В.А. Указ. соч. С. 50, 51.

¹² Панова Т.Д. Состав семей... С. 101.

¹³ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 253, 254; Некрополь великих княгинь и цариц... Т. 3. Ч. 2. С. 100, 101.

¹⁴ Панова пишет, что Татьяна умерла сразу после рождения в декабре или январе 1564 г. (Панова Т.Д. Состав семей... С. 105, 107), однако, по данным антропологов, ребёнку было около года (Некрополь великих княгинь и цариц... Т. 3. Ч. 1. С. 306).

¹⁵ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 325; Некрополь великих княгинь и цариц... Т. 3. Ч. 1. С. 308, 309, 324; Ч. 2. С. 32, 33; Гиришберг В.Б. Указ. соч. Ч. 1. С. 61.

дочь от первой жены и семь детей от второй (неизвестный мальчик, Василий, Мария, Евдокия, Мария, Татьяна, Анастасия)¹⁶.

Рыков высказал другие соображения. В отличие от Пановой, он считал достоверными показания родословцев XVII в. о том, что у князя были сыновья Иван и Юрий. В таком случае кто-то из них – ребёнок из саркофага княгини Евдокии Романовны. Кроме того, Рыков полагал, что Василий являлся сыном князя Владимира от первого брака, как и дочь Евфимия. Она упоминается в письме герцога Ульриха императору Священной Римской империи Максимилиану (1571) и в родословце XVII в., где ошибочно названа женой Магнуса («княгиня Евфимия»), в то время как являлась его невестой. Рыков указал, что в историографии существует мнение о тождестве Евфимии и Евдокии, но не согласился с ним. Общий его вывод относительно детей князя Владимира Андреевича следующий: от первого брака Василий (между 1551 и 1554 гг. – между 1 сентября 1573 г. и 31 августа 1574 г.) и Евфимия (между 1551 и 1554 гг. – после и около 24 сентября 1571 г.), от второго – Иван, Юрий, Мария (старшая) (между 1557 и 1559 гг. – 9 октября 1569 г.), Евдокия (20 февраля 1560 г. – 20 ноября 1570 г.), Мария (младшая) (около 1561 г. – после 29 апреля 1613 г.), Татьяна (январь 1563 г. – 8 января 1564 г.), Анастасия (декабрь 1567 г. или начало января 1568 г. – 7 января 1568 г.). Таким образом, всего у князя Владимира было девять детей, из них двое – от первого брака, умерли или убиты в младенчестве и детстве семеро¹⁷.

Попытки разобраться с составом семей Владимира Старицкого привели к противоречивым результатам. Каждую из версий можно скорректировать. Мнение Пановой о том, что в первом браке у кн. Владимира родилась дочь, основано на ошибке чтения. Слово «дочь» не передавалось как «дщю», тем более без указания имени. В публикациях данное слово уверенно передаётся как «дщю», т.е. сокращённое «душу», а Е.Ю. Катасонова особо отмечает отсутствие в надписи упоминания о детях княгини-инокини Евпраксии¹⁸. Вызывает сомнение и версия Рыкова, что Василий и Евфимия были детьми от первого брака. Известные случаи разводов и пострижений в монашество в доме московских Рюриковичей связаны с бездетностью женщин.

Количество детей князя Владимира Старицкого и их имена можно уточнить при помощи поминальной документации. Синодик Свято-Троицкого Махрищского монастыря содержит следующий перечень: «Благоверного князя Василия, Савина. Княжну Марию. Княжну Евдокию. Княжну Татьяну, младенца Евдокию»¹⁹. Такой же набор имён находится в Кормовой книге Троице-Сергиева монастыря 1674 г. с добавлением «королевы иноки» Марфы (Марии младшей) и уточнением: «младенца королевну Евдокию» (дочь Марии и Магнуса)²⁰. В Кормовой книге Троице-Сергиева монастыря 1592 г. отмечен царский вклад

¹⁶ Панова Т.Д. Состав семей... С. 102–107.

¹⁷ Рыков Ю.Д. Потомки князя Владимира... С. 9–18.

¹⁸ Трофимова Н.Н. Русское прикладное искусство XIII – начала XX века. Из собрания Государственного Владимира-Сузdalского заповедника. М., 1982. С. 154; Катасонова Е.Ю. Четыре покрова конца XVI в. из мастерской Сузdalского Покровского монастыря // Убрис. Церковное шитьё: история и современность. 2012. № 17–18. С. 35–37.

¹⁹ Леонид (Кавелин), архим. Махрищский монастырь: синодик и вкладная книга // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее – ЧОИДР). 1878. Кн. 3. С. 3. Савин – крестильное имя кн. Василия Владимировича.

²⁰ Кириченко Л.А., Николаева С.В. Кормовая книга... С. 234.

«по князе Володимере Ондреевиче, и по княгине Евдокее, и по их сыне по князе Василе до по дву дочерех: по княжне Мар[ь]е, по княжне Анне» 500 руб.²¹ Княжна Анна более нигде не фигурирует, скорее всего, это ошибка.

Рассмотрим помянник кн. Владимира Старицкого в синодике Соловецкого монастыря (табл. 1)²².

Таблица 1

**Помянник князя Владимира Старицкого
в синодике Соловецкого монастыря**

Имена	Атрибуции
Княгиню-иноку Евдокею	княгиня Евфросинья Андреевна, в монашестве Евдокия, мать кн. Владимира Старицкого
Князя Владимира	князь Владимир Андреевич Старицкий
Княгиню Евдокию	княгиня Евдокия Романовна, вторая супруга
Княжну Марию	княжна Мария Владимировна (старшая)
Княжну Евдокею	княжна Евдокия Владимировна
Иноку Александру	?
Иноку Марию	?
Князя Василия	князь Василий Владимирович
Иноку Марфу	?
Княжну Татьяну	княжна Татьяна Владимировна
Княгиню-иноку Евдокею	княгиня Евдокия Александровна, в монашестве Евпраксия, первая супруга (?)
Княжну Евдокею	королевна Евдокия
Княжну Марию	?
Княгиню-иноку Александру	княгиня Ульяна Дмитриевна, супруга князя Юрия Васильевича, двоюродного брата князя Владимира Старицкого, в монашестве Александра (?)
Анну	?
Княгиню-иноку Марфу	королева Мария Владимировна (младшая), в монашестве Марфа

За исключением одной княжны Марии и нетитулованных имён, остальных можно сопоставить с известными членами семьи Владимира Андреевича. Вероятно, составители списка приняли княжну Марию (младшую) и королеву инокиню Марфу за разных лиц.

Есть возможность уточнить, кто из детей был казнён вместе с родителями 9 октября 1569 г. Менее чем через месяц, 6 ноября 1569 г., в московский Симонов монастырь дали по царскому «велению» 85 руб.: «По князя Владимира Андреевиче, да по матере его по иноке княгине Евдокее, да по его княгине Евдокее, да по дочери его княжне Марье»²³. Запись в синодике опальных из вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря гласит: «Благоверного князя

²¹ ОР РГБ, ф. 304.І.821, л. 72 об.–73. Цит. по: Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Собрание рукописей и старопечатных книг (URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i/f-304i-821/> (дата обращения: 10.08.2024)).

²² ГИМ, Епарх. 944, л. 10 об.

²³ Алексеев А.И., Маштафаров А.В. Вкладная и кормовая книга... С. 30. Княгиня инокиня Евдокия, мать князя Владимира, согласно эпитафии, погибла 20 октября 1569 г. (Некрополь великих княгинь и цариц... Т. 3. Ч. 2. С. 66).

Владимира Андреевича с княгинею и со дщерию; имена Ты Сам, Господи, весь: подаждь им вечную память»²⁴. Можно констатировать, что вместе с родителями была убита только старшая дочь Мария.

В синодиках нет имён Ивана, Юрия, Евфимии и Анастасии. Сведения о последней имеются на аутентичном надгробии с эпитафией. Вероятнее всего, её имя забылось, так как она умерла вскоре после рождения, за год до гибели родителей. Остальные имена вызывают сомнения. По-видимому, Т.Д. Панова права, считая Ивана и Юрия легендарными персонажами. Следует признать тождество Евфимии с Евдокией. Наконец, не может быть признан ещё одним ребёнком князя Владимира детский скелет из саркофага княгини Евдокии Романовны. Имени этого ребёнка нет в помянниках, а другие дети, известные по синодикам, имеют собственные захоронения, надгробия и эпитафии. Возможно, детские кости попали в саркофаг позднее, во время строительных работ.

Набор и очерёдность детей князя Владимира Андреевича и княгини Евдокии Романовны получаются следующими: Василий (в крещении Савин), Мария (старшая), Евдокия (Евфимия?), Мария (младшая; в иночестве Марфа), Татьяна и Анастасия. Василий Владимирович, уцелевший во время расправы над семьёй Старицких, получил от Ивана Грозного в удел Дмитров и вступил в брак с княжной Марией, вероятно, из рода князей Мезецких. Он умер между 1 сентября 1573 г. и 31 августа 1574 г. скорее всего, естественной смертью, а его супруга постриглась в монахини с именем Феогния²⁵.

Состав семьи царя Бориса Фёдоровича Годунова рассмотрен в специальной работе Пановой. Источниками её исследования стали вкладные и кормовые книги, синодики, нарративы и надгробия с эпитафиями. Борис Годунов женился на Марии Григорьевне Бельской († 10 июня 1605 г.), дочери Малюты Скуратова, около 1570 г. В 1571 г. муж и жена участвовали в церемонии бракосочетания Ивана Грозного и Марфы Собакиной. В браке Годуновых родились дети: Фёдор († 8 января 1572 г.), Борис (умер младенцем), Ксения (в монашестве Ольга; около 1581 г. – 30 августа 1622 г.), Матрона (родилась в 1585 г., умерла в младенчестве), Иван (умер младенцем), Мина († 1591), Фёдор (около 1589 г. – 10 июня 1605 г.), Ирина († июль – начало августа 1597 г.)²⁶. По мнению Пановой, высокая смертность детей в семье Годуновых могла быть вызвана генетическими особенностями, что подтверждают ранние смерти царевны Феодосии и всех детей дяди Бориса Фёдоровича Д.И. Годунова²⁷.

Семейная жизнь боярина и конюшего Дмитрия Ивановича Годунова († 1605), окружённая в историографии некоторыми недоразумениями, прояснена в работах А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского, обнаруживших дублирование информации о второй жене боярина из-за традиции христианской двумённости. Первая супруга Дмитрия Ивановича Агриппина Андреевна (в монашестве Александра) умерла 5 декабря 1588 г. и была погребена в костромском Ипатьевском монастыре. Второй женой Годунова стала в 1589 г. княгиня Стефа-

²⁴ Тетрадь, а в ней писаны имена опальных при царе и великом князе Иоанне Васильевиче, всея России // ЧОИДР. 1859. Кн. 3. Смесь. С. 95.

²⁵ Рыков Ю.Д. Указ. соч. С. 18.

²⁶ Помянники Бориса Годунова позволяют предположить, что у него могли быть ещё дети, но эта гипотеза требует отдельного разбора.

²⁷ Список погребённых... С. 47; Панова Т.Д. Состав семьи царя Бориса Годунова. По письменным источникам и археологическим данным // Московский Кремль XVII столетия. Древние святыни и исторические памятники. Кн. 1. М., 2019. С. 46–53.

нида Андреевна (в крещении Матрона, в монашестве Александра), вдова кн. С.Д. Куракина, урождённая княжна Стригина-Ряполовская. Она надолго пережила мужа и в последний раз упоминается в документах в 1628 г.²⁸

В литературе отмечалась бездетность Д.И. Годунова, которая, по-видимому, стала причиной его масштабной благотворительности в Ипатьевский монастырь. Веселовский писал, что Годунов потерял не менее восьми детей, Панова – не менее 15. В недавнее время Литвина и Успенский коснулись этого вопроса, отметив, что список его детей содержит вкладная книга Ипатьевского монастыря 1728 г., при этом часть имён повторяются. По некоторым из детей были сделаны отдельные вклады, а по дочери-младенцу Феодоре дан вклад 25 мая 1590 г., следовательно, она могла родиться во втором браке²⁹.

Вкладная книга Ипатьевского монастыря сообщает, что по детям Д.И. Годунова справляли два корма: 17 февраля по Борису, Анастасии, Ирине, Иване, Василии, Евдокии, а 8 марта по Тимофею, Никите, Ирине, Елеазаре, Симеону, Егорию. Даты кормов, вероятно, определялись вкладами, совершёнными в эти дни. Вкладная книга содержит также информацию об отдельных кормах и вкладах: по Ивану Дмитриевичу Годунову (31 мая на преставление, 21 июля на именины), по Владимиру Дмитриевичу († после 1599 г.) (преставление 24 июля, именины 15 июля) и по младенцу Феодоре (вклад 25 мая 1590 г.).³⁰ По вкладной книге у Д.И. Годунова было 14 или 15 детей (если считать двух Иванов разными личностями), умерших в младенчестве, детстве и, возможно, в отрочестве или юности (отдельные кормы как будто свидетельствуют о более взрослом возрасте Ивана и Владимира). Владимир в 1599 г. вместе с отцом дал вклад в Ипатьевский монастырь, что говорит о его дееспособности³¹.

Запись рода Д.И. Годунова в синодике того же Ипатьевского монастыря, казалось бы, должна повторять эти списки, однако, содержит не совсем похожий перечень, причём имена соединены в две группы и перемежаются поминовением взрослых представителей рода. Первая группа: «Бориса млад, Феодора млад, Иоанна млад, Тимофея млад» больше похожа на список детей Бориса Годунова, к которым прибавлено имя одного из сыновей Д.И. Годунова. Далее отдельно записано имя младенца Матроны, тоже совпадающее с именем дочери Б.Ф. Годунова. Во вторую группу: «Феодору млад, Фотинию млад, Владимира млад», очевидно, включены два ребёнка Дмитрия Ивановича. Фотиния остаётся под вопросом. Помянник замыкает имя младенца Феодора, которого определить некуда³².

Представляется, что детей Бориса вполне могли записать в помянник егояди. В Ипатьевском монастыре их могилы находились рядом: «Да на Дмитреевыхъ Ивановичя и на Борисовыхъ Федоровича на детяхъ шесть покровцовъ»³³

²⁸ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Годунов в кругу родни (биографические разыскания). СПб., 2022. С. 100–142.

²⁹ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 185, 186; Панова Т.Д. Состав семьи царя Бориса Годунова... С. 51; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Годунов в кругу родни... С. 138, 139; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Английский кубок в семье русского боярина (просопографические аспекты провенанса) // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 2024. М., 2024. С. 196–218.

³⁰ Костромской государственный историко-архитектурный музей-заповедник (далее – КГИАХМЗ), КОК 24010, л. 13 об., 14, 15; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Английский кубок... С. 208.

³¹ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Английский кубок... С. 208.

³² КГИАХМЗ, КОК-24534, л. 11.

³³ Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года. М., 1890. С. 46.

Первенец Б.Ф. Годунова Фёдор был похоронен в Ипатьевском монастыре (оттуда происходит плита), а Мина и Ирина – в Троице-Сергиевом (туда делались вклады). Места погребений Бориса, Ивана и Матроны неизвестны. В Ипатьевском монастыре были похоронены также сын Д.И. Годунова Тимофей († 8 марта 1575 г.) (опубликована его эпитафия)³⁴ и дочь Феодора, покров которой упоминается в описи 1595 г.³⁵

Можно ли доверять двум кормовым спискам и единичным указаниям вкладной книги? Их точность подтверждается помянником Д.И. Годунова в синодике Соловецкого монастыря: «Инока Дионисия, инока Герасима, Марию, Ивана, иноку Агриппину, инока Иону, Ивана, иноку Александру, Тимофея, Никиту, Ирину, Елиазара, Симеона, Георгия, Бориса, Анастасию, Ирину, Ивана, Василия, Владимира, Фотинию, инока Иосифа»³⁶. Имена детей начинаются после иноки Александры, первой жены Годунова. За исключением Евдокии, Феодоры и Фотинии списки совпадают. В соловецком синодике также показан один Иван. Возможно, дети перечислены по хронологии ухода из жизни: Тимофей умер в 1575 г., а Владимир в 1599 г. был ещё жив. Получается, что Д.И. Годунов имел 15 или 16 детей (если сложить все имена и считать двух Иванов разными лицами), умерших в младенчестве, детстве и, возможно, от рода. Большинство из них родились в первом браке.

Близким человеком к Борису Годунову был его свояк кн. Иван Михайлович Глинский (в монашестве Иона; † 26 января 1602 г.)³⁷, женатый на другой дочери Малюты Скуратова – Екатерине. Он страдал «чёрным недугом», но пережил жену и единственную дочь Анну. Княгиня Екатерина умерла 14 июня 1585 г., княжна Анна – 8 августа 1595 г. В 1585 г. князь дал в Троице-Сергиев монастырь по душе супруги село Логиново в Переяславском уезде, а 1 сентября 1596 г. – по княгине Екатерине и княжне Анне вклад в Иосифо-Волоколамский монастырь: вещей и денег на 200 руб. О том, что других детей у Глинского не было, свидетельствуют синодики. Пара имён «княгиню Екатерину, княжну Анну» постоянно встречается в помянниках кн. И.М. Глинского и рода Глинских, что говорит о заботе князя о посмертной участи жены и дочери³⁸. Другое подтверждение содержится в Голицынской родословной книге, где сказано, что у Глинского «одна была дочь, сговорена за князя Федора за Мстиславского». С.П. Мордовина предполагала, что этот брак не состоялся из-за стремления правительства не допустить объединения крупнейших вотчин в руках одного феодала³⁹. Однако, как можно видеть, причиной стала ранняя смерть княжны Анны.

³⁴ Сырцов И.Я. Усыпальницы бояр Годуновых в Костромском Ипатьевском монастыре // Труды Ярославского областного съезда (Съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). М., 1902. С. 79.

³⁵ Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря... С. 47.

³⁶ ГИМ, Епарх. 944, л. 61 об.

³⁷ Дата смерти установлена по: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 50; ГИМ, Епарх. 415(675), л. 73.

³⁸ Список погребённых в Троицкой Сергиевой лавре, от основания оной до 1880 года. М., 1880. С. 4; Бычкова М.Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Вып. 38. М., 1977. С. 123; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря... С. 50; РГАДА, ф. 1192, оп. 2, д. 395, л. 211, 211 об.; д. 559, л. 210 об.; ГИМ, Епарх. 413(672), л. 126 об.; 414(473), л. 170; 415(675), л. 145 об.

³⁹ Мордовина С.П. Служилые князья в конце XVI века // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 28. М., 1970. С. 332.

В 1552 г. в Казани был взят в плен хан Ядгар-Мухаммед. 26 февраля 1553 г. он крестился и получил имя Симеон Касаевич, а затем женился на Марии Андреевне Кутузовой. В синодике Высоко-Петровского монастыря находится перечень их детей, умерших в младенчестве или детстве. Это царевичи и царевны Пётр, Алексей, Григорий, Анастасия и Анна⁴⁰. Биография ещё одного царя, Симеона Бекбулатовича († 5 января 1616 г.), стала предметом специального изучения А.В. Белякова. Учёный впервые исследовал состав его семьи. Царь Симеон был женат на княжне Анастасии Ивановне Мстиславской, дочери гла-вы Боярской думы кн. И.Ф. Мстиславского, в иночестве Анастасии († 7 июня 1607 г.)⁴¹. В синодике Соловецкого монастыря перечислены их дети: царевич Фёдор, царевич Дмитрий, царевна Евдокия, царевич Иван, царевна Мария, царевич Иван, царевна Анастасия⁴². Царевич Иван Симеонович известен и по другим источникам. В 1595 г. его исцелил прп. Мартирий Зеленецкий. Эта история упомянута в послании Лжедмитрия I Борису Годунову, отправленном «едучи к московскому рубежу». Беляков предположил, что царевич Иван мог дожить до зрелого возраста и был жив в 1598 г.⁴³ Но и в этом случае он, скорее всего, умер до высылки отца в Кирилло-Белозерский монастырь при Лжедми-тии I, иначе бы упоминался в документах.

В соловецком синодике после перечня детей царя Симеона Бекбулатовича и перед его именем указано «князя Михаила» и над строкой: «Черкаской»⁴⁴. Появление имени царского шурина и кратковременного фаворита кн. Михаила Темрюковича Черкасского († 1571) в помяннике царя Симеона закономерно – Черкасский приходился ему дядей по линии матери⁴⁵. Он был женат на дочери боярина В.М. Юрьева. По свидетельству И. Таубе и Э. Крузе, этот брак за-кончился трагически. «Жену своего шурина Михаила Темрюкова Черкасского... дочь богатого и умного князя Василия Михайловича Юрьева, невинную благо-честивую женщину не старше 16 лет, приказал он изрубить вместе с её полуго-довальным сыном и положить во дворе, где её муж должен был ежедневно проез-жать и проходить»⁴⁶. Синодики свидетельствуют, что супругу Черкасского звали

⁴⁰ Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Ря-зань, 2011. С. 65.

⁴¹ Дата смерти Анастасии Ивановны известна (см.: Древняя российская вивлиофида (далее – ДРВ). Ч. XIX. М., 1791. С. 385), но подвергается сомнению. А.В. Беляков указал, что корм по царице был установлен 9 июля, и, возможно, в 1611 г. упомянут её вклад (Беляков А.В. Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI в. СПб., 2021. С. 287).

⁴² ГИМ, Епарх. 944, л. 78 об.; Беляков А.В. Симеон Бекбулатович... С. 268. Беляков отмечает, что в источниках XVII в. есть сведения о первом браке княжны Анастасии Ивановны Мстиславской с царевичем Михаилом Кайбуличем. По мнению исследователя, это ошибка (Беляков А.В. Симеон Бекбулатович... С. 194). Действительно, известно имя вдовы царевича Михаила Кайбулича Ага-фьи Ивановны Шереметевой. В этом случае брак Анастасии с царевичем Михаилом Кайбуличем мог закончиться только разводом, что маловероятно. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на поминальные записи: в 1587/88 г. царь Симеон дал вклад в московский Симонов монастырь по царевичу Михаилу Кайбуличу и его сыновьям царевичам Дмитрию и Фёдору (Алексеев А.И., Маштафаров А.В. Вкладная и кормовая книга... С. 62). Помянник самого Симеона Бекбулатовича открывается именем царевича Михаила Кайбулича, затем идут имена княгини-иноки Анастасии и царевичей Фёдора, Дмитрия и других детей (ГИМ, Епарх. 944, л. 78 об.). Конечно, имена сынов-вей могут совпадать, но эти совпадения заставляют задуматься о двух браках царицы Анастасии.

⁴³ Беляков А.В. Симеон Бекбулатович... С. 16, 369, 370.

⁴⁴ ГИМ, Епарх. 944, л. 78 об.

⁴⁵ Беляков А.В. Симеон Бекбулатович... С. 20, 22.

⁴⁶ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 41.

Устиньей, а детей — Сильвестром и Домникеей (либо Евдокией). Известна дата смерти детей — 23 мая. Примерно в то же время погиб и кн. М.Т. Черкасский, посланный против хана Девлет-Гирея и внезапно убитый по приказу Ивана Грозного. Скорее всего, эти события произошли одновременно, в 1571 г.⁴⁷

Знатнейшим в Московском государстве был род князей Мстиславских. Во второй половине XVI в. его представителями являлись кн. Иван Фёдорович (в монашестве Иосиф; † 6 мая 1594 г.), воевода и глава Боярской думы, и кн. Фёдор Иванович († 19 февраля 1622 г.), унаследовавший статус первого боярина после опалы отца в 1585 г. Высокое положение Мстиславских подкреплялось родством с царствующим домом — кн. И.Ф. Мстиславский был внуком дочери Ивана III Евдокии Ивановны и, соответственно, троюродным братом царя Фёдора⁴⁸. Состав семей князей Мстиславских хорошо прослеживается по многочисленным поминальным записям. Их коммеморация стала предметом исследования американского учёного Р. Мартина. Опираясь на уникальный список вкладов Мстиславских в монастыри с 1550/51 по 1624/25 г., он проследил динамику, объёмы и географию пожертвований, сделанных представителями этого рода, уточнил состав их семей и даты жизни⁴⁹.

И.Ф. Мстиславский был женат дважды: первым браком на княжне Ирине Александровне Горбатой-Суздальской († 6 августа 1566 г.), дочери знаменитого полководца кн. А.Б. Горбатого; вторым — на княжне Анастасии Владимировне Воротынской. От этих браков родились дети: Фёдор, Пётр, Иван, Иван⁵⁰, Григорий, Василий, Анастасия (в монашестве Александра), Ирина (в монашестве Александра), Марфа, Агриппина (в монашестве Ирина). Четыре сына (Пётр, Иван, Григорий) умерли в младенчестве или детстве (названы в данной грамоте кн. Ф.И. Мстиславского в Симонов монастыре (1621) и в синодике «младенцами»)⁵¹. Князь Василий Иванович († 22 марта 1582 г.) дожил до взрослого возраста, получил боярство (1576), но так и не женился⁵². Дочери вышли замуж: Анастасия († 7 июня 1607 г.) — за царя Симеона Бекбулатовича, Ирина († после 1604/05 г.) — за кн. И.Ю. Голицына, Марфа († до 1607 г.) — за кн. В.К. Черкасского. Агриппина (Ирина) († 15 ноября 1639 г.) окончила свои дни монахиней⁵³.

⁴⁷ Шокарев С.Ю. «Раб Божий и его сиятельства»: к вопросу об отражении зависимого положения в русских средневековых религиозных практиках // Московская Русь: археология, история, архитектура. К 75-летию Леонида Андреевича Беляева. М., 2023. С. 112–122. См. также имена детей кн. М.Т. Черкасского в помяннике Н.Р. Юрьева (Синодик Ипатьевского монастыря... л. 17 об.).

⁴⁸ Даты жизни Мстиславских даны по: Алексеев А.И., Маштафаров А.В. Вкладная и кормовая книга... С. 41, 88, 89; ДРВ. Ч. XIX. С. 388; РГАДА, ф. 1192, оп. 2, д. 395, л. 196. См. также: Мятлев Н.В. К родословию князей Мстиславских // Сборник статей, посвящённых Л.М. Савёлову. М., 1915. С. 300–316; Martin R.E. Gifts for the Dead: Death, Kinship and Commemoration in Muscovy (the Case of the Mstislavskii Princes) // Russian History. 1999. Vol. 26. № 2. P. 171–202; Ананьев В.Г. Боярин шести царей: князь Фёдор Иванович Мстиславский // «В кратких словесах многой разум замыкающе...». Сборник научных трудов в честь 75-летия профессора Руслана Григорьевича Скрынникова. СПб., 2008. С. 353–380.

⁴⁹ Martin R.E. Op. cit.

⁵⁰ Возможно, он имел и второе имя — Артемий. В данной грамоте кн. Ф.И. Мстиславского именуется Иваном, в одном из троицких синодиков — Артемием (Мятлев Н.В. Указ. соч. С. 313; ОР РГБ, 304.1.818, л. 95–95 об.). Цит. по: Свято-Троицкая Сергиева Лавра...

⁵¹ Мятлев Н.В. Указ. соч. С. 313; ОР РГБ, ф. 304.1.818, л. 95–95 об.

⁵² Дата смерти указана по: ДРВ. Ч. XIX. С. 385.

⁵³ ОР РГБ, ф. 304.1.818, л. 96; ДРВ. Ч. XIX. С. 388. Княжна Агриппина в историографии считается вероятной невестой царя Фёдора Ивановича, которую аристократическая «партия» готовила

Известно, что кн. Фёдор Иванович был сыном княгини Ирины Александровны: её он называет матерью в данной грамоте в Симонов монастырь⁵⁴.

Князь Ф.И. Мстиславский женился три раза: на княжне Ульяне Петровне Холмской († 6 апреля 1586 г.); на Прасковье Ивановне Нагой († октябрь 1613 г.); на княжне Ирине (Домнике) Михайловне Тёмкиной-Ростовской († 7 июля 1630 г.)⁵⁵. Современники отмечают, что Годунов запрещал ему жениться. Логично предположить, что запрет действовал с 1598 г., когда Борис стал царём, однако к тому времени князь вдовствовал уже 12 лет. Лжедмитрий I, проявляя милость к боярину, сосватал ему свою мнимую родственницу из рода Нагих⁵⁶.

В данной грамоте Мстиславского в Симонов монастырь (1621) и помянниках содержится следующий перечень его детей: Мария, Ольга, Евдокия, Ирина, Василий, Ирина⁵⁷. Из них только имя первой (вероятно, старшей) Ирины не сопровождает определение «младенец». Скорее всего, она умерла в отрочестве⁵⁸. Эпиграфика позволяет уточнить даты смерти трёх детей: Ольга скончалась 3 декабря 1609 г. и погребена в Симоновом монастыре; Евдокия, 7 апреля 1610 г. – в соборе Вознесенского монастыря в Кремле; Ирина (старшая), 26 ноября 1620 г., – в Симоновом монастыре⁵⁹. Антропологи, исследовавшие захоронение княжны Евдокии, установили, что девочке было примерно 1–1,5 года⁶⁰. Следовательно, все дети, записанные в помянниках после Евдокии, родились во втором и третьем браках. От второго брака, очевидно, родилась и княжна Ольга, которая не могла бы считаться «младенцем», если появилась на свет до 1586 г., а умерла в 1609 г.

Другим знатнейшим родом Московского государства в XVI в. были князья Бельские, которые, как и Мстиславские, состояли в родстве с царской семьей. В середине XVI в. род Бельских сократился до семьи боярина кн. Ивана Дмитриевича, занимавшего одно из первых мест в служилой иерархии и при дворе. Он был женат на княжне Марфе Шуйской, дочери главы боярского правительства в малолетство Ивана IV, кн. Василия Васильевича Шуйского и царевны Анастасии Петровны, внучки Ивана III. Княгиня М.В. Бельская умерла 12 октября 1568 г., и 19 октября кн. Иван Дмитриевич дал по ней 300 руб. в Троице-Сергиев монастырь. Князь Бельский погиб во время нашествия на Москву

на смену Ирине Годуновой в 1585 г. Возможно, ею была Марфа, о замужестве которой объявили за рубежом (*Ананьев В.Г. Боярин шести царей...* С. 357–360).

⁵⁴ Мятлев Н.В. Указ. соч. С. 313.

⁵⁵ О двумённости княгини И.М. Мстиславской см.: *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Годунов в кругу родни...* С. 118, 119.

⁵⁶ ДРВ. Ч. XIX. С. 385, 386; *Martin R.E. Op. cit. P. 191–195; Ананьев В.Г. Боярин шести царей...* С. 374–377.

⁵⁷ Мятлев Н.В. Указ. соч. С. 313; ОР РГБ, ф. 304.І.818, л. 95 об.; *Ананьев В.Г. Боярин шести царей...* С. 378, 379.

⁵⁸ Об этом же говорит учреждение корма на ё годовщину в Симоновом монастыре («по княжне Ирине Феодоровне»), в то время как по «по княжне Ирине младенце» лишь служили панихиду (*Алексеев А.И., Маштафаров А.В. Вкладная и кормовая книга...* С. 88).

⁵⁹ ДРВ. Ч. XIX. С. 385, 386; Некрополь великих княгинь и цариц... Т. 3. Ч. 2. С. 273, 274. Дата смерти княжны Евдокии на крышке саркофага из Вознесенского собора прочтена неправильно: 7108 вместо 7118 г. На фотографии после кириллической цифры И (8) читается И (10). К тому же лишь второе чтение возможно: к 1600 г. кн. Ф.И. Мстиславский вдовствовал 14 лет, и дочери-младенца в законном браке у него быть не могло.

⁶⁰ Некрополь великих княгинь и цариц... Т. 3. Ч. 2. С. 265.

хана Девлет-Гирея 24 мая 1571 г.⁶¹ По свидетельству Пискарёвского летописца, он «приехал з дела к себе на двор побывать да вошол в погреб к сестре своей к Васильевой жене Юрьевича, и тамо и задохся со всеми тут»⁶².

30 марта 1572 г. по «приказу» Ивана Грозного в Симонов монастырь было дано 100 руб. по семье кн. И.Д. Бельского: «по князе Василие младенце, по князе Иванне младенце, по князе Феодоре, по княжне Анне, по княжне Анастасее»⁶³. Известны даты смерти княжны Анны и князя Фёдора, похороненных в соборе Вознесенского монастыря, откуда происходят их захоронения в саркофагах с эпитафиями. Анна умерла 17 февраля 1561 г. на первом месяце жизни, Фёдор – 17 июня 1568 г. в возрасте 8–11 месяцев⁶⁴. Возможно, что другие дети Бельского погибли вместе с ним в пожаре 1571 г.⁶⁵

С Гедиминовичами соперничали потомки удельных сузdalьских князей – Шуйские. Во второй половине XVI в. это был немногочисленный род, однако можно документировать состав семьи только одного из представителей – царя Василия Ивановича. Он родился около 1552 г. и к 1580 г. женился. Имя его жены кн. Елены Михайловны (урождённой княжны Репниной) упоминается в разряде свадьбы Ивана Грозного и Марии Нагой. В 1589 г. англичанин Дж. Флетчер писал о братьях Шуйских, из которых Василий являлся старшим, что они «молодые люди и холостые». Исследователи традиционно считают, что от этого брака детей не было; существует даже предположение о разводе. В.Н. Козляков указывает на показательное отсутствие вкладов по княгине Елене Михайловне в Троице-Сергиев монастырь. Во всяком случае, в помяннике Шуйских в синодике Новодевичьего монастыря дочери царя Василия от второго брака упомянуты, но других младенцев нет⁶⁶.

Второй раз Василий Шуйский женился после своего воцарения 17 января 1608 г. на княжне Екатерине Петровне Буйносовой-Ростовской, получившей «царское» имя Мария⁶⁷. От этого брака родились две дочери. Царевна Анна умерла 26 сентября 1609 г. в возрасте 7–8 месяцев (возраст установлен в ходе антропологического исследования) и похоронена в соборе Вознесенского монастыря⁶⁸. Дата смерти второй дочери Анастасии неизвестна. В январе 1610 г. она упоминается в отписке устюжского воеводы И. Стрешнева, где, помимо

⁶¹ Алексеев А.И., Маштафаров А.В. Вкладная и кормовая книга... С. 29; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря... С. 90. Во вкладной и кормовой книге Симонова монастыря датой смерти князя указано 14 мая, в Сузdalском соборном синодике и синодике Кирилло-Белозерского монастыря 24 мая, что более верно (Алексеев А.И., Маштафаров А.В. Вкладная и кормовая книга... С. 28, 29; Леонид (Кавелин), архим. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А.С. Уварова. Ч. 2. М., 1893. С. 220; Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре... С. 127).

⁶² ПСРЛ. Т. 34. С. 191.

⁶³ Алексеев А.И., Маштафаров А.В. Вкладная и кормовая книга... С. 28.

⁶⁴ Некрополь великих княгинь и цариц... Т. 3. Ч. 1. С. 325–344.

⁶⁵ О дате смерти Бельского, аналогичные списки его детей и опровержение гипотезы о том, что он был отцом прп. Галактиона Вологодского см.: Белов Н.В. О новейшей гипотезе происхождения Галактиона Вологодского // Вестник «Альянс-Архео». 2018. № 26. С. 47–55.

⁶⁶ Флетчер Дж. О государстве русском. СПб., 1906. С. 33; Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв... С. 229; Козляков В.Н. Василий Шуйский. М., 2007. С. 38, 39.

⁶⁷ Белокуров С.А. Разрядные записи за смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 95, 249, 269–271; Козляков В.Н. Василий Шуйский. С. 144, 145.

⁶⁸ Некрополь великих княгинь и цариц... Т. 4. Ч. 1. М., 2021. С. 13, 18, 32.

прочего, содержится призыв молить Бога за царя Василия и его семью⁶⁹. После низложения Василия Шуйского (17 июня 1610 г.) бывший царь и его супруга были насильно пострижены в монашество. Спустя какое-то время царица Мария (в монашестве Елена) оказалась вместе с дочерью в сузdalском Покровском монастыре, там царевна Анастасия и умерла. Это произошло, скорее всего, до 1612 г., так как в том году в списке инокинь Покровской обители бывшая супруга Шуйского уже не упоминается (с 1615 г. она жила в московском Новодевичьем монастыре)⁷⁰. Захоронение царевны в монастырском соборе подтверждают список погребённых (1630–1650-е гг.), блюдо («по царевне Настасье ставить на гробу с кутьею») и покров на её гробницу⁷¹.

С определённой долей уверенности можно реконструировать состав семьи знаменитого полководца боярина и князя Михаила Ивановича Воротынского († 12 июня 1573 г.). Основным источником является его духовная грамота, составленная в июне 1566 г., с приписками за февраль и апрель 1569 г., июнь и ноябрь 1571 г., декабрь 1572 и май 1573 г. Князь И.М. Воротынский родился до 1522 г. (год смерти его матери княгини Анастасии). Впервые он упоминается в источниках в 1542 г. 4 января 1557 г. Михаил Иванович дал вклад по душе супруги Ксении и дочери Стефаниды в Троице-Сергиев монастырь (100 руб.)⁷².

В духовной грамоте от июля 1566 г. князь называет наследником сына Ивана и упоминает вторую жену Стефаниду и дочь Аграфену. Из завещания следует, что Иван был сыном Стефаниды, и, возможно, Аграфена тоже. Как явствует из приписок, между февралём и апрелем 1569 г. родился второй сын князя, Дмитрий, носивший также имя Логгин. В приписке от 15 мая 1571 г. Воротынский сообщил о смерти Стефаниды. Эпитафия из Новодевичьего монастыря уточняет дату её кончины – 16 сентября 1570 г. 30 сентября 1571 г. боярин женился в третий раз – на княжне Елене Фёдоровне Татевой, но в мае 1573 г. и её «в животе не стало». Ещё раньше, 25 мая 1571 г., погибла княжна Аграфена. Дата кончины указывает на её смерть в московском пожаре во время нашествия Девлет-Гирея. Она похоронена в соборном подклете Новодевичьего монастыря рядом с матерью⁷³.

Таким образом, наследниками кн. Воротынского стали его сыновья Иван (в монашестве Иона; † 8 января 1627 г.), впоследствии боярин и член боярского правительства в Смуту, и Дмитрий (Логгин), умерший в молодом возрасте 27 июля 1584 г.⁷⁴ Были ли у кн. Воротынского другие дети? По мнению генеалога С.Н. Безносюка, от третьего брака родились Прасковья и Алексей,

⁶⁹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссию. Т. 2. СПб., 1841. С. 334.

⁷⁰ АПСДМ. С. 390–392; Шведова М.М. Царицы-инокини Новодевичьего монастыря // Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции 1995 г. М., 1998. С. 80, 81.

⁷¹ АПСДМ. С. 404; Трофимова Н.Н. Указ. соч. С. 169; Опись Покровского женского монастыря в г. Суздале 1651 года // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. Кн. 5. Владимир, 1903. С. 107.

⁷² Дата смерти кн. М.И. Воротынского дана по его эпитафии: Папин И.В. Некрополь Кирилло-Белозерского монастыря // Русское средневековое надгробие. XIII–XVII века. Материалы к своду. Вып. 1. М., 2006. С. 205, 206; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря... С. 48.

⁷³ Беликов В.Ю., Колычева Е.И. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI – начале XVII вв. // Архив русской истории. 1992. Вып. 2. С. 111–118; Гиришберг В.Б. Указ. соч. С. 37.

⁷⁴ Беликов В.Ю., Колычева Е.И. Документы о землевладении... С. 99, 121; Папин И.В. Некрополь... С. 206.

записанные как «младенцы» в кормовой книге Троице-Сергиева монастыря 1674 г. после княжны Агриппины (Аграфены)⁷⁵. В этом случае они должны были появиться на свет и умереть между сентябрём 1571 и мае 1573 г., иначе их имена упоминались бы в последней приписке.

В помянниках Воротынских также присутствуют имена Агриппина, Прасковья, Алексей, однако «младенцем» названа только Прасковья⁷⁶. В роду известны три княжны Прасковьи: дочь кн. И.М. Воротынского (сестра кн. Михаила Ивановича), умершая в первой четверти XVI в. (сохранилось её надгробие из Троице-Сергиева монастыря); дочь кн. А.И. Воротынского, умерла 2 марта 1640 г., похоронена в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря (в эпитафии указано «младенец», а в последней строке читается имя отца: «княз Але»); дочь кн. И.А. Воротынского, скончалась 21 мая 1679 г., погребена в соборе Новодевичьего монастыря. Таким образом, расширять список детей кн. М.И. Воротынского нет оснований.

Знатнейшим и влиятельнейшим родом во второй половине XVI – начале XVII в. были Юрьевы (Романовы). Их возвышению способствовал брак Ивана IV и Анастасии Романовны Захарыной (Юрьевой). Брат царицы Никита Романович Юрьев († 23 апреля 1586 г.) долгие годы занимал высокое положение в правительстве Ивана Грозного, являлся одним из лидеров земщины, входил в состав так называемого регентского совета при царе Фёдоре Ивановиче, приходившемся ему племянником. Он был женат дважды: на Варваре Ивановне Ховриной († 29 июня 1552 г.) и на княжне Евдокии Александровне Горбатой († 4 апреля 1581 г.), сестре первой жены кн. И.Ф. Мстиславского⁷⁷.

От двух браков у Н.Р. Юрьева родились 12 детей. По старшинству их можно расположить следующим образом: Фёдор (в монашестве Филарет; 1550-е гг. – 1 октября 1633 г.), Евфимия (в замужестве княгиня Сицкая; † 8 апреля 1601 г.), Анна (в замужестве княгиня Троекурова; † 6 декабря 1585 г.), Ульяна († 24(25?) августа 1565 г.), Александр († 1601/02), Марфа (в замужестве княгиня Черкасская; 1561–1571 гг. – 28 февраля 1611 г.), Михаил († 1601/02), Василий (крестильное имя Никифор; † 15 февраля 1601 г.), Иван Каша († 18 июля 1640 г.), Ирина (в замужестве Годунова; 1574–1579 гг. – 6 июня 1639 г.), Лев (крестильное имя Иван; 1580/81 г. – 5 февраля 1595 г.), Анастасия (в замужестве княгиня Лыкова, в схиме Анисья; † 9 октября 1655 г.)⁷⁸.

⁷⁵ Безносюк С.М. Воротинські // Генограф. Князівські династії Русі і Литви (URL: <http://turik.hostenko.com/2020/05/11/worotynsky/> (дата обращения: 10.08.2024 г.)).

⁷⁶ ОР РГБ, ф. 304.І.814, л. 115 об.–116; Свято-Троицкая Сергиева Лавра...; ОР РГБ, ф. 304.І.818, л. 26–26 об.; Источники по социально-экономической истории... С. 231.

⁷⁷ Даты смерти даны по «Новоспасскому помяннику» Романовых с уточнением по эпитафиям: Кормовая книга Московского ставропигиального Новоспасского монастыря. М., 1903. С. II–III; Станюкович А.К., Звягин В.Н., Черносвитов П.Ю., Ёлкина И.И., Авдеев А.Г. Усыпальница рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005. С. 121, 129, 187, 188, 222, 224, 225; Беляев Л.А. О дате смерти В.И. Ховриной, первой жены боярина Никиты Романовича Захарына-Юрьева // Российская археология. 2015. № 3. С. 146–150.

⁷⁸ Старшинство детей Н.Р. Романова установлено согласно генеалогической традиции (см.: Селифонтов Н.Н. Сборник материалов по истории предков царя Михаила Феодоровича Романова. Ч. 2. СПб., 1898. С. 77–94) и скорректировано по итогам антропологических исследований, разрядам и другому документальному материалу. Даты жизни приведены по «Новоспасскому помяннику» и намогильной эпиграфике (Кормовая книга Московского ставропигиального Новоспасского монастыря... С. III–IV; ДРВ. Ч. XIX. С. 355; Станюкович А.К., Звягин В.Н. и др. Усыпальница рода Романовых... С. 127–130, 136, 189–192, 221–226; Беляев Л.А., Медникова М.Б. В поисках бояр

Не решён вопрос о личности матери старшего из детей, Фёдора Никитича, будущего патриарха. При указаниях на то, что он умер в 1633 г. в возрасте «с лишком 80-ти лет», он мог быть сыном как первой, так и второй жены своего отца⁷⁹. Дети младше Фёдора, скорее всего, родились от второго брака. В семье Никиты Романовича была высокая выживаемость детей, из 12 только двое умерли в детстве и раннем возрасте – Ульяна и Лев (Иван).

Следующее поколение семьи оказалось менее счастливым в семейной жизни. Судьбу рода Романовых надломили опала и ссылки при Годунове. Троє сыновей Н.Р. Юрьева погибли: Александра убили, а Михаил и Василий умерли от тяжёлых условий ссылки. Выжили Фёдор (старец Филарет) и Иван Каша, переживший частичный паралич. До опалы в 1600 г. успели жениться два старших сына Н.Р. Романова – Фёдор и Александр. Женой Фёдора стала Ксения Ивановна Шестова († 27 января 1631 г.)⁸⁰. Поминальная документация из родовой усыпальницы Романовых сообщает, что у Фёдора и Ксении Романовых были сыновья, умершие в младенчестве: Борис († 20 ноября 1592 г.), Никита († 29 ноября 1594 г.), Лев († 21 сентября 1597 г.) и Иван († 7 июня 1598 г.). По заключению антропологов, возраст этих детей колебался от новорождённости до 1,5 лет⁸¹.

Можно предположить, что Бориса Фёдоровича назвали в честь Годунова в период, когда Романовы и правитель находились в дружеских отношениях (1584 – начало 1590-х гг.)⁸². К тому времени, вероятно, относится брак И.Н. Романовой и И.И. Годунова. Поскольку старший из детей Фёдора Никитича Борис умер младенцем, брак Ф.Н. Романова был заключён им в солидном возрасте – значительно старше 30 лет⁸³.

Кроме сыновей-младенцев, у Фёдора и Ксении Романовых были дочь Татьяна († 21 июля 1611 г.) и сын Михаил (12 июля 1596 г. – 13 июля 1645 г.) – будущий царь⁸⁴. Татьяну выдали замуж за стольника кн. Ивана Михайловича Катырева-Ростовского, но она рано умерла. Антропологическое исследование показало, что на её развитие в детстве оказали пагубное влияние условия ссылки – прослежены задержка роста и рахит. Татьяна Фёдоровна умерла в 16–18 лет, следовательно, родилась в 1593–1595 гг.⁸⁵

А.Н. Романов был женат дважды. По сведениям «Новоспасского помянника», его первая жена – Евдокия Ивановна (урождённая княжна Голицына; † 1 августа 1597 г.); вторая – Ульяна Семёновна (урождённая Погожева, в монашестве Иулия; † 5 декабря 1624 г.)⁸⁶. В 1601 г. Романова сослали в Усолье-

---

Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. Вып. 1. М., 2018. С. 24–29, 44).

⁷⁹ Белев Л.А. О дате смерти В.И. Ховриной... С. 146–150.

⁸⁰ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 154; Станюкович А.К., Звягин В.Н. и др. Усыпальница рода Романовых... С. 134, 135, 223, 226.

⁸¹ Кормовая книга... С. III, 3, 6 (поминовение Б.Ф. Романова), 7, 22 (поминовение И.Ф. Романова); Вкладная книга московского Новоспасского монастыря. СПб., 1883. С. 24; Станюкович А.К., Звягин В.Н. и др. Усыпальница рода Романовых... С. 153, 222, 225.

⁸² О «завещательном союзе дружбы» между Годуновым и Романовыми см.: Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 33–35, 40, 42, 43, 52.

⁸³ Н.Н. Селифонтов указывает дату брака – около 1585 г. (Селифонтов Н.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 81).

⁸⁴ Кормовая книга... С. IV, 23, 24; Станюкович А.К., Звягин В.Н. и др. Усыпальница рода Романовых... С. 131, 132; Козляков В.Н. Царь Михаил Фёдорович. М., 2004. С. 23, 308, 345.

⁸⁵ Станюкович А.К., Звягин В.Н. и др. Усыпальница рода Романовых... С. 154–156.

⁸⁶ Кормовая книга... С. III, IV, 23, 25; Станюкович А.К., Звягин В.Н. и др. Усыпальница рода Романовых... С. 222, 223, 226.

Луду на берег Белого моря, где он погиб от рук пристава. Его жену Ульяну Семёновну вместе с кн. И.Б. Черкасским, княгиней М.Н. Черкасской, девицей А.Н. Романовой и детьми Ф.Н. Романова Татьяной и Михаилом сослали на Белоозеро. В конце августа 1602 г. царь Борис велел перевести ссыльных в вотчину Ф.Н. Романова в Юрьев-Польском уезде. В грамоте, посланной приставу Д.В. Жеребцову, сказано: «Олександрову жену Романова с детми», что как будто указывает на существование детей у А.Н. Романова. Однако в ответе Жеребцова ничего не сказано о детях Ульяны, а состав опальной семьи охарактеризован просьбой княгини Марфы Черкасской дать ткани на одеяние: «И нам бы де было, царскою милостию, по три рубашки всем шестерым». В число этих шестерых входили княгиня М.Н. Черкасская с дочерью Ириной, У.С. Романова, А.Н. Романова, Т.Ф. и М.Ф. Романовы. Ответная грамота была составлена 18 сентября, следовательно, предполагаемые дети У.С. Романовой вряд ли умерли в этот промежуток. Можно, конечно, представить, что её сослали в 1601 г. с детьми, а к августу 1602 г. они умерли. Но, во-первых, об этом не сказано в переписке приставов с московскими дьяками, а, во-вторых (что более важно), о детях А.Н. Романова не сообщает романовская поминальная документация. Скорее всего, второй брак последнего, продолжавшийся не более трёх лет, оказался бездетным⁸⁷.

Иван Никитич Романов по прозвищу Каша едва выжил в ссылке и женился после возвращения в Москву в 1605 г. на княжне Ульяне Фёдоровне Литвиновой-Мосальской († 23 октября 1649(1639?) г.). Учитывая, что она приходилась родственницей фавориту Лжедмитрия I кн. В.М. Рубцу-Мосальскому, можно предположить, что брак был заключён в правление самозванца и, возможно, при его участии. «Новоспасский помянник» упоминает детей И.Н. и У.Ф. Романовых: Андрей («младенец»; † 25 (21 или 22?) апреля 1609 г.), Дмитрий («младенец»; † 4 ноября 1610 г.), Прасковья («младенец»; † 27 декабря 1611 г.), Ирина («младенец»; † 10 мая 1615 г.), Прасковья («девица»; † 25 октября 1621 г.), Иван («младенец»; † 30 июля 1625 г.), Марфа († после 1642 г., в замужестве княгиня Воротынская) и Никита (боярин, последний в роде; † 11 декабря 1655 г.). Во время археологических работ в соборе Новоспасского монастыря найдены надгробия «девицы» Прасковы и «младенца» Ивана с теми же датами, что и в помяннике⁸⁸. Судя по внимательному отношению к «младенцам» романовской поминальной документации из Новоспасского монастыря, этот список следует считать исчерпывающим.

Можно установить количество браков и детей родственника Романовых, выдающегося деятеля эпохи Смуты и правления царя Михаила боярина Фёдора Ивановича Шереметева († 17 февраля 1650 г.). Сведения о его семье обобщены историком этого рода А.П. Барсуковым. Первым браком Шереметев был женат на княжне Ирине Борисовне Черкасской. Она умерла 1 марта 1616 г., а через четыре дня (5 марта) скончался их сын Фёдор, вероятнее всего, новорождённый. От этого брака также родились сыновья Иван († до марта 1616 г.) и Алексей († 28 августа 1632 г.)⁸⁹. Повторно Шереметев женился 12 ноября 1616 г. Имя его второй жены известно из списка погребённых в Кирилло-

⁸⁷ Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 428–433.

⁸⁸ Кормовая книга... С. IV, V; Станюкович А.К., Звягин В.Н. и др. Усыпальница рода Романовых... С. 133, 134, 223, 226.

⁸⁹ А.П. Барсуков приписывает Ф.И. Шереметеву дочь Ульяну († после 1652 г.), супругу С.В. Головина, но два источника свидетельствуют, что она — урождённая княжна Веригина-

Белозерском монастыре и письма самого боярина в обитель — Евфросинья. Сколько длился брак и были ли от него дети — неизвестно. В 1624 г. на свадьбе царя Михаила Фёдоровича Шереметев присутствовал с третьей женой, Марией Петровной († 22 декабря 1631 г.). От этого брака родился сын Мокий, умерший младенцем до 1633 г. Известны имена ещё двух дочерей Шереметева: Евдокия († 21 сентября 1671 г.), была замужем за боярином и кн. Н.И. Одоевским, и Анна (в иночестве Александра; † 2 сентября 1654 г.). Вероятно, они родились от первого брака⁹⁰.

Подведу итоги. Проанализирован состав семей 22 представителей московской элиты второй половины XVI — начала XVII в. (критерием отбора являлась возможность учесть всех детей; см. табл. 2). Они заключили 41 брак (1:1,86). Если исключить аномальные случаи Ивана Грозного и его сына Ивана, то на 20 мужчин приходится 32 брака (1:1,6), в том числе 6 браков — 1 случай (Иван IV), 3 брака — 4 случая (царевич Иван Иванович, кн. Ф.И. Мстиславский, кн. М.И. Воротынский, Ф.И. Шереметев), 2 брака — 6 случаев (кн. Владимир Старицкий, Д.И. Годунов, кн. И.Ф. Мстиславский, царь В.И. Шуйский, Н.Р. Юрьев, А.Н. Романов). Остальные 11 мужчин были женаты один раз (царь Фёдор Иванович, кн. Юрий Углицкий, кн. Василий Дмитровский, царь Борис Годунов, кн. И.М. Глинский, царь Симеон Касаевич, царь Симеон Бекбулатович, кн. М.Т. Черкасский, кн. И.Д. Бельский, Ф.Н. и И.Н. Романовы).

Среди женщин (41) известен только один случай повторного брака — С.А. Годуновой, в первом браке княгиня Куракина. Под вопросом остаётся двоебрачие царицы Анастасии Ивановны (урождённой княжны Мстиславской), супруги Симеона Бекбулатовича. Второй брак теоретически можно предполагать для двух первых жён кн. М.И. Воротынского и двух последних жён Ф.И. Шереметева. Даже если принять эти вероятные случаи, соотношение второбрачных мужчин и женщин окажется резко в пользу первых.

На 22 мужчин приходится 114 детей (коэффициент 1:5,2). Если не считать бездетных царевича Ивана Ивановича, кн. Василия Дмитровского и А.Н. Романова, соотношение отцов и детей получится 1:6. Отношение женщин (41) к детям меньше — 1:2,8, но если вычесть бездетных (13), оно будет 1:4,1. Эти пропорции представляют также и количество детей по отношению количеству семей в целом (1:2,8), и количество детей в детных семьях: 114 детей на 28 семей (1:4,1). Как можно видеть, они выше, чем в семьях московских Рюриковичей по подсчётом В.А. Кучкина (в первом случае этот коэффициент составляет 1:2,28, во втором — 1:3,1). Если княжеская семья XIV—XVI вв., по Кучкину, состояла из супружеской пары и двух-трёх детей, то боярская семья, по моим подсчётом, — из родителей и четверых детей.

Демографические достижения московской элиты сводил на нет высокий процент детской смертности. Из 114 детей умерли или погибли в младенчестве

Волконская (Шокарев С.Ю. Князья, схимники, убиенные: братья Веригины Волконские в пространстве многоименности в эпоху Смуты // Вопросы ономастики. 2025. Т. 22. № 2. С. 52–55).

⁹⁰ Барсуков А.П. Род Шереметевых. Т. 2. СПб., 1882. С. 141, 156, 402–407; Барсуков А.П. Родословная Шереметевых. СПб., 1904. С. 7; Панова Т.Д. Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М., 2003. С. 164–170. Поминовение по Евфросинье в Кирилло-Белозерском монастыре было 25 сентября и 7 июля, по Марии Петровне и младенцу Мокии — 21 декабря и 2 июля, по Алексею Фёдоровиче — 15 января и 28 августа, по Фёдоре Ивановиче (старце Феодосии) — 17 февраля и 16 мая (Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре... С. 116, 120, 122, 123, 127, 130, 132).

и детстве 83 (72,8%). Это почти вдвое превышает показатель детской смертности в княжеских семьях (37,2%). Выжившие 31 ребёнок приходились на 19 отцов и 28 матерей, что двое ниже простого уровня воспроизводства (1,1 ребёнок на одну женщину против необходимого 2,1 ребёнка). Неудивительно, что многие знатнейшие роды Московского царства после Смуты пресеклись.

Полученные результаты и их сравнение с демографией князей московского дома заставляют задуматься над вопросами о полноте данных по семейной истории московских Рюриковичей и о влиянии внешних факторов на демографические процессы в российской элите второй половины XVI – начала XVII в. Есть основания предполагать, что некоторые из детей в семьях удельных князей оказались не учтены Кучкиным, потому что не упоминались в летописях и иных письменных источниках. Культура поминовения в XIV–XV вв. была ещё не настолько развита, чтобы имена детей-младенцев отражались в помянниках, следовательно, о детской смертности в княжеских семьях, скорее всего, нет полных данных. Она могла превышать 37,2%.

Второе положение требует отдельного рассмотрения. Некоторые из учтённых выше браков отличаются от остальных способом их прекращения – разводом, крайне редко практиковавшемся в русском средневековом обществе. Он сокращал продолжительность брака и исключал появление детей. С формальной точки зрения, причинами разводов, вероятнее всего, являлась именно бездетность. Однако указанные расторжения браков совершались спустя сравнительно короткое время, когда возможность деторождения в семье вполне допускалась. Таковых оказалось пять (12,2% от всех браков) – по два у царя Ивана Грозного и царевича Ивана Ивановича, ещё один у кн. Владимира Андреевича.

Причиной прекращения жизни семьи становились опала и казнь. Таких случаев три. Это семьи кн. Владимира Андреевича Старицкого, кн. М.Т. Черкасского и А.Н. Романова (7,3%). Перечисленные мужчины погибли в зрелом возрасте и могли оставить потомство. Известно о троих детях, ставших жертвами террора Ивана Грозного, – дочь кн. Владимира Старицкого княжна Мария и дети кн. М.Т. Черкасского Сильвестр и Домникея. К числу тех, кто преждевременно ушёл из жизни, следует отнести и царевича Ивана Ивановича, ставшего жертвой отцовского гнева, а также кн. И.Д. Бельского, погибшего в московском пожаре 1571 г.

Вероятно, могли быть более многочисленными семьи Ф.Н. и И.Н. Романовых и царя Симеона Бекбулатовича, переживших ссылку, а также кн. В.И. Шуйского и кн. Ф.И. Мстиславского, пребывавших в безбрачии по воле царя Бориса Годунова. Брак царя Василия Шуйского также расторгли искусственно – насильственным пострижением. Эти примеры увеличивают число семей, судьба которых подверглась различным негативным факторам до 14, что составляет 34,1% от общего числа.

Таким образом, более трети семей московской элиты по разным причинам оказались лишены нормальной семейной жизни. Основные дестабилизирующие факторы в аристократических семьях – разводы и опалы. Можно ли считать, что они на $\frac{1}{3}$ сократили деторождение в семьях московской элиты (включая и царский род, пресекшийся в 1598 г.) и стали важным фактором смены её состава после Смуты? Представляется, что такая тенденция присутствует, однако, объём данных недостаточен для обобщений. Очевидно, что выявленный уровень младенческой и детской смертности был катастрофическим. Это, с одной стороны, объясняет вымирание многих аристократических династий,

с другой — заставляет задуматься о механизмах воспроизводства населения в Московском государстве в целом.

Таблица 2

**Статистика брачности, детности и детской смертности
в семьях московской элиты второй половины XVI – начала XVII в.**

	Супруг	Супруга	Количество детей	Умерли (погибли) в младенчестве или детстве	Дожили до зрелого возраста	Всего браков на 1 мужчину	Всего детей на 1 мужчину
1	Царь Иван IV Грозный	1 Анастасия Романовна Юрьева	6	4	2	6	8
		2 Княжна Мария Темрюковна Черкасская	1	1			
		3 Марфа Васильевна Собакина					
		4 Анна Алексеевна Колтовская					
		5 Анна Григорьевна Васильчикова					
		6 Мария Фёдоровна Нагая	1	1			
2	Царевич Иван Иванович	7 Евдокия Богдановна Сабурова				3	
		8 Феодосия Михайловна Петрово-Соловово					
		9 Елена Ивановна Шереметева					
3	Царь Фёдор Иванович	10 Ирина Фёдоровна Годунова	1	1		1	1
4	Кн. Юрий Васильевич	11 Княжна Ульяна Дмитриевна Палецкая	1	1		1	1
5	Кн. Владимир Андреевич Старицкий	12 Евдокия Александровна Нагая				2	6
		13 Княжна Евдокия Романовна Одоевская	6	4	2		
6	Кн. Василий Владимирович Дмитровский	14 Княжна Мария Мезецкая				1	
7	Царь Борис Фёдорович Годунов	15 Мария Григорьевна Бельская (Скуратова)	8	6	2	1	8
8	Дмитрий Иванович Годунов	16 Агриппина Андреевна	16	16		2	16
		17 Княгиня Стефанида Андреевна Куракина					
9	Кн. Иван Михайлович Глинский	18 Екатерина Григорьевна Бельская (Скуратова)	1	1		1	1
10	Царь Симеон Касаевич	19 Мария Андреевна Кутузова	5	5		1	5
11	Царь Симеон Бекбулатович	20 Княжна Анастасия Ивановна Мстиславская	7	7		1	7

12	Кн. Михаил Темрюкович Черкасский	21	Устинья Васильевна Юрьева	2	2		1	2
13	Кн. Иван Фёдорович Мстиславский	22	Княжна Ирина Александровна Горбатая-Сузdalская	10	4	6	2	10
		23	Княжна Анастасия Владимировна Воротынская					
14	Кн. Фёдор Иванович Мстиславский	24	Княжна Ульяна Петровна Холмская	6	6	3	6	
		25	Прасковья Ивановна Нагая					
		26	Княжна Ирина Михайловна Тёмкина-Ростовская					
15	Кн. Иван Дмитриевич Бельский	27	Княжна Марфа Васильевна Шуйская	5	5		1	5
16	Царь Василий Иванович Шуйский	28	Княжна Елена Михайловна Репина	2	2	3	2	2
		29	Княжна Екатерина Петровна Буйносова-Ростовская					
17	Кн. Михаил Иванович Воротынский	30	Ксения	1	2	2	3	4
		31	Степанида	3				
		32	Княжна Елена Фёдоровна Татева					
18	Никита Романович Юрьев	33	Варвара Ивановна Ховрина	1 (?)	2	10	2	12
		34	Княжна Евдокия Александровна Горбатая	11				
19	Фёдор Никитич Романов	35	Ксения Ивановна Шестова	6	4	2	1	6
20	Александр Никитич Романов	36	Княжна Евдокия Ивановна Голицына				2	
		37	Ульяна Семёновна Погожева					
21	Иван Никитич Романов Каша	38	Княжна Ульяна Фёдоровна Литвинова-Мосальская	8	6	2	1	8
22	Фёдор Иванович Шереметев	39	Княжна Ирина Борисовна Черкасская	5	2	3	3	6
		40	Евфросинья					
		41	Мария Петровна	1	1			
Всего				114	83	31	41	114

Историк и источник

Софья Палеолог в «Истории Российской» В.Н. Татищева

Леонид Аряев

Sophia Palaiologina in «Istoriya Rossiyskaya» by V. Tatishchev

*Leonid Aryayev
(independent researcher, Germany)*

DOI: 10.7868/S3034579025060029

Едва ли не самой востребованной — и самой спорной — частью наследия выдающегося государственного деятеля и учёного В.Н. Татищева остаются так называемые татищевские известия — уникальные сведения о прошлом России, не имеющие соответствий в сохранившихся на сегодняшний день источниках. О татищевских известиях говорят обычно только применительно к киевскому периоду русской истории¹, однако учёный привёл оригинальные факты, касающиеся и более поздних эпох. К их числу относятся сведения о важной роли Софии Палеолог в государственных делах, в том числе в окончательном освобождении Руси от ордынской зависимости.

Согласно Татищеву, в ответ на требование хана Ахмата о выплате ясака некие «мнози» посоветовали Ивану III «лучше... умирить дары нечестиваго, неже кровь христансскую пролиятии», что вызвало негодование со стороны его супруги: «Слышав же то великая княгиня София, восплакася горько и рече великому князю, мужеви своему: “Господине мой, отец мой и аз не хотехом дань давати, лутче отчины лишихомся. И аз, не хотя иных богатых и сильных князей и королей веры ради прияти, тебе причитахся. А се ныне хосчеси мя и моя дети данники учинити. Имаши воинство много и бога по себе помосчника. Почто хосчеси раб твоих слушати, а не стояти за честь свою и веру святую? Почто боишися множество вои нечестивых, ведусче, яко той силен дати крепость и победу тебе? И яко первее отрек им, тако и ныне откажи не давати дани и выходов”»².

Работу над четвёртой частью «Истории», посвящённой московской эпохе, Татищев начал в 1739–1740 гг.³ Сначала он намеревался писать труд «историческим порядком», т.е. по образцу современной ему передовой западноевропейской историографии, но вскоре отказался от этого плана в пользу порядка сводно-летописного: компилировал известия из всех доступных ему «манускриптов», стараясь писать тем же «древним наречием» его источников. Вторая часть позднее была переработана историографом во вторую редакцию,

© 2025 г. Л.Н. Аряев

¹ Стефанович П.С. «История Российской» В.Н. Татищева: споры продолжаются // Отечественная история. 2007. № 3. С. 88.

² Татищев В.Н. История Российской с самых древнейших времён. В 7 т. Т. 6. М., 2018. С. 81–82.

³ Валк С.Н. О рукописях четвёртой части «Истории Российской» В.Н. Татищева // Татищев В.Н. История Российской... Т. 6. С. 10.

написанную современным ему языком («яснейшим наречием»), в то время как третья и четвёртая части остались необработанными и без примечаний, сохранив изначально архаизированную форму и порождая соблазн видеть в них не Татищевский, а аутентичный летописный текст.

Рассказ о демарше Софии Палеолог долгое время пользовался доверием историографов. В.О. Ключевский в лекционном курсе упоминал о её влиянии на решимость Ивана III «сбросить с себя татарское иго»⁴. Ключевский ссылался на С.М. Соловьёва, в свою очередь давшего ссылку на четвёртую часть «Истории», найденную в 1843 г. М.П. Погодиным⁵. Д.И. Иловайский на труд Татищева не ссылался, но, несомненно, именно его имел в виду, когда писал: «Гордую византийскую царевну оскорбляли эти даннические отношения к варварам-магометанам, и она постоянно внушала мужу намерение с ними покончить»⁶.

В течение прошлого столетия, начиная с работы В.И. Саввы⁷, нарастала тенденция к критической оценке как политической роли Софии, так и рассказа Татищева о «свержении ига». К.В. Базилевич считал этот рассказ компиляцией из «Записок о московских делах» С. Герберштейна и Казанского летописца, не отражающей «действительную картину событий»⁸. Ю.Г. Алексеев писал, что гордые речи Софии «никогда не произносились в действительности», поскольку она как «нищая папская пенсионерка, бесприданница» не могла иметь «особых оснований для надменности», и что «в источниках нет и намёка на политическую роль Софии»⁹. Ч. Гальперин посчитал влияние цареградской царевны «самым незначительным фактором»¹⁰, а Т.А. Матасова назвала её политическую роль и влияние на мужа в событиях 1480 г. мифом¹¹. Однако критические замечания исследователей сосредотачивались не на происхождении известия о советах Софии, а на суждениях о его правдоподобии.

Происхождение из императорской династии в средневековом обществе само по себе являлось достаточным поводом для «надменности», а папский «пенсион» мог восприниматься Палеологами не как унижение, а как выплата причитающегося им по праву. Но даже если оснований для «надменности» София не имела, это не означает, что она не могла эту надменность проявить. И если она в реальности никогда не отвергала никаких «князей» и «королей», то никто не мешал ей уверять супруга в обратном. Пусть её советы оказались «самым незначительным фактором», повлиявшим на решения Ивана III, из

⁴ Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. М., 1987. С. 113, 405 (примеч. 6).

⁵ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. М., 1882. С. 71, 92, 439 (примеч. 119); Татищев В.Н. История Российской с самых древнейших времён. Книга пятая, или по сочинителю часть четвёртая древней летописи русской // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1847. Кн. 4; Погодин М.П. Открытия для русской истории // Московитянин. 1843. Ч. IV. № 7. С. 229–231.

⁶ Иловайский Д.И. История России. Т. 2. Московско-литовский период, или собиратели Руси. М., 1896. С. 466.

⁷ Савва В.И. Московские цари и византийские василевсы: к вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 6, 28–35, 55.

⁸ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 122–123.

⁹ Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 140.

¹⁰ Гальперин Ч. Татарское иго. Образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012. С. 183.

¹¹ Матасова Т.А. Образ Софии Палеолог в памятниках XVI в. // Древняя Русь. Вопросы мединистики. 2023. № 2(92). С. 126; Матасова Т.А. София Палеолог. М., 2016. С. 144.

этого не следует, что советов она не давала. О недовольстве же Софьи ритуалом приёма ордынских послов и её совете мужу сказать о больном упомянуто в «Записках» Герберштейна¹² – источнике близком к событию хронологически.

Неудивительно, что даже исследователи, отказывающиеся придавать большое политическое значение фигуре Софьи, всё же допускают возможность того, что приём ордынских послов «шокировал» её, произвёл «гнетущее впечатление», и слухи о Софьиных советах возникли не на пустом месте. Даже если вслед за Гальпериным считать отвращение Софьи к подобострастию Ивана III перед ордынцами «забавным», это не отрицает её влияния на решимость великого князя с этим подобострастием покончить¹³. Конечно, исследователи в данном случае опираются не на Татищева, а на Герберштейна, однако их определённая степень доверия известию последнего придаёт тень вероятности и нарративу Татищева.

Насколько надёжен с источниковедческой точки зрения рассказ Татищева о «свержении ига»? Достоверность его сведений неоднократно ставили под сомнение¹⁴, однако немалое число авторитетных исследователей относилось к ним с доверием¹⁵. Не вдаваясь в детали этой напряжённой дискуссии, отмечу одну важную особенность «поздних» известий, относящихся к эпохе Московской Руси: в отличие от домонгольского времени, Татищев не заявил никаких неизвестных на сегодняшний день источников, которые могли бы содержать сообщаемые им уникальные сведения. Все упоминаемые им гипотетические рукописи – «Раскольничья», «Голицынская», «История Иоакима», «Симонова», «манускрипты» Волынского, Хрущёва, Еропкина – ограничиваются событиями до Батыева нашествия. Не отражённая в «Истории» Татищева Ростовская летопись, согласно описи его библиотеки, завершалась 1318 г.¹⁶ Ярославскую летопись историограф приобрёл за два года до кончины, и она не могла оказать существенного влияния на текст; Оренбургскую летопись он, скорее всего, в полном объёме так и не получил¹⁷.

Круг источников, использованных Татищевым при описании правления Ивана III и Василия III, включает в себя XV Академический список Никоновского свода, Львовскую и Воскресенскую летописи («Кирилловский и Нижегородский манускрипты»), Казанский летописец, Чертковский список Владимирского летописца («Новгородский Крекшинский»), Хронограф 1512 г., Типографскую летопись¹⁸, Степенные книги, польские хроники (Стрыйковского, Бельского и Кромера). Если в нарративе о правлении Ивана III и Василия III встречаются факты, не отраженные в этих источниках, то они

¹² Herberstein Sigismund von. *Rerum Moscoviticarum Commentarii*. Synoptische Edition der lateinischen und der deutschen Fassung letzter Hand Basel 1556 und Wien 1557. München, 2007. S. 61–62.

¹³ Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 170; Мамасова Т.А. Софья Палеолог... С. 147; Гальперин Ч. Татарское иго... С. 184.

¹⁴ Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. I. Л., 1961. С. 222–262; Толочко А.П. «История Российской» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005; Свердлов М.Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009.

¹⁵ Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 184–276; Азбелев С.Н. В защиту труда Василия Никитича Татищева // Сборник Русского исторического общества. Т. 11(159). М., 2011. С. 316–324; Майоров А.В. Русь, Византия и Западная Европа. Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. СПб., 2011. С. 85–91.

¹⁶ Пекарский П. Новые известия о Татищеве. СПб., 1864. С. 58.

¹⁷ Толочко А.П. «История Российской»... С. 71–72.

¹⁸ Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 220, примеч. 36.

с высокой вероятностью явились продуктом творчества самого Татищева. Иначе придётся допустить, что историограф не только использовал некий неизвестный источник, но и по каким-то причинам посчитал нужным скрыть его существование.

В основу четвёртой части «Истории» Татищев положил XV Академический список Никоновской летописи. Рассказ о демарше Софы вставлен под 1479 г., вслед за сокращённым известием об освящении Успенского собора (сообщение о перенесении мощей митрополита Петра и прочих святителей Татищев опустил). Далее в Никоновской летописи следует краткое сообщение о приходе Ивана III в Новгород и об аресте архиепископа Феофила. Оно у Татищева преобразовано в обстоятельное повествование, содержащее как явные анахроничные домыслы (о выделении римским папой церковных доходов с Литвы и Польши «дабы... победя великаго князя, привести Русь в их поганую латинскую веру» и проч.), так и заимствования из Латухинской Степенной книги (обстрел Новгорода из пушек, высылка из Новгорода 7 тыс. семей). Татищев воспроизвёл рассказ Никоновской летописи о мятеже братьев Ивана III, предварительно добавив их тайную «ссылку» с новгородскими «крамольниками»¹⁹.

Рассказывая о «свержении ига», Татищев повторил популярное известие Казанского летописца о топтании Иваном III басмы и убийстве посла²⁰. Но по сравнению с исходным текстом появилась дополнительная подробность: когда великий князь, «прочитав грамоту ханскую, плонул на ню, изодра и басму зло вверже на землю», ордынский посол и его спутники «начаша дерзко глаголити, угрожаюсче великаго князя». Поскольку современные событиям русские летописцы именовали ордынских властителей исключительно царями, то в слове «ханскую» явно видна рука историографа. Вызывающее поведение послов – скорее всего домысел, призванный хоть как-то «оправдать» их убийство: что для книжника XVI в. было проявлением державной «чести и грозы», то для дипломата петровской выучки выглядело вопиющим нарушением международного права.

Как и многие позднейшие исследователи, Татищев с доверием воспринял известие Казанского летописца о разорении Сарай в 1480 г. рейдом Урдовлета и Василия Ноздреватого (Звенигородского)²¹. Дополненное сообщениями Никоновской летописи о набеге Менгли-Гирея на Подолию и об убийстве хана Ахмата ногайцами²², это известие создавало впечатляющую картину согласованных геополитических акций Ивана III, Менгли-Гирея и ногайских мурз против Ахмата и великого князя Литовского Казимира IV. Для Татищева удар по ханской ставке (в «Истории» она переименована в «Болгары») был тем более ценен, что позволял рационально объяснить внезапный отход Ахмата от Угры. Средневековые летописцы считали это чудом²³, что, конечно, не могло устроить историка-рационалиста XVIII столетия, последовательно избавлявшегося

¹⁹ ПСРЛ. Т. XII. СПб., 1901. С. 192–197; Татищев В.Н. История Российской... Т. 6. С. 81–83; Латухинская Степенная книга. 1676 год. М., 2012. С. 411.

²⁰ Татищев В.Н. История Российской... Т. 6. С. 82.

²¹ ПСРЛ. Т. XIX. СПб., 1903. С. 7–8, 202–203; Татищев В.Н. История Российской... Т. 6. С. 85, 86.

²² ПСРЛ. Т. XII. С. 201, 203.

²³ Там же. С. 202–203.

от всех летописных чудес²⁴. Но каким образом Ивану удалось так филигранно согласовать действия своих союзников? Ответ содержится в «Истории»: истоптав басму, московский князь немедленно отправил посла к Менгли-Гирею с просьбой идти на Казимира или Ахмата. В ответ хан «и сам обесчаясь на весну идти на Литву, а на хана большого сына послал в Нагаи»²⁵. Столь точных подробностей нет ни в одном аутентичном источнике, и вряд ли можно сомневаться (особенно учитывая употребление слова «хан» вместо «царь») что перед нами домысел, поданный в псевдолетописной манере.

Заявление Софьи, что она якобы отвергла ради Ивана III «князей и королей», явно восходит к пересказу послания кардинала Виссариона в Никоновской летописи под 6977 г. («а присылалися к ней король Франчужский и князь велики Меделянский, но она не хочет в латынство»)²⁶, откуда Татищев, скорее всего, это и позаимствовал. О том, сколь далеки эти сведения от реальности, он не знал, а не доверять своему источнику оснований не имел: об истинном отношении Софьи Палеолог к «латынству» и о её более чем скромных брачных перспективах исследователям стало известно много лет спустя после смерти Татищева²⁷.

Татищев, таким образом, не пользовался никакими дополнительными, неизвестными на сегодняшний день источниками, но и фантазёром его назвать нельзя: он «реконструировал» события на основе имевшихся у него данных, вставляя «недостающее звенья» и предлагая свою трактовку. Рассказ о гневе и упрёках Софьи и призывах не платить выходов – без сомнения, «реконструкция», стилизованная под летописное известие. Но что послужило исходным материалом для этого домысла?

Синхронные источники ничего не говорят ни о призывах Софьи избавиться от татарской зависимости, ни вообще о какой-либо политической деятельности. Её беседа с Контарини в 1477 г. не выходила за рамки бессодержательных, чисто протокольных реплик, при этом проницательный венецианский посол ни намёком не обмолвился о её влиянии на великого князя, о её уме или о какой-то заинтересованности в государственных делах²⁸. Как одаренную женщину – *«ingeniosa (ut ferebant) mulier»* – охарактеризовал царевну А. Кранц²⁹. Согласно Ф.Д. Подберёзкину, труд Кранца составлен не позднее 1502 г., и, следовательно, может считаться ценным свидетельством о Софье³⁰. Впрочем, для Кранца ум царевны проявился исключительно в её вероломстве – она обещала папе римскому сохранить в Москве верность Западной Церкви, однако обещания не сдержала³¹. Уже во Пскове, едва вступив на Русскую землю, Софья

²⁴ Там же. С. 201.

²⁵ Татищев В.Н. История Российской... Т. 6. С. 82.

²⁶ ПСРЛ. Т. XII. С. 120.

²⁷ Успенский Ф.И. Как возник и развивался в России Восточный вопрос. СПб., 1887. С. 27–28; Пирлинг П. Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане, Иван III и София Палеолог. СПб., 1892. С. 16–19, 22.

²⁸ Барбаро и Контарини о России. Л., 1977. С. 206, 230.

²⁹ Krantz A. Wandalia. Frankfurt, 1575. P. 297.

³⁰ Подберёзкин Ф.Д. Russi и Russia в этногеографической концепции Альбера Кранца // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития. Материалы XVI белорусско-российской научной конференции, Москва, 22–23 ноября 2022 г. М.; Минск, 2022. С. 403.

³¹ Krantz A. Op. cit. P. 297.

стала соблюдать православные обряды и даже склоняла к тому «легатоса» Антонию Бонумбаре³².

Такого рода поведение менее всего свидетельствует о большом уме или даже об особой хитрости — тут налицо незатейливая стратегия выживания, несколько сомнительная с моральной точки зрения, но по-человечески вполне понятная и едва ли достойная сурогового осуждения. Меняющая веру вместе с местом проживания, Софья больше похожа на страдательного персонажа, нежели на деятельного участника государственных событий. Совершенно пассивной представлена она и в современных ей летописных сводах — всё её участие в отражении нашествия Ахмата сводится к бегству на Белоозеро³³. Оппозиционное летописание даже обвиняет её в малодушии — «бегала... а не гонял никтоже» — и резко отзыается о холопах её бояр — «кровопийцах», разбойничающих «пуши татар»³⁴. Наконец, скандал с драгоценностями покойной великой княгини Марии Борисовны, которыми Софья втайне от мужа одаривала своих брата и племянницу Марию Андреевну³⁵, указывает на стеснённость её в средствах, что вряд ли способствовало укреплению позиций при дворе. Таким образом, современники Софьи ничего не знали о её влиянии на государственные дела. Такие сведения появились лишь после её кончины.

При работе над «Историей» Татищев часто использовал переводы польских хронистов XVI в. — в первую очередь Стрыйковского, а также Кромера и Бельского. Все они воспроизводили рассказ Яна Длугоша об унизительном для московских князей ритуале приёма татарских послов, а также сообщали, что Иван III решил покончить с татарским игом под влиянием гречанки-жены («*ixore Graeca*»)³⁶. Эту подробность, отсутствующую у Длугоша, Стрыйковский, Кромер и Бельский позаимствовали у Герберштейна. О влиянии Софьи на супруга Татищев мог узнать как из работ польских историографов, так и напрямую из сочинения Герберштейна. Хотя труд габсбургского посланника нигде в бумагах Татищева (включая посмертную опись его библиотеки) не значится, он поминал его в примечаниях³⁷.

Герберштейн прибыл в Россию, когда Софьи давно уже не было в живых. К тому времени её образ успел обрасти легендами. Цареградской царевне и её греческому окружению приписывали изменения в характере велиокняжеской власти, приобретающей всё более деспотические черты. Согласно подследственным показаниям Максима Грека, в беседах с ним И.Н. Берсень-Беклемишиев говорил, что с приходом Софьи Русская земля «замешалася» и что царевна, хоть и знатного рода, «к нашему нестроению пришла»³⁸. Похожие

³² Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 190.

³³ Иоасафовская летопись. М., 2014. С. 122.

³⁴ ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. СПб., 1910. С. 347.

³⁵ Там же. С. 350.

³⁶ *Stryjkowski M.* Kronika polska litewska, zmódzka u wszystkiej Rusi Kijowskiey, Moskiewskiey, Siewierskiey, Wołynskiey, Podolskiey, Podgorskiey, Podlaskiey. Królewiec, 1582. S. 658; *Martini Cromeri.* De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Basilea, 1555. P. 631; *Bielski M.* Kronika polska. Kraków, 1597. S. 473; *Dlugosz J.* Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. T. 5. Ks. 12. Kraków, 1870. S. 657.

³⁷ Например, труд Дж. Тройера (*Treuer G.S. Einleitung zur moscovischen Historie.* Leipzig, Wolffenbüttel, Helmstadt, 1720. S. 7–9), имевшийся в библиотеке Татищева (*Пекарский П.* Указ. соч. С. 62), содержит выписки из Герберштейна.

³⁸ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. I. СПб., 1836. С. 142.

оценки, широко, по-видимому, распространённые в русском обществе, отразились и в «Записках о московитских делах», где Софья поминается в основном в негативном контексте. Герберштейн аттестует Софью как «очень ловкую» или «хитрую» (*«astutissimam»*, *«lisstig»*) и утверждает, что именно она склонила Ивана III отстранить от престолонаследия и заключить в темницу Дмитрия Внука, к которому великий князь был очень расположен и якобы даже пытался перед смертью вернуть ему свободу и все его права³⁹. Автор «Записок», конечно, пересказывал это с чужих слов, он воспроизвёл неблагоприятные для Софьи слухи, много лет спустя отражённые кн. Андреем Курбским в усиленном варианте – у него «гречка» оказалась причастной не только к гибели Дмитрия в темнице, но и к мнимому отравлению Ивана Молодого⁴⁰.

Однако, по Герберштейну, влияние Софьи на Ивана III имело и положительное следствие: оскорблённая унизительным ритуалом приёма татарских послов, она уговорила супруга сказаться больным, а затем хитростью добилась разрушения татарского подворья в Москве, на месте которого воздвигли храм⁴¹. Последнее известие отразилось в «Истории»: «Он же (Иван III. – Л.А.) повел я вся избити и дом прежней ордынской изломати»⁴². В «Лексиконе» Татищев приписывал Софье основание на месте татарского подворья кремлёвского женского Вознесенского монастыря: «Прежде на оном месте был дом ханов татарских или их баскаков, но благоразсудным великой княгини Софии Фоминишины, супруги Иоанна III-го, определением оная мерзость извергнута»⁴³. Однако в «Истории» он, следуя текстам Никоновской и Львовской летописей, написал о заложении церкви Вознесения супругой Дмитрия Донского⁴⁴. Строитель Василий Ермолин завершил работу над этой церковью за несколько лет до приезда Софьи Палеолог в Москву⁴⁵. Подобный случай привёл и А.И. Манкиев. По его словам, церковь Спаса на Болвановке возвели на месте, где при Иване III порубили «болвана», изображавшего татарского царя⁴⁶. Вероятно, что и Герберштейн, и Манкиев, и Татищев воспроизводили легенды о свержении ордынской власти, достоверность которых не стоит переоценивать.

Но даже если приведённые Герберштейном рассказы имели какое-то основание, Софья в них далека от роли мудрой советчицы и смелой вдохновительницы на борьбу с чужеземным господством. Тут сплошь мелкие детские хитрости (притвориться больным, пообещать новое подворье и не дать), ничего не менявшие по существу. Как верно заметил А.А. Горский, «речь идёт не об отказе платить дань и прямом непризнании зависимости, а о ликвидации её второстепенных атрибутов»⁴⁷. Но большего Софья и не требует. По-видимому, во время пребывания Герберштейна в Москве никто не считал её причастной к реальной борьбе с ордынским игом. Характерно, что в 1525 г. русский посланец в Риме Дмитрий Герасимов в беседе с итальянским гуманистом Иовием не упустил случая напомнить о знатном происхождении Софьи, о рождении у неё

³⁹ Herberstein S. Op. cit. S. 56.

⁴⁰ Курбский А.М. История о делах великого князя московского. М., 2015. С. 130.

⁴¹ Herberstein S. Op. cit. S. 61–62.

⁴² Татищев В.Н. История Российской... Т. 6. С. 82.

⁴³ Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 216.

⁴⁴ Татищев В.Н. История Российской... Т. 6. С. 26; ПСРЛ Т. XII. С. 118; Т. XX. С. 278.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1910. С. 158.

⁴⁶ Ядро Российской истории. М., 1770. С. 168.

⁴⁷ Горский А.А. Москва и Орда. С. 170, примеч. 98.

пятерых сыновей, но ни намёком не обмолвился о её государственной роли⁴⁸, тем паче о призывах «стояти за честь свою и веру святую»⁴⁹.

Стоять за святую веру, давать решительный отпор неприятелю и уповать на Божью помощь – такие советы Ивану III действительно давались, но вовсе не Софьей. Татищев и сам прекрасно знал имя настоящего советчика – ростовского архиепископа Вассиана (Рыло), чьё «Посланье владычне на Угру» есть в имевшихся у историографа Львовской и Воскресенской летописях и Степенной книге⁵⁰. В этом послании Вассиан с негодованием поминал злых советников – «прежни твои развратницы не престают шепчуще в ухо твое льстивая словеса и отвещают ти не противится супостатом, но отступити и предати на расхищение волком словесное стадо Христовых овец»⁵¹. У Татищева это отразилось во фразе «и мнози реша ему: “Лучше ти, княже, умирите дары нечестиваго”» и в упрёке Софьи «почто хосчеси раб твоих слушати»⁵². Но при этом о самом послании Вассиана в «Истории» не упоминается.

Характерно, что в описании прибытия Софьи в Москву историограф выпустил угрозу митрополита покинуть город в случае внесения латинского «крыжа»⁵³. Хотя Татищев и сам был яростным противником латинства⁵⁴, он не мог допустить мысли, чтобы митрополит не «просил» великого князя (как в тексте «Истории»), но открыто давил на него, заставив в конце концов убрать «крыж». Ещё более унизительно в сравнении с архиереем выглядел Иван III в «Послании владычне на Угру». Здесь он представлен чуть ли не трусом, «бегуном», которого Вассиан вынужден упрашивать «боронити свое отчество от бессерменства». Всё это настолько противоречило взгляду Татищева, что он счёл возможным о послании Вассиана промолчать, а его призывы в сокращённой форме приписал более «подходящему» с его точки зрения персонажу – Софье Палеолог. Неудивительно, что в его работе Иван «вельми удивился совету ея» – ведь его супруга говорила явно чужой текст.

Эта «реконструкция» выглядит особенно двусмысленно с учётом того, что автор Львовской летописи крайне негативно относился как к самой царевне, так и к приехавшим вместе с ней грекам. Судьбу последних он представлял своим читателям в качестве отрицательного примера – «не сташи мужествени, и погыбоща, и отчество свое изгубиша, и землю, и государства, и скитаются по чюжим странам, бедни воистину и странне, и много плача и слез достойно, укаряемы и поношаемы и оплеваляемы яко немужествени»⁵⁵. Приписываемая Татищевым Софье фраза «отец мой и аз не хотехом дань давати, лутче отчины лишихомся» представляет собой ответ на этот выпад: греки покинули родину не потому, что «немужественные», а потому, что не хотели быть данниками. Историк пересмотрел образ Софьи – место трусливой беглянки заняла велико-душная и мудрая советчица.

Татищева, конечно, нельзя винить в сознательной фальсификации – он приводил ту версию событий, которую считал наиболее вероятной, а к про-

⁴⁸ Paolo Giovio. *De legatione Basilii Magni Principis Moschoviae*. Basilea, 1525. P. 35.

⁴⁹ Татищев В.Н. История Российской... Т. 6. С. 81.

⁵⁰ ПСРЛ Т. XX. С. 339–345; Т. VIII. СПб., 1859. С. 207–213; Т. XXI. Ч. 2. СПб., 1913. С. 557–564.

⁵¹ Там же. Т. XX. С. 340.

⁵² Татищев В.Н. История Российской... Т. 6. С. 81.

⁵³ ПСРЛ. Т. XII. С. 151; Татищев В.Н. История Российской... Т. 6. С. 48.

⁵⁴ Татищев В.Н. Избранные произведения... С. 137.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. XX. С. 347.

тиворечащему этой версии источнику «подходил критически». Многие исследователи и после Татищева поддавались соблазну такого рода избирательной «критики» с целью не установить историческую истину, а нейтрализовать негодные свидетельства. Но, конечно, манера Татищева представлять свои версии в виде аутентичного летописного текста принесла немало трудностей последующим поколениям историков.

Стремление «возвеличить» Софью Палеолог частично проистекает из первых попыток Татищева заняться отечественной историей. Уже в 1736 г. в примечаниях на книгу Ф.И. Страленберга он отмечал: «Что же написал, якобы Иоанн Васильевич Великий по наследию, производимому от Августа, кесаря римского, герб восприял, оное мне подлинно неизвестно, токмо то я читал в старой гистории Соловецкого манастиря, что он тот герб принял по наследию супруги своей Софии, цесаревны греческой. О котором далее испытать оставляю более меня сведусчим»⁵⁶.

О какой «старой гистории Соловецкого манастиря» идёт речь, непонятно. Ни в текстах, ни в переписке, ни в библиотечном каталоге Татищева нет информации об этом источнике. «Соловецкий летописец» известен во многих списках, но, во-первых, неясно, знал ли его Татищев, во-вторых, о двуглавом орле и его связи с Палеологами в нём не упоминается⁵⁷. Впрочем, Татищеву ни к чему было обращаться к каким-то неизвестным источникам, чтобы узнать о заимствовании двуглавого орла через Софью: об этом написано, например, в книге Дж. Тройера⁵⁸, имевшейся в его библиотеке. В любом случае, он вполне обоснованно опровергал августинскую легенду. То, что своим гербом Россия обязана Софье Палеолог, ставило её в глазах Татищева на место «Августа кесаря римского». Это вполне могло внушить начинающему историку преувеличенное представление о политической значимости цареградской царевны. Такого же мнения впоследствии придерживался и Н.М. Карамзин⁵⁹.

Рассказывая о смерти Ивана III и подводя итоги его правлению, Татищев особо остановился на помощи, которую оказывала государю его супруга: «Сей блаженный и достохвальный великий князь Иоанна Великий, Тимофеем прежде нареченный, многии княжения к великому князю присовокупи и силу их умножи, варварскую же нечестивую власть опроверже и всю Русскую землю данничества и пленения избави, и многи от Орды данники себе учини, многа ремесла введе, их же прежде не знахом, со многими дальними государи любовь и дружбу и братство сведе, всю Русскую землю прослави; во всем же том помогаше ему благочестивая супруга его великая княгиня София; и да будет им вечная память во бесконечные веки»⁶⁰.

Несмотря на нарочито архаизированную лексику, в данной характеристике легко угадывается стиль историка Нового времени. Особенно чётко это видно при сравнении данного отрывка с панегириком Ивану III в Степенной

⁵⁶ Татищев В.Н. История Российской... Т. 7. М., 2018. С. 522.

⁵⁷ Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 223–243; Бороздин Г. Летописец Соловецкого монастыря. М., 1790; Досифей (Немчинов), архим. Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1847 год. М., 1847; Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Т. 7. М., 1951. С. 217–236.

⁵⁸ Treuer G.S. Op. cit. S. 6.

⁵⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. II. Т. VI. СПб., 1842. С. 45–46, 58.

⁶⁰ Татищев В.Н. История Российской... Т. 6. С. 125.

книге⁶¹, текст которого явно послужил Татищеву образцом. Не говоря уже об анахроничном именовании Ивана «Великим» и отсутствии средневековых этикетных формулировок – что Иван был направляем «Всесильного Бога десницею, молитвами Пречистой Богородицы и святых русских чудотворцев», – нельзя не заметить похвалу за введение в России прежде неизвестных ремёсел. Так мог написать не древнерусский книжник, а только просвещённый человек XVIII в., для которого искусства, науки и ремёсла – не забавные диковины, а предмет забот и попечений любого благоразумного правительства. «Любовь и братство» с дальними государствами были важной темой для Татищева. Следуя Х. Вольфу и Ю. Липсию, он неизменно отдавал предпочтение долгому миру перед войной, даже победоносной⁶². Для составителя Степенной книги существенное, что имя Ивана III «во всех странах честно и грозно бысть».

Не менее анахронична характеристика Софьи как помощницы великого князя во всех перечисленных похвальных деяниях. Участие княгини в государственных делах, с точки зрения средневекового книжника, выражалось «прилежными к Богу молбами, о себе же, и о чадех своих, и о всей державе их»⁶³. Степенная книга называет Софью «благоплодной лозой» и «благочестной супружницей», которая «породи и воспита сынове и дщери добродны и благообразны и проче благочестно житие препроводи»⁶⁴.

Конечно, в исключительных случаях (неожиданная смерть или гибель супруга, малолетство наследника) княгиня могла взять на себя роль правительницы, как это сделали княгини Ольга и Елена Глинская, и удостоиться за это похвалы. Но лишь в эпоху Татищева могли поставить жене в заслугу помочь мужу в государственных делах. Обосновывая в манифесте законность коронации Екатерины I, Пётр Великий указывал, что она ему «великою помощницею была... и во многих воинских действиях, отложа немощь женскую, волею с Нами присутствовала, и елико возможно вспомогала»⁶⁵. Объявляя Софью помощницей Ивана III, Татищев проецировал в прошлое современные ему понятия.

В начале своих исторических изысканий Татищев приписывал Софье ещё одно важное решение. В примечаниях к первой редакции «Истории» он утверждал, что именно по совету Софьи Иван III отменил «раздел неразсудной детем владеней на равные части»⁶⁶. Детали нового «закона» Татищев уточнил в явно вымышенной предсмертной речи Василия III к боярам: «Завет же отческий имам, на нем же вы и отцы ваши крест ему целовасте, большему сыну по отце быти на великом княжении, а братии своей и меньшим сыновьям давати уделы малые, по городу или по два, да не спорят, чтоб не могли усилиться и зло сотворити»⁶⁷. Нельзя не отметить, что схожий «завет» или «закон» Татищев приписывал другому своему любимому историческому деятелю – галицкому

⁶¹ ПСРЛ. Т. XXI. С. 578–579.

⁶² Brogi Bercoff G. Rethorical Reworking and Ideological Background in the *Istorija Rossijskaja* of V.N. Tatiscev // *Slavia orientalis*. 1988. № 7. Р. 343–344, 355.

⁶³ ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. С. 199.

⁶⁴ Там же. Т. XXI. Ч. 2. С. 576.

⁶⁵ ПСЗ-И. Т. 7. № 4366. С. 161.

⁶⁶ Татищев В.Н. История Российской... Т. 4. М., 2017. С. 592, примеч. 383.

⁶⁷ Там же. Т. 6. С. 173.

князю Роману: «отдавати стол по себе единому старейшему со всею волостию. Меньшим же ач дати на прокорм по городу, або по селу»⁶⁸.

При работе над второй редакцией Татищев повторил версию о принятии нового закона «советом царицы», но в окончательный вариант эту фразу не включил⁶⁹. По-видимому, он склонился к другой версии, представленной в первой части второй редакции, согласно которой новый закон о наследии инициировался самим Иваном III и был подтверждён на некоем «соборе»: «Иоанн Великий... опровергнув власть татарскую, паки совершенную монархию возставил и, о наследии престола единому сыну учиня закон, собором утвердил. И хотя он другим детем и племянником уделы давать не отрешил, но малые и сущие не более трех градов и те не споряд, но через другие владения, чтоб не могли сил своих совокуплять. Их же в полную власть и суд великого князя или царя определил, чрез что в краткое время сила и честь государя умножилась»⁷⁰.

Однако в тексте 1-й главы четвёртой части «Истории», повествующей о временах Ивана III, ничего не говорится об «учинении» им нового закона о престолонаследии. Надо, впрочем, учитывать, что третья и четвёртая части труда остались незавершёнными. Возможно, Татищев намеревался увязать изменения в порядке престолонаследия с мятежом в 1480 г. братьев Ивана III – Андрея Углицкого и Бориса Волоцкого. В доступных Татищеву летописных источниках они обвиняли великого князя в единоличном присвоении выморочного Дмитровского удела и новгородских прибытков, в ограничении права отъезда. У Татищева, помимо этого, они поднимают вопрос престолонаследия: «Обидел еси, великий княже, брата твоего Андрея большаго, дал великое княжение сыну твоему, чего испокон не бывало». Иван III в ответ ссылается на исторические прецеденты: «Великое княжение даю сыну моему, тако бо повелел испокон князь Мстислав, отчину по себе не дал брату, но дал сыну своему, а сын сам дал братови, и по нем взя мимо стрыев; отец наш взял великое княжение мимо стрыев тоже, и сын мой отчиною братию поделил и дал им более, нежели себе взял; и отец нам по смерти брата велел делить всем равно»⁷¹. В другом месте историк посчитал важным ещё раз пояснить важность утверждения прямого нисходящего наследования и обуздания притязаний уделных князей для блага страны: в ответ на печалование митрополита Зосимы за Андрея Углицкого (сам факт «печалования» не значится ни в одном из источников) Иван III выражает опасение, что амбиции брата («а когда я умру, то ему доставати великое княжение») могут в будущем привести к смутам и новому порабощению: «И будут воеватися межи собою, и татара, пришед, видя в нестроении, будут землю Русскую губить, жечи, и пленить, и дань возложат паки, и кровь христианская будет литься, яко бе прежде. А что аз толико потрудися, и то будет все ни во что, и вы будите раби татарам»⁷².

Все эти речи не находят отражения в аутентичных источниках, по своему стилю они похожи на сентенции историка Нового времени. Поздние московские Рюриковичи действительно старались проводить принцип прямого нисходящего наследования и стремились лишить уделных князей реальной силы, однако такого рода «заветы» не провозглашались открыто и не оформлялись

⁶⁸ Там же. Т. 4. С. 433.

⁶⁹ Там же. Т. 3. М., 2016. С. 338, 406.

⁷⁰ Там же. Т. 1. М., 2016. С. 489.

⁷¹ Там же. Т. 6. С. 84.

⁷² Там же. С. 97.

в виде официальных законов. Тем более нет оснований приписывать введение новых государственных порядков «советам» Софии Палеолог. Более того, поддерживая притязания своего сына Василия в борьбе за наследство с Дмитрием Внуком, она действовала скорее вопреки принципу наследования в прямой нисходящей линии. Татищев, по-видимому, в конце концов это понял и не стал вносить версию о «советах царицы» по престолонаследию в текст «Истории», сохранив, однако, её советы покончить с ордынским данничеством.

Так или иначе, Татищев считал Софию Палеолог исторической фигурой, важной настолько, что отправил в посольство за ней своего предка: «То́я ж зимы [1472 г.] князь великий умыслив со отцем своим митрополитом Филиппом и материю своею великою княгинею Марию, и з братиею, и с бояры своими, и послаша Фрязина Ивана в Рим по царевну Софию генваря 16 с грамотами к папе и к кардиналу Висариону. А понеже прежний папа Павел умре, и сказали, что выбран папа Каллист, того ради на его имя лист написан был. За Фрязиным послал князь великий посла Федора Спенка да с казною Матфея Федорова сына *Татищева* и дьяка Еремея Погожего»⁷³.

За основу известия Татищев взял текст XV Академического списка Никоновской летописи, где фигурировало имя только одного посла — Ивана Фрязина. Из Львовской летописи историк мог узнать, что Фрязина сопровождал «пан Юрга», знавший самый удобный в те времена путь из Москвы в Рим — через Новгород, Псков, Ливонию, Балтийское море, Германию и Северную Италию⁷⁴. Так ехал со своими спутниками на Флорентийский собор митрополит Исидор в 1437 г.⁷⁵ Тем же путём в обратном порядке двигалось посольство, доставившее Софию в Москву. Пожелай послы по каким-то причинам ехать по сухопутью через литовские владения, дорога их лежала бы через Вильно и Смоленск, как ехали из Флоренции Исидор и его спутники. Обратный путь «Антония лягатоса» Никоновская летопись пролагала «с Москвы на Литовскую землю, на Ляцкую, и по иным многим землям к граду своему великому Риму»⁷⁶. По-видимому, тем же маршрутом пользовалось посольство в Италию 1499 г. с участием сына боярского Михаила Погожего, за-прашивавшего у короля Яна Альбрехта в Кракове добро на проезд посольства «через свою землю Ляцкую»⁷⁷. Татищев переименовал Погожего из Михаила в Еремея, из боярских детей перевёл в дьяки и пристроил в посольство 1472 г. (но сохранил под настоящим именем в описании событий 1478 и 1499 гг.⁷⁸) и продублировал запрос на проезд у польского короля, забыв, видимо, что на тот момент у Польши и Литвы были разные государи. Маршрут же, выбранный Татищевым — через Киев, фантастичен и понадобился ему лишь для того, чтобы объяснить, почему второй состав посольства так и не достиг цели. О том, что в папском бреве от 14 октября 1470 г. Казимиру Ягеллончику приписывалось пропускать московских посланцев в Рим⁷⁹, Татищев не знал. Не объяснил он и того, почему поляки распоряжаются в принадлежа-

⁷³ Там же. С. 45.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. XII. С. 143; Т. XX. С. 299.

⁷⁵ Хождение на Флорентийский собор // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб., 1999. С. 464–487.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. XII. С. 152.

⁷⁷ Там же. С. 249.

⁷⁸ Татищев В.Н. История Российской... Т. 6. С. 64, 113.

⁷⁹ Пирлинг П. Указ. соч. С. 35.

щем литовцам Киеве, который стал польским лишь после Люблинской унии. Здесь он действовал уже как настоящий литератор, составляя нарратив так, чтобы, с одной стороны, добавить красок в историческую картину, с другой – не вносить искажения в документально зафиксированные события. Но в то же время Татищев оказался и умелым мистификатором, выдавая вымысел за истину и заметая следы, вводя в состав посольства, наряду с «Татищевым», других неизвестных источникам лиц.

О мотиве подлога в данном случае можно только гадать, но, вероятно, источником «вдохновения» послужило отражённое во Львовской и Воскресенской летописях известие о сыне боярском Мунте Татищеве, которому Иван III хотел вырезать язык за «шутку», напугавшую Андрея Углицкого⁸⁰. Вряд ли случайно в «Истории» Мунт не назван сыном боярским⁸¹: по предположению Татищева, дети боярские «пожалованы из холопей боярских за их службу»⁸², а это не согласовывалось с фиктивной княжеской родословной историографа⁸³. Первое летописное упоминание о Татищевых было явно неблагоприятным, его требовалось «уравновесить» известием, представляющим предков в более выгодном свете (о сыне боярском Иване Усе Татищове в составе свадебного посольства княжны Елены Ивановны к Александру Ягеллончику в 1495 г.⁸⁴ историограф, не использовавший в своём труде посольские дела, знать не мог). Примечательно, что Татищев в качестве почётной миссии для своего пращура выбрал именно свадебное посольство за Софьей Палеолог: это показывает, сколь большое значение он придавал цареградской «царевне».

Будучи твёрдо убеждённым в важной государственной роли Софьи, В.Н. Татищев «реконструировал» соответствующие факты и подавал их в виде стилизованного под летопись текста, создавшего иллюзию свидетельства аутентичного источника. Тем самым он во многом способствовал утверждению «мифа о Софье» в последующей историографии.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. XX. С. 353; Т. VIII. С. 217–218.

⁸¹ Татищев В.Н. История Российской... Т. 6. С. 92.

⁸² Там же. С. 113.

⁸³ Коновалов Ю.В. К вопросу о происхождении рода Татищевых // Человек и общество в информационном измерении. Материалы региональной научной конференции, посвящённой 10-летию деятельности научных отделов ЦНБ УрО РАН (28 февраля – 1 марта 2001 г.). Екатеринбург, 2001. С. 179–183.

⁸⁴ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882. С. 164.

Образовательный ценз и замена чиновниками аттестатов в Московском университете в 1810-х гг.

Александр Феребов

**Educational qualifications and the replacement of certificates by officials
at Moscow University in the 1810s**

Alexander Ferebov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.7868/S3034579025060033

Положения образовательной реформы 1802–1804 гг. в России разрабатывались с учётом возможных организационных и материальных трудностей. Принималось во внимание и разнообразие интеллектуальных запросов различных сословий, хотя выстраивание для всех слоёв, кроме крепостных, единого вектора образования от приходских и уездных училищ к университетам закладывало основу для унификации культурного облика населения. Однако подготовка преподавателей и разработка учебников, обеспечение университетов и нижестоящих училищ необходимой материально-технической базой, настройка методического сопровождения и взаимосвязи программ обучения между звеньями новой системы народного просвещения растянулись не на одно десятилетие. Особые препятствия для успеха правительственные начинания составили, по мнению власти, равнодушие общества к глубоким познаниям и сословные предрассудки в отношении совместного обучения детей разного происхождения. Характеристике означенных проблем и особенностям их решения посвящён обширнейший корпус научных работ¹.

Среди правительственные мер по привлечению молодёжи в университеты, выделенных исследователями, заметное место занял образовательный ценз для гражданских служащих, установление которого в начале XIX в. вызвало широкий общественный резонанс. По именному указу от 6 августа 1809 г. для производства в VIII и V классы по Табели о рангах от чиновника требовалось предъявить «свидетельство от одного из состоящих в империи университетов, что он обучался в оном с успехом наукам, гражданской службе свойственным, или что, представ на испытание, заслужил на оном одобрение в своём знании»². В историографии справедливо отмечается, что появлению данного закона предшествовала угроза, объявленная ещё 24 января 1803 г. В этот день Александр I утвердил «Предварительные правила народного просвещения», в ст. 24

© 2025 г. А.Н. Феребов

¹ Наиболее крупные обобщающие труды: Шмид Е. История средних учебных заведений в России. СПб., 1878. С. 3–79; Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 31–96; Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. В 4 т. Т. 1. М., 2002; Сысоева Е.К. Школа в России. XVIII – начало XX вв.: власть и общество. М., 2015. С. 84–133.

² Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1809. 14 августа. № 33. С. 455–456; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения (далее – СПМНП). Изд. 2. Т. 1. СПб., 1875. Стб. 583–584.

которых сообщалось, что «ни в какой губернии, спустя пять лет по устроении в округе, к которому она принадлежит, на основании сих правил, училищной части, никто не будет определён к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище»³. Однако характер связи между положениями 1803 и 1809 гг. определяется исследователями по-разному. Одни авторы отмечают преемственность (в форме прямого следствия, уточнения или дополнения) требований «закона об экзаменах» по отношению к озвученному шестью годами ранее предупреждению⁴. Другие – подчёркивают, что «по прошествии пятилетнего срока заявленное в «Правилах» намерение осталось неисполненным»⁵.

На первый взгляд, решение вопроса о степени сходства идеи и средств реализации образовательного ценза, выраженных в двух императорских указах, носит формальный характер. Между тем для подданных российского царя такие юридические тонкости создавали то правовое поле, которое они не могли не учитывать в повседневной жизни. От интерпретации общественной реакции на обещание «Предварительных правил» во многом зависят наши представления не только о первых успехах и неудачах образовательной реформы 1802–1804 гг., но и о положении, в котором оказались потенциальные и действительные гражданские служащие после 6 августа 1809 г., в том числе обучавшиеся ранее в университетах.

Характеристика восприятия российским обществом намеченного в «Предварительных правилах» введения образовательного ценза затруднена из-за почти полного отсутствия сведений о прямых высказываниях современников по данному поводу, датирующихся периодом до августа 1809 г. Очевидно, для этой цели не может быть использована записка М.М. Сперанского, представленная императору 11 декабря 1808 г., поскольку в ней отразился государственный взгляд на проблему малочисленности учащихся и обосновывались положения, впоследствии вошедшие в указ об экзаменах на чины⁶. Однако одно свидетельство, которое

³ Московские ведомости. 1803. 25 февраля. № 16. С. 246; СПМНП. Т. 1. Стб. 17.

⁴ Рождественский С.В. Сословный вопрос в русских университетах в первой четверти XIX века. СПб., 1907. С. 13; Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). М., 1981. С. 67; Фёдоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997. С. 56, примеч. 2; Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000. С. 120; Зипунникова Н.Н. «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII – начала XX века. Екатеринбург, 2009. С. 90; Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования... Т. 1. С. 225–226; Сысоева Е.К. Школа в России... С. 91–92; Кусбер Я. Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половине XIX века. Дискурс, законодательство, реальность. М., 2018. С. 387–389.

⁵ Шевченко М.М. Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 34. См. также: Феребов А.Н. Причины увеличения притока студентов в Московский университет в 1803–1809 годах // Российская история. 2013. № 2. С. 120–121; Плех О.А. Подготовка гражданских служащих в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. (по материалам Европейского Севера России) // Феномен профессии и профессиональной деятельности: междисциплинарные аспекты. Материалы всероссийского (с международным участием) междисциплинарного научно-теоретического семинара. Череповец, 2022. С. 127.

⁶ Подробнее о ней см.: Рождественский С.В. Сословный вопрос... С. 11–14; Парусов А.И. Указы 3 апреля и 6 августа 1809 года, их классовый смысл и значение // Учёные записки Горьковского университета. 1967. Вып. 85. Сер. историческая. С. 52–54. Записка неоднократно публиковалась. См., например: Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX веках. (Приложение к «Очеркам по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках». Т. 1) / Сост. С.В. Рождественский. СПб., 1910. С. 374–379.

позволяет думать, что об обещании «Предварительных правил» помнили не только в правящих верхах, в распоряжении исследователей имеется. Оно принадлежит региональному чиновнику Министерства народного просвещения – черниговскому директору училищ М.Е. Маркову. Получив от своего начальника, попечителя Харьковского учебного округа, гр. С.О. Потоцкого запрос о причинах слабого роста числа учащихся в Черниговской губ., Марков в середине марта 1809 г. отвечал, что это связано со стремлением многих юношей до завершения полного курса перейти в кадетские корпуса, а также на гражданскую и военную службу. Охарактеризовав порочность такой практики, директор «полагал необходимым» для удержания детей даровать училищам «особые преимущества и строго исполнять высочайший указ 1803 года, которым предписывается не определять ни к каким должностям не окончивших учебных заведений»⁷.

Расплывчатая формулировка «Предварительных правил» об окончании «общественного или частного училища» не получила официальных пояснений вплоть до принятия указа 1809 г. Какие заведения и уровни учебных программ следовало считать удовлетворявшими предложеному образовательному цензу? Лишь заявления в университетских уставах о приготовлении студентов к различным званиям государственной службы, а также нацеливание гимназий на «преподавание наук, хотя начальных, но полных в рассуждении предметов учения», необходимых «для благовоспитанного человека», позволяли предполагать, что беспрепятственное определение к гражданской должности ждало выпускников высшего и, вероятно, среднего звеньев новой системы народного просвещения. Введение по уставу 1804 г. в гимназическую программу естественного и народного права также могло способствовать формированию представлений о достаточности среднего образования для будущего чиновника⁸. Расширение круга юридических познаний, преподававшихся в гимназиях, только усиливало такое впечатление. Например, в 1806 г. для старших учеников Вологодской гимназии открыли «класс экстраординарной юриспруденции», а через два года в Пензенской – российского законоведения⁹. Говоря о том, чтобы заставить учащихся проходить полный курс обучения с помощью строгого соблюдения образовательного ценза по указу 1803 г., Марков тоже имел в виду гимназистов, а также учеников подчинённых ему низших школ. При этом упоминание в «Предварительных правилах» о частных училищах открывало перед российскими подданными широкое поле для интерпретаций возможных требований к гражданским служащим.

Другая неясность положения 1803 г. касалась определения момента, когда училищную часть округа можно было признать устроенной и, тем самым, начать отсчёт пятилетнего срока¹⁰. О правительственном взгляде на этот во-

⁷ *Андряшев А.Ф. Материалы для истории учебных заведений Черниговской дирекции. С 1789–1832 г. Киев, 1865. С. 72.*

⁸ *Феребов А.Н. Причины увеличения притока студентов... С. 121–123; СПМНП. Т. 1. Стб. 332, 335.* Только для озтзейских губерний однозначно объявлялось, что от будущих чиновников потребуется исключительно университетский аттестат. Данная норма появилась ещё в январе 1802 г., т.е. до создания Министерства народного просвещения, и после принятия «Предварительных правил» не менялась (*Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 390; Феребов А.Н. Причины увеличения притока студентов... С. 121*).

⁹ *Шмид Е. История средних учебных заведений... С. 214.*

¹⁰ 12 сентября 1803 г. в уставе Дерптского университета было чётко прописано, что на территории его учебного округа отсчёт ведётся «с открытия университета (23 апреля 1802 года)»

прос можно судить по тому, что Сперанский приступил к разработке указа об экзаменах на чины к концу 1808 г. Рапорт Маркова показывает, что к марта 1809 г. региональный чиновник училищного ведомства считал отведённый срок истёкшим. О том, что рубеж 1808–1809 гг. воспринимался по крайней мере частью общества как время, к которому обещание «Предварительных правил» должно было получить практическое воплощение, свидетельствует динамика поступлений в Московский университет. Если к концу XVIII в. их количество обычно составляло 20–25 человек в год, то после принятия «Предварительных правил» начало планомерно расти и, достигнув пика в 92 и 86 человек в 1807 и 1808 гг. соответственно, резко сократилось до 57 человек в 1809 г. Увидев, что ценз не вводится, родители начали меньше заботиться об отправке сыновей в университет¹¹.

Обращение к данным об общей численности студентов позволяет говорить, что влияние предстоявшего введения образовательного ценза на приток молодёжи в университеты носило общероссийский характер. Правда, свобода обучения, действовавшая в начале XIX в., сглаживала эту тенденцию, сдерживая накопительный эффект от возраставшего числа приёма учащихся. Ведь служебные права приобретались после официального получения студенческого звания и на слушание лекций не обязательно было тратить несколько лет¹². Поэтому не столь выразительный на первый взгляд рост, наблюдаемый после 1803 г., скрывает существенные подвижки в отношении общества к высшему образованию. Так, в Московском университете в 1800–1802 гг. учились 60–70 студентов, а к 31 декабря 1802 г. – 64¹³. В Главной Виленской школе, в апреле 1803 г. преобразованной в университет, в 1801/02 учебном году состояли 135 студентов, а в следующем – 140¹⁴. Дерптский университет был открыт в апреле 1802 г. и к 31 декабря того же года в нём обучались 45 или 46 человек¹⁵. Тем самым в 1802/03 учебном году в университетах империи насчитывалось 249–250 студентов. Однако уже в 1805 г. в названных, а также в Казанском и Харьковском¹⁶ университетах имелось 715 студентов, в 1806 г. – 745, 1807 г. – 659, 1808 г. – 779¹⁷.

(СПМНП. Т. 1. Стб. 139). Однако для других учебных округов подобных уточнений не делалось (Феребов А.Н. Причины увеличения притока студентов... С. 121).

¹¹ Феребов А.Н. Причины увеличения притока студентов... С. 115.

¹² О свободе обучения см.: Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / Под ред. А.Ю. Андреева, С.И. Порохова. М., 2012. С. 444–453.

¹³ Феофанов А.М. Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX века. М., 2011. С. 44; Сборник материалов для истории просвещения в России, извлечённых из архива Министерства народного просвещения. Т. 4. Вып. 1. СПб., 1902. Стб. 17–18.

¹⁴ Kamińska J. Universitas Vilnensis 1793–1803. Od Szkoły Głównej Wielkiego Księstwa Litewskiego do Imperatorskiego Uniwersytetu Wileńskiego. Warszawa, 2012. S. 222. Использованы данные по именному списку. В отчётах этого времени сообщалось также о 252 и 300 студентах (Там же; Сборник материалов для истории просвещения... Стб. 17–18). Причина столь сильных расхождений неясна, но они нередки. Ср.: Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1809. № 23. С. 280–281; Vilniaus universiteto istorija, 1803–1940. Vilnius, 1977. Р. 26.

¹⁵ Сборник материалов для истории просвещения... Стб. 17–18. Статистические таблицы и личные списки по Императорскому Юрьевскому, бывшему Дерптскому, университету (1802–1901). Приложение к историческому очерку Е.В. Петухова: «Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования. Юрьев. 1902». Юрьев, 1902. С. 4.

¹⁶ Оба последних университета были основаны в 1804 г., но чтение лекций в Харькове открылось в январе, а в Казани – в феврале 1805 г.

¹⁷ Подсчитано по: Булич Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819). Рассказы по архивным материалам. В 2 ч. Ч. 1. Казань, 1887. С. 449–450; Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). В 2 т. Т. 1. Харьков, 1893–1898. С. 788, 794;

Резкое снижение показателя в 1807 г. следует связывать с указами от 3 июля и 3 ноября 1806 г., вышедшими соответственно в преддверии и в начале русско-прусской-французской войны 1806–1807 гг. и даровавшими университетским студентам (сначала дворянам, а затем представителям других сословий¹⁸) право на ускоренное производство в первый офицерский чин при вступлении в военную службу. Рескрипты на имя министров внутренних дел и народного просвещения, данными императором 14 марта 1807 г. в ходе продолжавшегося противостояния с Францией, подтверждались права студентов, а также призывались к переходу в кадетские корпуса «обучающиеся как в гимназиях, так и других училищах дворяне»¹⁹. Последнее решение сократило базу потенциальных абитуриентов. На это указывает и сообщение Маркова, объяснявшего уход детей из училищ Черниговской губ. «частию вследствие высочайше дарованного права вступления в корпуса»²⁰. Поэтому после заключения 25 июня 1807 г. Тильзитского мира численность российских студентов восстановилась не сразу, но уже в следующем году – т.е. тогда, когда исполнилось пять лет со дня утверждения «Предварительных правил», – их количество возросло настолько резко, что превысило уровень 1806 г.

Как видно, в 1803–1808 гг. в российском обществе в целом обнаруживался отклик на предстоявшее введение образовательного ценза для государственных служащих. Однако неопределенность формулировок ст. 24 «Предварительных правил» не позволяла закрепить этот эффект, а вынужденные меры правительства в условиях неудачной войны даже способствовали временному сокращению количества студентов.

Статистические таблицы и личные списки... С. 4; *Vilniaus universiteto istorija...* Р. 26; *Андреев А.Ю. Московский университет...* С. 287. По большинству университетов учтены данные по состоянию на конец календарного года, по Виленскому – на 1 сентября. Для 1805 г. из сведений о Казанском университете были использованы данные на начало 1805/06 учебного года. В отношении Харьковского университета использованы сводные данные, но при вычете из численности студентов 1806 г. выбывших впоследствии и добавлении вновь принятых число учащихся в 1807 г. возрастает на 7 человек, как и в 1808 г. (*Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета...* Т. 1. С. 790–791).

¹⁸ О роли руководства Дерптского университета в появлении указа от 3 июля 1806 г. см.: *Жуковская Т.Н. Между Марсом и Минервой: война, военная служба и университеты в первой половине XIX века // Диалог со временем. Вып. 29. Мир и война: аспекты интеллектуальной истории. М., 2009. С. 290–292.* Начальство Московского университета знало о распространении этой льготы на разночинцев уже в начале сентября (*Кунц Е.В. М.Н. Муравьев – реформатор, попечитель, наставник, поэт. М., 2018. С. 188.*)

¹⁹ СПМНП. Т. 1. Стб. 447, 471, 482–483. В литературе высказывалось мнение о стремлении правительства с помощью этих постановлений привлечь молодёжь в университеты (*Рождественский С.В. Исторический обзор...* С. 61; *Хорошилова Л.Б. Студенты // Университет для России. Т. 2. М., 2001. С. 243–244; *Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования...* Т. 1. С. 189, 268; *Московский университет и армия. М., 1997. С. 7.*) Согласно другой точке зрения, в результате их принятия, наоборот, произошёл значительный отток студентов. Правда, до сих пор упоминались данные одного Казанского университета (*Булич Н. Из первых лет Казанского университета... Ч. 1. С. 400–401; Загоскин Н.П. История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т. 1. Казань, 1902. С. 204–205; Фромметт Б.Р. Очерки по истории студенчества в России. СПб.; М., 1912. С. 9–10; Flynn J. T. The University Reform of Tsar Alexander I. 1802–1835. Washington, 1988. Р. 33; Кукушкина Г.В. Политика правительства России в области высшего образования в первой четверти XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. С. 234.*)*

²⁰ Цит. по: *Андреев А.Ф. Материалы для истории учебных заведений...* С. 72.

Сдерживающим фактором для роста числа учащихся также должно было стать понимание «Предварительных правил» в том смысле, что «ценз при определении к гражданской должности» означает проверку знаний «при вступлении в службу вообще», а не специальных экзаменов в зависимости от профиля ведомства, к которому принадлежала та или иная должность. Свидетельств об обсуждении в обществе таких вариантов до 6 августа 1809 г. не выявлено, но именно способ решения этого вопроса «законом об экзаменах» подвергся наиболее жёсткой критике современниками. Так, отмечая несообразность установления ценза при прохождении средних и высших степеней Табели о рангах, Н.М. Карамзин обратил внимание на опыт «самых просвещённых» государств, в которых «требовалось от чиновников только необходимого для их службы знания: науки инженерной от инженера, законоведения от судьи» и т.д. Напоминая же о предупреждении, сделанном в ходе реформы 1802–1804 гг., он подчеркнул, что вместо порядка, введённого 6 августа 1809 г., «надлежало бы только исполнить сказанное в уставе университетском, что впредь молодые люди, *вступая в службу* (выделено мной. — А.Ф.), обязаны предъявлять свидетельство о своих знаниях»²¹. По справедливому замечанию Н.Ф. Дубровина, «многие ожидали разъяснения в этом отношении» в первое время после принятия указа об экзаменах на чины, поскольку «сначала никто не хотел верить, чтобы этот указ мог относиться к чиновникам, уже находившимся на службе»²². Вероятнее всего, такая интерпретация слов «Предварительных правил» получила широкое распространение уже в 1803–1808 гг., и с этой точки зрения заметная часть родителей могла полагать, что до истечения пятилетнего срока их детям следует не тратить время на обучение в гимназиях и университетах, а поскорее поступить на службу.

Указ от 6 августа 1809 г. обманул все возможные ожидания, основанные на тезисах ст. 24 «Предварительных правил». Вместо момента вступления в службу или определения к конкретной должности ценз распространился на производство в VIII и V классы всех гражданских чиновников независимо от их возраста, служебного стажа и накопленного практического опыта. Возможность окончания «общественного или частного училища» заменилась на требование исключительно университетского аттестата, а тем, кто его не имел, предлагалось выдержать экзамены по широкому набору предметов. Хотя точный уровень проверявшихся знаний неизвестен, часть программы испытаний, видимо, не превышала гимназического курса. Так, грамматика русского языка и сочинение на нём, «начальные основания» математики и «общие сведения в главных частях физики», скорее всего, в достаточном объёме преподавались уже в уездных училищах. Знание одного иностранного языка, включая «удобность перелагать» с него на русский, «основательное познание» в отечественной и всеобщей истории «с частями, к ней принадлежащими» (географией и хронологией), первоначальные основания статистики, «особенно Российского государства», по-видимому, можно было в необходимой мере почерпнуть в гимназиях. В них же начиналось изучение политической экономии и естественного права, но требование «основательных познаний» в последнем, а также в римском и частном гражданском (с приложением

²¹ Карамзин Н.М. О древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях // Карамзин Н.М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика / Сост. В.Б. Муравьёв. М., 2002. С. 409–410.

²² Дубровин Н. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. Т. 104. 1900. № 11. С. 268.

к российскому законодательству) праве и уголовных законах подразумевало уже обучение на нравственно-политических (юридических) отделениях университетов²³.

В первую очередь постановление 1809 г. ударило по служебным перспективам тех, кто нигде не учился или под воздействием «Предварительных правил» заблаговременно закончил не университет, а иное «общественное или частное училище». Традиционно считается, что ответная реакция чиновничества и общества в целом свелась к поиску обходных путей для получения заветных чинов. Подобный подход резюмировали А.А. Белых и А.Л. Дмитриев, выделившие «четыре способа преодолеть ограничения, накладываемые новым законом». Во-первых, чиновники могли «предпринять необходимые действия до введения документа в силу», чему, однако, помешало сокрытие данных о его подготовке от окружающих. По мнению исследователей, помимо императора и Сперанского о будущем постановлении «знал лишь» А.А. Аракчеев, поспешиивший обеспечить чинами VIII и V классов «некоторых своих приближённых». Во-вторых, можно было «представить фиктивный документ о необходимом уровне знаний», получив аттестат с помощью подкупа профессоров. Третий и четвёртый способы заключались в том, чтобы «добиться исключений», череда которых последовала с 1811 г., или «отменить сам указ», что, правда, не состоялось, «но зато в отставку был отправлен сам автор его текста — Сперанский»²⁴.

Несомненно, некоторые из перечисленных лазеек использовались с различным успехом. Не останавливаясь на свидетельствах, которые могли подпитываться выгодными чиновниками слухами²⁵ (Ф.Ф. Вигеля, А.С. Пушкина и др.), достаточно вспомнить, что подозрения в мздоимстве при испытаниях по указу 1809 г. высказывались даже в профессорской среде²⁶. Однако существуют примеры и старательной подготовки к экзаменам²⁷. Исключения для отдельных государственных органов действительно вводились, но имели очень ограниченное распространение. Поэтому можно согласиться с наблюдением М.А. Корфа, что закон этот, «несмотря на то, что действие его, вскоре ослабленное разными переменами и изъятиями, не было допущено до полного развития, принёс более плода, нежели все прочие меры, когда-либо принятые правительством»²⁸. Появились и новые способы преодоления установленного барьера, связанные с подтверждением уровня подготовки, не уступавшего уни-

²³ СПМНП. Т. 1. Стб. 335–337, 354, 586.

²⁴ Белых А.А., Дмитриев А.Л. Образование и происхождение: из истории гражданской службы в России в XIX веке // Экономическая политика. Т. 16. 2021. № 4. С. 151–152.

²⁵ По замечанию Д.И. Багалея, «зависть и недружелюбное отношение», которыми была проникнута часть харьковского общества в связи с привилегированным положением университета и его профессоров после реформы 1802–1804 гг., «особенно сильно должны были развиться вследствие учреждения при университете» комитета «для испытания гражданских чиновников, не бывших в университете, но желавших получить высшие чинсы» (Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета... Т. 1. С. 296). Такие чувства наполняли сердца не только части харьковчан. Об этом можно судить по хождению в различных местах эпиграмм и сатир, высказывавших сомнения в честности профессоров (Дубровин Н. Русская жизнь... С. 273; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 32).

²⁶ Подробнее см.: Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета... Т. 1. С. 288.

²⁷ Аксаков С. Биография М.Н. Загоскина. М., 1853. С. 18; Письма А.И. Кошелева И.В. Киреевскому (1822–1828) / Публ. Е.В. Лудиловой // Русская литература. 2005. № 1. С. 105–106.

²⁸ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. В 2 т. Изд. испр. Т. 1. СПб., 1861. С. 185.

верситетскому (получение учёной степени; публикация сочинений и трудов, снискавших «отличную славу» в учёном свете)²⁹.

Следует отметить, что мнение о приспособлении служащих к новым требованиям только с помощью различных уловок и прямых нарушений законодательства опирается на общее представление о месте указа 1809 г. в образовательной политике правительства и среди факторов распространения просвещения в российском обществе в начале XIX в. Помимо тезиса о преемственности «закона об экзаменах» по отношению к предупреждению «Предварительных правил» оно включает положения о вынужденном характере у становления в 1809 г. нового порядка чинопроизводства, справедливо наказавшего отсутствие тяги к систематическому образованию в дворянской среде, а также о последовавшей общественной реакции как о проявлении закоснелых в своём невежестве «подъячих» и уязвленных в чувстве сословной исключительности дворян. Все вместе и по отдельности эти положения получили отражение на страницах многих исследований³⁰.

В этой картине российское общество предстаёт носителем укоренённого чувства правового нигилизма. Такому взгляду потворствует и легенда о тайной подготовке указа об экзаменах на чины, получившая широкое хождение в литературе. В развернутом виде она приведена уже в труде Корфа, где сообщается, будто проект разрабатывался Сперанским и Александром I и был конфирирован, пока получивший «в конце лета» 1809 г. травму император «несколько недель» безвыездно находился в Петергофе³¹. Получалось, что исподтишка сочинённый и принятый закон встретил заслуженные всеобщие презрение и отказ его исполнить. На самом деле записка с обоснованием положений будущего постановления и первоначальный вариант его текста были представлены царю ещё 11 декабря 1808 г., проект закона обсуждался в Комитете министров 31 марта 1809 г., а в июле и начале августа 1809 г. Александр I приезжал в Петергоф трижды (два раза не более чем на сутки, и лишь по случаю празднования дня тезоименитства императрицы Марии Фёдоровны 22 июля царь находился там несколько дней, с 20 по 24 июля)³².

Нельзя не заметить, что очерченное представление о мотивах постановления 1809 г. и характере последующих действий чиновничества полностью

²⁹ Подробнее см.: *Феребов А.Н.* Развитие норм указа 6 августа 1809 г. в ходе его реализации в первой трети XIX в. // Российская история. 2018. № 6. С. 103–120.

³⁰ *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1. С. 176–186; *Шмид Е.* История средних учебных заведений... С. 22, 73–78; *Пыпин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. Изд. 2, пересм. и доп. СПб., 1885. С. 237; *Евреинов В.А.* Гражданское чинопроизводство в России. СПб., 1887. С. 42–46; *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование. В 4 т. Т. 2. СПб., 1897. С. 260; *Дубровин Н.* Русская жизнь... С. 267–275; *Рождественский С.В.* Сословный вопрос... С. 11–14; *Алешинцев И.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912. С. 50–55; *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат... С. 29–33; *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие... С. 67–68; *Фёдоров В.А.* М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. С. 56–58; *Шепелёв Л.Е.* Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. СПб., 1999. С. 114–115; *Андреев А.Ю.* Московский университет... С. 119–121; *Зипунникова Н.Н.* «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени»... С. 90; *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования... Т. 1. С. 225–226; *Сысоева Е.К.* Школа в России... С. 91–92; *Кусбер Я.* Воспитание элит и народное образование... С. 387–389.

³¹ *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1. С. 178.

³² *Парусов А.И.* Указы 3 апреля и 6 августа 1809 года... С. 52, 54; Камер-фурьерский церемониальный журнал 1808 года. Июль–декабрь. СПб., 1907. С. 1–95; Материалы для истории учебных реформ... С. 374.

следует за точкой зрения, сформулированной самим правительством в преамбуле указа об экзаменах на чины. Так, в ней напоминалось о данном в 1803 г. обещании ввести образовательный ценз и ожидании правительства, «что все, свободные состояния, и особенно сословие дворянское, с поревнованием воспользуются открытием университетов, гимназий и училищ», но констатировалось, «что предположения сии доселе не восприяли ещё своего действия». Законодатель полагал, что важнейший показатель успешного развития образовательной системы – количество студентов, из которых предполагалось набирать «сведущих исполнителей» для всех частей «государственного служения», и отмечал во всех учебных заведениях, кроме Дерптского и Виленского университетов, малочисленность учащихся, недостаток которых в будущем угрожал стать ещё «ощутительнее». Тут же упрекалось «обыкновенное примером своим предшествовать всем другим состояниям» дворянство, не проявившее стремления воспользоваться открывшимися учреждениями. Хотя почти вся преамбула посвящалась проблеме образования юношества, «главным поводом» к пренебрежению новыми учебными заведениями признавалась «удобность достигать чинов... одним пребыванием и счислением лет службы». Именно поэтому установленный 6 августа 1809 г. образовательный ценз был распространён на находившихся на службе чиновников³³. Эта мера возымела действие: уже к концу 1811 г. в пяти университетах обучались 1077 студентов³⁴, т.е. прирост к 1808 г. составил 38,3%.

Между тем новый порядок чинопроизводства затронул не только недостаточно образованных служащих, но и всех университетских выпускников, состоявших в чинах ниже VIII и V рангов. До 1809 г. аттестат об окончании университета требовался только для производства в нижний классный чин при поступлении на службу. Для дворян это правило было введено в 1756 г., а для разночинцев – в 1790 г.³⁵ По достижении этой цели диплом терял своё значение для продвижения по Табели о рангах, и его владелец не имел причин беспокоиться в случае утраты документа. Те, кто получили классный чин до выпуска из университета, имели ещё меньше оснований заботиться о судьбе аттестата. Более того, они могли посчитать лишним внесение сведений об аттестате в формуляр. Например, в 1815 г. экзекутор Московского почтамта титулярный советник В.С. Афанасьев писал, что «не счёл за нужное внести[и] в общий формулярный мой список» данные о студенческом аттестате, полученном «по окончании трёхгодичного курса учения», поскольку «уже имел выше сей степени класс»³⁶. Титулярный советник И.Б. Борисов в 1818 г. сообщал, что с 1783 по 1790 г. учился в университетской гимназии, затем три года слушал профессорские лекции, но не стал сразу брать аттестат о полученном образовании, потому что «он для меня по тогдашнему времени был не нужен, так как

³³ СПМНП. Т. 1. Стб. 582–583.

³⁴ Подсчитано по: Булич Н. Из первых лет Казанского университета... Ч. 1. С. 451; Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета... Т. 1. С. 794; Статистические таблицы и личные списки... С. 4; Vilnius universiteto istorija... Р. 26; Андреев А.Ю. Московский университет... С. 287. По большинству университетов учтены данные по состоянию на конец календарного года, по Виленскому – на 1 сентября. Сверх указанных данных, известно, что в Харьковском университете учились также 14, а в Московском – 90 вольных слушателей, статус которых в этот период недостаточно ясен (подробнее см.: Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета... Т. 1. С. 789–805; Андреев А.Ю. Московский университет... С. 209).

³⁵ ПСЗ-И. Т. 14. № 10558. С. 572; Т. 23. № 16930. С. 202.

³⁶ ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 112, д. 113, л. 1, 7 об.

я избрал службу в оном же университете» в канцелярии. Вместо этого, отмечал он, «взяты мною были свидетельства: гимназическое и профессорское, которые и представлены мною были для помещения в формулярном моём списке»³⁷. По той же причине до 1819 г. не брал аттестат Ф.О. Бужинский, являвшийся студентом Московского университета в 1798–1802 гг.³⁸

После 6 августа 1809 г. ситуация в корне изменилась: все бывшие студенты должны были подтверждать своё право на повышение в коллежские асессоры и статские советники, аттестаты следовало хранить в течение всей карьеры, а уже потерянные – восстановить. До недавнего времени в литературе на это обстоятельство не обращалось внимания.

О наличии данной проблемы свидетельствуют материалы Московского университета. Его воспитанники оказались в особенно затруднительном положении из-за уничтожения университетского архива в пожаре 1812 г. и ухода из жизни профессоров, способных подтвердить обучение того или иного чиновника в университете в конце XVIII – начале XIX в. Ситуацию усугубляла постепенная отмена свободы обучения в 1810-х – начале 1820-х гг. Особенное значение приобрело введение министром народного просвещения 30 сентября 1814 г. правила о выдаче «полных» и «неполных» аттестатов в зависимости от того, прошёл ли студент весь трёхлетний курс обучения или нет (для немедицинских факультетов). Впоследствии это требование затрудняло определение права на производство по указу об экзаменах на чины даже тех бывших студентов, у которых имелись на руках подлинные аттестаты, но вышедших из университета до 1814 г. Тем же, кто потерял оригинал диплома, непросто было доказать продолжительность и полноту своего обучения. Перспектива успеха их попыток свелась к минимуму после распоряжения министра духовных дел и народного просвещения кн. А.Н. Голицына в 1821 г. выдавать «вторичные» (т.е. копии) аттестаты взамен утерянных только при наличии в университете отпуска с оригинального документа³⁹.

Хранящиеся в ЦГА Москвы материалы Московского университета (ф. 418) и канцелярии его попечителя (ф. 459) показывают, что в 1810-х гг. за новым аттестатом для удовлетворения требованиям указа 1809 г. обращались не только бывшие студенты, но и учащиеся состоявших при университете гимназии и Благородного пансиона. К настоящему времени выявлено почти три десятка таких дел⁴⁰, позволяющих прояснить, какими способами просители обосновывали своё право на документ, открывавший путь к чинам VIII и V классов,

³⁷ Там же, оп. 115, д. 474, л. 1.

³⁸ Там же, оп. 116, д. 2, л. 1–1 об. О других особенностях отражения сведений об образовании в формулярных списках и проблеме их интерпретации см.: Иванов В.А. Губернское чиновничество 50–60 гг. XIX в. в России (по материалам Московской и Калужской губерний). Историко-источниковедческие очерки. Калуга, 1994. С. 32–35; Иванов В.А. Чинопроизводство служащих местных государственных учреждений России в дореформенное время: законодательные нормативы и служебная практика (постановка проблемы) // Формирование эффективной системы управления и самоуправления на Южном Урале в XVIII–XX вв. Сборник научных трудов. Уфа, 2014. С. 23–37; Феофанов А.М. «Учился в университете»: что стоит за этой фразой? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2. История. История Русской Православной Церкви. 2025. Вып. 124. С. 42–54.

³⁹ Феребов А.Н. Развитие норм указа... С. 110–111.

⁴⁰ Помимо отдельных архивных дел, касающихся обычно одного-двух человек, с этой же целью полностью изучены журналы заседаний правления за 1813 г. и частично – за 1814 и 1815 гг.

чем руководствовались профессора и училищное начальство при проверке этих обращений и от чего зависело окончательное решение по ним⁴¹.

Поскольку указ об экзаменах на чины распространялся на служащих всех возрастов, то не удивительно, что за выдачей «вторичного» аттестата обращались чиновники, учившиеся в Московском университете ещё в 1780-х гг.⁴² Потеря подлинников некоторыми просителями датировалась 1790–1800-ми гг.⁴³, но чаще всего была связана со «сгорением» при занятии французами Москвы в 1812 г. Среди причин утраты документа упоминались также ограбление и случайная потеря в поездке⁴⁴.

Обычно просители обращались вправление университета⁴⁵, поскольку именно этот орган ведал выдачей аттестатов в познаниях. Если прошения поступали к попечителю, то они препровождались вправление в копиях или оригиналах вместе со всеми приложенными к ним бумагами. Подробное рассмотрение вопроса начиналось после предъявления формулярного списка или иного документа с места службы либо после засвидетельствования профессорами, что проситель действительно слушал их лекции. Допускалось предоставить и другие доказательства, подтверждавшие время и обстоятельства обучения в университете. Некоторые из изученных дел, относящиеся к 1814–1816 гг., заканчиваются выпиской из журнала заседанияправления о требовании сорвать от профессоров свидетельства (видимо, вследствие невыполнения этого просителями)⁴⁶.

Впрочем, требование профессорских свидетельств, вероятно, появилось не сразу. Так, о них вовсе не упоминается при рассмотрении в 1813 г. прошений бывшего студента П.И. Григоровского (в феврале–марте), коллежского советника М. Могилянского (в сентябре) и отставного губернского секретаря В.М. Панова (в ноябре).

Василий Максимович Панов, учившийся в Московском университете в 1805–1807 гг., – это, скорее всего, ставший впоследствии известным агрономом-практиком муж Екатерины Дмитриевны, урождённой Улыбышевой, адресата «Философических писем» П.Я. Чаадаева⁴⁷. При прошении он представил аттестат с бывшего места службы (VII департамент Сената), в котором упоминалось о его вступлении «в оный департамент... из студентов», а так-

⁴¹ Названия соответствующих единиц хранения не всегда содержат указания на то, что речь идёт о выдаче «вторичного» аттестата или свидетельства и даже о прежде пройденном обучении. Ряд дел, имеющих схожие наименования, на поверку оказались связаны с увольнением чиновников университета, запросами из различных ведомств о документах студентов, не успевших получить аттестат из-за Отечественной войны 1812 г., подтверждением предоставленного ранее чиновнику права слушать лекции, внесением исправлений (например, в данные о происхождении) в аттестаты, выданные после 1812 г. (см.: ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 109, д. 64; оп. 115, д. 474; оп. 116, д. 2; оп. 250, д. 1, л. 109 об., 225–225 об.; д. 1а, л. 180 об.–181; ф. 459, оп. 1, д. 921). Поэтому точное количество обращений за обновлением аттестата из-за требований указа 1809 г. в рассматриваемый период назвать сложно.

⁴² Там же, ф. 459, оп. 1, д. 99, л. 8.

⁴³ Там же, ф. 418, оп. 110, д. 377, л. 1 об.; оп. 113, д. 384, л. 1.

⁴⁴ Там же, оп. 110, д. 377, л. 1 об.; оп. 115, д. 310, л. 1.

⁴⁵ До середины сентября 1813 г. вместоправления действовала Временная комиссия, учреждённая для управления текущими делами по Императорскому Московскому университету и его учебному округу. Кратко она называлась Временной комиссией по частиправления.

⁴⁶ Там же, оп. 110, д. 374; оп. 112, д. 130; оп. 113, д. 430.

⁴⁷ Львов Б. Панов (Василий Максимович) // Русский биографический словарь / Под ред. А.А. Половцова. [Т. 13]. Павел, преподобный–Пётр (Илейка). СПб., 1902. С. 262–263.

же копию заявления в Управу благочиния о пропаже подлинного университетского аттестата. В правлении ему выдали новый аттестат с перечислением тех дисциплин, которые упомянул сам проситель. После выхода в отставку в мае 1813 г. Панов, видимо, не возвращался на службу⁴⁸.

О Григоровском (студент в 1801–1808 гг.) дополнительных сведений найти не удалось. Аттестат ему выдали после того, как он по требованию правления перечислил профессоров, у которых учился, и «представил достоверное свидетельство» о причинах невступления в службу (из-за болезненного состояния) и месте своего жительства с 1808 г.⁴⁹

Могилянский (студент в 1786–1788 гг.) сразу назвал имена обучавших его профессоров в своём прощении, направленном в канцелярию попечителя Московского учебного округа П.И. Голенищева-Кутузова. Препровождая это обращение в правление, попечитель предложил снабдить чиновника «немедленно просимым им свидетельством», поскольку ему было «известно» о том, что Могилянский «действительно находился в университете и произведён в студенты». В соответствии с поступившей просьбой, Голенищев-Кутузов дважды повторил, что в аттестате необходимо прописать об обучении наукам, «гражданской службе свойственным»⁵⁰. По-видимому, здесь идёт речь о Матвее Васильевиче Могилянском, которого «не мог и не хотел также, против совести, защищать» министр юстиции И.И. Дмитриев после «справедливой жалобы на него киевского губернского начальства»⁵¹. 20 декабря 1810 г. губернский прокурор Могилянский был причислен к Герольдии и находился «не у дел», пока 11 ноября 1811 г. не получил назначение в Департамент государственных имуществ Министерства финансов начальником отделения судных и тяжебных дел, а 29 июля 1815 г. – чертёжного отделения. Чин коллежского советника он получил 13 июля 1809 г., а статского советника – при отставке 23 мая 1819 г.⁵², из чего можно заключить, что полученный в Московском университете аттестат не способствовал ускорению его чинопроизводства.

В последующие годы требования свидетельств профессоров встречаются регулярно, если проситель не приложил их при своём заявлении. Порой правление предоставляло право на отбор таких свидетельств ректору⁵³.

Следует отметить, что подтверждение Пановым факта потери аттестата выделяется на фоне аналогичных дел 1813–1814 гг., в которых не упоминается о заявлении в связи с пропажей в правоохранительные органы или о подаче объявления об этом в газеты⁵⁴. В материалах второй половины 1810-х гг., наоборот, регулярно фиксируются извещения о пропавшем документе в газетах.

⁴⁸ ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 109, д. 204; оп. 250, д. 1, л. 486 об.–487.

⁴⁹ Там же, ф. 418, оп. 109, д. 265; оп. 250, д. 1, л. 68–68 об., 91–92.

⁵⁰ Там же, оп. 250, д. 1, л. 357 об.–358 об.; ф. 459, оп. 1, д. 99, л. 8–10. Об обучении Панова, Григоровского и Могилянского также см.: Феофанов А.М. Студенты Московского университета второй половины XVIII – первой половины XIX века. Биобиографический словарь. М., 2013. С. 78–79, 183, 209.

⁵¹ Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. М., 1866. С. 199.

⁵² Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1809. 31 июля. № 31. С. 404; 1811. 14 января. № 2. С. 18; 9 декабря. № 49. С. 544; 1815. 18 сентября. № 38. С. 219; 1819. 14 июня. № 24. С. 220.

⁵³ ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 112, д. 207, л. 4, 6; оп. 114, д. 180, л. 7; оп. 116, д. 411, л. 3.

⁵⁴ Ср.: Там же, оп. 109, д. 151, 265; оп. 110, д. 377; оп. 250, д. 1, л. 68–68 об., 91–92, 357 об.–358 об.; д. 1а, л. 95–96; ф. 459, оп. 1, д. 99. Вместе с тем о таком объявлении говорится, например, при обращении казённого ученика А. Донцова за выдачей нового свидетельства об обучении в уни-

Обычно они публиковались в «Московских ведомостях», а при их отсутствии профессора настаивали на «припечатании» таких объявлений «для удостоверения правления об утрате»⁵⁵.

Важными документами, удостоверявшими право просителя на получение «вторичного» аттестата, являлись формулярные списки и аттестаты с места службы, в которых упоминалось о вступлении в последнюю «из студентов». Иногда они заменяли собой свидетельства профессоров, в других случаях – выступали в роли дополнительных материалов. В этом отношении наиболее примечательны детали дела Афанасьева. Подав прошение вправление 4 октября 1815 г., он сообщил о размещении в «Московских ведомостях» объявления о пропаже подлинного аттестата и об этапах своего образования. С августа 1796 г. Афанасьев учился в дворянской гимназии при университете, с 1802 г. являлся студентом, а в 1805 г. был уволен с «приличным аттестатом». Место своей службы Афанасьев не указал, назвавшись только титулярным советником, и свидетельств профессоров не представил. Узнав из газетного оповещения, что он служит в Московском почтамте,правление запросило оттуда копию его формулярного списка. Ответ пришёл 15 числа. Вместе с копией формуляра «для вящшего удостоверения» прислали и «копию с копии» аттестата, данной Афанасьеву в 1803 г. при увольнении с предыдущего места службы в Экспедиции кремлёвского строения и представленной им при устройстве в почтовое ведомство в 1809 г.⁵⁶ В обоих документах не упоминалось о студенческом звании Афанасьева, и только во втором говорилось о его обучении в гимназии без обозначения срока пребывания в ней.

Письменных свидетельств об обращении профессоров к Афанасьеву за пояснениями расхождений между его заявлением и документами, присланными из почтамта, не найдено. Однако 18 октября Афанасьев составил новое прошение (получено вправление 21 числа), в котором писал: «Правление Императорского Московского университета отношением своим в Московский почтамт требовало послужного моего списка в том, должно быть, предположении, чтобы усмотреть из оного, действительно ли я был произведён от Московского университета студентом». Отсутствие такой записи он пояснил тем, что до выхода из университета уже получил более высокий чин и не посчитал нужным включать в формулярный список сведение о «студентском аттестате». Ещё в период обучения в гимназии, в августе 1797 г., он устроился в канцелярию университета в звании губернского регистратора, где в 1799 г. дослужился до чина губернского секретаря (XII класс) и откуда в 1802 г. перешёл в упомянутую экспедицию.

Не исключено, что он сам инициировал приложение аттестата из экспедиции к послужному списку, поскольку ещё до присылки бумаг из почтамта в университет озабочился получением свидетельств от профессоров: двух от А.Ф. Мерзлякова (одно без даты, другое от 14 октября) и одного от И.А. Двигубского (17 октября). Оба профессора подтвердили факт производства Афа-

---

верситетской гимназии, оконченном в 1810 г. Причём объявление разместило самоправление (Там же, ф. 418, оп. 250, д. 1, л. 224).

⁵⁵ Там же, ф. 418, оп. 112, д. 130, л. 3; оп. 110, д. 374, л. 3; оп. 113, д. 430, л. 3; оп. 250, д. 1а, л. 539 об.; оп. 250, д. 2, л. 261–261 об., 317.

⁵⁶ Полученный в 1803 г. подлинник Афанасьев потерял и потому представил «вторичный» аттестат, выданный Экспедицией кремлёвского строения в 1808 г. Отпуск с последнего см.: Там же, ф. 508, оп. 5, д. 88, л. 1.

насьева в студенты и продолжение им после этого обучения в университете, а Мерзляков – «бывший его товарищ и соученик» – зафиксировал слушание Афанасьевым в 1804 г. лекций красноречия и поэзии. Однако в составленном правлением 1 ноября 1815 г. аттестате (получен просителем на следующий день) были перечислены все дисциплины, которые Афанасьев упомянул при первом своём обращении – как гимназические, так и университетские. Из-за действия к этому времени распоряжения от 30 сентября 1814 г. о полных аттестатах особое значение могло иметь и подтверждение срока обучения в университете в студенческом звании в течение трёх лет⁵⁷.

Правда, это не помогло Афанасьеву стать коллежским асессором в установленный срок. После получения чина титулярного советника 31 декабря 1813 г. ему как дворянину, по общему порядку, надо было ждать повышения на следующую ступень четыре года⁵⁸. Между тем, по данным А.И. Серкова, в 1819 г. Афанасьев всё ещё числился в IX классе⁵⁹. Вероятно, приостановка в чинопроизводстве была вызвана некой провинностью, поскольку в письмах А.И. Тургенева московскому почт-директору К.Я. Булгакову в 1816 г. дважды звучал призыв: «Не преследуй Афанасьева», а в послании 16 ноября 1817 г. Тургенев выразил сожаление о его участии и заметил, что не смеет «более присить о нём»⁶⁰.

Ужесточение правил выдачи «вторичных» аттестатов связано с делом почт-мейстерского помощника Костромской губернской почтовой конторы титулярного советника П.А. Шешадамова. Его прошение, составленное 3 октября 1816 г., поступило в правление университета 11 числа. Шешадамов сообщил, что после обучения в Вологодской семинарии он в 1794 г. был принят на казённое содержание в университетскую гимназию, откуда в июне 1796 г. произведён студентом и «по просьбе моей уволен с приличным учению и поведению моему ат[т]естатом, которой мною вскоре нечаянно был затерян». Перечислив пройденные в гимназии науки, он промолчал о посещении лекций в университете, зато упомянул о размещённом в «Московских ведомостях» в сентябре 1816 г. объявлении о пропаже подлинного аттестата. Кроме того, он приложил свидетельства профессоров А.М. Брянцева и М.Г. Гаврилова, подтвердивших факт производства просителя в студенты. Содержание аттестата, выданного 16 октября 1816 г., соответствовало прошению: приводился список гимназических предметов и сообщалось о приобретении студенческого звания.

В период действия свободы обучения этих сведений было бы достаточно, чтобы признать за Шешадамовым все служебные преимущества, дарованные университетским студентам. Однако в 1820 г., когда в Почтовый департамент поступило представление о его производстве в коллежские асессоры, начальство усомнилось в достаточности выданного в 1816 г. аттестата и обратилось в Министерство духовных дел и народного просвещения для подтверждения прав титулярного советника на следующий чин. Министр подметил, что из

⁵⁷ Там же, ф. 418, оп. 112, д. 113. В биобиографическом словаре студентов Московского университета, подготовленном А.М. Феофановым, он не упоминается.

⁵⁸ ПСЗ-1. Т. 25. № 19219. С. 914; ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 112, д. 113, л. 5 об.–6.

⁵⁹ Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 73.

⁶⁰ Письма Александра Тургенева Булгаковым / Публ. А.А. Сабурова. М., 1939. С. 151, 153, 161. Пост московского почт-директора Булгаков занимал с 11 февраля 1816 г. по 23 декабря 1819 г., когда был перемещён на ту же должность в Санкт-Петербург (Майков П. Булгаков (Константин Яковлевич) // Русский биографический словарь. [Т. 3]. Бетанкур–Бякстер. СПб., 1908. С. 462–463).

аттестата не видно, «чтобы обучался он в самом университете», равно как не показано, «по какой причине выдан ему оный в 1816 году, когда он выбыл из университетской гимназии гораздо прежде того времени». Поэтому кн. Голицын затребовал у Московского университета объяснения, «по какому поводу» выдан документ, если Шешадамов «не обучался в университете и не имел на оный права», а если он прошёл полный университетский курс наук «и достоин аттестата, то для чего сего в оном не прописано». Правление в своём ответе подчеркнуло, что полного аттестата «не могло ему тогда выдать» из-за уничтожения архива в 1812 г. и невозможности «учинить выправки, чemu и у кого из профессоров» и «сколько времени он, Шешадамов, обучался и кончил ли весь курс учения»⁶¹.

Голицын пришёл к выводу, что правление университета «основалось единственно на прошении, от Шешадамова поданном, и внесло в аттестат его то, что сам он в прошении своём показал». Поэтому 28 декабря 1820 г. министр запретил выдачу аттестатов и свидетельств, «со слов самих просителей писанных», и потребовал придерживаться «строго предписанного на таковые случаи порядка»⁶². Судя по разъяснению правления на прошение о выдаче нового аттестата, поданное 1 августа 1821 г. служащим в Особой канцелярии Министерства внутренних дел титулярным советником П.Я. фон Фоком, «предписанный порядок» подразумевал несколько вариантов: наличие в университетском архиве отпуска, по которому можно сделать «выправку», либо предоставление просителем формулярного списка «с означением в оном слушанных им профессорских лекций» или отобранных им самим «свидетельств от тех профессоров, у коих он обучался», из которых должно следовать, какие он «слушал лекции и кончил ли полный курс учения»⁶³.

Собственно, подобный порядок в Московском университете действовал с 1814–1815 гг., и поводом для тщательной проверки аттестата Шешадамова стало его несоответствие требованиям распоряжения от 30 сентября 1814 г. В документе не имелось ни информации о периоде обучения и прослушанных курсах, ни указания на то, что дарованные университетским выпускникам права на него не простираются. Решить эту проблему в пользу просителя можно было бы сверкой с архивными материалами, что для данных о периоде до 1812 г. оказалось невозможным. Неясно, почему Шешадамов не получил более подробных свидетельств от большего числа профессоров, но в результате его произвели в коллежские асессоры только 29 июля 1831 г. на основании указа от 22 августа 1826 г. По этому постановлению, титулярные и коллежские советники, не удовлетворявшие требованиям «закона об экзаменах», получили право на повышение в следующий ранг при выслуге к 22 августа 1826 г. положенных лет в настоящих их чинах и выполнении некоторых других условий⁶⁴.

⁶¹ ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 113, д. 384.

⁶² Там же, оп. 118, д. 68, л. 2.

⁶³ Там же, д. 296, л. 3–4. Речь идёт о брате М.Я. фон Фока, в 1821 г. возглавлявшего Особую канцелярию МВД, а в 1826 г. ставшего управляющим III отделением Собственной его императорского величества канцелярии. О П.Я. фон Фоке см.: *Феофанов А.М. Студенты Московского университета...* С. 311.

⁶⁴ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1831. 8 августа. № 32. С. 1192. Об указе 1826 г. см.: *Феребов А.Н. Развитие норм указа...* С. 107. В справочнике, подготовленном Феофановым, Шешадамов упоминается только как ученик университетской гимназии (*Феофанов А.М. Студенты Московского университета...* С. 330).

Ряд важных наблюдений позволяет сделать ход рассмотрения в университете просьбы маркшейдера 9-го класса В.В. Сумарокова, не успевшего своевременно получить подлинник диплома. Он был произведён в студенты в 1794 г., а 29 апреля 1798 г. «по самой экстренности и без надлежащего аттестата» направлен директором университета И.П. Тургеневым по требованию действительного статского советника Н.А. Львова «для службы по порученной» последнему «Экспедиции приисков и разработки каменного угля»⁶⁵. Сoverшая «временные из одного места в другое переезды для беспрерывных по службе занятий», Сумароков не нашёл «никакой возможности получить надлежащим порядком аттестат». После смерти Львова в 1804 г. он определился на Богословские медеплавильные заводы⁶⁶ в Пермской губ., откуда «и подавно лишился способов воспользоваться тем образования своего несомненным свидетельством»⁶⁷.

26 ноября 1815 г. Сумароков обратился с прошением к Голенищеву-Кутузову, перечислив имена восьми профессоров и преподававшиеся ими науки. Примечательно, с каким пристальным вниманием Голенищев-Кутузов потребовал от правления отнести к этому делу, велев «сделать обо всём в оном прописываемом вернейшую выправку», и «нежели за сим окажется, что он воистину обучался всем наукам и у тех же профессоров, как в прошении своём изъясняет, то, составя из оного испрашиваемый им аттестат, препроводить его ко мне для вручения Сумарокову»⁶⁸. Этую скрупулёзность можно сопоставить с другими откликами попечителя на поступавшие к нему прошения: для Могилянского Голенищев-Кутузов, как отмечалось выше, горячо «предлагал» правлению «немедленно» снабдить просителя требуемым аттестатом; про советника Орловского губернского правления титулярного советника Н.А. Артемьева (который впоследствии не предоставил затребованные правлением профессорские свидетельства) он утверждал, что «всему университету и мне известно, что [господин] Артемьев действительно в оном обучался», и отмечал, «буде не встретится каковых-либо законных препятствий к выдаче ему аттестата, в таком случае снабдить его оным без замедления»⁶⁹; в отношении служащего первого отделения Департамента уделов титулярного советника А.И. Егорова равнодушно предлагалось, «изготовя аттестат, препроводить ко мне»⁷⁰. Сумароков не упомянул о своём происхождении, но, возможно, Голенищев-Кутузов знал, что перед ним лежит просьба вольноотпущенника⁷¹. Во всяком случае, в первый

⁶⁵ ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 112, д. 207, л. 2 об.; ф. 459, оп. 1, д. 619, л. 1 об.–2. Подробнее о промышленных разработках каменного угля под управлением известного архитектора, инженера, естествоиспытателя и литератора Львова, при выполнении которых отмечена высокая роль Сумарокова, см.: Зворыкин А.А. Первооткрыватели каменоугольных бассейнов СССР. Стенограмма лекции, прочитанной по поручению Общества в Московском Горном институте имени И.В. Сталина. М., 1950. С. 20–26.

⁶⁶ В конце XVIII в. это было крупнейшее предприятие по производству меди. Однако в первые годы XIX в. объём выплавки начал снижаться, а себестоимость продукции растя, что привело в итоге к упадку заводов (Чудновских В.А. Промышленное освоение Северного Урала в крепостную эпоху (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Екатеринбург, 2000. С. 58–63).

⁶⁷ ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 112, д. 207, л. 2–3; ф. 459, оп. 1, д. 619, л. 1–2.

⁶⁸ Там же, ф. 418, оп. 112, д. 207, л. 1–1 об.; ф. 459, оп. 1, д. 619, л. 3.

⁶⁹ Там же, ф. 418, оп. 113, д. 430, л. 1; ф. 459, оп. 1, д. 619, л. 5.

⁷⁰ Там же, ф. 418, оп. 109, д. 151, л. 1; ф. 459, оп. 1, д. 99, л. 2.

⁷¹ Феофанов А.М. «Учился в университете»... С. 48–49.

раз Павел Иванович стал куратором Московского университета в конце марта 1798 г., за месяц до отправки Сумарокова ко Львову⁷².

Правление поручило ректору подготовить необходимую справку, но дело не продвинулось, пока в ноябре 1816 г. в университет не поступил запрос из Департамента горных и соляных дел. Поскольку к этому времени из упомянутых Сумароковым в живых оставались лишь Брянцев, И.А. Гейм и А.А. Прокопович-Антонский, то в подготовленном 11 декабря аттестате были упомянуты только прослушанные у них лекции о теоретической философии, немецкой литературе и натуральной истории⁷³.

Неполный аттестат получил и прапорщик П.М. Серафимов. Он поступил в Московский университет в 1812 г., но вскоре вышел из него со свидетельством, данным ректором Геймом, для вступления в Нижегородское ополчение, в котором и находился до распуска последнего, так и не приступив к слушанию лекций. Вернувшись в Москву и предъявив подписанное Геймом свидетельство, он в 1815 г. получил аттестат с отметкой, что «полного курса учения в университете не окончил» и потому на него не распространяется «сила указа 6 августа 1809 года и 26 статья Предварительных правил народного просвещения»⁷⁴. Впоследствии, уже вступив в гражданскую службу, он пытался закончить образование — сначала на физико-математическом, а затем на нравственно-политическом отделении Московского университета⁷⁵.

Более удачливым оказался Д.П. Шелехов, который к 1812 г. получил степень кандидата физико-математических наук. После начала Отечественной войны он со свидетельством от ректора вышел из университета для вступления в Московское ополчение. По возвращении через три года Шелехов собрал необходимые свидетельства профессоров о прослушанных курсах лекций в бытность его студентом, а Гейм подтвердил присуждение ему кандидатской степени в 1811 г. Выданным 10 декабря 1815 г. аттестатом подтверждались все его служебные преимущества⁷⁶.

Особого внимания заслуживают случаи, которые с разной степенью уверенности могут быть интерпретированы как попытки получить документ, соответствовавший требованиям указа 1809 г., теми лицами, по уровню образования не имевшими на него право. Так, в августе 1813 г. Егоров подал прошение Голенищеву-Кутузову, в котором сообщал, что в 1790 г. был помещён в дворянскую университетскую гимназию и, по завершении курса «в высших классах, вышел из университета» в 1797 г. Приведённый при этом перечень предметов⁷⁷ почти полностью охватывал прописанные в «законе об экзаменах» дисциплины — не доставало только частного гражданского права, уголовных законов и хронологии. Профессора заметили, что Егоров упомянул «о таких

⁷² Ив. Дав. Кутузов (Павел Иванович) // Русский биографический словарь. [Т. 9]. Кнаппе-Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 695.

⁷³ ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 112, д. 207, л. 4–12.

⁷⁴ Там же, д. 117, л. 5–5 об. Согласно ст. 26 «Предварительных правил», студенты по окончании наук принимались в службу с чином XIV класса (СПМНП. Т. 1. Стб. 17).

⁷⁵ Феофанов А.М. Студенты Московского университета... С. 264.

⁷⁶ ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 111, д. 116. О нём см. также: Феофанов А.М. Студенты Московского университета... С. 330.

⁷⁷ Арифметика, геометрия, тригонометрия, натуральная история, физика, российское красноречие, всеобщая и российская история, география, естественное и римское право, политическая экономия, российское практическое здравоохранение, гражданская архитектура, французский, немецкий и латинский языки.

науках, которые никогда в той гимназии преподаваемы не были», а политическая экономия в указанное время отсутствовала даже в курсе университета, в который была включена только в 1800-х гг. При разбирательстве выяснилось, что Егоров до 1797 г. учился в гимназии, и, уже находясь на службе, в 1802–1803 гг. с дозволения ректора посещал профессорские лекции по большинству упомянутых им дисциплин. В итоге в выданном ему аттестате говорилось только о его обучении в гимназии⁷⁸.

В 1818 г. титулярный советник Н.Н. Иванов сообщал, что в 1798–1802 гг. обучался «в Императорском Московском университете», но на своё прошение с приложением свидетельства Московской палаты гражданского суда и служебного списка получил отказ. Такое решение объяснялось уничтожением университетского архива «во время неприятельского на Москву нашествия», из-за чего «неизвестно, действительно ли он обучался изъяснённым в прошении» на-укам. Судя по наличию среди последних Закона Божия, арифметики, геометрии и рисования, а также показанию в формулярном списке о поступлении Иванова «в Императорский Московский университет учеником», правление заключило, что проситель учился только в гимназии и не являлся студентом, а потому не стало требовать от него даже сбора профессорских свидетельств⁷⁹.

Наглядно роль покровительства со стороны училищного начальства, в частности приёмы Голенищева-Кутузова, для получения необходимого результата можно увидеть на примере дел о замене документов об образовании коллежскими советниками В.П. Гурьевым и А.М. Искрицким. Судя по всему, они являлись однокашниками по университетскому Благородному пансиону⁸⁰.

17 мая 1815 г. совет Московского университета сообщил попечителю, что по предложению последнего прошла баллотировка Гурьева в почётные члены, и большинством голосов тот был избран. Голенищев-Кутузов «изъявил согласие» на это представление и потребовал скорейшего изготовления диплома, которое, однако, задерживалось. Предупредив об этом Гурьева, Голенищев-Кутузов получил в ответ пространное благодарственное письмо, в котором Василий Петрович попросил попечителя ещё об одном одолжении. Состоя чиновником особых поручений при своём дальнем родственнике министре финансов Д.А. Гурьеве, он должен был по повелению императора отправиться к армии во Францию и «на случай производства в следующий чин по заслугам» хотел избежать «затруднений в представлении требуемого» для этого аттестата. Вспомнив о том, что «под начальством» Голенищева-Кутузова он «был директором тульских училищ и гимназий», а «теперь» избран «в почётные члены университета, руководствующегося строгостию и разборчивостию в удостоении», Гурьев полагал, что «на сих основаниях, без сомнения, принадлежит» ему также «аттестат, требуемый для производства в чины по указу 1809 года». К письму он приложил копию пансионского аттестата, из которого следовало, что в 1787–1791 гг. Гурьев учился в дворянской университетской гимназии, а в 1791–1795 гг. – в пансионе, где за успехи в обучении был награждён золотой медалью.

⁷⁸ ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 109, д. 151; оп. 250, д. 1, л. 334 об.–335, 447 об.–449 об.; ф. 459, оп. 1, д. 99, л. 1–7.

⁷⁹ Там же, ф. 418, оп. 115, д. 219.

⁸⁰ Об их обучении в пансионе см.: Феофанов А.М. Воспитанники Благородного пансиона в 1792 году // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2. История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 4(71). С. 53–57.

Голенищев-Кутузов полностью поддержал его инициативу и 9 июля, провождая бумаги в правление, постарался уверить его членов, что доводы Гурьева совершенно справедливы и законны. Утверждая, что в копии аттестата «означены подробно науки, которые должны проходить чиновники, службою обязанные, и коим г[осподин] Гурьев в пансионе обучался», Голенищев-Кутузов не находил «затруднений к удовлетворению его просьбы» и предложил «правлению составить из оного на законном основании испрашиваемый... аттестат, который следует ему как почётному члену университета и как чиновнику, науками уже образованному»⁸¹.

Для того чтобы понять, насколько такой подход можно считать законным, следует отметить, что права университетских студентов по производству в коллежские асессоры и статские советники были распространены на выпускников Благородного пансиона только в 1818 г. При этом набор дисциплин, которым обучался Гурьев, не охватывал даже программы испытаний по указу 1809 г. В его пансионском аттестате не упоминались естественное, римское и частное гражданское право, политическая экономия и уголовные законы, а также не говорилось отдельно о хронологии⁸². Несмотря на это расхождение, аргументация Голенищева-Кутузова, видимо, не встретила возражений. Во всяком случае, они не зафиксированы в журнале заседания правления 19 июля 1815 г., и новый аттестат был выдан просителю. При этом в записях журнала нет признаков того, что именно добавлялось к сведениям о пансионском обучении, чтобы новый документ соответствовал требованиям указа 1809 г.⁸³ Нет таких указаний и в делах канцелярии попечителя. Но можно отметить, что Голенищев-Кутузов решил принять меры предосторожности и просил Гурьева, в том числе через министра финансов, прислать подлинный пансионский аттестат, «ибо оный, заменяясь» новым, «нужен для хранения при делах университета»⁸⁴. На данный момент среди материалов фондов попечителя и университета такой аттестат не найден⁸⁵.

Некоторые предположения о том, почему профессора согласились выдать новый аттестат и что в него могло быть внесено для преодоления образовательного ценза при чинопроизводстве, позволяет сделать переписка между университетскими инстанциями при выполнении подобной просьбы обер-секретаря первого отделения III департамента Сената Искрицкого⁸⁶. Ставя 6 августа 1815 г. перед профессорами ту же задачу, что и в отношении Гурьева, Голенищев-Кутузов в некоторой степени признал недостаточность пансионского образования 1790-х гг. для придания их владельцам прав по указу 1809 г. Однако ловким риторическим приёмом он заранее опровергал возможные возражения, заметив: «Хотя по существующему в то время, когда он (Искрицкий. – А.Ф.) учился, порядку и не назначено было в пансионе производства в степени сту-

⁸¹ ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 111, д. 224; ф. 459, оп. 1, д. 400, л. 1–10.

⁸² Ср.: Там же, ф. 459, оп. 1, д. 400, л. 7; СПМНП. Т. 1. Стб. 586.

⁸³ ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 250, д. 2, л. 379 об.

⁸⁴ Там же, ф. 459, оп. 1, д. 400, л. 11 об., 13 об.

⁸⁵ О служебной карьере Гурьева см.: *Небожаева Н.В., Санжаровец В.Ф.* Формулярный список В.П. Гурьева как отражение отечественной истории // Научный сборник Восточно-Крымского музея-заповедника. Вып. 6. Симферополь, 2022. С. 271–302.

⁸⁶ Речь идёт об отце декабриста Д.А. Искрицкого и муже единоутробной сестры Ф.В. Булгарина (см.: *Греч Н.И.* Записки о моей жизни / Под ред. Иванова-Разумника и Д.М. Пинеса. М.; Л., 1930. С. 669, 683, 718–720; Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Сост. А.И. Рейтблат. М., 1998. С. 162, 379).

дентов, но как он проходил⁸⁷ самые науки, которые для сего звания назначены, приобрёл достаточные в сведения (sic.), то и не нахожу я препятствия к выдаче испрашиваемого им на основании высочайшего указа 1809 года августа 9 дня аттестата». Причём требовалось, чтобы новый документ, подтверждая прохождение Искрицким пансионского курса, «вместе с тем удостоверил бы, что он входит в число чиновников, испытанию не подлежащих». Для большей убедительности своего предложения попечитель напомнил правлению, что такой же аттестат «в недавнем времени» уже получил Гурьев⁸⁸.

На этот раз профессора ограничились созданием «вторичного» пансионского аттестата на основе представленных Искрицким документов и 23 августа передали его попечителю. В сохранившемся архивном деле отсутствует не только оригинал прошения Искрицкого, который, по словам попечителя, был препровождён в правление, но и упомянутые Голенищевым-Кутузовым два экземпляра пансионских аттестатов просителя. Поэтому сверить вновь подготовленный документ с прежними аттестатами не получилось. Но можно отметить, что новый экземпляр для Искрицкого содержательно почти полностью повторял тот, который представил Гурьев. Исключение состояло в упоминании «всёобщей истории» (что из-за отсутствия российской понижало уровень аттестата в сравнении с требованиями испытаний по указу 1809 г.) и награждения двумя серебряными медалями вместо одной золотой⁸⁹.

На следующий же день Голенищев-Кутузов обратился в форме партикулярного письма к непременному заседателю правления профессору Н.Н. Сандунову, через которого хотел донести до остальных членов руководящего органа университета уважительность имеющихся обстоятельств «и возбудить» правление «к немедленному прежнего предложения моего исполнению». Обстоятельства эти состояли в более пространном изложении мысли, высказанной 6 августа, об отсутствии в 1790-х гг. практики производства пансионеров в студенты, но достаточности полученного тогда образования для такой «степени», а также в развитии тезиса, высказанного при рассмотрении просьбы Гурьева, будто «науки, коим» Искрицкий «в дворянском пансионе обучался, заключают в себе те же самые сведения, которые требуются» правилами 1809 г., «но токмо известны они ныне под другими наименованиями, а потому и сии причины не могут быть препятствием к выдаче ему аттестата, испрашиваемого на основании означенного указа»⁹⁰.

Видимо, следующие полтора месяца прошли в переговорах, и после нового формального предложения попечителя правление рассмотрело этот вопрос на заседании 18 октября. Соглашаясь выдать требуемый аттестат, правление констатировало, «что по отобранным его превосходительством от просителя Искрицкого сведениям», последний «обучался тем наукам, кои требуются указом» 1809 г. Поэтому к «прежде данному аттестату» оно добавляло, что Искрицкий «обучался как сим наукам, дающим право на студентство, так и тем, которые требуются» при экзаменах на чины⁹¹. Тем самым профессора не только положили в основу своего решения мысль Голенищева-Кутузова о соответствии программы пансиона образовательного ценза, но и представили

⁸⁷ Далее в документе зачёркнуто: «те».

⁸⁸ ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 1, д. 471, л. 1–1 об.

⁸⁹ Ср.: Там же, л. 1 об., 3–4; д. 400, л. 5–7.

⁹⁰ Там же, д. 471, л. 7 об.–8.

⁹¹ Там же, ф. 418, оп. 250, д. 2, л. 542–542 об.

попечителя в роли аттестующего органа, подобного официальному комитету испытаний, действовавшему при университете по указу 1809 г.

Отправляя аттестат Искрицкому, Голенищев-Кутузов не просил его прислать оригинал на хранение в университет, видимо, потому, что на руках попечителя уже имелись два таких экземпляра. Вероятно, подготовленные при деятельном участии Голенищева-Кутузова аттестаты облегчили их обладателям путь к следующему чину. «На основании указа 6 августа 1809 года» Искрицкий был произведён в статские советники 17 июля 1816 г.; Гурьев — «за отличное его усердие к службе» — 11 октября 1817 г.⁹²

Таким образом, объявление правительства о введении образовательного ценза в качестве одной из организующих основ гражданской службы в начале XIX в. привело к существенным изменениям в отношении общества к систематическому обучению детей. Наиболее ярким свидетельством этому явился небывалый для России, в сравнении с опытом XVIII в., рост численности университетского студенчества. Для достижения этого результата на первых порах оказалось достаточным одного предупреждения, озвученного в «Предварительных правилах». Правда, некоторая неясность основных пунктов этого предположения и военные обстоятельства оказали заметный сдерживающий эффект на приток учащихся в университеты, а из-за истечения объявленного срока внедрения ценза в практику намечался спад общественного интереса к образованию.

Принятие указа об экзаменах на чины разрешило все недомолвки. Однако, за исключением основной идеи о зависимости продвижения по службе от предварительной подготовки чиновников, установленные законом 1809 г. условия ценза никак не были связаны с намерениями «Предварительных правил». Затруднения с чинопроизводством стали испытывать даже те, кто обучался в университетах, но утратил аттестат о полученном образовании. Как показывают материалы Московского университета, техническая процедура восстановления аттестата превратилась в пространство неопределённости. Бывший студент мог лишиться надежды на причитавшийся ему по праву чин, вероятность чего повышалась по мере борьбы Министерства народного просвещения с традициями свободы обучения. Вместе с тем чиновник, никогда не поступавший в университет, при определённом стечении обстоятельств находил лазейку для обеспечения своей карьеры. На примере действий Голенищева-Кутузова и правления Московского университета видно, что главную роль в успешной замене недостаточного аттестата на тот, который удовлетворил бы требованиям указа 1809 г., приобретала позиция попечителя.

⁹² Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1816. 5 августа. № 32. С. 299; 1817. 3 ноября. № 44. С. 370. Искрицкий пробыл коллежским советником почти четыре с половиной года, с 30 января 1812 г., а Гурьев — чуть более шести лет, с 22 сентября 1811 г. (Там же. 1811. 14 октября. № 41. С. 463; 1812. 2 марта. № 9. С. 103).

Великий князь Константин Николаевич и «три Афона»

Любовь Мельникова

Grand Duke Konstantin Nikolaevich and the «Three Athos»

Liubov Melnikova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.7868/S3034579025060043

Великий князь Константин Николаевич, второй сын императора Николая I, уже по праву рождения был призван занять значительное место в общественно-политической жизни страны. Ещё в детстве отец определил ему службу во флоте, ласково называя его «мой морской». Многочисленные учебные плавания и путешествия, в которых с ранней юности принимал участие великий князь, обогащали его новыми знаниями и впечатлениями, способствовали расширению кругозора. Незаурядные способности, острый ум и деятельная энергия позволили Константину Николаевичу в дальнейшем проявить себя не только в Морском ведомстве, но и в других общегосударственных делах. В частности, он сыграл заметную роль в осуществлении ряда реформ своего брата императора Александра II, а также в выработке нового подхода в ближневосточном направлении российской внешней политики, выражавшегося в усилении русского духовного присутствия на Православном Востоке. Константин Николаевич стал первым августейшим паломником на Афон и в Святую Землю, что имело огромное церковно-политическое значение, способствовало усилению влияния России в регионе. Большое внимание он уделял и поддержке отечественных духовных центров, укреплению православных традиций внутри страны. Реформаторская деятельность Константина Николаевича¹, его паломничество в Святую Землю и роль в «Иерусалимском проекте», завершившемся созданием Русской Палестины², в историографии неплохо освещены. Сосредоточим внимание на гораздо менее изученных вопросах: посещениях великим князем Святой горы Афон и Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря, а также его интересе по отношению к отечественному центру пустынножительства, получившему название «Русский Афон» в Крыму.

© 2025 г. Л.В. Мельникова

¹ См.: Воронин В.Е. Государственная деятельность великого князя Константина Николаевича до начала 60-х гг. XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; Воронин В.Е. Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля. М., 2002; Воронин В.Е. Деятельность великого князя Константина Николаевича в контексте реформирования социально-политического строя России: 60–70-е гг. XIX в. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009; и др.

² См.: Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006; Великий князь Константин Николаевич на Святой Земле в 1859 году / Сост. К.А. Вах, пер. с нем. Г.А. Шпэт. М., 2009; Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю. К 150-летию основания Русской Палестины. 1860–1864 / Сост. К.А. Вах. М., 2011; Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М., 2012; и др.

Святая гора Афон, имевшая особое духовно-религиозное значение для всего православного мира, с 1830-х гг. стала предметом политического интереса великих держав, соперничавших между собой за преобладающее влияние в Османской империи. К середине XIX в. основным местом пребывания русских иноков на Святой горе стал Свято-Пантелеимонов монастырь, который именовался Русским, или Руссиком, хотя значительную часть его насельников составляли греки, что неоднократно приводило к межнациональным столкновениям и конфликтам. Российская дипломатия рассматривала физическое и духовное присутствие своих соотечественников на Афоне как одну из опорных точек церковной политики страны на Балканах и Ближнем Востоке. Неслучайно русские афонцы пользовались вниманием и поддержкой российского посла в Константинополе Н.П. Игнатьева. Посещение Святой горы 17-летним вел. кн. Константином Николаевичем 16–18 июля 1845 г. стало важным событием в жизни афонского, прежде всего русского, монашества. Этот визит – первое паломничество на Афон члена Российского императорского дома – несмотря на всю скромность и благочестие, проявленные юным сыном Николая I, не мог не иметь заметного политического влияния.

Святая гора была последним заграничным пунктом маршрута великого князя в ходе его учебного плавания по Чёрному, Мраморному и Эгейскому морям летом 1845 г. До этого он посетил Константинополь (Константин Николаевич называл его Царьградом), побережье полуострова Троада («Троянский берег»), а также ряд городов Малой Азии (Никомидию, Бруссу и др.) и островов, входивших в состав Принцевых (Халки (ныне – Хейбелиада), Антигона (ныне – Бургазада), Принкипос (ныне – Бююкада)) и Эгейского архипелага (Лесбос, Хиос, Самос, Патмос, Родос). Морское путешествие Константина Николаевича проходило в основном на борту парохода «Бессарабия», часть пути (вдоль Эгейского архипелага) он проделал на военном корвете «Менелай», где исполнял обязанности старшего офицера³.

Ещё зимой 1844–1845 гг., готовясь к плаванию, Константин Николаевич ознакомился с «Запиской о восточной политике России», специально подготовленной для него чиновником МИД тайным советником А.А. Фонтоном, и прочёл ряд сочинений о местах, где ему предстояло побывать. Мысль о путешествии в Константинополь приводила его в восторг («это всегда был мой сон»). Он периодически вспоминал знаменитый поход князя Олега и мечтал о новом завоевании города и освобождении его от турецкого владычества. Так, например, 7 мая 1845 г. он писал В.А. Жуковскому: «Верно, когда Вы будете читать это письмо, я уже буду в Цареграде, в котором не было ещё русского князя с тех пор, как на его вратах висел щит Олега! Доживу ли я до того, что это повторится, что гордый Истамбул снова падёт под ударами русских перунов?.. Всё-таки весело об этом думать. Я как буду осматривать Константинополь, всё буду себе наматывать на ус, хотя он у меня ещё и не вырос, авось когда-нибудь да пригодится»⁴.

Несмотря на полуутылый тон письма, великий князь всерьёз планировал оценить саму возможность в будущем взять османскую столицу. Проплы়ая через Босфор, он внимательно осмотрел все турецкие укрепления. 14 июня

³ Воронин В.Е. «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества»: Молодые годы великого князя Константина Николаевича. М., 2019. С. 106–195.

⁴ ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 663, л. 13 об.–14.

1845 г., охарактеризовав их в письме отцу, императору Николаю I, великий князь сделал оптимистичный вывод: «Вообще, Босфор далеко не так укреплён, как можно и должно было. Так, как он теперь, его всегда можно будет пройти без большой потери»⁵. Интересно, что через четыре года, в 1849 г., Константин Николаевич развел свои впечатления в записке «Предположение атаки Царя-града с моря», разработанной на случай войны «с Оттоманской Портою»⁶. Ещё через четыре года, накануне Крымской войны 1853–1856 гг., изложенная в записке великого князя идея о том, что захват османской столицы силами Черноморского флота «есть средство окончить кампанию в кратчайшее время», несомненно, была положена Николаем I в основу предварительного плана военных действий, предусматривавшего внезапный прорыв флота в Босфор, требование немедленной сдачи Константинополя, в случае отказа – бомбардировку города и высадку десанта для его захвата, а также быстрое занятие Дарданелл для предупреждения появления европейской эскадры⁷. Этот проект, который многие исследователи считают вполне осуществимым⁸, уже в марте 1853 г. император положил под сукно в связи с донесением находившегося тогда в Константинополе чрезвычайного посла светлейшего князя А.С. Меншикова о существенной затруднительности выполнения задуманного предприятия.

В столице Османской империи Константин Николаевич осмотрел все основные достопримечательности (его особое внимание привлекли памятники, связанные с историей христианской Византии), побывал на Греческом и Армянском патриарших подворьях, трижды встретился с султаном Абдул-Меджидом I. Перед отъездом высокого гостя из Константинополя турецкий правитель во время прощальной аудиенции подарил ему свою рукопись («два стиха»), исполнив тем самым желание великого князя получить от султана «что-нибудь, написанное его рукою, потому что он, как и его покойный отец, считаются отличными каллиграфами»⁹. Текст, выполненный великолепной вязью, являлся своеобразным напутствием: «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества»¹⁰.

Близ Константинополя великий князь проехал через греческие селения. По его признанию, принимали там «с удивительною радостью»¹¹. На сына российского императора греки смотрели с надеждой на скорое освобождение от турецкого ига. Выражение их чувств неоднократно смущало и даже несколько пугало юного великого князя. Так, 10 июня 1845 г. он записал в своём дневнике, что в деревне Бакче-кей «ужасно испугался», когда «священник, подняв руки на воздух и держа в правой руке бумагу, с криком бросился прямо»

⁵ Там же, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 144–144 об.

⁶ Воронин В.Е. Великий князь Константин Николаевич на православном Востоке и арабском Западе в середине 1840-х гг. // Российская история. 2019. № 2. С. 79.

⁷ Собственноручная записка императора Николая I относительно морской экспедиции в Босфор и Царьград 7 января 1853 г. // Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. Приложения. СПб., 1908. № 210. С. 582–583.

⁸ См., например: Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг... С. 733, 735, 737; История русской армии и флота. Т. 10. М., 1913. С. 136.

⁹ ГА РФ, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 154.

¹⁰ Березин И.Н. Посещение цареградских достопримечательностей во время пребывания в Константинополе Его императорского высочества великого князя Константина Николаевича в 1845 году. СПб., 1854. С. 90; Воронин В.Е. «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества»... С. 145.

¹¹ ГА РФ, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 147 об.

на него и, остановив его лошадь, подал ему «просьбу о вспомоществовании», а в селении Пиргос был явно смущён, когда священники, подойдя к нему, «поцеловали полы» его сюртука, прежде чем он «мог их остановить»¹². «Бедный удрученный народ, — писал Константин Николаевич. — Как я понимаю, с каким чувством, с какими ожиданиями они встречали одноверного им православного князя, который ещё сверх того носит самое дорогое для них имя, которое, так сказать, было залогом существования Царьграда. Как это понятно и как ужасно видеть всё это так живо, так трогательно, и не быть в состоянии им помочь. Они меня иначе не называют, как Василевс, Царь. Это ужасно!»¹³. На Принцевых островах великий князь посетил несколько греческих православных монастырей, а также навестил находящегося на покое бывшего Константинопольского патриарха Константия I.

По свидетельству афонского инока Парфения (Агеева), в Свято-Пантелеимонове монастыре знали о прибытии в Константинополь вел. кн. Константина Николаевича и надеялись увидеть его на Святой горе, хотя особо на это не рассчитывали, полагая, что «царевич поехал из России не монастыри смотреть, а царства, города и страны»¹⁴. Когда же утром 16 июля монахи увидели в подзорную трубу направляющийся к Афону пароход с русскими флагами, сразу поняли, что едет «великий гость». По распоряжению духовника Руссика Иеронима (Соломенцова) иноки быстро организовали торжественную встречу в соответствии с русской православной традицией: зазвонили в большой колокол, в церквях зажгли свечи и паниклила, иеромонахи и иеродиаконы в лучшей священной одежде вышли к монастырским воротам, а «братия с хоругвями пошли к самому морю»¹⁵. «Бессарабия» причалила к берегу прямо напротив монастыря Св. Пантелеимона. Русская обитель была выбрана отправной точкой для осмотра Святой горы, разумеется, неслучайно. Посещению Афона и поддержке проживавшего там русского монашества Константин Николаевич придавал особое значение. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что накануне, 15 июля, пароход великого князя зашёл в Салоники, где принял на борт российского консула гр. А. Мустоксида, выступившего проводником августейшего паломника и его свиты (или, как выразился сам Константин, их «путеводителем») по Святой горе¹⁶. Перед высадкой на афонский берег великий князь пригласил к себе на пароход для получения благословения и предварительных объяснений несколько русских монахов. Эту миссию выполнили духовник Иероним, иеросхимонах Антоний и иеросхимонах Сергий (Веснин), известный в России как Святогорец.

В Свято-Пантелеимонове монастыре Константин Николаевич осмотрел все храмы, включая строившуюся тогда церковь Свт. Митрофана, отстоял молебен, приложился к святым мощам, пообщался с братией, уделив основное внимание её русской части. Во время трапезы он внимательно прослушал стихотворное

¹² Там же, ф. 722, оп. 1, д. 81, л. 142, 143.

¹³ Там же, л. 143 об.

¹⁴ *Инок Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. В 2 т. Т. 2. М., 2008. С. 59; Воспоминание афонского инока Парфения о посещении Святой горы Афонской Его императорским высочеством великим князем Константином Николаевичем в 1845 году. М., 1856. С. 3.*

¹⁵ *Инок Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии... Т. 2. С. 59–60; Воспоминание афонского инока Парфения... С. 3–4.*

¹⁶ ГА РФ, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 169 об.

приветствие в свою честь, сочинённое иеросхимонахом Сергием Святогорцем, рукопись стихов оставил себе на память¹⁷. Помимо Руссика в течение трёх дней пребывания на Афоне великий князь посетил ещё десять обителей: болгарский монастырь Зограф, сербский Хиландар, русские скиты Ильинский и Богородицы (Ксилургу), греческие монастыри Ксенофонт, Дохиар, Эсфигмен, Ватопед, Ксиропотам и Лавру Св. Афанасия. Побывал Константин Николаевич и в столице Афона Карее, где состоялась его встреча с антипросопами — представителями 20 афонских монастырей в Протате (центральном исполнительном соборном органе управления Святой горы). Великого князя приглашали и в другие обители, но он был вынужден отказаться из-за недостатка времени.

Сына российского императора повсюду встречали с большим воодушевлением и восторгом. Не обошлось и без курьёзных случаев. По словам входившего в свиту Константина Николаевича И.А. Шестакова (в будущем его адъютанта), «для осмотра афонских святыни по недостатку помещения в монастырях» русские паломники разделились на «две партии». Иноческой обители, встретив «партию», в которую великий князь не входил, приняли за него самого молодого офицера и оказали ему все «изготовленные» для царского сына «почести»: «лобызали его ноги и выказывали всячески свою радость». Объяснить, что произошла ошибка, русские моряки, не владевшие греческим языком, смогли далеко не сразу¹⁸.

Константин Николаевич вёл себя на Афоне скромно и благочестиво: с благоговением прикладывался к чудотворным иконам и святым мощам, во время славянских служб пел вместе с хором, с монахами общался вежливо и учтиво, принимал все подносимые ему подарки (иконы, крестики, ложечки и др.), щедро награждая дарителей. На афонских иноческих иноков он произвёл самое благоприятное впечатление. Парфений (Агеев) вспоминал: «Все проливали от радости слёзы, и, крестя лица свои, благодарили Бога, и смотрели на царевича, как на светлого ангела Божия, посланного с Небеси. Удивлялись, что пришёл не с пышностью и не с гордостью, как имеет обычай султан ездить, но со смиренением и кротостью, не имея вокруг себя ни стражи, ни телохранителей, но окружён был одними монахами и немногими своими спутниками, и одежда была на нём не златотканая и богатая, и не воинская, но самая простая: соломенную шляпу держал в руке»¹⁹.

Впечатления самого Константина Николаевича от пребывания на Афоне нашли отражение в его дневнике и в письме отцу от 9–22 июля 1845 г. Обе рукописи содержат выполненные великим князем рисунки Святой горы, изображающие её вид при подходе с моря²⁰. Форму Афонской горы Константин Николаевич назвал «великолепной»²¹. Записи в дневнике за 16–18 июля 1845 г. сделаны на скорую руку, телеграфным стилем. Здесь в основном перечислены монастыри и скиты, где побывал августейший паломник, упомянуты некоторые святыни («образ Св. Георгия с пробитой шеей» в Ксенофонте, «самописная

¹⁷ Иноческий Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии... Т. 2. С. 61; Воспоминание афонского инона Парфения... С. 5–6.

¹⁸ Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838–1881 гг.) / Сост. В.В. Козырь. СПб., 2006. С. 72.

¹⁹ Иноческий Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии... Т. 2. С. 63; Воспоминание афонского инона Парфения... С. 8–9.

²⁰ ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 83, л. 42; ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 169 об.

²¹ Там же, ф. 722, оп. 1, д. 83, л. 42.

икона Св. Георгия» в Зографе, «крест Константина Великого» в Ватопеде), а также кратко зафиксированы отдельные моменты («нас встречают с русским пением», «слепой звонарь», «лес платанов» и др.)²².

Письмо Николаю I гораздо более информативно и эмоционально. Константин Николаевич сообщил отцу не только о том, в каких монастырях побывал, но также привёл сведения о количестве обителей и насельников (монахов на Афоне «до 10 тысяч»; «они живут в 22 монастырях»²³, а кроме этих ещё до 700 скитов, келий и пустынек), особо отметил присутствие и число русских иноков («в монастыре Руссикон есть в числе братии до 30 русских и также в Ильинском ските только одни русские»), обратил внимание на одинаковое расположение монастырей, которые «различствуют только величиной и богатством», подчеркнул обилие святынь («в каждом монастыре без исключения есть чудотворные иконы и много мощей, и их так много, что даже и не запомнить»: «в Ильинском ските нога св. апостола Андрея Первозванного, а в Лавре голова святителя Василия Великого и рука святителя Иоанна Златоустого, и я к этим святыням с особенным благоговением прикладывался; в каждом монастыре есть большие части Святого Животворящего Креста и в Ватопеде пояс Богородицы, и ещё где-то кровь нашего Спасителя, собранная под крестом св. Евангелистом Иоанном»)²⁴. По наблюдению великого князя, проведение богослужений в русских монастыре Св. Пантелейиона и Ильинском ските выгодно отличалось от других славянских обителей: «В них двух служат и поют совершенно по-нашему, а в Зографе, Хиландаре и многих других, где только сербы да болгары, хотя служат по-славянски, а поют несносным греческим напевом»²⁵. Подлинное восхищение Константина Николаевича вызвала природа Афонской горы: «Что относится до страны, так это просто райское место. Горы да долины, покрытые самою густою зеленью... Здесь огромные платаны, дубы и каштаны и... они большей частью в первобытном положении, обвитые и переплетённые плющом и различными лианами. Это зрелице великолепное и пышное. Чудесно из гуши этого леса смотреть на острую величавую вершину гиганта Афонского, над которой стоит церковь в память одного из величайших чудес Спасителя»²⁶. Пребывание на Святой горе великий князь счёл едва ли не главным событием морского плавания 1845 г.: «Можно, наверное, сказать, что посещение Афонской горы было венец для нашего путешествия, ибо оно было самое интересное, прекрасное и в то же время последнее»²⁷.

Посещение Афона Константином Николаевичем и внимание, оказанное им проживавшим там русским инокам, имели большое церковно-политическое значение. По сути, это продемонстрировало османскому правительству и Константинопольскому патриархату, что афонское (и прежде всего русское) монашество приобрело неофициальное покровительство Российского императорского дома. В результате не только возрос авторитет русского Свято-Пантелеймонова монастыря в глазах других афонских обителей, но и усилился приток на Святую гору паломников и пожертвований из России. Численность русских святогорцев начала неуклонно возрастать. Через 14 лет, в 1859 г., обращаясь

²² Там же, л. 41 об.–44.

²³ Здесь Константин Николаевич ошибся. Монастырей на Афоне было и есть не 22, а 20.

²⁴ ГА РФ, ф. 672, оп. 1, д. 366, л. 169 об.–170.

²⁵ Там же, л. 170.

²⁶ Там же, л. 170 об.

²⁷ Там же, л. 169 об.

к императору Александру II с «сердечной просьбой» разрешить исполнить его «задушевное желание поклониться Гробу Господню», Константин Николаевич вспомнил свой визит на Афон и оценил оказанное им влияние: «Суматохи моё пребывание в Иерусалиме никакой произвести не может, потому что в это время, после Пасхи, он бывает почти пуст, поклонники уже все разъехались. Православной же Церкви посещение впервые русского великого князя, брата Белого Царя, придаст непременно новой силы и нового веса, как то было после нашего посещения Афона в 1845 году, в котором с тех пор началась новая эра»²⁸. В дальнейшем первый августейший паломник на Афон и в Святую Землю вел. кн. Константин Николаевич придавал большое значение укреплению русского духовного присутствия на Балканах и Ближнем Востоке, справедливо считая это важным инструментом для усиления политического влияния России в регионе. В 1856 г. он выступил с инициативой создания на Чёрном море Русского общества пароходства и торговли, одной из основных задач которого стала массовая перевозка русских паломников на Афон и в Святую Землю, а в 1859 г., став председателем Палестинского комитета, способствовал возведению в Иерусалиме русских построек, положивших начало Русской Палестине. Всё это позволило Российской империи, утратившей после Крымской войны 1853–1856 гг. право «исключительного покровительства» православным подданным османского султана, сформировать на Православном Востоке, по меткому выражению Н.Н. Лисового, «сферу собственных интересов» и «собственного плацдарма проникновения», т.е. найти новый подход, призванный компенсировать сделанные уступки²⁹.

Между тем на Афоне в Свято-Пантелеимонове монастыре взаимоотношения греков и русских – двух разноплеменных обществ с различными традициями – по-прежнему складывались непросто. Принимая щедрые пожертвования из России, греки с большим трудом шли на признание каких бы то ни было прав русских иноков, стараясь закрепить за собой господствующее положение в обители. Укреплению монастырского порядка и благосостояния способствовало дальнейшее внимание российских властей и представителей царствующего дома Романовых. 27–29 июля 1866 г. Афон посетил российский посланник в Константинополе Игнатьев, прекрасно понимавший значение церковного фактора во внешней политике на Балканах и Ближнем Востоке. Он осмотрел обитель Св. Пантелеймона, русские Ильинский и Андреевский скиты (последний был открыт в 1849 г. при посредничестве А.Н. Муравьёва), сербский монастырь Хиландар, греческие Ватопед и Эсфигмен, побывал в Карее, где посетил соборный храм Протата³⁰. В ходе этой поездки российский посланник познакомился со старцами Руссика Иеронимом (Соломенцовым) и Макарием (Сушкиным), с которыми в дальнейшем на протяжении многих лет его связывали тесная дружба и хорошо отлаженное взаимодействие. В 1867 г. Игнатьев убедил посетить Афон прибывшего в Константинополь вел. кн. Алексея Александровича, четвёртого сына Александра II, который провёл на Святой горе два дня: 16–17 июня. Как и 22 года назад при посещении Афона Константином Николаевичем, пароход великого князя («Великая княгиня Ольга») причалил

²⁸ Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. 1857–1861. М., 1994. С. 97.

²⁹ Лисовой Н.Н. Указ. соч. С. 57.

³⁰ Русский святогорец, монах Азарий. Три дня на св. Афонской горе 27, 28 и 29 июля 1866 года. СПб., 1867.

к пристани Свято-Пантелеимонова монастыря. Поскольку на этот раз известие о прибытии сына российского императора достигло афонцев заблаговременно, для торжественной встречи высокого гостя в Руссике собрались игумены всех монастырей, все члены Протата и даже отшельники («обитатели скитов, ущелий и расселин земных»)³¹. Программа пребывания на Афоне Алексея Александровича в значительной степени совпадала с той, что в своё время была у Константина Николаевича. Помимо монастыря Св. Пантелеимона, он посетил Карею, русские скиты Андреевский, Ильинский и Богородицы (Ксилиургу), болгарский монастырь Зограф, сербский Хиландар, греческие Ватопед и Лавру Св. Афанасия. Всё это в значительной степени способствовало умиротворению братии Руссика, укреплению российского влияния на Святой горе и среди христианского населения Османской империи в целом.

В первой половине 1870-х гг. на Афоне разгорелся крупный конфликт, получивший название «греко-русского Пантелеимоновского процесса». Он был обусловлен как обострением ряда противоречий между греческой и русской частями братии Свято-Пантелеимонова монастыря, так и общим подъёмом в греческой среде антиславянских и антирусских настроений, вызванных, в частности, молчаливым отказом российского Святейшего Синода поддержать решение Константинопольского собора Восточных Православных Церквей 1872 г. о провозглашении Болгарской Церкви схизматической. Определённую роль в разжигание конфликта, в ходе которого греки грозили выгнать русских из монастыря, а русские были вынуждены поставить вопрос о разделении обители на две общины, внесла и британская дипломатия, пытавшаяся ослабить политическое влияние России в регионе. Благодаря действиям Игнатьева и стечению ряда обстоятельств России удалось сохранить целостность Свято-Пантелеимонова монастыря, уклониться от разрыва с Константинопольским патриархатом и даже укрепить свои позиции на Афоне. В то же время было принято решение об основании на юге Российской империи филиала Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря на случай появления новой опасности выдворения русских иноков со Святой горы³².

Так в середине 1870-х гг. в Абхазии появился Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, который получил особый статус. Являясь «отраслью» (филиалом) заграничной обители, находившейся в церковной юрисдикции Константинопольского патриархата, он подлежал каноническому наблюдению российского Святейшего Синода и местного епархиального начальства. Основание Ново-Афонского монастыря преследовало две цели: предоставить русским афонцам «точку опоры» в России в случае возникновения новых смут на Востоке, а также создать на Кавказе духовный и миссионерский центр³³. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. только что основанная обитель

³¹ Двухнедельное пребывание на св. Афонской горе Его императорского высочества великого князя Алексия Александровича. СПб., 1868. С. 4–5.

³² Подробнее об этом см.: Мельникова Л. В. Православный фактор русской политики на Балканах в конце 1850-х – 1870-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 147–161; Мельникова Л. В. Русская Православная Церковь и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 2020. С. 36–68; Мельникова Л. В. Конфликт на Афоне: «греко-русский Пантелеимоновский процесс» первой половины 1870-х гг. и основание Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря // Россия XXI. 2021. № 5–6. С. 50–69.

³³ Подробнее см.: Мельникова Л. В. «Краеугольный и несокрушимый камень» Нового Афона: роль Н. П. Игнатьева в становлении на Кавказе духовного и миссионерского центра // Российская история. 2023. № 4. С. 93–112.

была полностью разрушена. Иноческие находились в растерянности, задумывались даже над тем, чтобы возобновить монастырь на новом месте. Тот факт, что в качестве возможного варианта они рассматривали болгарское местечко Йован-Чифтлик, где во время войны погиб кн. Сергей Максимилианович (сын вел. кн. Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского), говорят о том, что обитель явно нуждалась в поддержке правящих элит. Подразумевалось, что родные погибшего князя «имели б попечение об этом месте»³⁴. Поэтому важное значение придавалось визиту в Ново-Афонский монастырь вел. кн. Константина Николаевича и его сына Константина Константиновича 31 мая 1879 г., когда иноческие восстанавливали прежние постройки обители и ещё не приступили к возведению её основной части – зданий на горе. Первый августейший паломник на Святую гору и на Новый Афон прибыл раньше других членов царствующего дома.

Основным источником сведений о пребывании Константина Николаевича в Симоно-Кананитском монастыре являются письма его руководителя (фактического настоятеля) иеромонаха Арсения (Минина) гр. Игнатьеву и старцам Руссика. В письме Николаю Павловичу от 20 июня 1879 г. о. Арсений, озабоченный тогда «утверждением прав» своей обители, лишь вскользь коснулся визита высокого гостя, ограничившись одной лаконичной фразой: «31 мая посетил нас великий князь Константин Николаевич и остался очень доволен всем виденным им, пожелал нам успеха»³⁵. Примечательно, что в тот же день, 20 июня 1879 г., о посещении Нового Афона великими князьями Константином Николаевичем и его сыном Константином Константиновичем сообщили Игнатьеву также архимандрит Макарий и духовник Иероним со Святой горы, приложив к письму «подробное о сём описание, присланное отцом Арсением»³⁶. Это описание позднее было опубликовано в седьмом издании очерка истории Свято-Пантелеимонова монастыря³⁷. Здесь о. Арсений сообщает, что высокие гости прибыли на монастырскую пристань 31 мая 1879 г. на поповке (броненосце береговой обороны «Вице-адмирал Попов», круглом в плане). На берегу моря «в сопровождении всей братии» их встретили три иеромонаха «в облачении, с крестом и святой водою». По выходе великих князей на пристань певчие запели «Спаси, Господи, люди Твоя», а настоятель монастыря приветствовал августейших паломников «с благополучным прибытием» и поднёс им святые иконы и хлеб-соль. Прежде всего великие князья осмотрели монастырские храмы. Константин Николаевич похвалил церковь Покрова Пресвятой Богородицы и «подивился, когда ему сказали, что оная устроена в четыре месяца». «Особенное удовольствие» августейшим гостям доставило посещение древнего храма Св. апостола Симона Кананита. Константин Николаевич проявил искренний интерес к истории основания обители и к личности её настоятеля, вспомнил и о своём визите на Святую гору. «Меня, – пишет отец Арсений, – его высочество Константин Николаевич подробно спрашивал: когда я поступил в монашество, какие были побудительные к сему причины,

³⁴ ГА РФ, ф. 730, оп. 1, д. 2320, л. 16–17.

³⁵ Там же, л. 48 об.

³⁶ Граф Н.П. Игнатьев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания. Т. 2. Переписка Н.П. Игнатьева со старцами Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Святой Горе Афон. 1864–1907 гг. / Авт.-сост. К. Вах; comment. диакон П. Пахомов. М., 2018. С. 225.

³⁷ Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеимона на Святой Горе Афонской. Изд. 7, испр. и доп. М., 1886. С. 199–200.

сколько находился в искусе до пострижения, сколько прожил на Афоне, когда прибыл на Кавказ, какая причина поселения нашего на Кавказе, и многое иное, и об Афоне расспрашивал, с удовольствием вспоминая о своём посещении Афона». Перед отъездом великий князь пожелал юной обители «духовного и материального преуспения»³⁸.

Вскоре в монастыре побывали и другие представители царствующего дома. 10 июня 1880 г. в обитель приезжал вел. кн. Михаил Николаевич со своим сыном Михаилом Михайловичем³⁹. Особено знаменательным событием для Ново-Афонского монастыря стал приезд императора Александра III с императрицей Марией Фёдоровной, наследником цесаревичем Николаем Александровичем и вел. кн. Георгием Александровичем 24 сентября 1888 г. По просьбе настоятеля Иерона (Васильева; по другим данным – Носова) государь лично поучаствовал в закладке соборного храма Св. Пантелейиона, что имело для монахов огромное значение⁴⁰. Внимание и поддержка членов Российского императорского дома, несомненно, стали одним из факторов, способствовавших дальнейшему развитию и преуспеванию обители.

Значительный интерес проявили представители императорской фамилии, в том числе (и даже – прежде всего) вел. кн. Константин Николаевич, и к устройству отечественного центра пустынножительства – так называемого Русского Афона в Крыму. Он сложился в середине XIX в. и представлял собой единое иноческое братство, проживавшее в Бахчисарайском Успенском скиту и ряде приписанных к нему киновий по уставу, подготовленному по Афонскому образцу. Становление крымского духовного центра проходило в ходе реализации соответствующего церковно-государственного проекта, разработанного архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием (Борисовым) и утверждённого императором Николаем I весной 1850 г. Проект преследовал сразу несколько целей: восстановить на Крымском полуострове заброшенные средневековые христианские обители, сохранив их от конечного разрушения; возродить в России пустынножительство, предоставив возможность тем русским инокам, которых не удовлетворяли отечественные формы монашества, не покидать пределы страны, а, напротив, укреплять своим образом жизни чувство набожности в русском народе; создать миссионерскую атмосферу для оказания воздействия на местное мусульманское крымскотатарское население; поддержать в регионе престиж православия и государственной власти. Сверхзадача заключалась в создании на юге Российской империи мощного духовного центра, способного составить здоровую конкуренцию греческому Афону. В 1850-х гг. на полуострове были открыты сразу семь православных обителей, вошедших в систему Крымского Афона: Бахчисарайский Успенский скит и шесть приписанных к нему киновий: Св. Анастасии, Херсонесская Св. Владимира, Инкерманская Св. Климента, Кизилташская Св. Стефана Сурожского, Космо-Дамиановская и Катерлезская Св. Георгия. Первые годы существования обителей стали чрезвычайно трудными. Переносить тяготы не устроенного ещё «скитского бытия» оказались способны далеко не все насельники, в скиту

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 200.

⁴⁰ Воспоминания архимандрита Иерона о посещении государем императором Александром III с августейшей семьёй монастыря Новый Афон в 1888 г. // Старина и новизна. Кн. 11. СПб., 1906. С. 267–277.

и киновиях оставались только самые стойкие иноки, действительно чувствовавшие призвание к отшельнической жизни⁴¹.

Устройство Крымского Афона архиепископ Иннокентий неоднократно обсуждал в переписке с вел. кн. Константином Николаевичем, который искренне интересовался этим вопросом. Так, 17 января 1852 г. великий князь писал архиепископу: «Мне было бы весьма приятно узнать от Вас о преуспеянии на полуострове Таврическом общежительств, устроенных там по Вашей мысли наподобие пустынножительств Афона, и вообще иметь некоторые сведения о духовной жизни вверенной Вам паствы»⁴². В ответном письме от 27 февраля 1852 г. Иннокентий с удовлетворением отметил, что «юные крымские обители» «хотя медленно, но приметно восстают из тысячелетних своих развалин». Сообщив о решавшемся тогда вопросе о передаче из морского ведомства в епархиальное «священных развалин Херсонеса и Инкермана, окружающих собою с двух противоположных концов Севастополь», и о планах устроить в этих местах иноческие киновии, Иннокентий подчеркнул политическое значение происходившего: «Таким образом южный Кронштадт наш (Севастополь. — Л.М.) оградится от врагов твердынями не только вещественными, но и духовными»⁴³. Архиепископ приложил к письму свою статью о Бахчисарайском Успенском ските⁴⁴, а также обратил внимание великого князя на недавно напечатанный в «Записках Одесского общества истории и древностей» «подорожник нашего посольства из Москвы в Крым» в царствование Михаила Фёдоровича, где содержалось «райне примечательное» пророчество «одного из Таврических угодников Божиих о будущей судьбе Крыма в отношении к России»⁴⁵. Документ представлял собой сочинение священника Иакова Лызлова, который в 1634—1635 гг. находился на полуострове с русским посланником Б. Дворяниновым. В нём рассказывалось, что члены русского посольства нашли здесь в древней пещерной церкви Инкермана нетленные, но поруганные моши некоего христианского святого и хотели перенести их в Россию, однако ночью одному из них явился этот святой и «с великим запрещением» сказал: «Мните мя, о друзья, взяти мои на Русь, а азъ убо хощу по-прежнему зде учинити Русь»⁴⁶. (Впоследствии, во время Крымской войны, архиепископ Иннокентий использовал этот сюжет «к ободрению и к назиданию» своей паствы в проповеди, произнесённой в одесском Сретенском соборе 3 октября 1854 г.)⁴⁷.

Относительно духовной жизни своей паствы владыка отметил, что из-за разноплеменности последней в «физиономии» её «духа» заметны «особые народные черты православия чисто-русского, древне- и ново-греческого, мол-

⁴¹ Подробнее см.: Мельникова Л. В. «Русский Афон» в Крыму архиепископа Иннокентия (Борисова): проблемы изучения // Российская история. 2022. № 6. С. 128—149.

⁴² ОР РНБ, ф. 313, д. 37, л. 143 об.—144; ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 537, л. 3 об. (копия).

⁴³ ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 537, л. 7 об.—9; см. также: Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. Письма к его императорскому высочеству государю великому князю Константину Николаевичу. 1852 г. // Русская старина. Т. 25. 1879. № 5. С. 190—191.

⁴⁴ Эта статья вскоре была опубликована отдельным изданием: [Иннокентий (Борисов), архиеп.] Новооткрытый Успенский Бахчисарайский скит. Одесса, 1852.

⁴⁵ ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 537, л. 9—9 об.

⁴⁶ См.: Сказание священника Иакова // Записки Одесского общества истории и древностей. 1848. Т. 2. С. 685—692.

⁴⁷ Иннокентий (Борисов), архиеп. Слово в неделю 18-ю по Пятидесятнице, произнесённое в одесском Сретенском городском соборе 3 октября 1854 г. // Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Изд. 2. Т. 1. СПб., 1908. С. 498—502.

давского, болгарского и прочего, что представляет собою богатый материал для наблюдений весьма поучительных»⁴⁸. При этом Иннокентия гораздо более волновало преобладание на полуострове мусульман (крымских татар), их особое положение и отношение к православию. Он неоднократно подчёркивал важность и необходимость усиления в крае миссионерской деятельности Русской Церкви. «Вообще на обращение татар к христианству никогда не было обращаемо ни малейшего внимания, — писал Иннокентий Константину Николаевичу 20 июня 1852 г., — хотя дело это первой важности не только в отношении к Церкви, но и к государству, по сознанию самих губернаторов таврических»⁴⁹. По мнению архиепископа, иноверец в принципе не может «хорошо исполнять обязанности верноподданного», ибо «противного тому требует самая его вера»: «Доколе еврей будет ожидать своего Царя Мессию (а он всегда будет ожидать его, доколе он еврей), дотоле, сколько бы ни давал он присяг, для него нет на земле царя, которого он не должен был бы оставить и презреть, коль скоро ему сказали, и он поверит, что его Мессия пришёл и явился. Доколе мусульманин не откажется от Алкорана, дотоле он всегда будет смотреть не в Москву и Петербург, а в Мекку и преклоняться с благоговением пред падишахом турецким, который, в его понятии, есть преемник Магомета и тень Аллаха»⁵⁰. Между тем, как считал Иннокентий, обращению крымских татар в православие в значительной мере мешало наличие у них целого ряда гражданских преимуществ, которых не имели русские православные крестьяне: они не платили подушной подати⁵¹, не подлежали рекрутской повинности, не находились в крепостной зависимости. При переходе же в христианство татары теряли большую часть своих льгот. По словам архиепископа, это не только не способствовало успеху миссионерской деятельности Русской Церкви и укреплению престижа государственной власти в крае, но и обостряло противоречия между православным и мусульманским населением Крыма: «Такой неестественный избыток прав у народа дикого и побеждённого пред его победителями невольно приводит в удивление и русских, и самих татар, так что ни тот ни другой не знают, чем изъяснить такое неравенство и предаются: первый — ропоту и неудовольствию на своё родное правительство, последний — надменности, презрению имени русского, отвращению от русской веры и тайным надеждам на будущую политическую независимость. Справедливость требовала бы, чтобы, по крайней мере, магометанин, по переходе в христианство, сохранял прежние права свои; но и сего нет. Ныне он сделался христианином, а с завтрашнего дня начинает подлежать почти всем обязанностям нашего простолюдина. При таком положении вещей многие ли из магометан решатся оставить свою веру, с коею

⁴⁸ ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 537, л. 10–10 об.

⁴⁹ Там же, л. 50.

⁵⁰ Там же, л. 51–51 об.

⁵¹ С целью более мягкой интеграции Крыма в состав России из-за несоответствия традиций мусульманской и общеимперской фискальных систем в отношении крымских татар долгое время действовала льготная система налогообложения. До конца 1820-х гг. крымские татары платили лишь незначительные местные земские сборы, главным из которых являлся налог на «отапливание казарм». В конце 1820-х гг. для них ввели подушную выплату (более низкую, чем общеимперская подушная подать), которая направлялась исключительно на благоустройство Крымского полуострова. Лишь в 1874 г. эта выплата была отменена, и крымских татар уравняли в подушном окладе с другими податными сословиями Российской империи (подробнее см.: Конкин Д. В. Особенности налогообложения крымских татар в первые десятилетия после присоединения Крыма к Российской империи // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 94–102).

соединено столько гражданских преимуществ, когда и без того перевод в христианство сопряжён для него с тяжким отречением от всего, чем Алкоран так сильно льстит страстям и плотоугодию человеческому?»⁵². Выходом из создавшегося положения архиепископ Иннокентий считал пересмотр законодательства: «Судя по сему, вообще не бесполезно было бы обозреть внимательно наш законодательный кодекс в тех его частях, где изображены права господствующей религии в сравнении с правами вероисповеданий иностранных и нехристианских. Я совершенно уверен, что при сём сличении окажется, что религия господствующая во многих случаях остаётся при одном титуле и прозвании, а действительными правами пользуются вероисповедания иностранные и даже нехристианские, к унижению и вреду первой. То есть в нашем отечестве повторяется то, что некогда произошло в доме отца верующих Авраама, когда Агарь-раба начала брать верх над Саррою – его супругою (Быт. XXI, 9–12)»⁵³.

Информацию об «отношении православия к мусульманству в Новороссийском крае» вел. кн. Константин Николаевич нашёл «в высшей степени любопытной» и попросил владыку Иннокентия доставить ему «в дополнение к сообщённым сведениям выписку узаконений», о которых тот упомянул. Относительно Русского Афона в Крыму он заметил: «Усердно желаю преуспеяния крымским обителям и надеюсь со временем посетить их для молитвы, а не из простого любопытства» (письма от 19 марта и 11 июля 1852 г.)⁵⁴.

Следует отметить, что упомянутые архиепископом Иннокентием законы в то время пересмотрены не были, а после Крымской войны 1853–1856 гг., когда вторая волна массовой эмиграции крымских татар и другие процессы привели к принципиальным изменениям в этническом и конфессиональном составе населения полуострова, данный вопрос в значительной степени потерял для Крыма свою острую актуальность. Так, если в 1770-х гг., т.е. незадолго до присоединения Крыма к России, крымские татары составляли подавляющее большинство населения региона – 92,6%, а доля христиан (в основном греков и армян) оставалась невелика – 7,1%, то к 1865 г. удельный вес мусульманского крымскотатарского населения снизился до 50,3%, а христиан (русских, украинцев, греков, армян, немцев) увеличился до 39,3%. Согласно первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., христиане составляли уже более половины населения Крыма – 59,2%; к 1917 г. самой крупной этнической группой полуострова стали русские – 41,2% населения, крымские татары составляли 28,7%⁵⁵.

В 1879 г., уже после смерти архиепископа Иннокентия, его письма Константину Николаевичу с разрешения великого князя были опубликованы в «Русской старине»⁵⁶. Интересно, что письмо владыки от 20 июня 1852 г. по вопросу о взаимоотношении вероисповеданий в России привлекло особое внимание современников. Его перепечатали в «Церковном вестнике» и ряде епархиальных изданий. При этом редакция «Кавказских епархиальных ведомостей»

⁵² ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 537, л. 48–49.

⁵³ Там же, л. 51 об.–52.

⁵⁴ ОР РНБ, ф. 313, д. 37, л. 108–108 об., д. 41, л. 411; ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 537, л. 46–46 об., 106 (копии).

⁵⁵ История Крыма. В 2 т. / Отв. ред. А. В. Юрасов. Т. 2. М., 2017. С. 273, 282, 287–288.

⁵⁶ Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. Письма к Его императорскому Высочеству государю великому князю Константину Николаевичу. 1852 г. // Русская старина. Т. 25. 1879. № 5. С. 189–204; № 6. С. 367–370.

в примечании к публикации отметила, что «высказанные в нём 27 лет назад мнения не потеряли своего интереса и для настоящего времени и что положение находящихся в пределах Кавказской епархии магометан... имеет сходство в религиозном отношении с положением крымских татар, так что, при настоящем порядке вещей, нельзя ожидать солидных успехов от попыток миссионерства»⁵⁷.

Из всех обителей Крымского Афона особую роль играла Херсонесская, расположавшаяся практически на месте крещения князя Владимира, которое позиционировалось как «колыбель русского православия». Киновия была устроена в 1852–1853 гг. Её первыми постройками стали небольшая церковь, освящённая во имя св. князя Владимира 28 февраля 1853 г., и две кельи. При этом сразу же запланировали возведение здесь достойного храма-памятника. Археологические раскопки с целью поиска точного исторического места начались ещё в 1827 г. по инициативе вице-адмирала А.С. Грейга. Вскоре прерванные, они были возобновлены в 1852 г. Одесским обществом истории и древностей, учёный секретарь которого археолог Н.Н. Мурзакевич выдвинул предположение, что местом крещения князя Владимира могут являться остатки крупной базилики в центральной части городища. Крымская война 1853–1856 гг. прервала дальнейшие исследования и привела к полному разорению Херсонесской киновии. После окончания военных действий началось активное возрождение обители: иждивением севастопольских купцов братьев П.А. и М.А. Телятниковых были построены храм, освящённый 30 апреля 1857 г. во имя семи священномучеников-епископов Херсонских (в 1861 г. возобновлён), и кельи. Вскоре вернулись и к мысли о сооружении храма-памятника. 10 февраля 1858 г. Александр II разрешил его постройку на предполагаемом Мурзакевичем месте крещения князя Владимира и 2 июня 1859 г. утвердил представленный ему проект архитектора Д.И. Гримма, выполненный в византийском стиле. 28 августа 1859 г. был учреждён Комитет по сооружению храма Св. равноап. князя Владимира в Херсонесе, в распоряжение которого поступило 107 404 руб. 50¼ коп. Однако этих денег оказалось слишком мало, смета на сооружение собора превышала их в семь раз. Более того, иноки киновии, находившейся на окраине разорённого войной Севастополя, испытывали нужду даже в самом необходимом⁵⁸.

В 1860 г. настоятель Херсонесской киновии игумен Евгений (Экштейн), озабоченный поиском средств для устройства вверенной ему обители, рискнул обратиться напрямую к членам царской семьи. 22 марта 1860 г. он отправил Александру II и императрице Марии Александровне письмо, в котором заранее поздравил их с Пасхой и обратил внимание на «пустынnyй берег, где стоял престольный град, откуда радость воссияла для всей отчизны нашей, а теперь одни развалины священной древности и обитает скорбь». Игумен Евгений отметил, что у насельников киновии, принявших на себя «исполнение мысли воссоздать купель равноапостольного князя», нет никаких «верных средств к пропитанию», ибо народ, их окружающий, «сам разорён весь последнею вой-

⁵⁷ Замечательное письмо архиепископа Иннокентия // Кавказские епархиальные ведомости. 1879. № 15. 1 августа. Отдел неофиц. С. 529–531.

⁵⁸ Подробнее см.: Мельникова Л.В. «Колыбель русского православия»: обстоятельства возникновения и процесс становления Херсонесского монастыря Св. Владимира // Тетради по консервативству. 2025. № 2. С. 447–458.

ною», и обратился с просьбой облегчить их «тяжёлый подвиг»⁵⁹. Это письмо, переданное через министра императорского двора гр. В.Ф. Адлерберга, до адресатов не дошло. Граф ответил, что не мог «доложить его без Святейшего Синода»⁶⁰. Тогда 24 октября 1860 г. настоятель Херсонесской киновии написал вел. кн. Константину Николаевичу, приложив к письму и копию своего послания царской чете. На этот раз письмо было доставлено (оно хранится в фонде Константина Николаевича в ГА РФ). Более того, этот документ свидетельствует о том, что игумен Евгений прежде уже общался с великим князем, получал от него некоторые поручения и пользовался его благосклонностью. Так, уже в первых строках своего послания настоятель Херсонесской киновии сообщил о получении 22 октября рескрипта Константина Николаевича с просьбой сообщить свои замечания о некоем «проекте графа Путятина» и отметил: «Не смею благодарить Ваше императорское высочество за память об обители и внимание ко мне, потому что Вы идёте путём христианина и творите дела, достойные благоверного князя русского. Могу сказать одно, что кроме обязательной молитвы я всегда... молился и молюсь за Вас и всё Ваше августейшее семейство»⁶¹. Описав трудности, с которыми сталкивалась обитель и сам он лично (в частности, огромные долги, составлявшие 10 тыс. руб.), и отметив важность места, где устраивалась киновия, игумен Евгений обратил внимание великого князя на явное противоречие между этими фактами: «Сознавать, что живём в таком великом месте, которое, можно сказать, есть венец Российской империи, и видеть подобное учреждение, согласитесь, горько! До слёз». Подчеркнув, что разорённые войной жители Севастополя не могут оказать обители какой-либо помощи, игумен Евгений сообщил, что для решения самых насущных вопросов и уплаты хотя бы части долгов ему необходимы «на худой конец» 6 тыс. руб.⁶²

Вероятно, приведённые письма игумена Евгения повлияли на то, что 18 марта 1861 г. указом императора из Святейшего Синода во внимание к историческому значению местности Херсонесская киновия Св. Владимира была возведена в степень первоклассного монастыря по окладу западных епархий с назначением определённого штата и содержания⁶³. Штатная численность насельников монастыря составила 22 человека (архимандрит, наместник, восемь иеромонахов, четыре иеродиакона, трое монахов и пять послушников), ежегодная сумма, отпускаемая из казны на содержание монастыря и братии, – 3 185 руб.⁶⁴

Оказал ли вел. кн. Константин Николаевич лично какую-то материальную помощь Херсонесской обители, установить не удалось. Однако можно предположить, что именно ему принадлежала идея о возведении киновии Св. Владимира в степень первоклассного монастыря. В пользу этого предположения, в частности, могут свидетельствовать слова из речи игумена Евгения, обращённой к Константину Николаевичу 6 августа 1861 г. при его посещении Херсонесской обители: «Благоверный государь и великий князь! Тебе ли,

⁵⁹ ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 768, л. 10–11 об.

⁶⁰ Там же, л. 7–7 об.

⁶¹ Там же, л. 1–2.

⁶² Там же, л. 1–9 об.

⁶³ ПСЗ-И. Т. 36. Отд. 1. СПб., 1863. № 36750. С. 469.

⁶⁴ Гродзов А. Историческая записка о Херсонисском Св. равноапостольного великого князя Владимира монастыре // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1888. Т. 5. С. 78.

августейшему возлюбленному брату государя, повторять значение Сиона всей России, когда твоим ходатайством пред троном венценосца зиждется сия обитель на месте подвига равноапостольного князя»⁶⁵. Впрочем, возможно, речь здесь идёт о более ранних событиях, т.е. о содействии Константина Николаевича возрождению киновии Св. Владимира после Крымской войны. Следует также подчеркнуть, что этот визит великого князя в Херсонес, как и предыдущие его паломничества на Святую гору и на Новый Афон, уже сам по себе имел большое значение, так как свидетельствовал о поддержке обители со стороны императорской семьи, способствовал привлечению к монастырю общественного внимания, а следовательно, увеличению туда притока богомольцев и пожертвований.

В Херсонесской обители Константин Николаевич прослушал литургию, приложился к мощам св. князя Владимира, осмотрел достопримечательности и древности, посетил кельи. Газета «Таврические губернские ведомости», сообщая об этом событии, подчеркнула особую роль великого князя в судьбе монастыря и всероссийское значение утверждённого Александром II проекта о сооружении на месте крещения князя Владимира соборного храма: «Управляющий монастырём... со всею братией... и множеством народа... встретили... брата монарха всероссийского... который *более всех заботился о воссоздании и прославлении монастыря* (курсив мой. – Л.М.) и теперь, в день Преображения, явился на месте своих попечений как бы для того, чтобы ещё яснее уверить всех, что место крещения Св. Владимира, а в лице его и всей России, погребённое в вековых развалинах, восстанет в славе и преобразится в источник духовной жизни для всего государства; явился, чтобы доказать всем, что настояще царствование... считает священную местность Херсонисса родною и, при внимании всех членов императорской фамилии, обратит взоры всех сословий государства на духовную родину православной России – купель Равноапостола, дабы увековечить призательность народа к святому Владимиру на месте его подвига сооружением во имя его храма, достойного быть памятником благодарности такой державы, как Россия»⁶⁶.

Изменение статуса обители способствовало расширению её строительства и благоустройства. В начале 1860-х гг. были возведены двухэтажный настоятельский дом и при нём домовая церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы. 23 августа 1861 г. в присутствии Александра II, императрицы Марии Александровны, вел. кн. Константина Николаевича и вел. кн. Марии Александровны состоялась закладка Владимира собора. Первый камень в основание храма-памятника положил сам государь. Через шесть лет, в августе 1867 г., вел. кн. Владимир Александрович принял на себя звание его ктитора. Строительство и отделка собора продолжались около 30 лет. Освящение нижнего храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы состоялось 15 июля 1888 г., в год празднования 900-летия Крещения Руси и в день памяти св. князя

⁶⁵ Речь при вступлении Его императорского высочества государя великого князя Константина Николаевича в Херсонесский первоклассный монастырь Св. равноапостольного князя Владимира, произнесённая настоятелем оного 6 августа 1861 г. // Таврические губернские ведомости. 1861. № 32. 12 августа. Часть неофиц. С. 186.

⁶⁶ Посещение Херсонесского первоклассного Св. равноапостольного князя Владимира монастыря Его императорским высочеством великим князем Константином Николаевичем в день Преображения, 6 августа 1861 года // Таврические губернские ведомости. 1861. № 32. 12 августа. Часть неофиц. С. 185–186.

Владимира. Верхний храм освятили через три года. Его главный престол был посвящён св. князю Владимиру, приделы – св. апостолу Андрею Первозванному и св. князю Александру Невскому.

Таким образом, все «три Афона» – русский Свято-Пантелеймонов монастырь на Святой горе, Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь и «Русский Афон» в Крыму – пользовались вниманием и поддержкой представителей Российского императорского дома, а первые два – также покровительством известного дипломата Н.П. Игнатьева. Важную роль в этом вопросе играл вел. кн. Константин Николаевич, который стал первым августейшим паломником на Святую гору, в Святую Землю и на Новый Афон, многое сделал для усиления влияния России в ближневосточном регионе, а также проявлял интерес и оказывал содействие становлению отечественного центра пустынножительства в Крыму. Многие его инициативы были поддержаны другими членами императорской семьи. Всё это не только способствовало развитию и преуспеванию обителей (поднимало их влияние и авторитет, привлекало паломников и усиливало приток пожертвований), но и помогало в решении ряда церковно-государственных задач. Русский Свято-Пантелеймонов монастырь стал одной из опорных точек российской церковной политики на Балканах и Ближнем Востоке, а «два Афона» на юге Российской империи, являясь духовными и миссионерскими центрами, заняли заметное место в церковно-политической и общественной жизни страны.

Ю.А. Пелевин.

Александр Михайлов и его революционная эпоха.

Ещё в 1984 г. Юрий Александрович Пелевин (1948–2015) защитил в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова под руководством профессора М.Г. Седова диссертацию «А.Д. Михайлов в революционном движении 1870-х – 1880-х годов». В 1979–1986 гг. отдельные аспекты данной темы были освещены им в пяти статьях, после чего историк, собрав обширный материал, надолго переключился на сюжеты, связанные с искусствоведением, музееведением, культурологией. При этом научные изыскания он сочетал с напряжённой педагогической работой и заведованием кафедрой «Школа искусствознания» в Институте переподготовки работников искусства, культуры и туризма. И только в начале 2010-х гг., будучи уже профессором Государственного университета гуманитарных наук, а затем и свободным от преподавательской нагрузки пенсионером, Пелевин вернулся к изучению истории народничества, о которой не забывал все эти годы. В 2011–2015 гг. он опубликовал более десяти статей¹ и книгу о «Хождении в народ»².

Одновременно с 2012 г. по предложению Издательства имени Н.И. Новикова Юрий Александрович взялся за радикальную переработку диссертации, на основе которой собирался создать масштабную картину развития революционного движения в пореформенной России, включив в неё все свои архивные находки, наблюдения, размышления, копившиеся на протяжении нескольких десятилетий. В центре её должен был по-прежнему находиться Михайлов³. В этом тексте Пелевин в какой-то мере продолжал дело своего учителя и вместе с тем словно бы вёл с ним спор, отказываясь от мифологической героизации народников (к которым и сам, впрочем, питал глубокую симпатию). Учёный успел придумать название своему труду, но внезапная смерть не позволила его завершить. К этому моменту основная часть рукописи была готова где-то наполовину; кроме того, ненаписанными остались историографический и источниковедческий разделы.

Непоправимая катастрофа лишила отечественную науку незаурядного творца и его ценнейшего произведения. Но именно поэтому, осознавая масштаб утраты, друзья покойного сделали почти невозможное, для того чтобы сохранить память о нём и познакомить читателей хотя бы с тем фрагментом его грандиозного замысла, который можно было издать. Не один год Г.С. Кан бережно редактировал оставшийся материал, сверял цитаты, оформляя сноски, только намеченные в черновике, составлял библиографические списки. Ответственность перед читателями не раз заставляла дополнять, уточнять, а иногда

¹ Последняя из них вышла уже после его кончины: *Пелевин Ю.А.* Желябов и другие террористы: покушение под Александровском // Российская история. 2015. № 5.

² *Пелевин Ю.А.* «Хождение в народ». Saarbrücken, 2014. См. также: *Пелевин Ю.А.* «Хождение в народ» 1874–1875 гг. // Вопросы истории. 2013. № 4–6.

³ К этому времени краткий вариант его биографии уже был напечатан: *Пелевин Ю.А.* Александр Дмитриевич Михайлов // Вопросы истории. 2011. № 6.

и оспаривать написанное Пелевиным. Делать это приходилось, разумеется, не вторгаясь в авторский текст. Так появились обширные «Примечания редактора» – 275 комментариев, имеющих самостоятельную ценность. Издательство решило дополнить главы 2015 г. «прелюдией» о «хождении в народ», «интерлюдиями» про «Чигиринский заговор» и «Казус Засулич» и «постлюдий» – разделами из диссертации 1984 г. о деятельности Михайлова в 1879–1880 гг. и печальном finale его жизни. В итоге книга получила законченный вид и составила шестой выпуск в серии «Историко-революционный архив»⁴.

В её обсуждении приняли участие доктора исторических наук В.В. Зверев и О.А. Милевский, а также кандидаты исторических наук М.А. Барабанова, А.В. Воронихин, А.В. Мамонов и Д.И. Рублёв.

Материал подготовил А.В. Мамонов

Олег Милевский: Биография А.Д. Михайлова и проблемы изучения революционного народничества

Oleg Milevsky (Surgut State Pedagogical University, Russia): Biography of A.D. Mikhailov and the problems of studying revolutionary populism

DOI: 10.7868/S3034579025060058

Исследование революционного народничества и особенно народовольчества регулярно сталкивалось с препятствиями и в Российской империи, и в сталинскую эпоху, и после распада СССР. По словам Н.А. Троицкого, «следы такого насилия над историографией народничества сохранялись в СССР до последнего времени. Особенно пострадала при этом “Народная воля”, которую то замалчивали, то бичевали, извращая её теорию, умаляя практику, принижая заслуги. Судьба “Народной воли” трагична вдвойне: сначала она как субъект истории прошла сквозь шквал репрессий со стороны царизма... а потом уже как исторический объект – сквозь тернии предвзятых оценок со стороны историков, вплоть до сегодняшних»⁵. В.Я. Гросул также отмечал, что «в историографии темы весьма часто исследовательский подход подменялся судебно-прокурорским»⁶. Острая критика революционеров историками и публицистами «охранительного» направления продолжается и в настоящее время. Тем не менее в последнее десятилетие появилось несколько солидных биографических работ о народниках 1870–1880-х гг. Они лишены конъюнктурности и написаны на основе широкого круга источников при помощи разных методологических конструктов⁷. В этом ряду находится и книга Ю.А. Пелевина, посвящённая А.Д. Михайлову и его времени.

⁴ Пелевин Ю.А. Александр Михайлов и его революционная эпоха. Т. 1. Этап революционной пропаганды. 624 с., ил.; Т. 2. Этап революционного террора. 416 с., ил. СПб.: Издательство имени Н.И. Новикова, 2024.

⁵ Троицкий Н.А. Россия в XIX веке. Курс лекций. М., 1997. С. 268.

⁶ Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям? «Круглый стол» // Отечественная история. 1999. № 1. С. 4.

⁷ Троицкий Н.А. Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. Саратов, 2014; Сабурова Т., Эклоф Б. Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов. М., 2016; Милевский О.А., Панченко А.Б. «Беспокойный Клеменц»: опыт интеллектуальной биографии. М., 2017; Дмитриева О.Н. Народоволец Степан Григорьевич Ширяев. Саратов, 2017; Воронихин А.В. Вера Николаевна Фигнер. Взгляд на женщину русских революций из XXI века.

Уникальный конспиратор и организатор Михайлов, известный в радикальных кругах как «Дворник», являлся крупной и неординарной личностью. Будучи фактически «человеком № 1» в «Народной воле», он вызывал уважение даже у тех людей, которые разочаровывались в революционных убеждениях. Так, Л.А. Тихомиров, уже став монархистом, писал: «Теперь прошло с тех пор 20 лет, у меня нет иллюзий, и совершенно хладнокровно и убеждённо говорю, что Михайлов мог бы, при иной обстановке, быть великим министром, мог бы совершить великие дела для своей родины»⁸. Впоследствии память о нём сохранила дожившие до свержения самодержавия народовольцы⁹, историки революционного движения¹⁰ и литераторы¹¹.

Пелевин попытался вписать своего героя в контекст 1870-х гг., связав формирование его взглядов и личных качеств с «хождением в народ», которое освещено в книге очень ярко и детально (I, с. 18–169), с привлечением не только опубликованных, но и архивных источников. При этом нельзя сказать, что автор пришёл к каким-то новым выводам по сравнению со своими предшественниками (Б.С. Итенберг, В.Н. Гинёв, Н.А. Троицкий и др.). Во всяком случае, он не смог понять и объяснить природу возникновения народнического «поколения 70-х» гг., заметно отличавшегося от «шестидесятников». По сути, Пелевин просто констатировал, что «трудно сказать однозначно, какими путями мальчики и девочки уходили в революцию» (I, с. 175). К сожалению, слишком лапидарны и его размышления о влиянии книг на мировоззрение Михайлова (I, с. 181). Между тем этот сюжет можно было развернуть, опираясь на письма Михайлова к сестре, приведённые в публикации А.П. Прибылёвой-Корба и В.Н. Фигнер¹², а также реконструировав круг детского чтения (автор прослеживает его только с 14 лет). Следовало бы учесть и изменения в педагогике и семейном воспитании, происходившие в пореформенную эпоху.

Весьма удачно Пелевин воссоздаёт историю «Земли и воли», у историков которой стоял Михайлов. Тщательно анализируя его роль в этой ведущей революционно-народнической организации 1870-х гг., автор уточняет численность провинциальных групп землевольцев, отдельные факты и даты. Справедливо отмечая аполитизм «Земли и воли» и неприятие её членами «капитализма», Пелевин полагал, что «буржуазное общество, основанное на капиталистическом производстве, сумело преодолеть родовые травмы и реализовать подлинные демократические свободы и прочее», тогда как «русские революционеры-разночинцы не могли из своего “далёка” разглядеть благую

М., 2020; *Кан Г.С.* Аарон Зунделевич: от раввинского училища к «Народной воле» // Архив еврейской истории. Т. 12. М.; Бостон; СПб., 2022. С. 128–230; *Барабанова М.А.* Народоволец Савелий Златопольский. Приложение. С. Златопольский. Показания. Записки. Письма // Архив еврейской истории. Т. 13. М.; Бостон; СПб., 2022. С. 182–265; *Милевский О.А.* Ступени на эшафот. Жизнь и судьба Валериана Осинского, идеолога русского политического террора. СПб., 2023.

⁸ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 130–131.

⁹ Прибылёва-Корба А.П., Фигнер В.Н. Народоволец Александр Дмитриевич Михайлов. М.; Л., 1925; Фигнер В.Н. Александр Михайлов – народоволец // Фигнер В.Н. Полное собрание сочинений в 7 т. Т. 5. М., 1932.

¹⁰ Клевенский М. Александр Дмитриевич Михайлов. М., 1925; Беркова К.Н. А.Д. Михайлов. М., 1926; Троицкий Н.А. Дворник (Народоволец Александр Дмитриевич Михайлов) // Освободительное движение в России. Вып. 17. Саратов, 1999. С. 53–66.

¹¹ Эльсберг Я.А. Михайлов. М., 1935; Давыдов Ю.В. Завещаю Вам, братья... Повесть об Александре Михайлове. М., 1975.

¹² Письма народовольца А.Д. Михайлова. М., 1933. С. 108–112.

перспективу и выбрали ошибочный путь — путь к социализму, тупиковый и утопический во всех вариациях, в том числе и в виде “крестьянского социализма” (I, с. 319). Конечно, реализация данной концепции в 1870-е гг. была невозможна. И всё же представляется, что какие-либо футурологические пророчества тут совершенно неуместны, поскольку теоретический спор о судьбах капитализма и социализма ещё далёк от завершения.

Весьма убедительно описаны в книге контакты Михайлова с раскольниками, о которых ранее скромно упоминали историки. Между тем Пелевин представил пропагандиста человеком, не только знакомым с основами православия и богословской литературой, но и сумевшим стать своим для старообрядцев (I, с. 436–461). Организаторский талант «Дворника», как показал автор, в полной мере раскрылся при восстановлении центра «Земли и воли», разгромленного октябрьскими арестами 1878 г. (II, с. 179–209). Впрочем, говоря о главном герое, исследователь не забывает и о его товарищах по революционной борьбе. Читатель найдёт в тексте запоминающиеся образы А.И. Баранникова, В.И. Засулич, С.М. Кравчинского, С.Л. Перовской, М.Ф. Фроленко и др.

Одна из глав монографии посвящена деятельности Н.В. Клеточникова, внедрившегося по поручению Михайлова в III отделение Собственной е.и.в. канцелярии. В основе её лежит новый архивный материал, существенно дополняющий известные факты. Однако трактовка автором поведения Клеточникова во время следствия вызывает возражения. Как утверждает Пелевин, «на допросах Клеточников выложил всё, что ему было известно. Прежде всего, он выдал самого себя» (II, с. 234). Но затем, после детального анализа, сам исследователь приходит к выводу, что показания Клеточникова повредили только А.Б. Арончику, через которого передавалась информация. Пелевин считает, что для Особого присутствия Правительствующего Сената «этого оказалось достаточно, чтобы присудить Арончику к бессрочной каторге» (II, с. 245). Между тем в книге указано, что властям, благодаря Г.Д. Гольденбергу, уже было известно об участии Арончика «в подкопе для взрыва царского поезда под Москвой в ноябре 1879 г.» (II, с. 241). А это являлось намного более отягчающим обстоятельством. Нельзя забывать и о том, что Клеточников оказался в невыносимых для него условиях и опасался мести со стороны полицейского начальства. Признание же при аресте в собственных противоправительственных действиях, без упоминания других лиц, не нарушило своеобразный «этический кодекс» поведения революционера. К примеру, Михайлов во время предварительного следствия даже написал подробную записку о ходе народнического движения в 1870-х гг. (II, с. 305). К тому же, и сам Пелевин признаёт, ссылаясь на отзыв Михайлова, что на суде Клеточников держался достойно (II, с. 244–245)¹³.

Ещё в кандидатской диссертации 1984 г., пользуясь теми же сведениями, которые товарищ прокурора А.Ф. Добринский сумел получить от Гольденберга, Пелевин реконструировал не сохранившийся устав, выработанный на съезде террористов-политиков в Липецке, и организационные принципы этой группы (II, с. 283), положившей затем начало Исполнительному комитету (ИК) «Народной воли». Тогда же историк пришёл к обоснованному выводу о том, что, оставаясь социалистами, народовольцы в своей программе выдвигали буржуазно-демократические требования.

¹³ См. также: Троицкий Н.А. Подвиг Николая Клеточникова // Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 9. М., 1972. С. 72.

Действительно, многие из них считали, что прежде всего необходимо добиться политической свободы, поскольку эта цель казалась им вполне достижимой. Михайлов уже после ареста писал своим товарищам: «Лозунгом нашим должно стать — минимум желательного, но с максимальной настойчивостью. Земское учредительное собрание при общем избирательном праве, при свободе слова, печати и сходок — вот минимум желательного. Для него отдайте все ваши силы, все ваши жизни, и вы воздвигните себе в близком будущем нерукотворные памятники в сердце народа»¹⁴.

Однако в самодержавной России заставить власть пойти хотя бы на минимальные уступки могла только сила, а её-то у революционеров и не было. В неравной борьбе им ничего не оставалось, как браться за оружие и прибегать к политическому террору, надеясь на то, что такая «дезорганизация» ослабит или напугает правительство. Пелевин признаёт, что для партии «это была вынужденная мера, на которую её толкала логика развития революционного движения» (II, с. 289). Вместе с тем, размышая про «Казус Засулич», он отмечает: «В стране отсутствовали правовые механизмы, которые регулировали бы отношения личности и государства. Но беззаконие нельзя ни преодолеть, ни тем более искоренить другим беззаконием. Насилие невозможно победить насилием, ибо суть его останется прежней» (II, с. 91).

Тем не менее в 1905 г. именно брутальное революционное насилие, включая, конечно, крестьянские, рабочие и солдатские волнения, вынудило царя согласиться на преобразование государственного строя. Всё же, как выразился в своё время О.В. Будницкий, «то, что не сработало в 1881 г., получилось в 1904-м. Путь, указанный народовольцами, не оказался дорогой в тупик. Террористическая тактика доказала свою эффективность при определённых исторических условиях и обстоятельствах»¹⁵. Михайлов, похоже, рассчитывал на её успех даже в тюрьме, где продолжал строить планы, склоняясь к тому, что «при политической свободе, кажется, лучше перейти на путь идейной борьбы»¹⁶.

К сожалению, смерть помешала Пелевину завершить работу над книгой и обстоятельно рассказать о собственно народовольческом периоде жизни Михайлова. При этом о тех событиях, в которых он не участвовал, говорится явно избыточно. Так, о «Чигиринском заговоре» Михайлов, видимо, даже не знал. Тем не менее в текст включена особая «интерлюдия» (I, с. 205–235), в которой данный эпизод изложен по уже известным в литературе источникам. К тому же автор не успел учесть статьи, появившиеся в 2013–2015 гг.¹⁷, и допускает не-

¹⁴ Письма народовольца А.Д. Михайлова. С. 217.

¹⁵ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 153.

¹⁶ Письма народовольца А.Д. Михайлова. С. 194.

¹⁷ Терехова С.А. Из истории аграрного движения в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в.: крестьянский вожак Ф.Д. Прядко // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы II всероссийской научно-практической конференции. Ч. 2. Нижневартовск, 2013. С. 191–193; Терехова С.А. К вопросу об истоках «Чигиринского заговора»: крестьянское движение в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4(25). С. 94–99; Мауль В.Я. Ложное эхо «Чигиринского заговора» в судьбе обер-кондуктора Чайковского // Новый исторический вестник. 2014. № 4(42). С. 114–126; Мауль В.Я. Волнения крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии в 1870-е гг. (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития.

мало неточностей, утверждая, например, будто часть крестьян под Чигирином отстаивала «право общинного землепользования» (I, с. 222), тогда как они, по свидетельству киевского губернатора, желали «не общинного владения, а душевого наследственного (или, другими словами, того же участкового), но который был бы отведён через казённых землемеров каждому хозяину на ревизскую душу»¹⁸. В результате, комментарии Г.С. Кана к этому разделу (I, с. 559–561) более интересны и содержательны, нежели сама «интерлюдия».

Излишне затянутой представляется и глава о пропаганде землевольцев среди рабочих (I, с. 462–555). В отличие от Г.В. Плеханова, Михайлов возникает в ней лишь спорадически (на 17 страницах из 93), при том, что если верить В.Н. Фигнер, он «горячо относился к делу рабочих». Правда, ей запомнилось, что «он не посещал рабочих кварталов, но действовал как организатор». Пелевин же показывает, что в 1878–1879 гг. «Михайлов принимал самое деятельное участие» и в агитационных «беседах» с фабричными, и в поддержке забастовщиков, с которыми встречался лично (I, с. 484–486, 497–498, 528). И хотя «Александр Михайлов как последовательный народник также не считал пролетариат самостоятельной силой» (I, с. 476), у него всё же вызывало досаду то, что «влияние землевольцев в рабочей среде было меньшим, чем хотелось» (I, с. 552–553). Однако и эти наблюдения, и конкретные эпизоды стачечной борьбы, в подробностях изложенные автором, хорошо известны в историографии. Конечно, обильная детализация глубже погружает читателя в обстановку конца 1870-х гг., но в итоге возникает ощущение, что в книге много «эпохи» и сравнительно мало самого Михайлова. Возможно, учитывая состояние рукописи Юрия Александровича, издателям вообще не стоило «доводить» её до монографии, а следовало ограничиться подготовкой сборника избранных трудов учёного, включив в него и наиболее интересные фрагменты недописанной биографии «Дворника»?

Книга Ю.А. Пелевина, пытающаяся объять необъятное, не предлагает какой-то новой концепции революционного народничества и во многом развивает идеи В.Я. Яковleva (Богучарского) (I, с. 11). Тем не менее она подталкивает историков к обмену мнениями о неудобных и дискуссионных аспектах, казалось бы, уже давно исследованных проблем и помогает увидеть их новые грани.

Андрей Воронихин: Движение революционных народников в монографии Ю.А. Пелевина

Andrey Voronikhin (independent Researcher, Saratov): The Movement of revolutionary populists in the monograph by Y.A. Pelevin

DOI: 10.7868/S3034579025060061

Научным руководителем Ю.А. Пелевина в Московском университете был профессор М.Г. Седов (1912–1991), известный своей монографией

Материалы всероссийской научной конференции. Ростов н/Д, 2015. С. 123–128; *Мауль В.Я. Заговор от имени царя (о некоторых чертах психологии чигириных крестьян) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы IV всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. Нижневартовск, 2015. С. 251–254.*

¹⁸ Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигирищині (1875–1879 рр.). Харків, 1934. С. 59.

«Героический период революционного народничества»¹⁹. Написанная темпераментно и ярко, она до сих пор остаётся одним из главных комплексных исследований истории партии «Народная воля». Однако некоторые взгляды и оценки Пелевина гораздо ближе к суждениям таких историков начала XX в., как В.Я. Яковлев (Богучарский) и А.А. Корнилов. К примеру, рассказывая о событиях периода «хождения в народ», автор указывает на их «самотечность» и бессмысленность. Он изображает это движение так, словно оторванные от народа нигилисты-идеалисты, в основном студенты и гимназисты, вдохновлённые подцензурными изданиями, потекли разрозненными ручейками по бескрайним российским просторам и наткнулись на глухую стену деревенского невежества, религиозного смирения и веры в решение насущных проблем исключительно «царём-батюшкой», и не будь сумасбродного преследования мирных агитаторов-пропагандистов со стороны бездушного правительственно-го аппарата, их порывы сами собой рассосались бы и перетекли в легальные формы культурной работы и помохи крестьянам. Во всяком случае, до появления в тексте А.Д. Михайлова энергия движения революционных народников в монографии не ощущается. После исследований профессора Саратовского университета Н.А. Троицкого²⁰, описавшего вполне осмыслиенные действия и весьма неординарных участников «хождения в народ», отвлечённые рассуждения Пелевина выглядят неубедительно.

Вызывают недоумение и очевидные противоречия. Сперва утверждается, что «кружок москвичей» будто бы «положил начало» «первой террористической организации в России» (I, с. 114), но уже на следующей странице эта характеристика признаётся поспешной, поскольку, как выясняется, «до подлинной централизованной подпольной организации “москвичам” было далеко» и «не случайно “кружок москвичей” в уставе именовался “общиной”» (I, с. 115). Но ввести в научный оборот понятие «первая террористическая община в России» автор не решился. Вместе с тем, анализируя программу «Земли и воли» и говоря про включение в неё слов о дезорганизаторской деятельности революционеров, Пелевин отмечает, что «это нововведение открыло – пока что теоретически – террористическую борьбу с царизмом» (I, с. 251). Встречаются в тексте и фактические неточности. Так, подпольная мастерская И. Пельконена располагалась в Саратове на Царицынской улице, которая никогда не носила имя Н.Г. Чернышевского (I, с. 145), а теперь называется Первомайской (дом 88). В примечаниях научного редактора участницей процесса «50-ти» названа не Лидия Фигнер, а её более известная сестра Вера (I, с. 557).

Программные и организационные принципы «Земли и воли» выявлены в монографии достаточно полно и с учётом предшествующей историографии. Широкими мазками очерчена жизнь землевольцев, обосновавшихся в Торопецком, Саратовском и Тамбовском поселениях, показаны результаты работы землевольцев-«сепаратистов». Глава «Александр Михайлов среди раскольников» является, пожалуй, самой оригинальной частью первого тома. Всесторонне освещена автором демонстрация у Казанского собора в Санкт-Петербурге 6 декабря 1876 г. (с последующими арестами, судом и откликами на случившееся).

¹⁹ См.: Седов М.Г. Героический период революционного народничества (из истории политической борьбы). М., 1966.

²⁰ Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.). Саратов, 1991; Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов, 2002.

Разбирая «Казус Засулич», Пелевин пытается нейтрально писать о борьбе народников с самодержавием и не «выступать адвокатом ни одного из дьяволов». Однако все его усилия нивелируются финальным заключением: «На правительственный террор, исходящий из царского дворца, революционеры ответят терроризмом из подполья» (II, с. 91). Тем самым именно политика властей объявляется первопричиной противостояния «двух дьяволов». Авторская позиция прорывается и в тех неуклюзых эпитетах, которыми награждён в тексте Ф.Ф. Трепов: «царский преторианец», «раненый официал», «пострадавший полицант» (II, с. 22, 31, 30).

Как установил Пелевин, в 1877–1878 гг. эффективным агентом «Земли и воли», завербованным Михайловым, являлся помощник письмоводителя во 2-м полицейском участке Нарвской части В.Д. Березневский, впоследствии ставший толстовцем. Этот «мужественный революционер» после ареста «на допросах вёл себя стойко и никого не выдал» (II, с. 189–190). А в начале 1879 г. в III отделение Собственной е.и.в. канцелярии по совету Михайлова внедрился Н.В. Клеточников, который затем в течение двух лет раскрыл революционерам имена 385 осведомителей, включая 115 постоянных секретных сотрудников (II, с. 222). Такого провала политическая полиция империи не знала ни до, ни после.

Тем не менее, изучив откровенные показания, данные Клеточниковым на следствии и ставшие главной уликой против него на «процессе 20-ти», Пелевин пришёл к выводу, что «этот человек оказался совсем не революционером по своему характеру и темпераменту» (II, с. 224, 248). Собственно и Михайлов писал о нём из тюрьмы товарищам: «Он – не революционер, но человек передовой и желающий служить обществу против застеночных учреждений» (II, с. 245). Сам Клеточников также заявил на суде: «Я не революционер по убеждениям» (II, с. 345). Вот только нанесённый им урон самодержавию и его готовность, объявив голодовку, пожертвовать собой для изменения тяжёлых условий одиночного заключения в Алексеевском равелине Петропавловской крепости (II, с. 246)²¹ свидетельствуют о том, что это был видный представитель революционного движения, даже если он и впрямь, по словам Михайлова, лишь «платонически разделял взгляды прогрессивной социально-экономической теории» (II, с. 345).

О мировоззрении Клеточникова историки могут судить только гипотетически, тогда как его дела нельзя игнорировать. Пелевин признаёт, что «Клеточников обезопасил существование не только “Земли и воли” и ранней “Народной воли”, но и т[ак] н[азываемого] северного Исполнительного комитета и боевой группы при нём “Свобода или смерть”». Он же предотвратил разгром типографии и динамитной мастерской народовольцев. А разоблачение им А.Я. Жаркова на какое-то время продлило работу типографии «Чёрного пердела» (II, с. 222–223).

Едва ли это обесценивается из-за того, что он не мог молчать на допросах. «Клеточников, – пишет Пелевин, – выдал революционерам всё, что узнал на службе в органах государственной безопасности. С другой стороны, он выдал

²¹ По словам Троицкого, «не будь мученической жертвы Николая Клеточникова, и Михаил Фроленко, и Николай Морозов, и Михаил Попов, перенёсшие все ужасы 20-летнего заточения в Шлиссельбургской крепости и в конце концов освобождённые революцией 1905 года, погибли бы вслед за Клеточниковым ещё до Шлиссельбурга в Алексеевском равелине» (Троицкий Н.А. Подвиг Николая Клеточникова. С. 75).

властям предержащим всё, что ему было известно о народническом подполье. На следствии он оговорил всех “преступных лиц”, с кем был связан, умолчав лишь о Н.Н. Оловенниковой. Однако Клеточников знал о революционерах настолько мало, что не смог принести большого вреда никому, кроме [А.Б.] Арончика» (II, с. 247). Да и того обвиняли прежде всего в участии в покушении на Александра II под Москвой, о чём было известно из показаний Г.Д. Гольденберга.

На суде Клеточников держался достойно не только потому, что «вновь попал в круг влияния Михайлова», но и поскольку имел внутренний нравственный стержень. «Клеточников ведёт себя прекрасно, решительно и достойно, — сообщал Михайлов друзьям на волю в дни суда. — Он говорил спокойно, хотя председатель палачей набрасывался на него зверем. Выставленные им мотивы истинны и честны». После оглашения приговора Александр Дмитриевич не скрывал своих чувств: «Горюю о Клеточникове, которому сулят смерть. Я с ним крепко-крепко поцеловался, сказал ему, что умрём друзьями, как жили» (II, с. 245). Признав свою вину, Николай Васильевич надеялся умереть на эшафоте и, в отличие от Арончика, не подал прошение о помиловании. По-видимому, исследователь не понял описанный им феномен. Для Пелевина «прецедент Клеточникова — результат искусной организационной и конспиративной деятельности Михайлова», который «верно определил личностные границы своего агента» (II, с. 247–248). Впрочем, Михайлов как раз утверждал, что «Клеточников достойный всяческого уважения человек» (II, с. 245).

В завершающем книгу отрывке из диссертации Пелевина кратко сказано о том, как Михайлов вопреки мнению членов Основного кружка «Земли и воли» «на свой страх и риск» организовал попытку цареубийства: «2 апреля 1879 г. во время прогулки Александра II после условного знака А.Д. Михайлова А.К. Соловьёв четыре раза почти в упор стрелял в царя, но ни одна пуля даже не задела монарха, а ведь А.К. Соловьёв был прекрасным стрелком. Видимо, он и “не хотел его убивать”». При этом историк ссылается на рукопись мемуаров Н.И. Сергеева «Из жизни людей семидесятых годов» (II, с. 278). Между тем Г.С. Кан в комментариях отмечает: «Суждение о том, что Соловьёв был прекрасным стрелком, восходит только к его собственному утверждению, а мнение Сергеева, что Соловьёв намеренно стрелял мимо, не находит никакого подтверждения» (II, с. 355).

Однако нежелание убивать Александра II могло объясняться осознанным расчётом, напугав царя, вырвать у него уступки. Как бы то ни было, 24-летнему «знатоку человеческих душ» Михайлову приходилось выбирать из трёх добровольцев, находившихся на нелегальном положении и готовых участвовать в покушении на монарха. Это были участники убийства харьковского губернатора кн. Д.Н. Кропоткина «южане» Гольденберг (23-х лет) и Л. Кобылянский (22-х лет), а также землеволец-«сепаратист», земский учитель из Саратовской губ. Соловьёв (32-х лет), который, по выражению хорошо знавшей его В.Н. Фигнер, принадлежал к числу тех, кто и «мухи не обидит»: «Высокого роста, худощавый, он был неловок в техническом отношении, и в обыденной жизни с ним часто случались разные приключения, вызывавшие шутки со стороны близких товарищей... Пойдёт гулять... непременно попадёт в какое-нибудь болото, заблудится и не найдёт дороги; в городе, будучи нелегальным, забудет адрес своей квартиры; при ночной встрече с полицейским на вопрос: кто идёт? — по какому-то чудачеству отвечает “чёрт” и попадает в участок...

Общий вид Соловьёва был суровый, что находилось в полном противоречии с его кроткой душой... Он был хорошим человеком и, если бы сравнение не было избитым, я сказала бы, что добр и незлобив, как ребёнок»²². На исходе 1878 г., приехав к Фигнер в саратовское село Вязьмино, Соловьёв сообщил ей о желании лишить жизни Александра II. Собеседница «была ошеломлена: до тех пор мысль о цареубийстве никогда не являлась в революционных кругах. Об этом не думали и не говорили». Позднее она вспоминала: «Ни во время суда надо мной в [18]84 году, ни до него я не находила нужным объяснять, что *моё отношение к решению Соловьёва было совершенно отрицательным*. С обще-революционной точки зрения, я считала предположенный акт бесполезным, в случае неудачи – вредным... Вера Соловьёва, что вслед за цареубийством... произойдёт народное движение, революция, казалась мне полнейшей иллюзией, не имеющей никакой реальной почвы под собой... С тяжёлым чувством рассталась я с Соловьёвым. Не говоря о теоретических соображениях, я заранее *была уверена, что он совершил лишь неудачное покушение* и умрёт на эшафоте»²³ (выделено мной. – А.В.).

В то же время А.И. Зунделевич энергично возражал против того, чтобы к гибели императора оказался причастен Гольденберг, опасаясь неизбежной в этом случае волны еврейских погромов. Кандидатуру Кобылянского отклонили по схожим соображениям, дабы не придавать делу вид польской интриги. К тому же «опытные» террористы Гольденберг и Кобылянский просили лидера землевольцев обеспечить им отход после нападения, что требовало времени, денег и дополнительных организационных усилий, Соловьёв же, по словам Михайлова, соглашался «*в любой момент принести себя в жертву*». Более того, он взял с собой яд и принял его, хотя знал, что император не погиб.

На то, что Соловьёв собирался не убить, а погибнуть, указывает и день, выбранный для покушения – 2 апреля, Светлый понедельник. Какую реакцию у православных подданных вызвало бы убийство помазанника Божьего на второй день Пасхи? Ведь стрелок, если верить Фигнер, надеялся всколыхнуть народ.

Возможно, Михайлов имел в виду и то, что при провале одного из представителей «Исполнительного комитета Русской социал-революционной партии» расследование привело бы тайную полицию на юг России и ударило бы по «кружку В. Осинского», уже практиковавшего индивидуальный террор. Выявление же связей Соловьёва переключало внимание III отделения Собственной е.и.в. канцелярии на Поволжье, где народники (в том числе С.Л. Перовская и Фигнер) ещё колебались между оседлой пропагандой и вооружённой борьбой с правительством. Но тогда и им пришлось бы присоединиться к дезорганизаторской деятельности революционной партии.

Как бы то ни было, после *трёх не устраниющих, а устрашающих* акций народовольцев – выстрелов Соловьёва, подрыва железнодорожного полотна под свитским поездом (когда уже стало понятно, что царский состав прошёл первым) на въезде в Москву 19 ноября 1879 г., и, наконец, взрыва в Зимнем дворце, осуществлённого 5 февраля 1880 г. С.Н. Халтуриным, у которого

²² Фигнер В.Н. Александр Соловьёв // Фигнер В.Н. Полное собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. С. 198–199.

²³ Цит. по: Воронихин А.В. Один год из жизни Веры Фигнер (новое о саратовском поселении землевольцев 1878–1879 гг.) // Освободительное движение в России. Вып. 15. Саратов, 1992. С. 105–106.

не нашлось необходимого количества динамита для гарантированного уничтожения цели²⁴, — чрезвычайные полномочия получил генерал-адъютант гр. М.Т. Лорис-Меликов, убедивший императора в целесообразности совмещения репрессий и либеральной политики. Однако смерть Александра II от метательных снарядов «Народной воли» не позволила осуществить намеченные преобразования.

Незавершённая монография талантливого историка зайдёт достойное место в отечественной историографии. Ю.А. Пелевин убедительно показал лидерство Михайлова на заключительном этапе деятельности «Земли и воли» и в начале борьбы «Народной воли», а проведённый им многомерный анализ важнейших событий, связанных с движением революционных народников, вновь заставляет размышлять о внутренней логике их противостояния с самодержавной властью.

Василий Зверев: «Беспочвенные мечтания» или революционная альтернатива?

Vassiliy Zverev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): «Groundless dreams» or a revolutionary alternative?

DOI: 10.7868/S3034579025060079

Издание книги Ю.А. Пелевина «Александр Михайлов и его революционная эпоха» нельзя не приветствовать. В последние десятилетия на фоне интенсивного исследования истории русского либерализма и консерватизма революционные идеиные течения и движения вольно или невольно оказались в положении «нелюбимого дитяти». Во всяком случае, после перенесённых Россией революций выражать к ним симпатии как-то не совсем в духе времени. Уже поэтому работа, претендующая на концептуальное осмысление во многом переломной для страны эпохи, важна и значима.

При этом её ценность лишь возрастает от того, что сущность событий, идеиных споров и поисков революционеров раскрывается в ней через изучение, в первую очередь, изломов человеческой судьбы одного из незаурядных семидесятников — А.Д. Михайлова. Тем самым она возвращает нас к вопросу, живо обсуждавшемуся ещё в конце XIX в.: почему лучшие представители молодёжи, наделённые талантами и выдающимися качествами, нередко презирали желанную для многих карьеру в государственных учреждениях и избирали служение народу, не сулившее никаких благ и привилегий, кроме славы «народного заступника, чахотки и Сибири»? Любопытно, кстати, что современные «сладкоголосые птицы» самодержавия, привычно демонизирующие революционеров, не спешат героизировать их противников. Да и кто из них этого заслуживает? Ф.Ф. Трепов? Г.П. Судейкин?

²⁴ А.А. Филиппов,ober-фейерверкер в запасе, служивший на Охтинском пороховом заводе, в 1926 г. вспоминал: «Теперь прошло уже более 40 лет, но я очень хорошо помню свой разговор с [М.Ф.] Грачевским при первом же нашем свидании после взрыва в Зимнем дворце. На моё замечание, что заложено было мало динамита, Грачевский ответил, что все запасы не решились использовать потому, что не было полной уверенности в успехе» (Филиппов А.А. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. Стб. 487).

Монография Пелевина позволит пытливому читателю избавиться от бытующих, к сожалению, и поныне стереотипов, мифологем и идеологем, кажущихся порою такими убедительными. Помогут этому и выполненные на высоком профессиональном уровне научные комментарии Г.С. Кана, дополняющие и уточняющие текст автора, не успевшего завершить свой труд.

Тем не менее у работы имеются и недочёты. Просопографический подход весьма заманчив и вполне оправдан, но только в том случае, если в достаточной мере обеспечен источниками. Однако о жизни Михайлова этого сказать нельзя. Неудивительно, что в книге сведения о революционной деятельности народников явно превалируют над собственно биографическим материалом. Возможно, её точнее было бы назвать «Революционная эпоха 1870-х – начала 1880-х гг. и Александр Михайлов». Несколько искусственно выглядят и включённые в её структуру две «прелюдии», «интерлюдия» и «постлюдия», которые немного оживляют традиционные формулировки глав и разделов, но смотрятся скорее как «излишства».

Повествование Пелевина отличается точностью и вниманием к деталям, бережным отношением к частностям. Автор приводит немало примеров несопадения взглядов революционной молодёжи и умонастроений крестьянства, охотно указывает на ошибки, допущенные народниками, пытавшимися прорваться к чувствам сельских жителей. Однако в тексте явно недостаёт более широкой характеристики крестьянского мировосприятия с его природным консерватизмом, наивным монархизмом и общинным колlettивизмом. Об этом говорится мимоходом и без всякой системы. Между тем данные черты существенно влияли на взаимоотношения народнической интеллигенции с «работным людом» и в деревне, и в городах.

Избегал Пелевин и анализа революционной идеологии. Но что бы ни говорилось о стратегии и тактике радикалов, в начале её всё-таки было *слово*. Поэтому удивляет отсутствие в книге хотя бы кратких экскурсов в творчество родоначальников народничества А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского. Не рассмотрены в ней и идейные искания М.А. Бакунина, П.Л. Лаврова, П.Н. Ткачёва. А это было необходимо сделать хотя бы для того, чтобы наглядно и доказательно продемонстрировать: настольной книгой для семидесятников стали «Исторические письма» Л. Миртова, а не «Катехизис революционера» С.Г. Нечаева. В 1870-е гг., конечно, не существовало чисто бакунистских, лавристских или ткачевистских организаций. Революционеры по-разному сочетали различные идеи и концепции. Но игнорировать влияние идеологов «действенного народничества» на практиков недопустимо.

При изложении фактов автор придерживается их объективистского прочтения, собственного В.Я. Яковлеву (Богучарскому), подходы которого в значительной мере устарели. Историк пытается играть роль третейского судьи, поднимающегося над схваткой для вынесения беспристрастного вердикта. «Здесь я не собираюсь, – пишет Пелевин, – выступать адвокатом ни одного из дьяволов – оправдывать правительственный или революционный лагерь. Неправомочны и те, и другие... Насилие невозможно победить насилием, ибо суть его остаётся прежней» (II, с. 91).

Трудно сказать, чего больше в данном заявлении – принципиальной убеждённости в бесконфликтности общественного прогресса или исторической близорукости. Возможно, и того, и другого поровну. Какие эпохальные события происходили без насилия? В основе любой масштабной трансформации всегда

лежит конфликт, столкновение интересов и последующие целенаправленные преобразования, которые не могут не встречать сопротивления, борьбы, и завершаются частичной или абсолютной победой одной из сторон.

По своей сути революция и реформа – два способа выхода из охватившего общество кризиса. Каждый из них имеет свою логику действий и соответствующие ей средства. Революционная альтернатива отдаёт предпочтение социальному взрыву, стихийной коррекции развивающихся процессов. Сторонники реформ обычно избегают слишком высокой цены потрясений и стараются разрешить назревшие противоречия путём компромисса. Но несмотря на разницу в ценностях, в степени радикализма, в широте охвата различных сторон жизни и в вовлечённости в её переустройство народных масс, и революционеры, и реформаторы остаются преобразователями. В сущности, границу между ними определяют цели их деятельности, а также соотношение традиционности и новаторства.

Революционеры склонны оценивать прошлое как тяжёлый и в значительной мере ненужный груз. Реформаторы, считаясь с прогрессом или приветствуя его, в то же время не отрекаются от «наследства» и пытаются критически и выборочно его использовать. То, в «какой пропорции» это делается, разделяет их, в свою очередь, на радикалов, умеренных и консерваторов. Каждая из этих групп, следуя собственным представлениям о совмещении традиций и новаций, предлагает способы осуществления перемен и в разное время так или иначе влияет на общественное мнение.

Накануне реформ всех их объединяет стремление предотвратить социальный взрыв при помощи проведения неотложных мер. Однако в дальнейшем сказываются различия во взглядах и в оценке сделанного, что приводит к серьёзным расхождениям. При этом кризис острее всего ощущается интеллигенцией, а первые шаги к реализации реформ делают наиболее дальновидные представители власти.

Гипотетически возможны несколько вариантов развития событий: успех намеченных преобразований, их провал и «революция снизу», свёртывание реформ и переход к консервативной стабилизации. Для того, чтобы воплотить задуманное, необходимо иметь чёткое представление о конечном результате реформ и заручиться поддержкой той части населения, которая им сочувствует, обеспечив тем самым необходимый социальный мир. Требуются также максимальная концентрация сил, выигрыш времени и, наконец, совместимость новых идей с основами мировоззрения и психологией народа. В противном случае глухое недовольство масс, постепенно накапливаясь и усиливаясь, становится питательной средой радикализма.

Нерешительность и непоследовательность правительства, желание не столько изменить, сколько сохранить вековые устои приводят к обратному результату и ещё туже затягивает узел противоречий. Консервативное реформаторство становится реакцией на ошибки и просчёты предшественников. Его идеологическое оформление зачастую проще, доступнее и понятнее для большинства населения страны, чем неопределённые заявления радикалов и колебания умеренных либералов. Однако со временем страна сталкивается с новым комплексом проблем, дополненных и обострённых политикой национализма и патернализма, и революция оказывается неизбежным следствием провала предыдущих попыток эволюционного продвижения в будущее. Как утверждал В.М. Чернов, «оправдание революции – не в выигрыше во времени и не

в экономии сил. И то, и другое проблематично. Её оправдание, высшее и бесспорное, в том, что она является единственным способом двинуться вперёд там и тогда, когда и где упрямство и слепота господствующих, командующих групп или классов пытается глухою стеной остановить мощное и неудержимое историческое движение»²⁵.

Особенность генезиса и развития народничества состояла в том, что потенциал петровских преобразований к середине XIX в. был в значительной степени исчерпан. Страна вступила в полосу кризиса, чему способствовало и то, что образованному меньшинству в системе государственного управления отводилась исключительно исполнительная роль. Но со второй половины XIX в. ещё только формировалось общество вступило в схватку с государством, требуя равной ответственности за будущее страны. Всё же пожеланий был весьма разнообразен — от гарантии прав и свобод до кардинальных социально-экономических и политических преобразований.

В 1860–1870-х гг. революционеры, набирая силу, опережали собственное время и выдвигали социалистические проекты, казавшиеся утопическими. Никак нельзя согласиться с Пелевиным в том, что «программа, выдвинутая ИК, была буржуазно-демократической». По его мнению, «бессспорно, что люди, за неё боровшиеся, в первую очередь Михайлов, искренне мечтали о социализме, были до конца преданы этой идее, шли за неё на смерть, но выбранные ими пути были утопичны и могли привести, в лучшем случае, только к созданию прогрессивного буржуазного общества» (II, с. 289). Однако утопичность свойственна любой общественно-политической доктрине, а не только народнической. Хотя, разумеется, и у народников можно обнаружить утопии нескольких типов. Например, «утопию ордена», объединяющую, согласно классификации Е. Шацкого, друзей и единомышленников. Особенность её в том, что «орден не изменяет мира — он создаёт в нём остров»²⁶. Но, по сути, «это створение общественного мира заново», когда «из общественного окружения выделяется группа людей, связанных ценностями, для которых в нём нет места. Так возникает государство в государстве, общество в обществе, во многих отношениях противостоящее действительности, из которой оно выросло»²⁷. Но были характерны для них и героические «утопии политики», нацеленные на замену «плохого» общества «хорошим». Причём, как отмечал Шацкий, «если другие типы утопии позволяют сохранить “чистые руки”, то здесь их нельзя не запачкать. Утопист-политик... принимает участие в игре, правила которой установлены без него... Чтобы уничтожить существующий мир, он должен так или иначе участвовать в нём. Отсюда известные парадоксы утопической политики: террор, применяемый из любви к людям и ненависти к насилию, войны, ведущиеся во имя мира без войн, ложь, существующая расчистить путь в царство Истины. Утопия политики, таким образом, находится в одном шаге от самоуничтожения и, безусловно, в любом из своих воплощений оказывается самой недолговечной. Но именно через неё утопия сближается с реальной историей»²⁸. Более того, порою она и воплощается в исторической реальности, и уже в силу этого подобные представления являются не «бес почвенными мечтаниями», а существенным элементом общественного бытия.

²⁵ Чернов В. Рождение революционной России. Париж, 1934. С. 29.

²⁶ Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С. 53–54, 57–58.

²⁷ Там же. С. 122, 125.

²⁸ Там же. С. 59.

Что же касается программы Исполнительного комитета «Народной воли», которая якобы прокладывала путь к созданию «прогрессивного буржуазного общества», так ведь именно с либералами социалисты-народники вели самую ожесточённую полемику, считая их своими злейшими врагами, чьи установки абсолютно неприемлемы.

Мария Барабанова: Александр Дворник

*Maria Barabanova (Lomonosov Moscow State University, Russia):
Alexander the Janitor (Dvornik)*

DOI: 10.7868/S3034579025060082

Среди революционеров 1870-х гг. самое заметное, но отнюдь не наиболее известное лицо — А.Д. Михайлов, пользовавшийся конспиративным прозвищем «Дворник». Вряд ли современные историки вспомнят о нём раньше, чем о его товарищах — А.И. Желябове, С.Л. Перовской и В.Н. Фигнер. Между тем его роль в революционном движении трудно переоценить, и двухтомный труд Ю.А. Пелевина, ученика профессора М.Г. Седова, ясно демонстрирует это.

Особое внимание он обращает на домашнюю обстановку, в которой вырос Михайлов. Воспоминания народников, если они вообще пишут о своём детстве, переполнены рассказами о неприятии, лицемерии, лжи, насилии и общей нелюбви. Не так было в семье Михайловых — крепкой, любящей и демократичной, где не ощущалось родительского диктата, но поддерживалась атмосфера уважения к самостоятельности растущей личности. Вероятно, благодаря такому воспитанию мальчик вырос остро чувствующим несправедливость человеком. Уже в гимназические годы своё будущее он, пока ещё абстрактно, связывал с общественно-полезной деятельностью. Однако Технологический институт, где в 1870-х гг. ужесточалась дисциплина и вводилась мелочная регламентация, очень быстро его разочаровал. «Зачем мне предметы института, — писал позднее Александр Дмитриевич, — когда сам он не признавал во мне человека и считал насилие и принуждение лучшим средством высшего образования?» (I, с. 191). О чинах и карьере Михайлов не думал, и после студенческих волнений 1875 г. был исключён и выслан в родной Путивль. Там он находился под надзором полиции, которая, по словам отца, «обходилась с ним как с колодником... он плакал, оправдывался в своей невиновности, но кто мог сочувствовать ему? Кто мог поверить его невиновности?... Он, бедный, всё переносил со святым терпением, втихомолку плакал, видимо худел и страдал» (I, с. 199). Типичная для пореформенной эпохи картина: мечтательный и свободолюбивый юноша искренне загорается идеей бескорыстного служения на благо общества и страны, честно ищет себе поприще, но не находит ничего соответствующего своим высоким идеалам, пытается вести себя по совести и встречает жёсткий отпор со стороны власти, которая, по сути, его отталкивает. Через нечто подобное прошло абсолютное большинство будущих радикалов.

Особенно ярко описана в книге жизнь Михайлова среди раскольников в 1877–1878 гг. Опыт первой волны «хождения в народ» показал, что склонить крестьян к немедленному бунту не удастся, а потому необходима «оседлая пропаганда» — сравнительно долгое проживание в народной среде, которое позволило бы завоевать доверие в деревне. Раскольники заинтересо-

вали Михайлова своим критическим отношением к власти и существующей действительности, а также сплочённостью, солидарностью, не иссякающей веками энергией протеста. Всё это позволяло рассчитывать на их участие в будущем восстании (I, с. 442). Пелевин показывает, как непросто было интеллигенту и атеисту выдавать себя за старовера и стать в этой среде «своим», отказавшись от многих прежних привычек. Снимая угол или комнатку в старообрядческом доме, он всегда оставался на виду и не мог позволить себе расслабиться (однажды его выдала слабость к запрещённому у раскольников курению), читать светские книги, журналы и газеты. Необходимо было возвращаться домой до шести вечера, каждое утро начинать с молитв и поклонов, постоянно изучать религиозную литературу и уметь вести беседы о вере. Михайлову пришлось, по собственному позднейшему признанию, «взять себя в ежовые рукавицы, ломать себя с головы до ног» (I, с. 444). При этом он не передал староверам ни одной революционной брошюры. Фигнер, слушая его рассказы, сравнила эту жизнь со смертельной тоской, на что он «совсем просто и серьёзно» ответил: «Да, я уже и умер от неё наполовину» (I, с. 452). Подобный опыт воспитывал самообладание и твёрдость, которые станут основой революционной этики в будущие десятилетия. К сожалению, в историографии почти не уделялось внимание повседневному быту подпольщиков (сами они не любили вспоминать об этом), и его особенности и трудности ещё нуждаются в изучении.

Контекст деятельности Михайлова (в том числе и события, в которых он не принимал участия — «хождение в народ», «Чигиринский заговор» и т.д.) освещён Пелевиным даже избыточно подробно. Порой возникает ощущение, что автор, увлечённый бурным потоком революционной эпохи 1870-х гг., забывает о работе над биографией героя, который то и дело оказывается в тени. Сама же монография столь велика, что сложно в полной мере оценить всю её научную новизну.

Рассказывая про Н.В. Клеточникова, агента революционеров в III отделении Собственной е.и.в канцелярии и Департаменте полиции МВД, Пелевин проанализировал его жизненный путь, контакты с народниками, обстоятельства ареста, откровенные показания, данные им на следствии, поведение на суде и ту роль, которую ему довелось сыграть в судьбе подсудимых. Из приведённого автором материала видно, в какой момент арест и гибель Клеточникова стали неминуемы. Тщательно выстроенная Михайловым конспирация работала, пока он один общался с агентом. Перед отъездом из Петербурга в мае 1879 г. ему пришлось поручить поддерживать связь А.Б. Арончику, тот, в свою очередь, подключил к делу А.А. Квятковского. Затем связанным стал Л.А. Тихомиров и, наконец, сам Михайлов познакомил Клеточникова с А.И. Баранниковым и Н.Н. Колодкевичем, на квартире которого Николай Васильевич и попал в полицейскую засаду. Все они не только находились на нелегальном положении, но и участвовали в самых опасных предприятиях. А надёжных людей, живших по своему, не подложному паспорту, просто не было. Приходилось нарушать столь необходимые правила безопасности, что увеличивало риск разоблачения. На это указывает и Пелевин: «Все усилия петербургских народовольцев... были направлены на подготовку последней террористической атаки на царя... Ради выполнения этого решения ИК вся остальная деятельность оказалась в стороне, в том числе пострадала и конспиративная безопасность организации» (II, с. 230).

К сожалению, в монографии почти не говорится (II, с. 295) о романтической привязанности Михайлова к А.П. Корбе, хотя ей Юрий Александрович посвятил отдельную публикацию²⁹. В отличие от советского времени, когда создавались канонические и во многом мифологизированные образы титанов революционного движения, современные исследователи, напротив, стремятся увидеть в революционерах не только борцов, но и живых людей. Письма к Корбе свидетельствуют о том, что Михайлов усилием воли превратил себя в сурового революционного аскета, расставшегося «со всеми личными наклонностями»³⁰. Под этой маской скрывался человек с нежным сердцем, лишь незадолго до вынесения ему смертного приговора решившийся признаться в своих чувствах возлюбленной: «Голубка моя милая, любимая... сердце моё. Котик мой нежный... что скажу тебе, Зорька моя... я хотел бы глядеть на тебя вечно. Хотел бы целовать твои очи ясные долго, горячо и страстно... Счастье всегда мимолётно и безвозвратно. Пусть благословит тебя, ангел мой, судьба за эти горячие лучезарные чувства, которые ты поселила в моём сердце... Знала ли ты, что любовь моя так глубока. Полагала ли? Должно быть нет. Я полюбил тебя тихо, спокойно, но глубоко и навсегда»³¹. Видимо, незадолго до окончания суда и вынесения смертного приговора, когда так нужна была твёрдость, он признавался: «Не могу и писать тебе, я сильно чувствую в эту минуту горе разлуки, на минуту оно отнимает силы. Подавляет меня. Когда надо будет, надеюсь быть спокойным»³². Эти письма – уникальные свидетельства для представителей подполья. Они отражают трагедию революционеров 1870-х гг., многие из которых и не узнали ни привязанности, ни взаимной любви, ни семейного счастья, отдав себя так и не случившейся тогда революции.

В монографии лишь бегло упоминается о том, что «конспиративная техника “Народной воли” также благодаря заслугам Михайлова была поставлена на очень высокий уровень» (II, с. 296). Этот сюжет Пелевин раскрыл в особой статье³³. Данная сторона деятельности Михайлова неотделима от его представлений о дисциплине и централизме в организации, которые понимались шире, чем простое подчинение меньшинства большинству, и подразумевали образ жизни, выстроенный по строгим правилам. С их помощью Дворник обеспечивал безопасность подполья как изнутри (от предателей и провокации со стороны полиции), так и снаружи (от сыщиков, шпионов и проч.)³⁴. Он продумал и внедрил целую систему мер, защищавшую от провала конспиративные квартиры и тайные типографии. Он пристально следил за бдительностью товарищей на улицах, заставляя их заучивать проходные дворы и повадки полицейских агентов, что позволяло умело уходить от слежки. Таким образом, Александр Дмитриевич даже в большей степени, чем Клеточников, спасал революционеров от разгрома.

²⁹ Пелевин Ю.А. Новые материалы о народовольцах А.Д. Михайлова, А.П. Прибылёвой-Корбе и Л.А. Тихомирове // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1979. № 3.

³⁰ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. 1. М., 1964. С. 229.

³¹ Пелевин Ю.А. Новые материалы о народовольцах... С. 70.

³² Там же. С. 70–71. Судя по всему, именно о Корбе Михайлов писал из тюрьмы: «Завещаю вам, братья, любить и ценить моего милого друга, а вашу сестру и товарища, как любили меня» (Прибылёва-Корба А.П., Фигнер В.Н. Народоволец Александр Дмитриевич Михайлов. М.; Л., 1925. С. 210).

³³ Пелевин Ю.А. Конспиративная деятельность А.Д. Михайлова в «Земле и воле» и в «Народной воле» // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1986. № 2.

³⁴ Там же. С. 55.

Тем более странной кажется история ареста Михайлова, объяснить которую крайне сложно. «Дворник» лично пошёл заказывать снимки с фотографий казнённых товарищей А.К. Преснякова и Квятковского, так как «поддался чувству раздражения» (II, с. 301), рассердившись на студентов, побоявшихся выполнить это поручение. Что помешало ему обратиться к другим студентам или сочувствующим партии лицам? Придя за готовыми фотографиями, он заметил встреможенность хозяина и тут же поспешил уйти, пообещав соратникам, «что ни за что не пойдёт туда» вновь (II, с. 302). Но 28 ноября 1880 г. он всё-таки посетил ту фотомастерскую, где и был схвачен. Что заставило этого умного и внимательного человека поступить столь неосмотрительно? Предположить, будто он банально надеялся на «авось», невозможно. Скорее всего, оказались усталость и вызванный ею психологический надлом. Как отметил Желябов, будто предчувствовавший собственный скорый арест: «Всему бывает конец» (II, с. 303). С 1876 г. жизнь Михайлова протекала в условиях нелегальной работы, когда приходилось до предела напрягать нервы, контролировать себя каждый день и каждый час, присматривать за другими, скрываться, разъезжать по разным уголкам страны, пропагандировать, организовывать, утешать, разъяснять, без отдыха, без каких-либо развлечений. Сколько сил оставалось у Михайлова к моменту ареста, мог ли он ещё выдерживать подобный ритм? Схожими причинами объяснялись аресты многих опытных конспираторов 1880–1881 гг.

16 февраля 1882 г. Михайлов составил «Завещание», в котором прозорливо предупреждал оставшихся на свободе товарищам о возможных ошибках и промахах. Он призывал их расходовать силы только на то, что приближает достижение цели организации; сохранить и издать её архив и краткие биографии тех, кто к ней принадлежал; не позволять малоопытным членам партии участвовать в смертельно опасных предприятиях; соблюдать осторожность как в революционной практике, так и в образе жизни; оставлять «знаки безопасности» и следить за ними во избежание массовых арестов; договориться о единообразной форме показаний и отказываться от любых объяснений во время следствия; поддерживать связь с арестованными через родственников, дабы избежать возможных оговоров и задержаний; ценить Корбу; поручать Тихомирову лишь умственную работу из-за его неспособности к практической деятельности; проявлять внимание к нравственной удовлетворённости каждого соратника по борьбе.

Однако в 1881–1884 гг. народовольцы нарушили семь из этих десяти заповедей. Судя по материалам процессов «17-ти», «14-ти» и «21-го», лишь немногие революционеры отказывались давать показания и пояснения (впрочем, и Михайлов, находясь в тюрьме, пространно рассуждал о пути русской молодёжи к радикализму). Связь с родственниками арестантов порой приводила к установлению слежки за теми, кто к ним обращался, а это неминуемо вело к лишению свободы. Кроме того, если радикалы всё чаще совершали ошибки, то профессионализм сыщиков, наоборот, возрастал, что оставляло всё меньше шансов скрыться от них. В результате опытных подпольщиков становилось всё меньше, и на рискованные дела приходилось идти «зелёным» юнцам. Из-за той же нехватки рук Тихомиров после цареубийства не мог уже ограничить себя только интеллектуальным трудом, и вскоре это нанесло партии немалый урон.

Редкая проницательность выделяла Михайлова даже из узкого круга Исполнительного комитета. Неудивительно, что и в «Земле и воле» (особенно

после провалов 1878 г.), и в «Народной воле» он играл особую роль. Уникальное сочетание ума, внимания к товарищам, навыков тонкого психолога, демократизма, дисциплинированности и требовательности к себе и другим, принципиальности и строгости сделало его фактическим руководителем подполья, не превратив в революционного генерала в стиле С.Г. Нечаева. Как показал Ю.А. Пелевин, «Дворник» был лидером без тени лидерства.

Дмитрий Рублев: Взгляд на революционеров из окна редакции «Вестника Европы»

*Dmitry Rublev (Lomonosov Moscow State University, Russia):
A look at the revolutionaries from the editorial office of «Vestnik Evropy»*

DOI: 10.7868/S3034579025060096

Ю.А. Пелевин создал целую галерею портретов российских революционеров 1870-х – начала 1880-х гг. По его книге читатель может изучать психологию и духовный мир народников, эволюцию их мировоззрения. При этом, разумеется, её автор далёк как от мифа о «революционной бесовщине», так и от идеализации «рыцарей без страха и упрёка». Пелевин признаёт характерную для них аскетическую самоотверженность, стремление к самопожертвованию во имя блага трудового народа, но не игнорирует и нередко свойственный им авантюризм (которым отличались, например, Л.Г. Дейч и Я.В. Стефанович), или юношеское позёрство, как в случае с Л. Мирским.

В центре внимания исследователя – фигура А.Д. Михайлова, одного из лидеров «Земли и воли» и «Народной воли», выдающегося организатора подполья, террористических акций и конспирации. Историк вписывает его судьбу в контекст «революционной эпохи», но так увлекается описанием развития народнического движения, что нередко как будто забывает про главного героя, и тот лишь время от времени появляется перед читателем.

С разной степенью детализации в книге освещено множество сюжетов – «хождение в народ» 1874–1875 гг., последующая «оседлая пропаганда», «Чигиринский заговор», образование нелегальных кружков и партий в столице, попытки активистов «Земли и воли» возглавить борьбу рабочих за их социально-экономические интересы, личность и деятельность Н.В. Клеточкикова, вооружённая борьба революционеров-народников с правительством – от сопротивления при арестах и побегах до расправ с полицейскими агентами, чиновниками и высшими должностными лицами, в том числе – «казус» В.И. Засулич, убийство Н.В. Мезенцова, покушение на А.Р. Дрентельна и т.д.

При этом книга Пелевина полностью подтверждает наблюдения С.С. Секиринского, отмечавшего, что для исследователей общественной мысли нередко свойственны «направленчество» и солидарность с оценками тех или иных деятелей прошлого³⁵. Одни предпочитают смотреть на изучаемые явления из окон Зимнего дворца или здания III отделения Собственной е.и.в. канцелярии на Фонтанке, другим ближе взгляд из подполья. Пелевин как будто обозревает «революционную эпоху» из комнат редакции журнала «Вестник Европы». Он де-

³⁵ Секиринский С.С. «Направленчество» или «внепартийность»: два подхода к изучению русской общественной мысли // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции. Москва, 28–29 октября 2010 г. М., 2011. С. 101.

монстрирует, как правило, достаточно объективное, в меру доброжелательное отношение к тем, о ком пишет, и в то же время резко критикует программу народников, «хождение в народ», агитацию землевольцев среди рабочих, «индивидуальный террор». Впрочем, его суждения, к примеру, об административной деятельности Ф.Ф. Трепова на посту градоначальника Санкт-Петербурга не менее беспощадны – в его репутации деспота и коррупционера автор не сомневается.

Некогда Н.Я. Эйдельман вывел типаж советского профессора-историка, который, «например, столь ясно видит ошибки народников, что нет сомнения – если бы он сам пошёл в народ, мужики бы непременно поднялись»³⁶. Так стоит ли вновь рассуждать о заведомой неудаче революционной пропаганды в деревне ввиду неграмотности крестьян, не читавших полученные ими брошюры, которые могли заинтересовать лишь полицию, искавшую вещественные доказательства, и потомков, неравнодушных к литературным памятникам? Наивный монархизм, хотя и был тесно связан с идеями «чёрного передела» помещичьей земли и «поравнения» земельных наделов, также не содействовал успеху пропагандистов. Правда, Пелевин опровергает миф о том, что население массово сдавало их полиции. По его данным, с полицией связывались прежде всего клирики и представители сельского и волостного самоуправления, тогда как их односельчане в большинстве своём с недоверием, но всё же общались с неизвестными людьми, не разделяя, но и не всегда отвергая то, что те говорили, особенно если дело касалось малоземелья, податей, злоупотребления властью и т.п. Со своей стороны, революционеры пытались манипулировать слушателями, будь то чигиринские крестьяне или солдаты Петропавловской крепости, охранявшие С.Г. Нечаева и вовлечённые им в некое подобие заговора с планами захвата в заложники императорской семьи.

Пелевин настаивает на том, что наивный монархизм, фатализм «народного православия» и рост частнособственнических настроений в деревне мешали любым проявлениям социального протesta. С этим трудно согласиться, помня хотя бы о выступлениях, сопровождавших реформу 1861 г., или о крестьянских восстаниях 1902 и 1905–1907 гг. Представления крестьян отнюдь не были непротиворечивы и монолитны, к тому же при смене поколений и большем соприкосновении с городской культурой они заметно менялись и радикализировались, что и сказалось в начале XX в. Но если народники-бакунисты видели в русском крестьянине прирождённого социалиста, то Пелевин изображает его последовательным индивидуалистом, чуть ли не разделяющим взгляды А. Смита на частную собственность. Правда, тут же приводятся многочисленные свидетельства участников «хождения в народ» о том, что крестьяне ожидали передела помещичьей земли и мирной «передачи её в равнение всех» по воле царя (I, с. 413). К концу столетия, когда эти надежды не сбылись, страна оказалась на грани крестьянской войны. Будь наблюдения Пелевина верны, непонятно, как община пережила Столыпинскую реформу, которой воспользовалось лишь меньшинство крестьян, и почему аграрная программа эсеров, развивавшая и модернизировавшая идеи «Земли и воли», на выборах в Учредительное собрание получила широкую поддержку в деревнях, где не захотели голосовать за кадетов.

Бессмысленно спорить об успехах «хождения в народ» 1874–1875 гг., поскольку их не было, однако его нельзя считать случайным явлением, напротив, сложившиеся в России условия делали его неизбежным. Для радикальной

³⁶ Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 81.

интеллигенции оно стало важным этапом в познании «народа»³⁷, в преодолении культурного раскола между европеизированной после реформ Петра I и традиционной частью населения. Столкновение консервативно-народной и радикально-социалистической утопий многих убеждало в необходимости изменения собственного мировоззрения и переосмыслиения идеальных установок. Провал «Хождения в народ» подталкивал революционеров-народников к борьбе за политические свободы и одновременно способствовал укреплению позиций умеренно-народнических течений, призывавших радикальную интеллигенцию к долговременной культурнической работе на благо крестьянства в рамках земств и волостной администрации³⁸. Собственно и автор книги признаёт: «“Хождение в народ” — уникальный феномен отечественной истории, который стимулировал идеальные искания в радикальной среде и дал сильнейший толчок демократическому движению, направленному на борьбу с царизмом. Движению, которое предопределило путь революционного народничества от “Земли и воли” и “Народной воли” к партии эсеров вплоть до Февральской революции, когда самодержавие было свергнуто не без участия крестьянства, одетого в солдатские шинели и матросские бушлаты» (I, с. 169).

В отдельной главе Пелевин детально проанализировал подготовку и ход демонстрации, проведённой народниками у Казанского собора 6 декабря 1876 г., а также её последствия. Тогда всё вышло сумбурно, скоротечно и легкомысленно. Однако трудно ожидать чего-то иного, ведь до того в России открытых антиправительственных манифестаций попросту не устраивалось.

Народническая пропаганда среди рабочих в 1870-е гг. также являлась первым шагом к их радикализации и к тому движению, которое будет важным фактором революции 1905–1907 гг. В пореформенное время стачки постепенно становились обыденным делом. Тяжёлые условия жизни, низкая оплата труда, игнорирование хозяевами предприятий элементарных нужд работников неизбежно порождали конфликты (I, с. 462–474). Иногда их участники присоединились затем к народническим рабочим кружкам³⁹. При поддержке революционеров в Одессе и Санкт-Петербурге возникли первые в России политические организации рабочих. Конечно, и на фабриках «вера в верховную власть как защитницу народных интересов если и была поколеблена, то у немногих» (I, с. 521). Тем не менее, как отмечал ещё Г.В. Плеханов, в городах пропагандисты встретили куда больший отклик, чем в деревне⁴⁰.

В главе «Дезорганизация» (II, с. 92–132) Пелевин рассматривает как террористические акты любые случаи применения силы, включая вооружённое сопротивление представителям власти при арестах и побегах (II, с. 105, 132), не говоря уже об аграрном и фабричном терроре, который обсуждали ещё некоторые землевольцы, предвосхитившие тактику анархистов 1903–1908 гг. Одна-

³⁷ Подробнее см.: Базанов В.Г. Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974.

³⁸ Зверев В.В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России // Общественная мысль России... С. 367, 369–370.

³⁹ Чарушин Н.А. О далёком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. М., 1973. С. 170, 310; Шишко Л.Э. С.М. Кравчинский и кружок чайковцев // Степняк-Кравчинский С.М. Грязовая туча России. М., 2001. С. 312; Зелник Р. Доклассовое сознание: воспитание рабочего-революционера и структура его автобиографии // Зелник Р. Личность, протест, история. Сборник статей. СПб., 2007. С. 246–248.

⁴⁰ Плеханов Г.В. Русский рабочий в революционном движении. Статьи 1885–1893 гг. Л., 1989. С. 52.

ко столь широкая трактовка данного явления выглядит далеко не бесспорной и недостаточно обоснованной.

Как отмечает в предисловии Г.С. Кан, в 2011 г. Пелевин «почти дословно повторил (и несколько расширил) сказанное некогда Л.А. Тихомировым о террористах», констатировав: «Когда у народа достаточно сил и энергии провести прогрессивные преобразования, революционеры излишни, когда же таковые условия отсутствуют, то революционеры бесполезны» (I, с. 12). Но вряд ли удастся понять, как появляются те или иные элементы политического спектра, если воспринимать их как «лишние». На практике они зачастую дополняют друг друга в определённом историческом контексте. В мировой истории наличие радикалов влияло на готовность правящих элит осуществлять масштабные политические и социально-экономические преобразования в интересах широких слоёв населения. Можно по-разному судить о том, насколько «прогрессивны» или «бесполезны» были революционеры, но они, наряду с более умеренными социалистами и либералами, сыграли весьма заметную роль в формировании политических предпочтений населения Российской империи. Репрессии создавали им ореол мучеников, а революционная героика помогала подпольщикам пополнять свои ряды и продолжать борьбу с самодержавием на новой идеологической основе. И лишь с учётом всех этих аспектов возможно постичь значение деятельности Михайлова и его единомышленников.

Действительно, каким бы хилым, жалким, слабым и беспомощным существом ни казался грудной ребёнок, у него есть потенциал, и первые неуваженные, неудачные движения свидетельствуют именно о развитии, а вовсе не о деградации и упадке. Так и любое общественно-политическое движение первоначально может казаться чем-то крайне нелепым, пока не наберёт силу. Не следует забывать, что многие революционеры, начинавшие свой путь в 1870-е гг., впоследствии проявили себя и в социал-демократическом (П.Б. Аксельрод, О.В. Аптекман, Л.Г. Дейч, В.И. Засулич, Г.В. Плеханов), и в неонародническом (Е.К. Брешко-Брешковская, П.С. Ивановская, М.А. Натансон, Н.С. Русанов, Н.С. Тютчев, В.Н. Фигнер, Н.В. Чайковский и др.), и в анархистском (П.А. Кропоткин, В.Н. Черкезов) движениях. И в новых реалиях они не раз обращались к урокам и разочарованиям молодости.

Книга Ю.А. Пелевина, несомненно, принадлежит к числу тех исследований, без которых уже невозможно обойтись, изучая политическую историю пореформенной России. Даже полемизируя с ним, нельзя не испытывать глубокую благодарность учёному, безвременно ушедшему из жизни за рабочим столом и до последней минуты создававшему этот труд.

Андрей Мамонов: Власть и революционеры 1870-х гг.

Andrey Mamontov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Power and revolutionaries of the 1870s

DOI: 10.7868/S3034579025060106

История революционного движения в России по-прежнему остаётся одной из наиболее идеологизированных тем. У истоков её изучения стояли те, кто прошёл по молодости через увлечение радикальными доктринаами, или, наоборот, вёл борьбу с подпольными кружками и партиями. В советское время, при

всей неоднозначности (если не враждебности) отношения победивших марксистов к народничеству вообще и народовольчеству в особенности, каждый, кого хотя бы с натяжкой удавалось вписать в «пламенные революционеры», попадал в пантеон героев, приближавших установление новой власти. Революция, являвшаяся не только переломным (во всех смыслах) событием прошлого, но и ключевым, длящимся и повторяющимся, мифом коммунистического режима, изображалась как абсолютное благо, деятельное стремление к которому искупало любые грехи и оправдывало всякие средства. Неудивительно, что дискредитация и развенчание этого культа породили его зеркальное отражение, и теперь уже все бунтовщики скопом объявлялись «бесами» или пособниками не менее инфернальных «внешних сил». Все эти предрассудки и представления со временем не только сталкивались, но и перемешивались, образуя довольно рыхлое, противоречивое и эклектичное историографическое пространство.

В целом, в нём отчётливо видны «полярные» парадигмы, давно сложившиеся, выдержавшие проверку временем и определяющие незримую «рамку» для оценочных суждений и интеллектуальных поисков. Одна из них восходит к Н.М. Карамзину и его восприятию судьбы России как *истории государства* по преимуществу или даже исключительно. При мало-мальски последовательном размыщлении этот подход рано или поздно непременно приводит к признанию известной формулы, согласно которой «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием», составляющим для неё «палладиум», так как «целость его необходима для её счастья»¹. От переименования «самодержавия» в «суворенитет» мало что меняется, к тому же и персонификация суворенитета (свидетельствующая о потребности в личности и отвращении от «безликого») с годами и десятилетиями отнюдь не уменьшалась, несмотря на все постановления съездов и конституционные заклинания.

Другая, не менее прочная, буквально въевшаяся в русское самосознание, традиция связана с развитием идей, наиболее ярко и рельефно сформулированных А.И. Герценом, видевшим основное содержание и смысл отечественной истории именно в сопротивлении насилию, присущему всякой власти по самой её природе, в конечном счёте — в *противостоянии существующему государству и борьбе с ним*, включая все возможные формы бегства от него². И тут даже не важно, что именно противопоставлялось Левиафану и служило залогом истинной свободы — скит, общинная утопия, эстетская самодостаточность, морализующее «толстовство» или экзистенциальное одиночество.

Разумеется, у Карамзина и Герцена эти парадигмы, интенционально существовавшие и до них, и помимо них, нашли лишь предельно резкое и точное до афористичности выражение. Черты же, указывающие на принадлежность (осознанную или бессознательную) к одной из них, можно обнаружить едва ли не в каждом научном или публицистическом тексте, касающемся России и её прошлого. Конечно, наличие «полюсов» предполагает и линию «экватора». Так, обе «интенции» русской истории органично сочетались у А.С. Пушкина (недаром он «наше всё»), оставившего «Стансы» и «Из Пиндемонти», написавшего «Историю Пугачёва» и взявшегося за «Историю Петра». По-своему

¹ Карамзин Н.М. О древней и новой России в её политическом и гражданском отношении // Карамзин Н.М. Избранные труды / Сост. А.Ю. Старостин и А.А. Ширинянц. М., 2010. С. 234, 344–345.

² Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 7. М., 1956. С. 9–263.

соединить «государство и революцию» пыталась по меньшей мере с 1930-х гг. и советская историография, но это лишь придавало её конструкциям вид некоего «Тяни-Толкая», столь же сказочного, сколь и нежизнеспособного.

Так или иначе, существование обеих парадигм, карамзинистской и герценовской, то полемически «острое», то эклектически «мирное», а чаще попросту «сонное», продолжается до сих пор. Каждая из них не чужда умозрительной условности и схематизма, упрощающего (и тем самым искажающего) сложность исторических реалий. Поэтому критическое переосмысление как «государственных», так и «революционно-освободительных» стереотипов и увлечений совершенно необходимо, независимо от того, какая бы традиция ни вдохновляла исследователя.

Собственно чем-то подобным в последние годы жизни и занимался Ю.А. Пелевин. Давалось это ему, похоже, крайне тяжело и получалось не всегда успешно, поскольку слишком многое приходилось преодолевать, не отрекаясь и не подчиняясь одновременно. В его творчестве безусловно сказывалось наследие школы М.Г. Седова³. Семинар, которым Седов многие годы руководил в университете, представлял собой один из центров не просто изучения, но и откровенной апологетики и героизации народничества. Профессор это осо-бо и не скрывал. Дистанция между исследователем и изучаемыми сюжетами, по сути, стиралась напрочь, что с энтузиазмом воспринималось окружающими⁴. Поскольку Седов одновременно противопоставлял себя как «буржуазной» историографии (в приверженности которой охотно уличал коллег по кафедре), так и мертвичине марксистско-ленинской схоластики, его демонстративно пристрастное, и уже потому *живое* отношение к истории и её деятелям не отталкивало, а, наоборот, очаровывало и притягивало учеников. На рубеже 1970–1980-х гг. Пелевин был одной из звёзд седовского семинара и горячо защищал в своём докладе С.Г. Нечаева⁵. В позднейших, гораздо более трезвых и часто неллицеприятных отзывах Юрия Александровича о народниках отчётливо чувствовался спор с учителем и с иллюзиями ушедшей молодости. Тем более странно, что в подготовленных им главах монографии Седов не упоминается вовсе.

Пожалуй, ещё более сложным было уважительное и вместе с тем ревнивое отношение Пелевина к работам Н.А. Троицкого, который, будучи крупнейшим знатоком народничества и архивных материалов, отражающих «подвиги» революционеров, довёл до предела и чуть ли не до гротеска восхваление «крестоносцев социализма» и прочих «народолюбцев и тираноборцев», не уставая изо всех сил клеймить «каратель», «победное гульбище реакции» и т.д., и т.п.⁶ Характеристики, интерпретации, оценки Пелевина и даже сам его подчёркнуто объективистский стиль во многом были заострены против того, о чём так хлестко писал саратовский «титан», легко переходивший от гимна к брани⁷.

³ Подробнее о ней см.: «Будущего нет и не может быть без наук...» (Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова). М., 2005.

⁴ Характерно, что на могильном памятнике учёный, родившийся в 1912 г. и скончавшийся в 1991 г., был обозначен как «историк-народоволец» (Седов Ю.М. Воспоминания об отце // Там же. С. 297).

⁵ Аникин А.Г. Воспоминания об учителе // Там же. С. 457–458.

⁶ См., в частности: Троицкий Н.А. Лекции по русской истории XIX века. Краткий курс. Саратов, 1994. С. 165–188; Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма.

⁷ Это хорошо заметно, в частности, при описании «хождения в народ» (I, с. 18–169) и в главе «Судьба Николая Клеточникова» (II, с. 210–248).

И всё же, как и в случае с Седовым, это была дискуссия талантливых людей, разделявших общие симпатии и антипатии и до конца сохранявших верность герценовской парадигме.

Формально Пелевин пытался выйти за её рамки и в статье-прелюдии «Казус Засулич» решительно заявил: «Здесь я не собираюсь выступать адвокатом ни одного из дьяволов — оправдывать правительственный или революционный лагерь». Считая, что «неправомочны и те, и другие», он утверждал, будто «в стране отсутствовали правовые механизмы, которые регулировали бы отношения личности и государства» (II, с. 91). Однако они очевидным образом существовали, иначе никакого суда над той же Засулич не состоялось бы вовсе. Другое дело, что они были не такими, как хотелось бы автору книги. Более того, всякие «механизмы» дают сбои и приводятся в движение не автоматически, а по воле людей. Наконец, никакое «право», регулирующее взаимодействие разных лиц и учреждений, не может стоять над суверенным государством как таковым, которое, собственно, и устанавливает, меняет и обеспечивает все юридические нормы или же, если признаёт целесообразным, вводит чрезвычайное положение, приостанавливая действие обычных законов. Пелевин пишет, что «насилие невозможно победить насилием, ибо суть его остаётся прежней» (II, с. 91). Но это означает лишь невозможность полностью *устранить* силу и её применение из жизни, сделав всё живое совершенно немощным. В сущности же, государство, отказываясь от организованного насилия, т.е. от власти, перестало бы быть государством (и вскоре бы исчезло, уступив место другим), а революционеры, исповедующие непротивление, уже не являлись бы революционерами.

Впрочем, даже если Пелевин и хотел занять позицию Меркуцио (твёрдя: «Чума на оба ваши дома»), долго он на ней не удержался, выдавая себя отдельными эпитетами и выражениями, разбросанными по всему тексту. Так, в обычайках, возмущённых убийством шефа жандармов Н.В. Мезенцова, автор видит «начальстволюбцев» (II, с. 148), а письмо, разоблачавшее соучастников данного преступления, воспринимается им как «злополучное» (II, с. 181), о показаниях раскаявшегося А.Ф. Михайлова говорится как о «печальных откровениях» (II, с. 199), и т.д. Поэтому догадаться о том, какой именно стороне сочувствует внешне нейтральный историк, совсем не трудно.

Приведённые в книге свидетельства недвусмысленно указывают на то, что для создателей «Земли и воли», по словам М.Р. Попова, «необходимость... борьбы с поработившим народ правительством стояла вне сомнения» (I, с. 238). Так или иначе программа землевольцев изначально подразумевала «уничтожение верховной государственной власти с заменой её федеративным устройством, основанным на вольном сотрудничестве сельских и городских сообществ» (I, с. 304). Более того, «с уничтожением Российской империи в соответствии с бакунинским принципом федерализма намечалось её разделение на части, что относилось в первую очередь к Малороссии, Польше, Кавказу, а также утверждалась веротерпимость и полнейшая религиозная свобода» (I, с. 307). Как рассказывала В.Н. Фигнер, в конце 1876 г. народники толковали на «сходках» о том, что «никакому восстанию не будет обеспечен успех, если часть революционных сил не будет направлена на борьбу с правительством и подготовление такого удара в центре в момент восстания в провинции, который привёл бы государственный механизм в замешательство, в расстройство и тем дал бы возможность народному движению окрепнуть и разрастись» (I, с. 251).

Удивительно, но ни пожилая мемуаристка, ни современный учёный не сочли нужным отметить, что подобные планы обсуждались в тот момент, когда в стране проводилась первая в её истории мобилизация, а Россия находилась накануне войны с турками, которая легко могла обернуться столкновением не только с Османской империей, но и с великими державами. Грань между подпольной деятельностью и изменой, как всегда, оказывалась зыбкой.

Собственно и А.Д. Михайлов в показаниях на следствии 21 декабря 1880 г. не скрывал, что вся «русская социалистическая партия ставит своей задачей... разрушение существующего государственного монархического строя»⁸. Пелевин не отрицает, что убийство землевольцами Мезенцова «стало наступлением из подполья на весь самодержавный строй России» (II, с. 177). Однако тут же пространно и без каких-либо оговорок излагает мнение Д.А. Клеменца, который писал, оправдывая убийство безоружного шефа жандармов, прогуливавшегося по центру города: «Мы нисколько не намерены следовать принципам рыцарства в борьбе с нашими врагами. Война объявлена — притом не нами. Враги сами вторглись в наши мирные обители, сами начали травить нас... Попрание же личной свободы и достоинства человека — всегда величайшее из зол и тягчайшее из преступлений. Значит, мы ещё более имеем право поднять оружие на наших врагов» (II, с. 160). Так кто же на кого напал? Очевидно, что самодержавный строй, исключавший какую-либо политическую деятельность подданных, сложился в России задолго до возникновения народнических кружков и появления сверхчувствительной к своему «достоинству» молодёжи 1860—1870-х гг.

Характеризуя «истоки» пресловутого «хождения в народ», участники которого, как правило, «были в возрасте от 21 до 25 лет», Пелевин утверждал: «Силу и своеобразие их движению придавало обособление новой генерации от остального общества. Молодые люди собирались действовать без помощи старшего поколения, склонного, как они считали, к компромиссам и слабовольного. Потому они готовы были самостоятельно решать все наболевшие социально-политические вопросы, возложив на себя задачу и подвиг обновления русского мира» (I, с. 19). Однако подобное обобщение возводит напраслину на молодёжь пореформенных десятилетий. Всё же в пропагандисты и подпольщики попадала её ничтожная часть, тогда как подавляющее большинство прошедших в те годы через гимназии и университеты (не говоря уже про всех остальных) занимались созидательным трудом на самых разных поприщах, не исключая и охранение режима. В середине 1870-х гг. гораздо больше молодых людей участвовало в покорении Туркестана, замерзло на Шипке и штурмовало Карс, поступало на государственную службу или в компании, строившие железные дороги и т.п., нежели бродяжничало по стране, призывая к бунтам, взрывало поезда и убивало тех, кому по должности надлежало пресекать подобные выплески «личной свободы». К примеру, Г.А. Мин и А.Д. Михайлов родились в 1855 г., однако Георгий Александрович (окончивший 1-ю Петербургскую классическую гимназию на три года раньше своего сверстника!), подавляя в 1905 г. мятеж, принёс России больше пользы, чем все михайловы, коноплянники и зунделевичи вместе взятые.

То, что в революцию шла не вся учащаяся молодёжь, а лишь её маргинализированное (независимо от социального происхождения) меньшинство,

⁸ Прибылёва-Корба А.Н., Фигнер В.Н. Народоволец Александр Дмитриевич Михайлов. С. 89, 91.

Пелевин превосходно показал на примере А.Д. Михайлова. Избалованный родительской заботой дворянский мальчик еле-еле окончил гимназию, где вместо древних языков изучал нелегальную литературу и создавал кружки, в которых дети собирались учить крестьян вести сельское хозяйство (I, с. 184–185). Видимо, это привело его на химическое отделение Технологического института, где под руководством И.А. Вышнеградского преподавали тогда Д.И. Менделеев, Ф.Ф. Бейльштейн, А.Р. Шуляченко, Н.П. Петров и др. Однако учиться там будущий «генерал от конспирации» то ли не захотел, то ли не смог. В книге об этом сказано как-то глухо. Ясно только, что несостоявшийся химик «жил в коммуне» со студентами Медико-хирургической академии и с интересом читал нелегальные брошюры о том, как жандармы преследуют социалистов (I, с. 187–198).

Но сам Александр Дмитриевич оставил изумительное описание своего кратковременного студенчества, которое Пелевин почему-то предпочёл не цитировать, а бегло пересказать: «При поступлении нам было объявлено о введении с первого курса обязательных репетиций, но что это такое, мы тогда ещё не представляли себе ясно. Нововведение это, оказалось, состояло вот в чём. Всякий слушатель обязан был ежедневно на лекциях. Несколько раз в день надзиратели проверяют принадлежащую каждому вешалку и, по отсутствии одежды, отмечают не бывших на лекциях. Через день по два часа назначены репетиции из различных предметов, в продолжение которых профессор спрашивает слушателей из пройденного и ставит отметки, оценивающие ответы. Не бывшим на репетиции слушателям ставится нуль. Такие порядки удивили и опечалили почти всех. Выходило не лучше, а гораздо хуже гимназии. Даже со стороны утомительности институт перешёголял гимназию: обязательность посещений заставляла проводить пять–шесть часов без отдыху и еды и большею частью времени за предметами высшей математики, требующими напряжённого внимания. Свободных занятий не существовало. Что сегодня профессор сообщил, то назавтра слушатели обязаны приготовить и быть готовыми отвечать. Я чувствовал, что мои надежды и ожидания не сбылись, что я здесь не найду искомого. Предметы чистой и прикладной математики не удовлетворяли возбуждённых вопросов, а между тем поглощали почти всё время и силы». Поскольку юноша «вообще институтом не дорожил», репетиции не посещал и после студенческих волнений отказался дать подпись о подчинении правилам⁹, его через несколько месяцев выслали к родителям под надзор полиции (I, с. 198–199).

Как ни странно, самоуверенные и зачастую эмоционально неустойчивые недоучки, желавшие решать проблемы «космического масштаба», будучи неспособными одолеть институтскую программу или пройти университетский курс, всерьёз полагали, что им могут позволить беспрепятственно обустраивать Россию по своему вкусу и усмотрению. Л.А. Тихомиров, уже став монархистом, заявлял, что тот же «Михайлов мог бы, при иной обстановке, быть великим министром, мог бы совершить великие дела для своей родины»¹⁰. Вот только Лев Александрович, никогда нигде не служивший и даже в подполье, при всём своём уме и литературном таланте, считавшийся совершенно негодным для практической деятельности, едва ли что-либо знал об обязанностях министров

⁹ Там же. С. 85, 87.

¹⁰ Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л., 1927. С. 94.

или хотя бы столоначальников. За исключением, конечно, того, что им подобает творить «великие дела». Неудивительно, что руководимая А.Д. Михайловым «боевая подпольная организация», по словам Пелевина, «планировала кардинальную ломку государственных, социополитических и экономических основ российского общества» (I, с. 325).

Собственно, инфантилизм революционеров 1870-х гг. был настолько велик, что трудно определить черту, за которой он переходил уже в наивный и бессознательный имморализм. Фигнер без тени смущения припоминала, как именно народники осенью 1876 г. собирались «разбить веру в царя»: «Одним из средств для достижения этой цели может служить систематическая организация ходоков от волостей, уездов и целых губерний к царю с изложением народных нужд и желаний. Судьба подобных членов известна: одни ссылаются в далёкие губернии, другие повергаются аресту, третья возвращаются на родину по этапу. Горький опыт покажет народу, что ждать от царя нечего и что приходится надеяться лишь на свои силы в деле добывания лучшего будущего» (I, с. 250). Революционерка, видимо, не сомневалась, что если уж она готова жертвовать собой ради полюбившейся фантазии, то «систематически организовывать» крупные неприятности каким-то неведомым «ходокам» для общего блага — очень перспективно и вполне приемлемо. Скорее всего, она была уверена, что «народ», просвещённый таким остроумным способом, будет ей и её товарищам весьма признателен за «науку». На деле нечто подобное воплотилось в «Чигиринский заговор», когда революционеры при помощи обмана и подлога втянули почти тысячу крестьян в «тайную дружину», которая будто бы по воле царя, переданной его строго засекреченными эмиссарами, должна была осенью 1877 г. поднять мятеж на Украине. В условиях военного времени, при малочисленности войск в регионе подавление бессмысленных беспорядков могло обернуться массовыми жертвами. Тем не менее у властей (и прежде всего — у киевского генерал-губернатора М.И. Черткова, нередко изображаемого современниками и историками недалёким самодуром) хватило такта после случайного разоблачения этой авантюры и бегства из-под ареста зачинщиков-революционеров наказать, и то крайне мягко, лишь пятерых из самых активных и наивных пособников (I, с. 205–235).

Жестокость самодержавия по отношению к его врагам в историографии вообще часто преувеличивается, дабы вызвать сочувствие к жертвам. В частности, это относится и к условиям содержания в тюрьмах. С одной стороны, конечно, нельзя не согласиться с Седовым, на личном опыте убедившимся в 1940–1950-е гг. в том, что «хорошей тюрьмы не бывает»¹¹. С другой стороны, не стоит безоговорочно полагаться на эмоционально окрашенные рассказы мемуаристов. Тюремная система империи и впрямь не была подготовлена к массовому наплыvu арестантов во второй половине 1870-х гг. ни технически, ни организационно. Не хватало, по сути, всего: помещений, зданий, людей, структур, профессионального опыта, видения перспективы. Перегрузка системы и служащих, на которых она держалась, естественно сказывалась на условиях содержания заключённых.

Но изумляет не то, что те или иные порядки представлялись арестантам не менее бесчеловечными, чем профессорские требования в Технологическом

¹¹ Чемерисская М.И. Воспоминания об учителе // «Будущего нет и не может быть без наук...»... С. 440.

институте, а то, как им позволяли устраивать коллективные протесты и голодовки, нарушать тюремный режим, пытаться навязывать администрации собственные представления о границах дозволенного и т.п. Когда сидельцы начинали крушить камеры, тюремщики их избивали, что, само собой, не соответствовало никаким инструкциям и нормам. А что же им ещё оставалось, чтобы угомонить десятки разбушевавшихся людей? Обнять и плакать? Ввести в Доме предварительного заключения камерное самоуправление? Впрочем, избиения имели лишь краткосрочный эффект. О них тут же узнавали родные и знакомые на воле; начинались жалобы и прошения разным сердобольным влиятельным лицам, которые не несли персональной ответственности за положение дел и охотно сочувствовали и ходатайствовали¹².

Причём если на словах представители власти демонстрировали решительность и строгость, то на деле старались избегать обострения. Так, Мезенцов, будучи ещё товарищем шефа жандармов, в 1875 г. возмущался тем, что во время уличных беспорядков в Петербурге, когда толпа начала выражать симпатии «долгушинцам» при совершении над ними гражданской казни, «взяли 13 из 500, которые столько же виновны, как и 13». Николай Владимирович резонно заключал: «Великодушие в революциях немыслимо. Правительство имеет право на самозащиту, оно не обязано щадить тех, кто и его не пощадит» (II, с. 137–138).

В начале 1878 г. генералу не без оснований приписывали ухудшение участия народников, проходивших по «процессу 193-х». Террористы даже ссылались на это, оправдывая его убийство (II, с. 135–137). В чём же выражалось вмешательство? Речь шла о 50 «бунтарях» и «пропагандистах», вину которых сенаторы сочли не доказанной (как правило, её успешно устанавливали позднее историки революционного движения) или незначительной и позволяющей вменить им в наказание содержание под стражей во время следствия. Из них 30 человек шеф жандармов рекомендовал императору отправить под надзор полиции «на месте жительства» (за исключением столиц, их окрестностей и Таврической губ. с её крымскими резиденциями), «на попечение отца», «к родителям», «в имение сестры» и т.п. Среди них были и будущие террористы Н.А. Морозов и Тихомиров. Австрийского подданного А.А. Франжоли, который в 1881 г. примет участие в подготовке цареубийства, надлежало «выслать за границу, с воспрещением возврата в Россию». Ф.В. Волховского следовало «ввиду крайней болезненности его состояния поселить в южной части Тобольской губернии». «Чайковца» А.К. Артамонова, который дерзко отказывался отвечать на вопросы суда, «предназначалось выслать на родину под надзор, по ходатайству престарелого отца предположено было оставить в С.-Петербурге под надзором для окончания наук» (однако вскоре самим жандармам пришлось удалить его из города). И только 13 человек должны были отправиться в «северо-восточные» или просто «отдалённые» губернии европейской части России. Ещё троих к тому времени уже выдворили в Вологодскую губ. за участие в антиправительственных демонстрациях практически сразу после освобождения¹³.

¹² Пожалуй, самый известный эпизод подобного рода произошёл в связи с «боголюбовской историей», подробно описанной Пелевиным (II, с. 7–14).

¹³ «Предположения III отделения Собственной его императорского величества канцелярии по поводу приговора Особого присутствия Сената» см.: Финал процесса 193 / Публ. Ш. Левина // Красный архив. 1928. № 5. С. 189–191.

Так выглядела патриархальная мезенцовская «беспощадность»: генерал, переживший летом 1855 г. первый штурм Севастополя и сражение на Чёрной речке, явно надеялся на то, что родители лучше, чем кто-либо, смогут уберечь своих легкомысленных детушек от дальнейших столкновений с государственной машиной. Даже после оправдания Засулич Мезенцов в апреле 1878 г. думал преимущественно про «усиление и систематизирование административной высылки» (II, с. 79). Через три с половиной месяца его зарезали.

Одним из поводов к этому послужила история, раскрыта в примечаниях Г.С. Каном. Летом 1878 г. подследственные, находившиеся в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, объявили голодовку, добиваясь разрешения «общих прогулок» и общения между собой. Встревоженные родственники дошли до Мезенцова, заявившего одному из них: «Пусть умирают, я приказал заказать гробы!»¹⁴. Жаль, что историк не уточнил, сколько именно деревянных изделий тогда пригодилось. Но он сообщает, что грозный глава тайной полиции обещал в случае прекращения голодовки перевести недовольных в другие места, после чего почти всех их поместили в Екатерининскую куртину, где всё повторилось. Тогда тюремщики, не беспокоя уже шефа жандармов, избили возобновивших голодовку и посадили их в карцер, чем всё и закончилось (II, с. 338). Характерно, что голодающие, узнав о намерении оставшихся на воле товарищей расправиться с Мезенцовым (какого ещё общения им не хватало при такой циркуляции информации с главной политической тюрьмой империи?), категорически протестовали против задуманного террористического акта (II, с. 163). Но до них уже не было дела. Ведь, как вспоминал Л.Г. Дейч, для С.М. Кравчинского, взявшего на себя исполнение преступления, важно было повторить сделанное ранее Засулич, и «не подвернись генерал Мезенцов, он воспользовался бы другим каким-нибудь лицом и поводом» (II, с. 138)¹⁵. Собственно первоначально землевольцы собирались убить министра юстиции гр. К.И. Палена, но тот в мае 1878 г. покинул свой пост, и интерес к нему пропал (II, с. 136).

Беспорядки в Трубецком бастионе продолжались и после гибели Мезенцова. Сменивший его Дрентельн в феврале 1879 г. получил жалобу от заключённых, которые, по словам Кана, «крушили в камерах всё, что могли», требуя выдать одному из них табак, и в результате были избиты солдатами. Генерал отреагировал на это вполне логично: «На рожон полезли, на рожон и напоролись; и зачем вы начинали, зная, что сила на нашей стороне, а где сила, там и насилие!». Когда же участники нелегальных сообществ стали указывать ему на незаконность побоев, он с искренним изумлением воскликнул: «Вы попадаете сюда за отрижение всяких законов, а сами требуете, чтобы с вами поступали по закону!». Тогда А.Д. Михайлов решил, что пора стрелять и в него (II, с. 259, 350).

Логика «войны», о которой писал Клеменц, естественно втягивала противоборствующие стороны в борьбу за выживание. А.Д. Михайлов прекрасно

¹⁴ А.Д. Михайлов, главный организатор убийства шефа жандармов, утверждал позднее на следствии, что подобных просителей Мезенцов «встречал чрезвычайно грубо, отцам и матерям в лицо ругая их сыновей» (II, с. 136).

¹⁵ Пикантные подробности этой трагедии приводит, ссылаясь на мемуары Морозова, Пелевин: перед убийством Кравчинский ухаживал за некоей Ф. Личкус, которая будто бы после того, как оно совершилось, «уже не могла более сопротивляться» (II, с. 168). Схожими мотивами руководствовался, как известно, и Л.Ф. Мирский, покушавшийся в марте 1879 г. на нового шефа жандармов А.Р. Дрентельна (II, с. 262, 274–275).

это понимал и не случайно писал на следствии о том, что «социально-революционная партия» переходила к террору «из чувства самосохранения и очень понятного озлобления» (II, с. 258). То же с 1878 г. он внушал землевольцам: «Мы должны отныне вступить с правительством в борьбу, разбираясь в средствах только по указанию самой борьбы. Мы должны прежде всего бороться всеми средствами за наше существование, за существование революционной партии в России» (II, с. 208). Однако более здравомыслящие его товарищи, например, С.С. Синегуб, видели, что вести «террористическую борьбу с такой огромной организованной силой, какой является наше правительство, за которое и темнота народных масс, у которого и миллион солдат... по меньшей мере нерасчётливо» (II, с. 162).

Могли ли революционеры добиться чего-то, кроме гибели, своей «пропагандой», а затем и «дезорганизацией правительства»? В советской историографии неизменно преувеличивались их достижения. Даже Пелевин, убедительно констатировавший полный провал «хождения в народ», в то же время доверчиво повторил выдумку Троицкого, будто именно размах народнического движения заставил Александра II заменить гр. П.А. Шувалова на посту шефа жандармов А.Л. Потаповым. Назначение графа послом в Лондон по времени действительно совпало с разгромом пропагандистских ячеек в Поволжье, а затем и по всей стране. Но эти события никак не были связаны между собой, и весьма осведомлённые сановники объясняли удаление гр. Шувалова чем угодно, только не арестами каких-то агитаторов¹⁶. Как раз в жандармских способностях графа император не разочаровался, и в 1879 г. приглашал его на совещания, обсуждавшие способы подавления революционной активности (II, с. 265–266). Впрочем, пользы от него там было немного. Не менее странно и описывать «панику», якобы наблюдавшуюся «в административных сферах», опираясь на слухи о ней, ходившие среди подпольщиков, или свидетельства художников, судивших «по признакам, почти не осязаемым» (II, с. 147–152).

Как утверждает Пелевин, в 1878 г. «высокие государственные мужи, которым знать надлежало, понятия не имели о роли, характере и смысле начавшейся вооружённой борьбы, а также о масштабах террористических сил» (II, с. 172). Это отчасти верно, если говорить только о землевольческих кружках, и совсем не так, если иметь в виду террористическую и в целом революционную угрозу. У Александра II имелся успешный опыт борьбы с гораздо более разветвлённой и грозной террористической и повстанческой сетью, действовавшей в Царстве Польском и Западном крае России в начале 1860-х гг. и совершившей покушения как на наместников (включая вел. кн. Константина Николаевича), так и на самого императора. Тот же Ф.Ф. Трепов до выстрела Засулич дважды был тяжело ранен во время покушений польских мятежников, о чём, кстати, Пелевин упоминает, бегло излагая биографию градоначальника. Историк даже признаёт, что Трепов «сыграл ключевую роль в разгроме революционного подполья Польши» (II, с. 14). Между тем его ресурсы, учитывая поддержку эмиграции, магнатов, шляхты, ксёндзов, не говоря уже о радикальной молодёжи, были несопоставимы с теми, какими располагала «Земля и воля», гулявшая на деньги Д.А. Лизогуба (I, с. 244). Тем не менее оно потерпело полное и сокрушительное поражение. Это у землевольцев всё было впервые и вновь, а их противники

¹⁶ Подробнее см.: Милютин Д.А. Дневник 1873–1875 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2008. С. 124–132, 291–293.

в правительственные кругах и в консервативной журналистике о многом могли вспомнить, наблюдая за действиями террористов 1870-х гг. Подобные воспоминания, конечно, не особо радовали, но и на панический или трагический лад отнюдь не настраивали.

III отделение Собственной е.и.в. канцелярии к концу 1870-х гг. действительно оставалось патриархальным, малочисленным и обременённым множеством функций учреждением, плохо подготовленным для выявления и разоблачения небольших групп, быстро овладевавших навыками конспирации. Нельзя не согласиться с Пелевиным: «Должностным охранителям ещё предстояло научиться своему ремеслу». Постановка оперативно-розыскной деятельности оставляла желать лучшего, и «своих врагов, злокозненных заговорщиков, сыскари не знали ни в лицо, ни по именам, ни где и как их следует искать» (II, с. 172). Да, убийц Мезенцова «органы государственной безопасности искали, по сути дела, вслепую» (II, с. 171). Но, во-первых, эта слепота продолжалась сравнительно недолго. А во-вторых, даже вслепую они умудрялись наносить «Земле и воле» сокрушительные удары, что уже в октябре 1878 г. привело «к уничтожению руководящего кружка сообщества». А.Д. Михайлову пришлось восстанавливать его заново, почти из ничего, да и он, приехав в Петербург, «тут же угодил в засаду», и лишь по стечению обстоятельств сумел сбежать (II, с. 200–202). Но после этого, при Дрентельне, если верить тому же Михайлову, «открылся период истребления радикалов» (II, с. 258). Даже внедрение в III отделение Н.В. Клеточникова лишь затянуло, но не свернуло этот процесс.

Цитируя П.А. Зайончковского, Пелевин усматривает признаки «кризиса самодержавия, неспособного в данный момент управлять старыми методами», в том, что «императорская власть оказывается неспособной управлять на основе существующих обычных законов» и «возникает потребность в принятии мер, нарушающих эти обычные законы» (II, с. 80). Но это мнение профессора основано на недоразумении (возможно, умышленном). В чрезвычайной ситуации, какой, безусловно, является всплеск терроризма, введение норм, отличающихся от «обычных», не только адекватно, но и совершенно необходимо. Установление же чрезвычайного (надзаконного) положения не только не свидетельствует о «кризисе самодержавия», но, напротив, является наиболее убедительным и существенным выражением обладания полнотой суверенитета.

Никаких «уступок» кому бы то ни было при этом не предполагалось. Любая мера, которая могла бы восприниматься в обществе как проявление слабости, откладывалась как несвоевременная. Со своей стороны, Александр II после гибели Мезенцова упорно искал человека, способного действовать так, как это делал в 1860-е гг. М.Н. Муравьёв. Именно этим объяснялся выбор Дрентельна, командовавшего в 1863 г. войсками в Виленской губ. Когда генерал, никогда не занимавшийся полицейскими делами, попытался отказаться от предложенного поста, царь напомнил ему, «в какой хорошей школе» он был у Муравьёва, который его «ценил и любил» (II, с. 257). Товарищем шефа жандармов тогда же был назначен другой близкий сотрудник Муравьёва (как в Вильне, так и в 1866 г. в Петербурге) — генерал-майор П.А. Черевин, похоже, не ставший главным начальником III отделения Собственной е.и.в. канцелярии лишь из-за болезненного пристрастия к алкоголю.

Не дождавшись от Дрентельна и Черевина быстрого результата, Александр II вновь обратился в конце 1879 г. за советами к Трепову. После взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. именно его все ожидали увидеть во

главе Верховной комиссии с чрезвычайными полномочиями, напоминавшей ту, которой руководил в 1866 г. гр. Муравьёв. Император удивил всех, сделав ставку на гр. М.Т. Лорис-Меликова. Но в тот момент это вовсе не означало поворота к либеральному курсу. За две-три недели Михаил Тариелович при помощи М.С. Каханова подготовил политическую программу, предусматривавшую реорганизацию полиции, бескомпромиссное подавление подполья и развитие преобразований 1860-х гг. Но подать этот доклад, составленный до 26 февраля, он решился лишь 11 апреля, предварительно выстроив доверительные отношения с монархом. Причём, вопреки мнению радикальных публицистов, не либеральная политика проводилась для изоляции и усмирения террористов, а, наоборот, успешные аресты революционеров признавались необходимым условием продолжения реформ. Не случайно новый доклад, намечавший порядок их разработки, гр. Лорис-Меликов подал после того, как почти все ключевые фигуры «Народной воли», а также снабжавший их информацией Клеточников оказались в руках преобразованной полиции. До этого действия заговорщиков не только не способствовали, но препятствовали реализации «либеральной системы», возвращавшей самодержавие к принципам инициативной монархии конца 1850-х — начала 1860-х гг., но не сулившей никаких «конституционных» экспериментов¹⁷.

Впрочем, способствовать появлению в России представительных учреждений революционные народники действительно могли, причём самым неожиданным и едва ли приятным для них образом. Развязанный ими террор резко усилил позиции П.А. Валуева, убеждавшего Александра II в целесообразности поворота к «реакционной политике» и пересмотря всего, что делалось в пореформенные десятилетия и привело к беспорядкам и убийствам. Одним из инструментов этого курса должно было стать образование при Государственном совете Съезда государственных гласных, избираемого губернскими земствами и представлявшего бы, по замыслу Валуева, «средних землевладельцев». Реальной власти гласным, конечно, никто бы не дал, сил взять её у них бы не было. Но они помогали бы сдерживать либеральную бюрократию, преобладавшую в Государственной канцелярии, и лоббировали бы интересы помещиков и предоставление им большей власти в деревне¹⁸.

Таким образом, народники, опасавшиеся, что установление в России конституционного строя обернётся засильем «буржуазии», могли столкнуться с куда более суровой реальностью, причём без всякой свободы пропаганды и проч. Возможно, даже «реакция» Александра III, создавшего Крестьянский банк и консервировавшего общину, показалась бы им меньшим злом по сравнению с конституционализмом в валуевском духе. Но их покушения толкали страну именно в эту сторону. В сущности, революционеры пытались влиять на

¹⁷ Подробнее см.: Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов и формирование правительенной политики в 1880–1881 гг. // Пётр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 592–607; Мамонов А.В. Представительные учреждения в планах графа М.Т. Лорис-Меликова // Таврические чтения 2023. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Сборник научных статей. СПб., 2025. С. 21–29.

¹⁸ См.: Мамонов А.В. П.А. Валуев в «Отголосках» 1879–1880 годов // Историк и Художник. Сборник воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского. М., 2014. С. 225–252.

правительственную политику, ничего о ней не зная, ничего в ней не смысля и совершенно не просчитывая последствия своих шагов.

Могли ли народники поступать иначе? Гипотетически — да, если бы сосредоточились, по примеру А.Н. Энгельгардта и др., на изучении не агитационных брошюров, а реального положения русской деревни и промышленности. Власть, пытавшаяся устраниТЬ нараставшие как снежный ком социальные конфликты, испытывала колossalный дефицит людей и знаний для организации переселения крестьян, устройства фабричной инспекции и т.д., и т.п. Однако такой тяжёлый и неблагодарный труд означал бы не борьбу с постылым государством, а поиск путей сотрудничества с его чиновниками, не романтику конспирации, но унылые будни «малых дел» без всякого шанса взяться за «великие». Вот только тогда революционеры перестали бы быть революционерами, даже оставаясь народниками и социалистами. Едва ли от людей, уходивших в 1870-е гг. «в народ» и в подполье, с их темпераментом, образованностью, ценностями, взглядами и самооценкой, можно было ожидать чего-то подобного. Они выбрали свою судьбу, такую, какой она в итоге и оказалась, оставив в наследование потомкам свой, в сущности, печальный, но всё же немаловажный опыт, способный, в случае его осмысления, сформировать иммунитет к революционному инфанилизму.

Доктор А.И. Дубровин и Государственная дума: от надежды до бойкота

Андрей Иванов

Doctor A.I. Dubrovin and the State Duma: from hope to boycott

Andrey Ivanov

(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.7868/S3034579025060119

Отношение правых монархических партий и союзов к учреждённой в ходе Первой российской революции Государственной думе было сложным и противоречивым. С одной стороны, парламентаризм западноевропейского образца они оценивали негативно, обличая «выборно-подкупной партийный строй», который, по их убеждению, неизбежно приводил монархии к разложению и толкал к революциям¹. С другой – многим из них вовсе не претила сама идея народного представительства, которое они рассматривали как способ донесения до самодержца «мнения земли». В этих условиях лидеры правых партий должны были предложить монарху и обществу своё видение представительных органов Российской империи и обосновать мотивы, заставлявшие их принимать участие в предвыборной борьбе и думской работе.

В этом плане особый интерес представляет отношение к Думе А.И. Дубровина – вождя самой массовой черносотенной организации страны Союза русского народа (СРН). Жандармский генерал А.В. Герасимов утверждал, что тот «стремился вообще к полному уничтожению всяких представительных учреждений в России» и якобы говорил ему, что «СРН участвовать в выборах не может, так как считает Государственную думу противозаконным учреждением», а сам он как верный монархист не имеет права «своим участием санкционировать существование этого сбоя, посягающего на неограниченные права монарха»². Эти утверждения получили широкое распространение и перекочевали в историографию³, однако подробно не рассматривались ни отечественными, ни зарубежными историками.

В действительности отношение Дубровина к новому законодательному органу империи было гораздо сложнее и претерпевало изменения. Как верноподданный монархист он не мог не признать Думу, учреждённую по воле императора. Более того, он поддержал царский призыв выдвигать в ней лучших русских людей и вместе с возглавляемым им СРН включился в проходившую

© 2025 г. А.А. Иванов

¹ См.: Омелянчук И.В. Парламентаризм в идеологии российских консерваторов начала XX в. // Вопросы истории. 2015. № 2. С. 13–35; Иванов А.А. Правые партии Российской империи. СПб., 2024. С. 271–273.

² Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 154–155.

³ Советский историк, к примеру, писал о нём как о «не признававшем вообще Государственной думы» (Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 28).

в феврале—марте избирательную кампанию. Однако результат выборов оказался неутешительным — черносотенцы получили лишь 9,2% голосов выборщиков от всех курий⁴ и не смогли провести в Думу даже своих лидеров. Сам его руководитель, баллотировавшийся от Нарвской части Петербурга, набрал лишь 631 из 6013 поданных голосов⁵, при том, что оппозиционная печать называла этот район «цитаделью Дубровина»⁶. Он подал протест по поводу результата, но особое присутствие при первом департаменте Правительствующего Сената, ведавшее выборами в Государственную думу, не просто оставило жалобу без последствий, но даже не стало рассматривать её по существу, поскольку подали её с нарушением формальностей⁷.

Среди 499 избранных депутатов большинство составили либеральные и революционно-демократические силы (kadеты и трудовики). В связи с этим правые выступили с заявлениями, что данная Дума «не может быть признана выразительницей истинных убеждений русского народа»⁸. Вместо того чтобы служить царю, она превратилась в «новое революционное орудие» и является ничем иным как «всероссийским съездом революционеров»⁹. Выступая перед сторонниками на митинге в Михайловском манеже 23 апреля 1906 г., Дубровин подвёл итоги выборов так: «Я послал приглашение депутатам русской земли. Есть ли они здесь?! Господа члены Государственной думы, если вы здесь, то пожалуйте сюда (*пауза*). Кто из русских людей является депутатом в Государственную думу? Господа члены Государственной думы, где вы?». После возгласов, что депутатов здесь нет, так как они продались «жидам и кадетам», Дубровин продолжил: «Какая это Дума? Это вражеская Государственная дума. И в этом виноваты вы! Вы, русские люди! Русский народ изменил русскому царю. Он выбрал жидов и предал им Россию! Я ухожу от вас»¹⁰. Объяснив успехи кадетов на выборах подкупом, Дубровин с мрачным лицом отошёл в сторону, а возбужденная толпа стала кричать, чтобы он её не оставлял¹¹. Закончился митинг криками «ура!» и качанием вождя Союза на руках.

5 мая депутаты приняли адрес на тронную речь монарха, в котором от имени народа говорили, что умиротворение страны невозможно, пока власти не перестанут «творить насилия», не произойдёт обновления всей администрации, не установится ответственность министров перед народным представительством, а все «жертвы режима» не получат полную амнистию. Дубровина этот шаг глубоко возмутил. Отмечая, что с первых же дней работы Дума озабочилась тем, чтобы нанести государю «как можно большую обиду», он писал: «Превысив данные полномочия, как бешеный конь, закусив удила, большинство псевдо-представителей народа проявили... акт величайшей грубости, дерзости и полной невоспитанности в отношении того, кто имел неоспоримое право ждать только одной благодарности»¹². В письме, направленном им от имени

⁴ Степанов С.А. Чёрная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013. С. 210.

⁵ Результаты выборов // Речь. 1906. 22 марта.

⁶ О частях // Газета Шебуева. 1907. № 22. С. 3.

⁷ От Российского телеграфного агентства // Киевлянин. 1906. 30 марта.

⁸ Степанов С.А. Чёрная сотня... С. 210.

⁹ Грингмут В.А. Новое революционное орудие // Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. М., 1910. С. 115–118.

¹⁰ Собрание Союза русского народа // Речь. 1906. 26 апреля.

¹¹ В Союзе русского народа // Петербургский листок. 1906. 24 апреля.

¹² Дубровин А.И. К русскому народу // Русское знамя. 1906. 10 мая.

СРН председателю Совета министров И.Л. Горемыкину, говорилось о возмущении «с первых же шагов преступно проявленной деятельности большинства членов Государственной думы». Думский адрес назывался «перешедшим всякие границы не только законных полномочий, но и простого приличия и порядочности»; главу правительства просили убедить монарха не склоняться на «незаконные требования, выраженные в адресе». Отмечалось, что Дума не единодушна, и утверждалось, что многие депутаты-крестьяне уже разочаровались в ней, но, запуганные партийными вождями, боятся признаться в этом¹³.

Требование политической амнистии Дубровин категорически отверг, назвав революционеров душевнобольными — «носителями нравственной проказы», «рассадниками дикого безумия», разносящими в обществе «свой мрачный мир разрушительных побуждений и кровожадных инстинктов». Он требовал прекратить называть левых радикалов, осуждённых за террор, политическими борцами, а их «противоестественные выходки» — революцией, немедленно снять с этих «нравственных калек» «выдуманные для душевнобольных ярлыки» и перевести их из тюрем в психиатрические лечебницы «для соответствующего пользования». «Эта мера положительно необходима и должна быть применима со всею подобающей строгостью во благо всей страны, — писал Дубровин. — Загляните только в Таврический дворец, и вы убедитесь в верности моего предложения... Сколько за короткое время существования Государственной думы пришлось обществу наслушаться бредней маньяков о их величии, непогрешимости, проповедей об анархии, о ниспровержении догматов веры, нравственности, собственности, да всего и не перечтёшь». Отметив, что большая часть депутатов попала в законодательное учреждение «по врачебному недосмотру» (из-за отсутствия гражданско-психиатрической экспертизы), доктор заключал: «Нельзя же допускать больных сумасшествием создавать законы для страны, да ещё такой обширной, как Россия. Скорее их в лечебницу, а иначе по всей стране раздадутся неслыханные вопли и стоны и прольются реки крови... Сумасшедшие завладевают Русью!»¹⁴.

Не обошлось в оценке деятельности Думы, как и всего «освободительного движения», без свойственного Дубровину антисемитизма. Отмечая, что в кадетской партии и социалистических организациях видную роль играли евреи, вождь чёрной сотни трактовал это как проявление «всемирного еврейского заговора» против христианских монархий. На евреев он смотрел исключительно как на врагов православного русского царства, заявляя, что те, будучи «пропитаны с детства талмудическим учением», презирают и ненавидят христиан и, прикрываясь в подконтрольной им либеральной печати словами о всеобщем благе, стремятся лишь к установлению собственной власти¹⁵. Главными мишнями для него выступали М.М. Винавер, М.Я. Герценштейн и В.Р. Якубсон — Дубровин не скучился на описание ужасов, ждущих русский народ под их гнётом¹⁶. Характеризуя Думу как «парламентскую говорильню», не способную к продуктивной законотворческой работе, а её депутатов как «крикунов» и «фигляров», дорого обходящихся стране и «бедному русскому мужику», Дубровин стал одним из активнейших сторонников скорейшего её роспуска.

¹³ РГИА, ф. 1626, оп. 1, д. 735, л. 5–6.

¹⁴ Дубровин А.И. Безумие заразительно // Русское знамя. 1906. 19 мая.

¹⁵ Дубровин А.И. К русскому народу!! // Русское знамя. 1906. 23 мая.

¹⁶ Дубровин А.И. К русскому народу; Дубровин А.И. Лицедеи Государственной думы // Русское знамя. 1906. 7 июня.

Он предупреждал власть, что большинство депутатов мечтают преобразовать Думу в Учредительное собрание и объявить «хулиганскую республику» с евреями во главе, и указывал, что законодатели с высокой трибуны оправдывают «бомбистов и прочую преступную нравственную гниль»¹⁷.

«Дума народного гнева» проработала всего 72 дня. В телеграмме царю от 9 июля вождь СРН не скрывал радости по случаю закрытия «революционного гнезда, помещавшегося в Таврическом дворце»¹⁸. Он писал: «Государственная дума распущена, часть революционной пропаганды на казённый счёт прекращена»¹⁹. Не отказался политик и от попыток повлиять на состав нового созыва. Всю вторую половину 1906 г. он и его соратники работали над тем, чтобы привести во II Думу правых. На проходивших в середине ноября совместных совещаниях Русского собрания и СРН Дубровин первоначально поддержал идею предвыборного блока с октябристами, отметив, что среди них «имеется масса членов, которые веруют так же, как и чистые монархисты». Высказанную некоторыми черносотенцами точку зрения, что лучше иметь откровенно левых депутатов, нежели конституционно настроенных монархистов, он отверг. По его мнению, Дума первого созыва «дала своего рода урок, а посему крайне левые партии не будут так решительно действовать, как действовали ранее... Партии эти свои требования будут проводить под флагом Думы тихо и исподволь... при такой системе [они] сильно укрепятся и... тогда справиться с ними будет трудно». Но позже, согласившись, что союз СРН с умеренными партиями невозможен, а успех собственными силами маловероятен, он изменил свою позицию, предложив руководствоваться принципом «чем хуже, тем лучше» и голосовать за левых. Однако это предложение большинство собравшихся отвергло²⁰.

В итоге Союз выступил на выборах в блоке с Русским собранием и Партией правового порядка. Сам Дубровин не баллотировался. В вышедшем за его подписью взволнении СРН к народу говорилось: «В Думу должны попасть от вас не тунеядцы, способные только лаять, упрытывая ежедневно в карман по 10 рублей каждый ваших кровных денег (депутатское жалованье. – А.И.), а работники, люди труда, готовые приступить к обновлению русской жизни и крестьянского земельного быта не путём озорства, грабежа и разбоя, а путём закона, основанного на Божьей правде!»²¹. Под людьми труда, естественно, подразумевались православные монархисты, не допускавшие ограничения самодержавия. В декабрьском интервью на вопрос об ожиданиях от новой избирательной кампании Дубровин ответил так: «Я твёрдо надеюсь, что Дума будет менее левой, менее красной, что она не будет, как предыдущая, кабацким митингом»²². Но несмотря на активную кампанию черносотенцев, Дума вышла даже левее первой. В неё удалось привести несколько ярких представителей СРН, в том числе товарища его председателя В.М. Пуришкевича и П.А. Крушиневана, однако правые оказались в абсолютном меньшинстве. Вследствие этого они практически сразу сделали ставку на её распуск. «Личный состав Второй Думы представляет крайне удручающую картину, о какой-либо созидающей

¹⁷ Дубровин А.И. Лицедеи...

¹⁸ Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. 1905–1910 гг. / Сост. Ю.И. Кирьянов. М., 1998. С. 174.

¹⁹ Дубровин А.И. В борьбе с революцией // Русское знамя. 1906. 11 июля.

²⁰ Правые партии... Т. 1. С. 267–270.

²¹ Там же. С. 277.

²² Шессен С. де [Шерешевский С.Б.]. Какая будет Дума // Вече. 1906. 17 декабря.

работе и речи быть не может, — отмечалось в марте 1907 г. в одном из документов Главного совета СРН за подписью Пуришкевича. — В Думе более 250 террористов различных наименований и оттенков... смотрящих на Думу как на мощное средство ускорить самое тяжёлое проявление революции в России и низвергнуть монархию. Рospуск Думы представляется явлением крайне желательным... и чем скорее, тем лучше, ибо затяжной характер “работы” Думы ведёт к самому пагубному революционированию народных масс с думской кафедры, открыто, на всю Россию, пред глазами дремлющей власти»²³. Так же считал и Дубровин, назвавший депутатов «представителями народного невежества с бомбами в кармане»²⁴.

14 марта на первой странице «Русского знамени» появились большой чёрный крест и статья с говорящим названием: «Революционная трибуна». За две недели до этого, утверждал лидер кадетов П.Н. Милюков, Пуришкевич разослал отделам Союза секретный циркуляр, предписывавший следом за публикацией начать дружную «бомбардировку» императора и премьера телеграммами с мольбами о немедленном роспуске Думы и изменении выборного законодательства²⁵. И действительно, с 22 марта газета начала масштабную кампанию: из номера в номер публиковались десятки телеграмм со всех концов страны с просьбами распустить не оправдавший надежд законодательный орган. 4 апреля в ней вышел фельетон Дубровина, повествовавший о кадетских планах по подготовке государственного переворота²⁶. 8 апреля вождь СРН опубликовал заметку о том, что планов вооружённого восстания не скрывает и социал-демократическая фракция. «Словом, работа Думы идёт усиленным темпом по ниспровержению трона, не видит этого только наше правительство»²⁷.

Манифест 3 июня 1907 г. Дубровин воспринял с радостью и благодарностью. В телеграмме, отправленной Николаю II от имени СРН, он писал: «Слёзы умиления и радости мешают нам выразить в полной мере чувства, охватившие нас при чтении твоего, Государь, манифеста, державным словом положившего конец существованию преступной Государственной думы... Верь, Государь, мы все, русские люди, готовы идти за тобой, мы приложим все наши силы, дабы по слову твоему явиться твёрдым оплотом крепости, величия и славы России и не пожалеем ни жизни, ни имущества на защиту нашего обожаемого Государя»²⁸. Ответную телеграмму встретили с воодушевлением и восторгом: Николай II просил передать благодарность всем членам Союза, выразил уверенность, что монархисты помогут ему достичь мирного обновления страны, и расположение к ним: «Да будет же мне Союз русского народа надёжной опорой, служа для всех и во всём примером законности и порядка»²⁹.

В ответ на манифест Дубровин развел не свойственную ему активность, откликнувшись в первой половине июня циклом статей. Очевидно, что по-

²³ Правые партии... Т. 1. С. 297.

²⁴ Цит. по: Стогов Д.И. Предисловие // Дубровин А.И. За Родину. Против крамолы. М., 2011. С. 25.

²⁵ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 280.

²⁶ Дубровин А.И. Как кадюки подготавлиают государственный переворот // Русское знамя. 1907. 4 апреля.

²⁷ Дубровин А.И. Чем занимаются члены Государственной думы // Русское знамя. 1907. 8 апреля.

²⁸ Дубровин А.И. Его Императорскому Величеству Государю Императору Самодержцу Всероссийскому // Русское знамя. 1907. 4 июля.

²⁹ ГА РФ, ф. 116, оп. 2, д. 96, л. 1; Высочайшая телеграмма Союзу русского народа // Гражданин. 1907. № 41–42. С. 8.

ражение революции и рост влияния СРН благодаря поддержке со стороны монарха окрылили его, дав надежду на избрание патриотической, национально мыслящей Думы, способной стать верной помощницей императора и доносить до него чаяния и нужды простого народа. В свойственном ему митинговом и «народном» стиле он сначала рисовал безрадостную картину русской действительности, порождённую злым гением С.Ю. Витте, масонством, инородцами, либералами и социалистами. «В помощь своим хищническим замыслам они обратили нашу русскую молодёжь в орду безбожников и бессовестных грабителей и ненавистников всего родного... ведут [её] по пути забастовок, озорства и разорения, разжигая в юной горячей крови самые дикие страсти и самые разрушительные пороки. Гибнут от их преступных подстрекательств не только молодые ветви русского дерева, но и самые корни. Уже русский народ сделался во многом похож на осенние деревья, лишённые листвьев, и на лес, поникший от подземного пожара. А наши чиновники превратились в облака безводные, ветром гонимые. Не идут в делах дальше бессмысленного “бумагопоклонства” и не оживляют, не обновляют наших распорядков своею патриотическою предприимчивостью и сочувствием к бедствующему отечеству. Всё русское поникло! Всё нерусское подняло голову, веря в свою силу и не опасаясь отпора!.. Наши внутренние враги уже готовятся на предстоящих выборах отбросить нас совсем от порога Г[осударственной] думы и овладеть правом русского законодательства. За них продажность! За них измена!»³⁰. Далее следовали призывы к сплочению, жертвенности, дружному выступлению на выборах («удвоить усилия» и «удесятить пожертвования»³¹). Заканчивалось обращение новой порцией восклицаний: «Бог за нас! Царь за нас! Сила правды родной за нас! Всё возможно верующим! Всё возможно любящим! Где Бог, там и спасение! Где царь, там и сила! Где правда, там и победа!»³².

Выражая радость, что 3 июня «старое зло» было отвергнуто, Дубровин выражал надежду, что теперь инородцы не смогут «быть вершителями вопросов чисто русских», новая Дума станет подлинным «народосоветием» – воплощением истинной соборности, а избранные в неё русские люди смогут оказать монарху помощь и содействие в осуществлении «разнообразных и всесторонних реформ»³³. Не являясь противником преобразований как таковых, он не выступал и против свободы, но подчёркивал, что это должна быть «свобода в Бозе»³⁴. Данное выражение вызвало насмешку А.С. Суворина: «Я подожду объяснения почтенного председателя союза, что значит эта фраза. Я знаю, что во время панихиды обо мне будут говорить как о “в Бозе почившем”... Но, живя ещё на земле, в городе Санкт-Петербурге, я совершенно отказываюсь понять это политическое изречение: “свобода в Бозе”. Г[осподин] Дубровин, конечно, лучше знает Св[ященное] Писание... но я в этом отношении большой невежда и не могу найти никаких соотношений между “в Бозе почившим” и “в Бозе свободным”. По-моему, даже самый славянский язык, чудесный и выразительный в Евангелии и в церковных песнях, является совсем

³⁰ Дубровин А.И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 8 июня.

³¹ Дубровин А.И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 14 июня.

³² Дубровин А.И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 8 июня.

³³ Дубровин А.И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 5 июня.

³⁴ Дубровин А.И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 7 июня.

комичным и противно лицемерным в политических статьях»³⁵. Замечание задело Дубровина, и он в открытом письме издателю «Нового времени» разъяснил, что имел в виду: его слова адресованы не искушённому читателю, а простому народу, который сохранил веру в Бога, а потому знает апостольские слова «Где Дух Господень, там и свобода» (2 Кор. 3:17)³⁶. «Свобода же, как учит нас тысячететняя история, даётся не скоро, не легко, не при помощи случайных обстоятельств и не борьбою сил и вещей, а их взаимодействием и воодушевлённым взаимосоревнованием»³⁷.

Вождь СРН надеялся, что манифест положил конец «виттовщине», что теперь ослабнет «средостение» между царём и народом в лице высшей бюрократии, и русский народ, выбрав достойных представителей и восстановив «духовную связь» с монархом, уже не допустит ни тирании аристократии, ни демократии: «Словом, державная воля открыла нам широкие двери в светлое и славное будущее»³⁸. Но прежде, чем таковое наступит, «предстоит тяжёлый исторический подвиг, требующий бесконечного самоотвержения». Считая, что при новом государственном порядке Союз будет играть более важную роль, Дубровин призвал «отречься от своей личной независимости, гордости и себялюбия», направить все силы на помочь обновлённому строю и его защите, включиться в созидательную работу: «Готовьтесь же выйти на дело русское, на работу историческую»³⁹.

Указывая, что сам царь призывает их принять участие в выборах, публицист наставлял монархистов, что их долг — выдвинуть «избранников с верующими русскими душами и с любящими русскими сердцами» и остерегаться «безразличников», «крайнехатников» и всех тех, кто является «русскими по языку, но иностранцами мозгами и сердцами»⁴⁰. При этом он предупреждал, что новый избирательный закон несовершен из-за нерадивости бюрократии, допустившей формулировку «без различия национальностей и вероисповеданий». Поэтому враги самодержавия могут снова взять верх, если правые не сумеют провести в Думу достаточное количество сторонников: Россия «остаётся по-прежнему без надёжных гарантий для защиты своего состояния, свободы и жизни от разлагающих влияний и разорительных захватов со стороны инородцев»⁴¹.

В связи с этим Дубровин призывал членов СРН смотреть на выборы как на борьбу за русское первенство в жизни империи. Ругая «полунациональную» бюрократию, не видящую разницы между беспристрастием и безразличием, он писал, что русское национальное чувство «не сопровождается беспредельным самомнением и самодовольством», не заключает в себе «тупого презрения и вражды ко всему чужому». «Мы никогда не ставили и не ставим историческую

³⁵ Суворин А. С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908). М., 2005. С. 685.

³⁶ Дубровин А.И. А.С. Суворину // Русское знамя. 1907. 9 июня. На следующий день, явно подготовившись, Дубровин написал ещё один ответ, предложив миститому публицисту ознакомиться со списком цитат из Священного Писания, касающихся христианского понимания свободы (Дубровин А.И. А.С. Суворину // Русское знамя. 1907. 10 июня).

³⁷ Дубровин А.И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 7 июня.

³⁸ Дубровин А.И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 5 июня.

³⁹ Дубровин А.И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 6 июня.

⁴⁰ Замечательное слово главного председателя «Союза русского народа» А.И. Дубровина // Русская правда. 1907. 28 июня.

⁴¹ Дубровин А.И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 9 июня.

ропнь как идеал и не возводим фактических разделений в принцип. Наша тысячелетняя история красноречиво свидетельствует, что мы никогда не смотрели и не смотрим на другие племена как на вечных своих врагов и соперников. Зачем же нас, исторических первенцев нашей Родины, стараются чуть не силами всего света привести к слиянию, к смешению со всеми племенами без различия!»⁴². Подчёркивая, что для монархистов дорога «кровная народная семья», что народ это «сила природная и историческая», вождь черносотенцев требовал от них быть достойными призыва и обеспечить победу этой силе. «Мы стоим за великую народность, а они — за великую разноплеменность!», — утверждал он, говоря об отличии правых от их политических оппонентов⁴³, и, призывая дать в Думу «героев веры» и пламенных патриотов, воскликнул: «И пусть узнают наши враги, что и в суровом климате обитает пылкий народ!»⁴⁴.

При этом даже в агитационных текстах признавалось, что в СРН не всё гладко: случаются взаимные обиды и раздоры, далеко не все черносотенные вожди соответствуют высокому нравственному идеалу. Однако «братья-союзники» не должны смущаться этим: «Ведь от нас не требуется, чтобы мы выискали людей непременной святости и героев, — много ли таких найдётся даже во всем мире? Царю необходимы из нашей среды только здравые люди, способные правдиво определить, чего не достаёт для народного блага и чем можно воспользоваться из того, что у нас есть. Эти наши избранники должны будут с ясным сознанием общественных несовершенств, т.е. своих же собственных бед, посильно помочь государю в деле повсеместного укрепления правды и справедливости». Среди других задач правых депутатов — пробуждение широкой народной деятельности, развитие патриотизма (но с предостережением от самообожания), защита исторических народных прав. Но при этом они должны помнить, что не имеют ни малейшего права касаться «основ общества»: «Русло государственной жизни может быть углубляемо и выпрямляемо, но нельзя заменить его новым. Так же могут быть отменяемы и изменяемы формы соотношения общественных сил, но нельзя отменять освящённые христианством вечные понятия о добре и зле, о семье и собственности, без которых невозможно разумное, свободное и спокойное существование человеческого общества». Идеал Думы выглядел следующим образом: депутаты, представляющие русское православное большинство, должны соизмерять свою деятельность с учением Христа, не искать ничего для себя лично и не допускать никакой тирании — «ни аристократической, ни демократической, ни партийной, ни сословной»⁴⁵.

В одном из предвыборных возваний за подпись Дубровина содержался также призыв положить конец развращающему влиянию современной литературы, которая не меньше периодической печати воздействовала на умонастроения россиян. «Это не литература — это срам! Это глумление над нашими славными гениальными писателями, начиная от Пушкина и кончая Антоном Чеховым⁴⁶, это хула на Бога, на отечество, на семью, Церковь и человека! И допустить это, и узаконить односторонний лай этот на долгие времена мы не смеем, не имеем права». Призыв молить царя о решении этой проблемы

⁴² Дубровин А.И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 10 июня.

⁴³ Дубровин А.И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 14 июня.

⁴⁴ Замечательное слово...

⁴⁵ Дубровин А.И. [Передовая статья] // Русское знамя. 1907. 13 июня.

⁴⁶ Стоит отметить, что в «Русском знамени» публиковался старший брат А.П. Чехова Александр (псевдоним Седой).

сопровождался надеждой: «Быть может, близок уже тот час, когда в назидание потомству великий русский царь повелит воздвигнуть на Марсовом поле публичное “аутодафе” — всенародный костёр из этой, оскорбительной для человеческого достоинства, клоаки лжи, ненависти и лести, которая в насмешку, должно быть, зовётся литературой»⁴⁷.

На вопросы журналистов об ожиданиях от нового корпуса депутатов Дубровин отвечал кратко и особых надежд на благоприятный исход не питал. В беседе с журналистом «Петербургской газеты» он рассуждал: «Полагаю, что третья Дума будет ещё хуже второй, потому что в ней пройдет исключительно “жид” — обрезанный и необрезанный, от октяристов и левее. Новый избирательный закон совершенно напоминает мне ту водку, которую Витте пытался сделать безвредной для народа. Он действительно обезопасил водку от ядовитых примесей, но спирт-то ведь остался в ней... Так и новый закон о выборах: “жид” по-прежнему останется в Думе»⁴⁸. На вопрос корреспондента либерального «Русского слова» о планируемой работе СРН после выборов ответил уклончиво, чтобы не «парализовать весь тот эффект, которого мы вправе ожидать»: «Выяснить этот вопрос считаю преждевременным. Для избирателя и для общества достаточной порукой является программа СРН, известная почти всем... Что же касается той тактики, которую поведут союзники в Государственной думе, то на этот счёт моё глубокое убеждение — не выносить её, если она намечена и намечается нами у себя в кабинете, на улицу... Вечно, конечно, наша тактика секретом оставаться не может. С первых шагов нашей думской деятельности она станет вполне ясной и определённой»⁴⁹.

На заседании Главного совета СРН 14 сентября Дубровин, не питая иллюзий, что Союз сможет получить большинство, тем не менее настаивал на необходимости активного участия в выборах. В противном случае утверждается мнение о несостоятельности организации и бездеятельности её руководства, что может послужить поводом к разочарованию и выходу из неё колеблющихся⁵⁰. При этом сам он к неудовольствию провинциальных отделов категорически отказался выставить свою кандидатуру. Как отмечала оппозиционная пресса, «“союзники” резко осуждают поступок Дубровина, который своим отказом сыграл в руку противникам»⁵¹.

23 октября Дубровин и Пуришкевич обратились к «союзникам, правым и монархистам». Они указали на опасность возникновения октяристско-кадетского большинства, вследствие чего думская работа получит характер «тризны по самодержавию», а государственный строй окажется окончательно втиснут в рамки «конституционного принципа». Не желая допустить этого, вожди СРН наметили до начала думской сессии съезд правых депутатов в Русском собрании, на котором предстоит говориться о кандидатах в президиум

⁴⁷ Дубровин А.И. От Главного совета СРН // Русская правда. 1907. 26 июля. Этот радикальный призыв вызвал отповедь органа октяристов — «петербургский истинно-русский доктор» стал «чёрнее чёрной сотни» и нуждается в том, чтобы ему приложили на голову лёд (Маленькая хроника // Голос Москвы. 1907. 13 июля). Вскоре газета назвала его пустосвятом и обвинила в том, что он спешит «править тризну над зарождающейся новой Россией» (Голос Москвы. 1907. 31 июля).

⁴⁸ Потёмкин А. В Союзе русского народа (Беседа с А.И. Дубровиным) // Петербургская газета. 1907. 19 июня.

⁴⁹ Союзники и правые о 3-й Думе // Русское слово. 1907. 21 октября.

⁵⁰ Союзники о предвыборной кампании // Южный край. 1907. 19 сентября.

⁵¹ У правых // Южный край. 1907. 18 сентября.

Думы и совместной слаженной работе, чтобы с первого же дня явиться «силой повелевающей, непреклонной и твёрдой». «Необходимо усвоить, — писали авторы обращения, — что только железная дисциплина и умение подчиняться создадут из правых тот молот, который будет в состоянии грузно и беспощадно опуститься на очаги русской революции и заставить считаться с собою ту блудливую и способную к слиянию массу октябристов и кадет, которая мечтает войти победителем в Третью Думу и под видом умиротворения России заложить в ней прочный корень конституционализма, готовящего ей разложение и политическую гибель»⁵².

Правые выступили на выборах единым фронтом и добились значительного успеха. Накануне открытия сессии Главный совет СРН выступил с возванием, подписанным Дубровиным, в котором отмечалось, что «почти половина» избранных депутатов принадлежит к правым партиям и они являются верными царскими слугами⁵³. Однако положение дел сильно приукрасили. Изначально правое крыло составили примерно 140 человек, т.е. немного менее трети общего состава⁵⁴. Но уже через несколько дней оно разделилось на две фракции: правых (51) и умеренно правых (69).

1 ноября Главный совет СРН отслужил молебен, после которого Дубровин произнёс речь, отметив, что в Думу попало «немало лучших людей страны», и потому она имеет все шансы стать работоспособной. Отмечая, что правым будут противодействовать все фракции от октябристов и левее, он выразил надежду, что монархисты преодолеют это препятствие. «При всем своём, по словам оратора, пессимистическом отношении к русскому парламенту он всё же начинает верить в его работоспособность в настоящем составе», — писала кадетская «Речь»⁵⁵. Либеральные газеты не без удивления отмечали, что Дубровин произнёс речь «с восхвалением Третьей Государственной думы», предлагая собравшимся «забыть о первых двух Думах как о “позорном пятне в истории русской жизни”»⁵⁶. Он подчеркнул организационный талант и энергичность Пуришкевича и поблагодарил его за «большой дипломатический такт», позволивший добиться избрания товарищем председателя думы члена Союза кн. В.М. Волконского⁵⁷. Но надежды публициста на то, что Дума наконец-то окажется верной помощницей императора, а правые выступят её главной силой, не сбылись. Первым разочарованием стала полемика о тексте приветственного адреса императору. Если правые настаивали на том, чтобы подчеркнуть незыблемость самодержавия, то кадеты требовали упомянуть конституционный строй. С первых же дней выяснилось, что октябристы не пойдут вместе с черносотенцами, да и сам правый фланг не будет единым, так как умеренно правые выразили готовность поддержать октябристов. Меньше чем через две недели после начала сессии «для Союза русского народа список “чистых” в Думе сократился вдвое. Стало ясным, что перспективы

⁵² От Главного совета СРН господам членам Государственной думы союзникам, правым и монархистам // Русское знамя. 1907. 24 октября.

⁵³ Главный совет СРН // Русское знамя. 1907. 25 октября.

⁵⁴ Юрский Г. [Замысловский Г.Г.] Правые в Третью Государственную Думу. Харьков, 1912. С. 1.

⁵⁵ В Союзе русского народа // Речь. 1907. 3 ноября.

⁵⁶ Молебствия союзников // Южный край. 1907. 6 ноября; Заседание фракции правых // Голос Москвы. 1907. 7 ноября.

⁵⁷ Ликование союзников // Южный край. 1907. 9 ноября.

политической борьбы в стенах Таврического дворца ещё менее радужны, чем ожидалось»⁵⁸.

Как следствие, уже 16 ноября Дубровин впервые поднял на заседании Главного совета СРН вопрос о необходимости добиваться роспуска Думы⁵⁹, а спустя пару месяцев заговорил об этом в полный голос. Ему хватило нескольких месяцев, чтобы полностью разочароваться в новом созыве и поставить его в один ряд с предыдущими. Если в начале ноября в «Русском знамени» ещё появлялись материалы, выражавшие надежду, что нижняя палата оправдает доверие монарха, то уже с начала 1908 г. со страниц газеты звучало только её поношение. «Киевлянин» сообщал, что Дубровин «категорически отрицает необходимость представительного правления для России в какой бы то ни было форме» и убеждает СРН направить деятельность «исключительно на восстановление неограниченного самодержавия»⁶⁰. «Дума, к несчастью для родины, дробясь на партии, пренебрегает насущными нуждами русского народа, удовлетворяя неосновательно-наглые искательства инородцев», и «если [её] деятельность будет идти таким же путём, то мы накануне новой пугачёвщины»⁶¹. Летом вождь СРН стал отзываться ещё резче. Считая самой вредной политической силой октябристов, он указал черносотенцам, что они, «получая генеральские оклады» и войдя в соглашение с правительством, действуют исключительно в своих интересах, мешают в осуществлении морской программы и делают всё, чтобы «ограничить власть царя». Особую неприязнь у него вызывал лидер фракции октябристов: «3-я Дума значительно опаснее первых двух уже по одному тому, что никто не пробирался в первые парламенты с такой предательской хитростью, как Гучков, который за ширмой октябризма стремится к одному: приобрести власть и силу»⁶².

Выступая перед ростовскими монархистами, Дубровин рассказывал: «Порядком потёрся около Таврического дворца и скажу вам откровенно, что члены Думы – это холуи и мошенники, они ничего не делают, только сидят в буфете и “прохаживаются по рюмочке”, а вечером разъезжают по театрам; в комиссиях работают один–два, остальные и не заглядывают... Нет, нам такой Думы не надо!». Отметив, что возникшее с петровского времени «средостение между царём и народом» в лице бюрократии пополнилось Государственной думой, он заявил, что стране нужна Государева дума по примеру земских соборов: «Нужно, чтобы к царю ехали представители от всех сословий, и царь мог бы с ними советоваться, спрашивать у них и узнавать о народных нуждах непосредственно – тогда исчезнет средостение». По-настоящему русская Дума должна доносить до царя мнения и чаяния народа, а монарх, в свою очередь, «постановит, как ему кажется лучше». Таким образом он давал понять, что Дума должна быть законосовещательной (высказаться прямым текстом Дубровин не решался, так как это противоречило Основным законам и воле императора). В связи с этим особо подчёркивалось, что при сложившемся положении дел «государственные вопросы решают в Думе члены, которые в них ничего не смыслят: так, например, полуграмотные люди решают вопрос о преобразовании универ-

⁵⁸ Ромов Р.Б. Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 131.

⁵⁹ Союз русского народа о разгоне Думы // Голос Москвы. 1907. 17 ноября.

⁶⁰ Внутренние известия // Киевлянин. 1908. 5 января.

⁶¹ Рында [Пруссаков А.И.] В добный час! // Русское знамя. 1908. 11 февраля.

⁶² Союз русского народа о разгоне Думы // Голос Москвы. 1907. 17 ноября.

ситетов». Среди других мер оздоровления политик предложил лишить депутатов казённого жалованья, предоставив содержать «умных, но бедных» избранников за счёт населения, чтобы в случае недовольства депутатом избиратели могли бы отказать ему в средствах: «Чуть что не так заговорил там выборный, так и прекратить посыпать ему пособие, он и одумается, а то можно и другого послать». «Ещё нужно, как в старину до Петра было, граждане могли бы бить челом государю... нашим первым члобитием будет, чтобы распустил царь Государственную думу, тогда будет царь и народ без средостения»⁶³.

Дубровин считал Думу не законодательным органом, а «столыпинской канцелярией», т.е. новым бюрократическим учреждением, полностью подконтрольным исполнительной власти⁶⁴. «Сделавшись большими генералами, — говорил он, — члены Думы не позаботятся о народе»⁶⁵. Октяристский «Голос Москвы» утверждал, что вождь СРН в феврале составил проект адреса к царю, содержавший следующие строки: «Народное представительство третьего созыва как не поддерживающее народность, православие и самодержавие должно быть распущено, дабы оно не взвинчивало население своими речами с думской трибуны»⁶⁶.

В то же время Дубровин опубликовал в «Русском знамени»⁶⁷, а позже издал брошюйрой фельетон-притчу «Плоды персидской конституции», в котором иносказательным, но доступным языком разъяснил на примере разразившейся в Иране революции, к чему приводят игры в парламентаризм и слепое подражание Европе. Акцентировался вред, который приносил всем странам ограничивающий власть монарха парламент: «персидский царь» увлёкся «модным духом», оторвался от «обетов и заветов старины», стал слушать негодных советников, даровал конституцию и учредил меджлис, «а по-нашему — Государственную думу». «Отдал великодушный царь своё самодержавие, да попало оно не в те руки, кому назначалось — народу. Захватили талисман разные проходимцы, острожники, каторжники и искатели всяких приключений, стремящиеся к власти для собственных выгод... Таких людей и выбирать не нужно было, они ловко пролезали и сами себя выбирали; да и недостатка в них не было, — таких людей везде много; возьмите для примера нашу матушку-Русь». Дорвавшиеся до власти «отборные люди» обманули доверчивого и уступчивого царя, растащили всё, что плохо лежало, развратили народ и вызвали в стране смуту. Попытку шаха совершить контрреволюционный переворот Дубровин назвал «прозрением» от «временного наваждения» и восстановлением «самодержавия». «Слава Богу, царь персидский очнулся от конституционного угара, и истерзанный персидский народ скоро вернётся к мирной жизни под твёрдой властью своего самодержавного царя»⁶⁸. Правда, надежды вождя чёрной сотни не сбылись: в 1909 г. контрреволюция потерпела поражение и шах был низложен. Но, как видно из цитат, этот текст и писался вовсе не для того, чтобы погрузить читателей в вопросы иностранной политики. Его цель — предупредить об опасности превращения Думы в полноценный парламент и показать, что случившееся в Иране может повториться в России.

⁶³ Правые партии... Т. 1. С. 395.

⁶⁴ Ромов Р.Б. Фракция правых в III Государственной думе... С. 366.

⁶⁵ Деятельность СРН. Николаев // Русское знамя. 1908. 12 августа.

⁶⁶ Съезд монархистов // Голос Москвы. 1908. 17 февраля.

⁶⁷ Дубровин А.И. Плоды Персидской конституции // Русское знамя. 1908. 11 июня.

⁶⁸ Дубровин А.И. Плоды Персидской конституции. СПб., [1908]. С. 2, 4.

Таким образом, разочарование нижней палатой произошло очень быстро, Дубровин стал её убеждённым противником. В начале января 1910 г. он заявил: «Прошлый 1909 год был одним из самых удачных для подготовки новой русской революции. На новый год искренно желаю первым делом роспуска революционной Государственной думы и затем созыва новой Думы, русской по духу, для того чтобы она могла высказаться обо всех истинных нуждах народа, а не политиканствовать, не безобразничать и разводить революцию»⁶⁹. В феврале он резюмировал: «Народ три раза обманул доверие царя-отца: лучшие люди 1-го созыва были распущены и пытались вызвать всеобщую смуту, призывая народ выборским воззванием к бунту; второй созыв пытался убить царя⁷⁰, а третий с первых же шагов своей деятельности нарушил присягу, повёл тихую сапу под наши священные устои... Вот уже четыре года лучшие люди, избранники народные, обратив Таврический дворец в балаган, кабак... ведут себя возмутительно недостойно... Что они сделали для народа, чем облегчили его нужды, просветили его и умножили его благосостояние, — первая и неотложная задача, на которую указал им царь?.. Народ голодает, стонет от нищеты и разорения, а лучшие люди бранятся, чуть не дерутся, и вносят всеобщее разрушение в семью и в школу, и в общество. За всё время существования Думы внесли ли они хотя один приемлемый и полезный законопроект? Нет»⁷¹.

Однако даже столь строгий вердикт не заставил его провозгласить бойкот этому учреждению. В частном письме депутату-националисту А.И. Савенко Дубровин разъяснял: «Против Государственной думы я принципиально никогда не выступал. Я иду против засилья бюрократии. Царь и народ должны составлять одно целое. Голос народа всецело и полностью должен доходить до царя. Вот тут-то и нужно учреждение, которое могло бы играть связующую роль; назовите его как угодно, мне безразлично, лишь бы оно оправдало своё назначение. Настоящий балаган не может меня удовлетворить, поэтому я и ратую против него... а не против Государственной, Государевой думы. Разница, кажется, большая. Я бы хотел, чтобы была Государева дума, состоящая из действительно лучших русских людей... указывающая на истинные нужды народные, помогающая, а не командающая и приказывающая. Дети должны иметь право всегда и со всеми нуждами обращаться без стеснения и условностей к своему отцу. Отец, выслушав их, лучше видит, что нужно и чего не нужно. Ему и должно всецело принадлежать право исполнить или нет просьбу детей... Полагаю, что я достаточно ясно формулировал мои *pia desideria*⁷². Они, кажется, не дают ни малейшего повода считать меня стоящим во главе тех непримиримых, которым мил и любезен чиновничий произвол и вносимая им анархия во все проявления нашей жизни»⁷³. Показательно, что, когда в августе 1912 г. Дубровин в результате затяжного конфликта с Главным советом СРН под руководством Н.Е. Маркова 2-го зарегистрировал собственную организацию — Всероссийский Дубровинский Союз русского народа (ВДСРН), одним из пунктов его устава значилось участие в выборах⁷⁴.

⁶⁹ Среди газет // Киевлянин. 1910. 5 января.

⁷⁰ Имеются в виду представители фракции социал-демократов, арестованные за революционную пропаганду в войсках петербургского гарнизона.

⁷¹ Дубровин А.И. [Ответ на письмо в редакцию] // Русское знамя. 1910. 21 февраля.

⁷² Благие пожелания, благие намерения (лат.).

⁷³ Савенко А.И. Заметки. МХХХVII // Киевлянин. 1911. 13 января.

⁷⁴ Устав общества под названием Всероссийский Дубровинский Союз русского народа // Русское знамя. 1912. 20 сентября.

Несмотря на разочарование тремя созывами Думы, вождь черносотенцев изначально планировал побороться за то, чтобы провести в четвёртый состав своих сторонников. Приготовление к выборной кампании началось ещё до образования ВДСРН, и некоторые газеты даже высказали предположение, что ради успеха на выборах дубровинский и марковский союзы заключат перемирие, их главные советы объединятся в «верховную палату», руководить которой будут Дубровин и Марков 2-й⁷⁵. Но этого не произошло, Дубровинский союз повёл кампанию в таком духе, что о предвыборном блоке не могло идти и речи. Считая все либеральные и социалистические партии очевидными врагами самодержавия⁷⁶, дубровинцы на этот раз сконцентрировали критику на СРН, Русском народном союзе имени Михаила Архангела (РНСМА) и Всероссийском национальном союзе (ВНС). Узнав, что Главный совет СРН принял решение о блоке с русскими националистами, Дубровин охарактеризовал этот тактический ход как измену. Не без оснований считая ВНС партией, допускающей конституционализм и парламентаризм, он объявил его враждебным самодержавию. Призывая отдавать голоса только «за лучших людей», он отмечал, что «сторонники не установленного государем императором народного представительства» таковыми считаться не могут. Для Дубровина разница между народными избранниками и народными представителями принципиальна — в последних он видел претензию на узурпацию не принадлежавшей им власти⁷⁷. В его представлении депутаты должны были выполнять «лишь скромные обязанности советчиков царя» и не имели права именоваться «народными представителями, ответственными перед избирателями»⁷⁸.

«Русское знамя» обрушило на конкурентов весь свой гнев и стало делать всё от него зависящее, чтобы «изменники» монархическому делу в Думу не попали. Выпуски газеты начинались напечатанными в «шапке» лозунгами, призванными создать у читателей «правильное» понимание государственного строя и политического положения. Из них следовало, что в самодержавной России Государственная дума — орган законосовещательный, а не законодательный; депутаты — выборные люди, но никак не народные представители; народное представительство — атрибут конституционного строя, а при самодержавии конституции нет и быть не может; именующие Думу парламентом «преступно стремятся ниспровергнуть существующий самодержавный строй России и заменить его конституционным, вопреки воле царя-самодержца и основным законам»; а все политические партии, кроме дубровинского СРН, и «конституционная бюрократия» домогаются ограничения царской власти.

Лидеры марковского СРН, РНСМА и ВНС именовались обманщиками, предателями и скрытыми конституционалистами. Указывая, что «истинные» черносотенцы никогда не согласятся на союз с партией русских националистов и союзниками-«обновленцами», дубровинское издание даже утверждало, что Маркова 2-го, Пуришкевича и лидеров русских националистов рекламируют

⁷⁵ Накануне новой Думы. Готовится перемирие между дубровинцами и марковцами // Петербургская газета. 1912. 28 июня.

⁷⁶ В постановлении, подписанном Дубровиным в 1911 г., отмечалось, что предвыборные блоки с левыми партиями, октябристами и русскими националистами для СРН невозможны (Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. 1911–1917 гг. / Сост. Ю.И. Кирьянов. М., 1998. С. 83–84).

⁷⁷ Дубровин А.И. Всем членам СРН и его отделам // Русское знамя. 1912. 12 июня.

⁷⁸ Холяев С.В. Столыпин между черносотенцами и октябристами // Клио. 2015. № 4. С. 190.

«еврейские газеты», поскольку те тайно «идут заодно с жидами». Какая-либо поддержка конкурентов по правому лагерю, не говоря уже об октябристах, объявлялась изменой «свято-русскому делу». «Избиратели-куряне, — говорилось в одном из таких возвзаний, — подавая ваши голоса за Маркова, вы изберёте конституционалиста, т.е. скрытого врага государева неограниченного самодержавия»⁷⁹. «Русские люди не подадут свои голоса за националистов — уличённых в мошенничестве предателей, преступно стремящихся к государственному перевороту», — отмечалось в другом выпуске⁸⁰. Нападки на умеренное крыло чёрной сотни и националистов вышли за рамки приличий. Дубровинцы называли их «конституционными аферистами», лжецами, «презренными самозванцами», «тёмной шайкой», призывали союзников «гнать их в шею». У читателя «Русского знамени» должно было сложиться впечатление, что избрание несогласных с Дубровиным монархистов и националистов гораздо опаснее прохождения враждебных самодержавию сил. «Эти маргариновые монархисты в конец унизили бы и погубили бы государство, созданное трудами и кровью славных предков, если бы не председатель Союза русского народа Дубровин, ошарашивший этих продажных иуд тяжёлою дубиною», — говорилось в одной из таких публикаций⁸¹.

Оппоненты Дубровина из правого лагеря восприняли развязанную против них кампанию как явное вредительство. Газета бывшего председателя фракции правых в III Думе А.С. Вязигина отметила, что левые партии, оставив на время разногласия, объединяются для успешного выступления на выборах. Долг всех правых сил — поступать так же, чтобы «вырвать победу из рук врагов русской государственности». Издание негодовало по поводу «безграмотной» агитации «Русского знамени», не понимавшего сути предвыборных соглашений и работающего, по сути, на торжество левых⁸². «На выборах..., — писал Савенко, — они приложат все усилия к тому, чтобы сорвать 4-ю Думу, т.е. окончательно скомпрометировать всю реформу. Главный враг — националисты и октябристы!.. Крайним правым нужна такая Дума, относительно которой не может быть никакого сомнения, что она очень скоро будет распущена. И тогда они выступят с требованиями: “Довольно опытов!” Из всего этого родилось решение голосовать на выборах за левых. Но так как этот призыв крайне антимонархичен, ибо Дума создана государем, и государь объявил всем своим подданным... то эта агитация ведётся с известной осторожностью... Поэтому открыто говорится другое... ведите в Думу только “союзников”, а где “союзников” нельзя провести, там бойкотируйте выборы. Бойкотировать выборы — это значит помочь левым»⁸³.

Отвечая на вопрос о своем отношении к выборам, Дубровин говорил: «В данное время Россия переживает полосу народного равнодушия к деланию политики. Убедившись, что три Государственные думы не дали стране никакой реальной пользы, народ теперь относится совершенно безразлично к грядущим выборам. Для него ясно, что кто бы ни пришёл в Таврический дворец, толку от этого не будет, и народная жизнь в лучшую сторону не изменится». Он также

⁷⁹ Русское знамя. 1912. 15 августа.

⁸⁰ Там же. 19 августа.

⁸¹ Н.К. Конституционные аферисты. Предвыборное возвзание Союза Михаила Архангела // Русское знамя. 1912. 14 августа.

⁸² Падение «Русского знамени» // Харьковские ведомости. 1912. 27 апреля.

⁸³ Савенко А.И. Думы и настроения. XX. «Чем хуже, тем лучше» // Киевлянин. 1911. 24 ноября.

обратил внимание, что «бюрократия не дремлет» и прилагает «все усилия, чтобы в Думе заседали желательные для нее люди», а синодальные круги пытаются провести в депутаты как можно больше священников. Последнее «я признаю вредным. Не место им там, и великий грех творят синодские сферы, вовлекая духовенство в политику. Они хотят через провинциальных батюшек влиять на ход думских работ и сделать Думу синодопослушной. Но, спрашивается, при-стойно ли церковному ведомству увлекаться чисто мирскими делами? Его зада-ча — сеять в народе религиозное просвещение, а не заниматься политическими делами». На вопрос о предвыборной тактике вождь Союза ответил, что дове-ряющие ему союзники будут голосовать за кандидатов «по особому указанию», руководствуясь не столько политическим, сколько нравственным критерием. Если же достойных людей не окажется, то ВДСРН предпочтёт «вовсе отказы-ся от участия в выборах, нежели поддерживать Бог знает кого»⁸⁴.

Печатный орган Союза настойчиво уверял читателей, что русское насе-ление едва ли не всех крупных городов проявляет «полное нежелание» участво-вать в выборах. Один из сентябрьских номеров открывался прозорливым анон-сом: «Гос[ударственная] дума, фактически отвергнутая народом, представляет крайнюю опасность как готовый центр революционного движения, на случай, Боже упаси, открытия в России военных действий»⁸⁵. Издаваемая соратницей Дубровина Е.А. Полубояриновой газета «Стрела» безапелляционно заявляла: «Союзы русского народа отказываются идти на выборы в Г[осударственную] думу ввиду невозможности провести... искреннего защитника государева са-модержавия»⁸⁶. Объяснялось это тем, что народ разочаровался в Думе, ока-завшейся неспособной блюсти его права, ограничивая произвол чиновников и аппетиты капитала. Формально черносотенцев от участия в выборах не от-говаривали (пункт об этом содержался даже в уставе ВДСРН). Напротив, на-кануне дня голосования Союз разослал в местные отделы циркуляр, предпи-сывавший оживить деятельность на местах. Правда, делать это предлагалось осторожно, «не поступаясь ни на волос нашими принципами» и отказывая в поддержке всем тем, кто не разделял крайне правых взглядов⁸⁷. Но посколь-ку противниками дубровинцев оказались все крупные политические партии, а сами они не обладали ресурсами, чтобы провести собственных кандидатов, их позиция свелась к бойкоту Думы.

Ни один из заметных представителей ВДСРН в выборах 1912 г. не участво-вал. Не получилось и предотвратить избрание Маркова 2-го, Пуришкевича и их соратников, несмотря на развёрнутую против них кампанию. Оппоненты Дуб-ровина смогли составить представительную фракцию (первоначально — 64 челове-ка и один примыкающий), в которую вошли члены СРН, РНСМА, других монар-хических союзов и беспартийные монархисты. Успешно выступили также русские националисты и октябристы, составившие самые многочисленные фракции (120 и 98 человек). Раздосадованный результатом выборов, дубровинский рупор заявил: «Революционное учреждение, в 4-й раз доказывающее свою бездельность, опасность и вред для страны, должно быть упразднено навсегда и безвозвратно»⁸⁸.

⁸⁴ Юренин. Беседа с А.И. Дубровиным // Петербургская газета. 1912. 16 сентября.

⁸⁵ Русское знамя. 1912. 27 сентября.

⁸⁶ Стрела. 1912. 6 сентября.

⁸⁷ Степанов А.Д. Всероссийский Дубровинский Союз русского народа // Чёрная сотня. Исто-рическая энциклопедия. 1900–1917. М., 2008. С. 126.

⁸⁸ Русское знамя. 1912. 23 ноября, 1, 4, 19 декабря; 1913. 4, 5, 8, 11 января.

Сам публицист и политик долго игнорировал существование IV Думы. Однако, когда в годы Первой мировой войны либеральная оппозиция объединилась в рамках Прогрессивного блока и приступила к штурму власти, Дубровин возобновил кампанию против неё. В вышедшей в ноябре 1916 г. статье «С чего начать?» он призвал председателя Совета министров А.Ф. Трепова осадить вождей оппозиции, «чудовищно-преступно подрывающих в стране доверие к законной ответственной власти». Требуя решительных мер, он заявил, что во время войны возможна единственная формула взаимоотношений: власть «выслушивает и приказывает», а «граждане советуют (кому позволено советовать) и беспрекословно подчиняются». Если же правительство допустит, чтобы граждане не слушались власти и «покушались приказывать ей», страну ждет гибельная анархия. Поэтому правительство должно твёрдо показать, что оно есть настоящая власть, а если думское большинство не подчинится, то продолжать работу с «подгнившей» и вступившей на путь «крамольной интриги» Думой бессмысленно. «Блок должен убедиться, что ладить с ним во что бы то ни стало – не поставлено ни основной и никакой вообще задачей правительству; что основной задачей является достижение скорейшей и решительнейшей победы над врагом; что не будет допущено ни малейшего заслонения интересов той великой и единой спасительной для России цели – целями побочными, паразитно пристёгиваемыми к первой, и что с людьми, не способными проникнуться всепоглощающим первенством великой цели, правительству нет времени разговаривать. Такая постановка вопроса об отношениях власти, Думы и “общественности” будет... началом дела, обеспечивающим добрую половину успеха»⁸⁹.

Откликаясь на ноябрьские выступления деятелей оппозиции, Дубровин с негодованием отметил, что вместо помочи правительству «в продуманной мысли» думское большинство пытается диктовать ему свою волю, а вместо помочи в работе, направленной на оборону государства, занимается формированием в стране революционного настроения. Обличив лидеров Прогрессивного блока и фактически солидаризовавшегося с ними Пуришкевича, не желавших «понять правительства» и «отречься от своих преступных поползновений», он пришёл к выводу, что Дума дискредитировала себя и ждать не приходится ничего кроме стремления её «преступного и позорного большинства, одержимого легионом бесов», к захвату власти. А потому власть, пока не поздно, должна «стряхнуть» «этих вредителей» и твёрдо повести к победе. «Работать под командой законного правительства не желают – вон их! Если, убравшись, они не оставят кознодействия и будут посеять недоверие к законной власти – под арест до окончания войны! Режим этим арестантам можно назначить генеральский, но до конца войны они должны быть совершеннейше лишены общения с внешним миром и друг с другом». Необходимо всемерно изобличить «зарвавшихся супостатов», с трибуны Таврического дворца разъяснить причины, побудившие отказаться от услуг «народного представительства», и распустить Думу до окончания войны. Итог подводился соответствующий: «Недопустимая тяжба худших граждан с властью слишком уж что-то затянулась... Пора ликвидировать тяжбу, слишком заметно перешедшую в лихорадочную подготовку

⁸⁹ Дубровин А.И. С чего начать? // Русское знамя. 1916. 12 ноября.

ужасной революции. Знамя борьбы с властью, поднятое 1 ноября милюковцами, в ноябре же должно быть и растоптано»⁹⁰.

Призывы Дубровина и других правых не остались незамеченными. 14 декабря императрица Александра Фёдоровна, сравнивая думскую оппозицию и черносотенцев, писала Николаю II в Ставку: «Вот контраст... одни — гнилое, слабое, безнравственное общество, другие — здоровые, благомыслящие, пре-данные подданные — их-то и надо слушать, их голос — голос России, а вовсе не голос общества или Думы. Так ясно видно, где правда; они знают, что Думу следует закрыть, а Тр[епов] не хочет слушать их. Если их не слушать, они возьмут дело в свои руки, чтобы спасти тебя, и может невольно выйти больше вреда, чем лишь одно твоё простое слово — закрыть Думу, — но до февраля»⁹¹. Однако к этому совету император не прислушался.

Подводя итог, следует отметить, что отношение Дубровина к Государственной думе претерпевало изменения. Не одобряя с самого начала формат, в котором её создали, и систему выборов «лучших людей», он, тем не менее, активно участвовал в трёх избирательных кампаниях: в первый созыв баллотировался сам, в последующие — активно агитировал за черносотенцев. Вместе с тем каждый созыв Думы глубоко разочаровывал его. Но если в отношении первого и второго созывов иллюзий Дубровин не испытывал изначально, то манифест 3 июня 1907 г., изменение выборного законодательства и первые дни Третьей думы дали ему надежду на то, что она сможет принести стране пользу. Впрочем, скоро наступило разочарование. Несмотря на пессимистическую оценку состава и характера четвёртого созыва, публицист, вопреки распространённому мнению, не выступал категорически против участия монархистов в выборах. Лишь видя, что у его сторонников нет шансов на успех, он фактически склонился к бойкотированию последней избирательной кампании. А убедившись, что IV Дума революционизирует страну, взял курс на борьбу с ней.

Вместе с тем Дубровин никогда не отказывался от самой идеи выборного органа, который мог бы доносить до царя «глас народа», минуя бюрократические препоны, и помогал бы монарху создавать законы, устанавливающие порядок в стране и улучшающие жизнь её населения. Терпя законодательную Думу, поскольку таковыми полномочиями её наделил император, он, несомненно, желал её превращения в законосовещательную, считая, что никакой иной Думы, пока существует самодержавие, быть не должно, и «русскую по духу» (т.е. православную, монархическую и национальную). Но надеждам во-ждя чёрной сотни не суждено было сбыться. Воспринимая Думу как «учреждение никчёмное», Дубровин впервые попал в неё 28 марта 1917 г. в качестве арестанта, когда Таврический дворец превратился в штаб революции⁹².

⁹⁰ Дубровин А.И. Власть и «оны» // Русское знамя. 1916. 23 ноября.

⁹¹ Переписка Николая Романова с Александрой Фёдоровной // Красный архив. Т. 4. 1923. С. 187.

⁹² Приговорённый к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин) / Публ. В.Г. Макарова // Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг. М., 2010. С. 119.

А.М. Попов.

За два шага до бездны: интриги против военного министра и саморазрушение власти в России 1907–1915 гг.

Крушению Российской империи предшествовали громкие публичные политические скандалы, которые до сих пор привлекают внимание историков, выясняющих их обстоятельства и внутренние механизмы. В них не без основания усматриваются признаки дестабилизации или даже разложения политической системы, не способной уже устранять или хотя бы регулировать личные и межведомственные конфликты, слаживая накапливавшиеся противоречия. В разгар Первой мировой войны особый резонанс получило «дело» полковника С.Н. Мясоедова, обвинённого в шпионаже и поспешно казнённого, несмотря на более чем сомнительные «доказательства» его вины. Практически сразу оно бросило тень на военного министра В.А. Сухомлинова, не только лишившегося вскоре должности, но и оказавшегося в 1916 г. на несколько месяцев в Петропавловской крепости (случай в своём роде беспрецедентный). Московский исследователь А.М. Попов после многолетней работы в читальных залах отечественных архивов и библиотек подробно рассмотрел данный сюжет в монографии «За два шага до бездны: интриги против военного министра и саморазрушение власти в России 1907–1915 гг.»¹. На её страницах прослеживается переплетение политической борьбы с трансформацией «третьеиюньской» монархии, становлением органов военной контрразведки, дискуссиями в правительстве о финансировании армии, соперничеством руководителей ведомств, амбициями думских лидеров и частными интересами разных лиц, влиявших на работу государственной машины или попадавших в её жернова. По сути, автор предлагает собственную концепцию кризиса самодержавия накануне революции 1917 г. В её обсуждении приняли участие доктора исторических наук В.А. Дёмин, Ф.А. Селезнев и К.А. Соловьёв, а также кандидаты исторических наук О.Р. Айрапетов, Н.В. Винюкова, А.В. Евдокимов, А.А. Сорокин и С.С. Сергушкин.

Материал подготовил А.В. Мамонов

Олег Айрапетов: Дорога в пропасть

*Oleg Airapetov (Lomonosov Moscow State University, Russia):
The road to the abyss*

DOI: 10.7868/S3034579025060124

Историография печально и скандально известного «дела Мясоедова» пополнилась новой работой. И это хорошо. Этот эпизод не раз освещался исследователями, высказывавшими различные взгляды о виновности тех или иных его фигур. Наконец, появилась весьма объёмная монография, включающая

---

¹ Попов А.М. За два шага до бездны: интриги против военного министра и саморазрушение власти в России 1907–1915 гг. М.: Яузा-каталог, 2023. 640 с.

19 глав, в которых автором детально анализируются документы трёх архивов, материалы девяти газет и обширная историография темы (с. 20–65). Практически все более или менее важные публикации предшественников так или иначе учтены А.М. Поповым, за исключением, пожалуй, нескольких работ А.И. Феклистова² (с. 51).

Не скрою, приятно, хотя и несколько неожиданно было узнать, что в настоящее время «общая оценка врагов Сухомлинова и деятельности Мясоедова находится в рамках привычного историографического фарватера, заданного Айрапетовым» (с. 53). Оказывается, написанное мною заставляет читателей сочувствовать Мясоедову, хотя на самом деле он был «однозначно распущенным и низким человеком» (с. 51). К сожалению, автор не обратил внимания на то, что меня интересовали не личные качества осуждённого офицера, а лишь то, действительно ли он являлся германским шпионом.

Признаюсь, мне также совсем безразлично, был ли А.О. Альтшиллер приятным собеседником и шутником и насколько свободно владел русским языком (с. 54). Можно добавить, что он торговал в Киеве двутавровыми балками, держал транспортную контору³, состоял председателем и управляющим делами «Общества Южно-Русского машиностроительного завода»⁴, продавал сельскохозяйственные машины и т.д.⁵ Но всё это ничего не даёт для понимания, был ли он тем, кем его считали противники военного министра.

Не знаю, должен ли историк исходить из презумпции невиновности, но ему точно не следует руководствоваться в своих исследованиях презумпцией вины. Поэтому ссылки на убеждённость А.Л. Сидорова, получившего «бездонный объём информации» (с. 21), или на подозрительную осведомлённость О.Г. Фрейната о процессе, на котором его осудили как германского шпиона, тогда как он, находясь в германской зоне оккупации в Вильно, доказывал, что это не так (с. 29–30), или на ничем не подтверждённые заявления У. Фуллера о взяточничестве В.А. Сухомлинова (с. 31) трудно отнести к образцам объективного анализа. Странным мне кажется и утверждение, будто «Мясоедов представляется жертвой не только потому, что был безвинно казнён, но и потому, что всё происходило как будто помимо его воли» (с. 65). А разве кто-либо по своей воле согласится опорочить собственную репутацию или оказаться в петле?

Авторская позиция чётко выражена уже на первых страницах книги, сообщающих читателю, что Сухомлинов проводил реформы, которые на фоне бесхозяйственности, политического кризиса и финансовой необеспеченности вызвали недовольство и постоянно нараставшую критику со стороны «великих князей, командующих войсками военных округов, подчинённых руководителей главных управлений, штабных и полевых офицеров и мн[огих] др[угих]» (с. 13). Складывается какая-то инфернальная картина, причём плохо вписанная в исторический контекст. Конфликты вокруг Сухомлинова начались не

² Феклистов А.И. Закулисная война: князь М.М. Андроников против военного министра В.А. Сухомлинова // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2017. № 6; Феклистов А.И. Выйти генерала на дуэль... // Родина. 2018. № 5; Феклистов А.И. Возникновение «Сухомлиновской комиссии» // Российская история. 2018. № 3; Феклистов А.И. Верховная комиссия под председательством инженер-генерала Н.П. Петрова (1915–1916). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2021.

³ Весь Киев. Адресная и справочная книга на 1905 год. Киев, 1905. Ст. 442; 516.

⁴ Весь Киев. Адресная и справочная книга на 1908 год. Киев, 1908. Ст. 468.

⁵ Весь Киев. Адресная и справочная книга на 1911 год. Киев, 1911. Ст. 703; 799.

сразу, да и трудности, возникавшие при снабжении и финансировании армии в начале XX в., нельзя передать широким мазком и парой предложений.

В условиях технологической гонки вооружений содержание войск становилось всё более тяжким бременем для стран, которые отставали в своём промышленном развитии от конкурентов. И тут Россия не составляла исключения. В 1906 г. на её сухопутные силы выделялось 374 865 969 руб. (на 7,3 млн больше, чем в военном 1905 г.) при государственных доходах в 2 271,4 млн руб.⁶, в 1907 г. соотношение составило 388 747 093 к 2 342 536 154 руб.⁷ В 1909 г. – 425 141 793 к 2 595 000 000 руб.⁸, в 1910 г. – 480 716 322 к 2 781 100 000 руб.⁹, в 1911 г. – 482 683 724 руб. при государственных доходах в 2 951 000 000 руб.¹⁰, в 1912 г. – 514 646 426 к 3 001 900 000 руб.¹¹, в 1913 г. – 578 184 338 к 3 250 600 000 руб.¹²

Финансирование увеличивалось, но попросту не могло угнаться за потребностями армии, связанными с ростом значения полевой тяжёлой артиллерии и пулемётов. Далеко не только в России недооценивали это оружие, но в ходе войны развитая промышленность Англии, Франции и Германии позволила осуществить очередной скачок в поставках вооружения. России соревноваться с противниками было труднее, чем её союзникам, и прежде всего это проявилось при производстве технологически сложных видов оружия – тяжёлой артиллерии и боеприпасов к ней, автоматического стрелкового оружия, включая ручные пулемёты, в моторостроении, судостроении, автомобилестроении, самолётостроении, танкостроении, выпуске бронеавтомобилей и т.д.¹³ Представляется верной оценка К.Г. Маннергейма, считавшего Сухомлинова жертвой индустриальной и финансовой слабости страны¹⁴, хотя, наверное, ещё более прав был А.А. Мосолов, по мнению которого военного министра погубили совместные усилия Ставки вел. кн. Николая Николаевича (младшего) и оппозиции¹⁵. Контекстуализация факта необходима при научном анализе, но она требует определённой культуры знаний и исследования. У Попова имеется и то, и другое, но в его тексте оценки нередко преобладают над доказательствами.

Так, первое предательство Мясоедова Попов усматривает в показаниях, данных им на суде в Вильне против корнета Л.Е. Пономарёва, подбросившего оружие контрабандистам (с. 87). По мнению автора книги, свидетельства пограничного жандарма «имели чёткий антиправительственный оттенок» (с. 92). Однако искать причины, по которым Мясоедов «вынужден был» дать показания в защиту обвиняемых, – весьма сомнительный приём (с. 92), как и выпячивание партийных связей адвоката О.О. Грузенberга. Конечно, он был кадетом, но всё же явно не его товарищи организовали данный инцидент на границе. Непонятно, отчего у Попова «возникает стойкое ощущение, что вся история с виленским судом была придумана ради провокации в отношении власти» (с. 93). Видимо, исследователь, проработав многочисленные архивные

⁶ Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1906 год. СПб., 1907. С. 3, 12.

⁷ Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1907 год. СПб., 1908. С. 8, 13.

⁸ Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1909 год. СПб., 1911. С. 4, 13.

⁹ Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1910 год. СПб., 1911. С. 4, 13.

¹⁰ Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1911 год. СПб., 1912. С. 4, 13.

¹¹ Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1912 год. СПб., 1913. С. 3, 13.

¹² Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1913 год. СПб., 1914. С. 4, 15.

¹³ Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934. С. 29, 31–33, 37–38, 41.

¹⁴ Mannerheim C.G.E. Memoirs. N.Y., 1954. P. 98.

¹⁵ Мосолов А. При дворе императора. Рига, [б.д.]. С. 20.

документы, так и не нашёл в них новых сведений и именно поэтому вынужден оперировать ощущениями. «Всем было ясно, — пишет он, — что это дело рук Мясоедова, а потому с тех пор никто не сомневался в его предательстве» (с. 94). К таким фразам добавить практически нечего.

Многие историки и ранее указывали на то, что выступление против офицера охранки Мясоедову не простили, но они не считали, будто разоблачение грязных приёмов карьериста бросает тень на репутацию всего государства или правительства. Ссылки же на приёмы других времён, когда за такое «предательство» на следующий день человеку устраивали автомобильную катастрофу или «случайную» гибель в «состоянии алкогольного опьянения» (с. 95) просто удивительны и анахроничны. Всё же защита провокатора, готового ради служебного поощрения отправить на виселицу людей (пусть и контрабандистов), из соображений корпоративной солидарности — скверное понимание государственных интересов. Впрочем, как сказал один бывший вице-губернатор, также изменивший чиновной корпорации, «есть легионы сорванцов, у которых на языке “государство”, а в мыслях — пирог с казённой начинкой».

Попов исходит из того, что « тот, кто предал один раз, предаст и другой» (с. 97). Но неужели именно поэтому отправленный в отставку Мясоедов был возвращён на службу и определён Сухомлиновым на весьма важный пост в Военном министерстве? И почему «внушительный список лиц» рекомендовал министру офицера, к которому неизменно негативно относились в МВД (с. 115–121)? Не считать же всё это интригой П.А. Столыпина, сознательно приблизившего к Сухомлинову дискредитированного человека (с. 133), дабы ещё сильнее скомпрометировать своего коллегу по кабинету, недавно прошедшего через бракоразводный скандал. Но если и так, то куда делись пресловутые «тома компромата» на Мясоедова (с. 134), которые глава правительства собирался пустить в дело?

По логике автора, основную борьбу против Мясоедова вёл Департамент полиции, который будто бы добивался расправы с Сухомлиновым, осмелившимся приблизить к себе предателя полицейской солидарности, связанного к тому же с еврейской эмиграцией (с. 163–172). Однако данные, «свидетельствующие» о шпионаже Мясоедова в пользу Германии, выглядят как-то неубедительно: деловые связи его партнёра С.Я. Фрейдберга с неким И.Л. Каценеленбогеном, который «был уличён в контактах» с «секретным сотрудником при Германском Генеральном штабе» Ф. Ленцером (с. 172). При этом Каценеленбогена лишь подозревали в шпионаже (с. 168).

Если Гучков, как утверждает автор, и впрямь получил информацию о шпионаже из Военного министерства — не важно, от Поливанова или нет (с. 173), или из МВД (с. 220–221), то почему повторявшиеся лидером октябрьстов слова о шпионах «сильно напоминают мантру или заклинание» (с. 259)? Но тогда неудивительно, что на суде политик заявил об отсутствии у него доказательств, подтверждающих выдвинутые им обвинения. Это, кстати, позже признал и гучковский «Голос Москвы»¹⁶. Что касается борьбы кадетов и октябрьстов весной и летом 1912 г., то причины её нужно искать в развернувшейся избирательной кампании в IV Думу, а не в симпатиях ЦК Партии народной свободы к офицеру-жандарму (с. 193–194). Впрочем, глава об источниках сведений, которыми располагал Гучков (с. 247–285), проработана весьма неплохо. Наличие среди его конфидентов генералов и офицеров никогда не вызывало

¹⁶ Голос Москвы. 1912. 6(19) ноября. № 256. С. 5.

сомнений, в отличие от тезиса о том, что «Гучков отстаивал интересы военных властей» (с. 253). Для его обоснования хорошо бы раскрыть эти «интересы», вряд ли сводившиеся к борьбе с Сухомлиновым.

О существовании «кружка младотурок» современники писали¹⁷ задолго до того, как этот термин «ввёл в научный оборот Айрапетов» (с. 295). Кстати, Гучков особо и не скрывал, что ему близки методы младотурок¹⁸. В 1917 г. он открыто говорил про «путь военного переворота, совершённого не солдатскими массами, а воинскими частями»: «Скажем, та форма, которая была испробована, правда, неудачно, на Сенатской площади, в начале XIX столетия, когда выходили целые части. Мне представляется, что эта последняя форма и есть та, в которой мог бы совершиться переворот в пределах или в направлении, необходимом России. Такой переворот явился бы с гарантиями быстроты, безболезненности, с наименьшими жертвами и наибольшей приемлемостью для страны»¹⁹. Иначе говоря, идеалом Гучкова являлся государственный переворот, осуществлённый армией, управляемой его единомышленниками. Это многое объясняет – и в терминологии, и в методах действия. Гучков никогда не отказывался удушить в объятиях любого высокопоставленного генерала – будь то А.Ф. Редигер или В.А. Сухомлинов, М.В. Алексеев или В.И. Гурко, но для них это обычно заканчивалось очень плохо. Посему и «примеры сотрудничества Гучкова и Сухомлина» (с. 334–355), как всегда, рассматриваемые в книге вне их контекста, не убеждают в правоте автора.

Противостояние финансового и военного (а также морского) ведомств – институциональное явление, наблюдаемое в любой стране, включая Россию. Но автор монографии почему-то видит в действиях В.Н. Коковцова, возглавившего в 1911 г. правительство, не проявление этого конфликта, а исключительно интриги Сухомлина (с. 356–412). А в главе, посвящённой Поливанову (с. 413–467), А.М. Попов встал на защиту доброго имени генерала от нападок О.Р. Айрапетова, Е.В. Бея (с. 418), а также А.Ф. Редигера, В.В. Сахарова и А.Н. Куропаткина (с. 419–420). Кстати, к ним можно было бы добавить А.А. Маниковского, М.В. Алексеева, А.И. Деникина и многих других. Но, как уверяет автор, критические отзывы о Поливанове объяснялись тем, что он «поставил на власть Совета министров, тогда как Сухомлинов всегда оставался лично преданным своему императору» (с. 467). О монархической верности в тексте упоминается не раз и порою излишне драматично. Так, уже в самом начале книги сказано, что «отставка четырёх близких императору министров в июне 1915 г. стала одной из ступеней к революции» (с. 16).

Глава «Второе предательство. Месть С.Н. Мясоедова» (с. 468–513) особенно прекрасна. В ней коварно изменивший МВД Мясоедов после своей второй отставки предаёт (ведь «предатели никогда не меняются со временем») и пытается шантажировать Сухомлина, чем создаёт основу для обвинений их

¹⁷ Сухомлинов В. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 235; Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 85; Половцов П.А. Дни затмения (записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 г.). Париж, [б.д.]. С. 14; Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. Париж, 1969. С. 256; Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1990. С. 186.

¹⁸ Войков В.Н. С царём и без царя (воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II). Гельсингфорс, 1936. С. 159.

¹⁹ Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Под ред. П.Е. Щёголева. Т. 6. М.; Л., 1926. С. 278.

обоих (с. 469). Не совсем понятно, правда, почему бежавший из плена поручик Я.П. Колаковский (Кулаковский), разоблачая Мясоедова, не сразу вспомнил его фамилию. Возможно, это был частный случай преодоления провалов памяти, хотя некоторые авторы сомневаются в этом²⁰. И действительно ли словами поручика заинтересовались ещё до катастрофы XX армейского корпуса под Гродно, если наиболее существенные сведения он сообщил только 15 февраля, когда всё уже стало более или менее ясно? Книга заканчивается главой с весьма двусмысленным названием «За что повесили Мясоедова. Опыт реконструкции» (с. 576–592). При этом вновь говорится о «предательстве учреждения, в котором он служил» (с. 577), как будто казнённый офицер, принося присягу, обещал хранить верность не «государю и отечеству», а корпоративным интересам.

В целом, согласно монографии, Россией в начале XX в. управляли подлые циники, стремившиеся любыми средствами расправиться с потенциальными конкурентами и умело выстраивавшие для этого многоходовые комбинации, забыв обо всём остальном. Причём действуют они в книге в каком-то смысловом вакууме, практически без всякой связи с реальной политикой. На этом фоне Мясоедов, которого нельзя считать шпионом, последовательно предаёт всех и вся и особенно злобно – своих благодетелей. Между тем «предательство» им интересов одного из департаментов МВД будто бы заставило Столыпина начать вендетту, в ходе которой гениальные интриганы и провальные политики, сводя счёты друг с другом, не оставили камня на камне от своего авторитета и престижа власти. Доинтриговались...

Если правда, что каждое поколение пишет историю для себя в собственный рост, то от подобного объяснения истоков Февраля становится жутко.

Федор Селезнев: Скрытые пружины конфликта С.Н. Мясоедова с МВД в 1906–1907 гг.

Fedor Sleznev (Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia): The hidden springs of S.N. Myasoedov's conflict with the Ministry of Internal Affairs in 1906–1907

DOI: 10.7868/S3034579025060139

Проблематика, затронутая автором книги с броским названием «За два шага до бездны: интриги против военного министра и саморазрушение власти в России», по-прежнему актуальна как для отечественных, так и для зарубежных исследователей. О военном министре В.А. Сухомлинове и жандармском офицере С.Н. Мясоедове публикуются научные статьи, монографии и сборники документов²¹.

²⁰ Шацкло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 111–113.

²¹ См., например: Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009; Айрапетов О.Р. «Дело Мясоедова». XX век начинается... // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2009. № 3. С. 110–129; Айрапетов О.Р. Дело Мясоедова: предвыборные технологии образца 1912 года // Родина. 2011. № 3. С. 78–81; № 4. С. 81–83; Зданович А.А. «Дело Мясоедова». Новый этап изучения или бег по кругу // Новейшая история России. 2014. № 3; Евдокимов А.В., Селезнев Ф.А. Военный министр как «козёл отпущения»: к вопросу о причинах отставки генерала В.А. Сухомлинова // История в подробностях. 2014. № 6(48); Бей Е.В. Военный министр генерал В.А. Сухомлинов: жизнь и деятельность. М., 2016;

Тем не менее А.М. Попову удалось существенно обогатить историографию, обнаружив новые важные документы. Среди них особенно ценные дневники военного министра генерала А.А. Поливанова, хранящиеся в РГВИА и крайне неполно опубликованные А.М. Зайончковским в 1924 г. (с. 81–83), а также стенограмма рассказа А.И. Гучкова о Сухомлинове и его окружении. Эта запись, сделанная 20 апреля 1912 г. после того, как Мясоедов вызвал Гучкова на дуэль, фиксировала обвинения, которые должны были «остаться в памяти потомков» (а вернее – современников) в случае гибели лидера октябристов (с. 77).

Попов подробно рассмотрел конфликт между подполковником Мясоедовым и Департаментом полиции. До 1906 г. офицер 12 лет успешно служил железнодорожным жандармом в Верхболово на российско-германской границе. При этом он, как выяснил У. Фуллер, помимо исполнения своих прямых обязанностей, занимался сбором информации для российской военной разведки²². Но вдруг М.И. Трусевич, в июне 1906 г. возглавивший Департамент полиции, поручил корнету Л.Е. Пономарёву, контуженному ветерану русско-японской войны, зачисленному в январе того же года в Отдельный корпус жандармов и командированному в распоряжение начальника Петербургского охранного отделения А.В. Герасимова²³, расследовать деятельность подполковника. Причём Пономарёв не скрывал от приданых ему из Виленского охранного отделения филёров, что их задача состоит в том, чтобы «уничтожить Мясоедова». Зачем? Фуллер объяснял это личной неприязнью Трусевича²⁴. Однако Попов, опираясь на показания, данные в 1915 г. А.А. Макаровым, занимавшим в 1906–1907 гг. должность товарища министра внутренних дел, установил, что в 1906 г. Департамент полиции предписал Мясоедову проверить сведения, согласно которым российские революционеры якобы получали оружие из Германии (с. 88).

Скорее всего, в Петербурге ждали от Мясоедова простого подтверждения сообщённых ему данных, но он с этим «не справился», в чём убедился расследовавший его действия А.С. Губонин. Тогда раздражённое начальство попыталось уличить непонятливого Мясоедова в дружбе с местными германскими властями, в связях с немецкой экспедиторской фирмой и в контрабанде. Характерно, что Макаров в 1915 г. отзывался об этих обвинениях без малейшего доверия, поскольку их ничем не смогли подкрепить. Как раз после неудачного расследования Губонина Трусевич и привлёк к проверке деятельности Мясоедова корнета Пономарёва, в действиях которого явно проглядывал почерк Герасимова, отличавшегося авантюризмом и склонностью к провокации. Когда агенты корнета подсунули в автомобиль жандармского офицера динамит и револьверы и упаковали вместе с его покупками, сделанными в Германии,

---

Феклистов А.И. Закулисная война...; Феклистов А.И. Возникновение «Сухомлиновской комиссии»; Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Князь М.М. Андроников и военный министр В.А. Сухомлинов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 6; Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Роковая женщина военного министра: генерал Сухомлинов и Екатерина Бутович. СПб., 2020; Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Суд над генералом В.А. Сухомлиновым: документы и материалы (1912–1917 гг.). Н. Новгород, 2021.

²² Фуллер У. Указ. соч. С. 35–38.

²³ Макаров К.О. «Пономарёвская история»: разоблачение агента полиции студента Горного института Л.Е. Пономарёва (1901 г.) // Герценовские чтения 2019. Актуальные проблемы русской истории. Сборник научных и учебно-методических трудов. СПб., 2020. С. 128.

²⁴ Там же. С. 40–41.

винтовки²⁵, Мясоедов доложил об их проделках вышестоящему начальству (с. 90). Но Пономарёв не остановился. Договорившись с шайкой контрабандистов, согласившихся провезти нелегальный груз из Германии в Россию, он приказал своим людям тайно вложить в тюки, подлежавшие переброске, революционную литературу и оружие. Поскольку таможня была заблаговременно предупреждена, контрабандистов в конце 1906 г. арестовали на границе.

Мясоедов к этому эпизоду отношения не имел, и, следовательно, отнюдь не его устранение являлось целью Пономарёва. Ведь, хотя в итоге жандармский подполковник не пострадал, миссию корнета в департаменте признали удачной: ему дали чин поручика и 20 января 1907 г. направили в распоряжение начальника охраны Таврического дворца, где предстояло заседать II Государственной думе²⁶. Таким образом, Мясоедова оставили в покое, Пономарёв получил повышение, а контрабандистов в результате провокации предали суду. Похоже, Департамент полиции добивался именно судебного решения, устанавливающего факт ввоза из Германии оружия для российских революционеров.

Кому это было нужно? Не следует забывать, что после назначения в конце апреля 1906 г. министром иностранных дел А.П. Извольского в военных и дипломатических кругах империи заговорили о возможности достичь соглашения с Лондоном. При этом одним из препятствий считалась поддержка Великобританией революционеров, в том числе через снабжение их оружием. На фоне нашумевшего дела парохода «Джон Графтон» позиция Берлина выглядела гораздо более дружественной. Скандал с переправкой оружия из Германии был выгоден, прежде всего, сторонникам русско-английского сближения. 2 апреля 1907 г. контрабандисты предстали перед Виленским военным судом, но когда адвокат О.О. Груценберг и Мясоедов, выступивший свидетелем защиты, разоблачили провокационные действия Пономарёва, всех обвиняемых оправдали (лишь троим из одиннадцати предъявили обвинение в нарушении таможенного устава, но смертная казнь им уже не грозила (с. 89)).

Почему подполковник выступил против своего ведомства? Попов отвергает предположения о том, что это произошло «невольно» (как считал У. Фуллер) или «вынужденно» (таково мнение О.Р. Айрапетова). По его словам, «Мясоедов сам раздул это дело, сам пригласил адвокатов, сам же дал показания в суде» (с. 96). Однако убедительных доказательств данной версии в книге не приведено.

Между тем, как показал недавно Н.В. Некрасов, Пономарёв, будучи помощником начальника охраны Таврического дворца, контролировал проникновение в здание посторонних лиц, включая журналистов и «экспертов». Действуя по указаниям П.А. Столыпина, поручик пытался не допускать посетителей, приходивших к секретарю Думы кадету М.В. Челнокову и другим депутатам, а также всячески затруднял вход публики по билетам, выданным думской Расспорядительной комиссией²⁷. Кадетское руководство II Государственной думы возмущалось порядком, который устанавливали поручик, и желало удалить его из Таврического дворца. И, видимо, не случайно Груценберг, баллотировавшийся по спискам партии в депутаты от Виленской губ. (т.е. имевший там связи), оказался защитником безвестных контрабандистов.

²⁵ Фуллер У. Указ. соч. С. 41–42.

²⁶ Макаров К.О. «Пономарёвская история»... С. 128.

²⁷ Некрасов Н.В. Корнет-проводокатор: к вопросу о службе Л.Е. Пономарёва в Таврическом дворце // Герценовские чтения 2019... С. 129–134.

Судя по его воспоминаниям, Мясоедов, которого адвокат впервые увидел уже во время судебного заседания, играл на процессе пассивную роль. Подполковник появился в Вильне не по собственной инициативе, а по вызову одного из подсудимых, которого «хорошо знал по Вержболову». Разумеется, свидетель дал ему «прекрасную аттестацию» (возможно, в благодарность за прошлые услуги). Грузенберг, как тонкий психолог, почувствовал, что Мясоедов «чем-то обижен», вывел его из равновесия и затем спросил, находились ли обвиняемые в официальных списках подозреваемых в политических преступлениях и какова их характеристика. Это составляло служебную тайну, и Мясоедов поначалу отказался отвечать, открыв секретные сведения лишь по настоянию председателя суда. И тут опытный адвокат спровоцировал офицера на то, чтобы выплеснуть обиду на Пономарёва и рассказать, как «обнаружил в своём автомобиле взрывчатые снаряды и литературу»²⁸.

Кадетская пресса сразу же подняла шум, Президиум Думы просил Столыпина немедленно удалить поручика от должности, и уже 9 апреля Челноков беседовал об этом с председателем Совета министров. На следующий день Пономарёву пришлось покинуть свою квартиру в Таврическом дворце²⁹.

Столыпин, естественно, считал Мясоедова виновником публичного унижения МВД и распорядился перевести его за Урал. Но тот, не чувствуя вины, всячески пытался остаться на прежнем месте и даже обращался к начальнику Главного управления Генерального штаба Ф.Ф. Палицыну³⁰, руководившему русской разведкой, очевидно, ожидая от него помощи.

27 сентября 1907 г. Мясоедов вышел в отставку, однако не потерял надежду оправдаться. «После моего ухода, — писал он Столыпину, — во время выборов в Государственную думу в сентябре месяце 1907 г. ко мне обратились кадетствующие знакомые, прося дать им материал для напечатания в газетах для предвыборной агитации, но я с негодованием отверг это предложение» (с. 93). Эти строчки полностью опровергают утверждение А.М. Попова о том, что Мясоедов «стал врагом государства, врагом политического строя» и в 1907 г. был уже «на стороне кадетов, т.е. на стороне революции» (с. 97). Нет, он по-прежнему принадлежал к числу защитников власти, но оказался жертвой борьбы, происходившей внутри правительственные структур.

Александр Сорокин: В.Н. Коковцов и В.А. Сухомлинов

Alexander Sorokin (Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia): V.N. Kokovtsov and V.A. Sukhomlinov

DOI: 10.7868/S3034579025060144

Споры о роли военного министра В.А. Сухомлина в политической борьбе позднеимперского периода не утихают³¹. Генерал находился в сложных и зачастую неприязненных взаимоотношениях со многими государственными,

²⁸ Грузенберг О.О. Вчера: Воспоминания. Париж, 1938. С. 52—54.

²⁹ Некрасов Н.В. Корнет-прокурор... С. 133—134.

³⁰ Фуллер У. Указ. соч. С. 44.

³¹ Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Суд над генералом...; Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Роковая женщина...

военными и политическими действиями, не исключая и главу финансового ведомства, а с осени 1911 г. – председателя Совета министров В.Н. Коковцова, которого А.М. Попов считает одним из главных действующих лиц в политических интригах вокруг «дискредитации С.Н. Мясоедова» в 1912 г. (с. 357).

Согласно воспоминаниям Коковцова, до весны 1909 г. у него не возникало разногласий с Сухомлиновым, но, сменив А.Ф. Редигера на министерском посту, тот вынужден был «сразу же войти в конфликт, главным образом со мною, как министром финансов, и нашему расхождению по текущим делам после первых же расхождений во взглядах на размеры кредитов, испрашиваемых его ведомством всегда в преувеличенных размерах и очень часто с крайне плохим основанием, он придал чрезвычайно острый характер»³². Со своей стороны, Попов утверждает, что «финансисты старались вникать в самые мелкие детали мероприятий по военному и морскому ведомствам и требовать отчёта в том, о чём не имели ни малейшего понятия» (с. 358). Вскоре Николай II выразил недовольство этой пикировкой, но П.А. Столыпин доложил ему, что дела военного ведомства часто вносятся в Совет министров плохо подготовленными, и самому Сухомлинову неоднократно приходилось отказываться от собственных расчётов, соглашаясь с доводами министра финансов и государственного контролёра. Пётр Аркадьевич жаловался и на то, что генерал прибегал «к совершенно небывалому приёму – соглашается в Совете, а когда ему посылают составленный согласно и его мнению журнал, он пишет на него возражения, и дело слушается два и три раза, внося немалое недоумение в среду министров»³³.

Очевидно, тут сказывалась специфика положения военного министра, который подчинялся главе правительства лишь частично, поскольку ведение военной и внешней политики являлось прерогативой монарха, и Николай II предпочитал руководить дипломатией и армией самостоятельно. Тем не менее в 1907 г. император передал на рассмотрение правительства изменение штатов военных ведомств, если оно не требовало новых расходов, а в феврале 1911 г. по инициативе Столыпина повелел согласовывать все меры, касавшиеся строевой, технической и хозяйственной части войск и флота, с Министерством финансов и Государственным контролем³⁴. Поэтому определённый антагонизм между Сухомлиновым и его коллегами по Совету министров носил как личный, так и институциональный характер.

В 1909 г. поводом для конфронтации послужили донесения приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера о военной угрозе на Дальнем Востоке со стороны Японии. Коковцов и А.П. Извольский, возглавлявший МИД, успокаивали Столыпина, Сухомлинов же на основании этих сообщений заявил во всеподданнейшем докладе о «крайне опасном и даже безнадёжном положении нашей обороны на Тихом океане», сложившемся будто бы из-за того, что министр финансов отказался выделять средства, необходимые для укрепления Владивостока. Между тем Коковцов уверял Николая II в том, что всё обстояло ровно наоборот: при Редигере военное ведомство предлагало упразднить крепость во Владивостоке, а финансовое выступало против такого шага.

³² Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. / Публ. В.И. Бовыкина и А.К. Сорокина. Кн. I. М., 1992. С. 312–313.

³³ Там же.

³⁴ Макаров С.В. Совет министров Российской империи. 1857–1917: государственно-правовые проблемы. СПб., 2000. С. 105.

Более того, после окончания русско-японской войны оно ни разу не предлагало сократить кредиты, предназначенные для Владивостока, а Совет министров одобрил все запросы военных, касавшиеся нужд города³⁵.

Получив от Унтербергера очередную телеграмму о подготовке японского нападения, Столыпин на импровизированном совещании Совета министров попросил членов правительства прояснить ситуацию. Извольский и морской министр С.А. Воеводский заявили, что генерал-губернатор сеет панику, а Сухомлинов уклончиво рекомендовал прислушиваться к таким предупреждениям, поскольку даже если в ближайшее время России и не грозит неминуемая опасность, всё же оборона Дальнего Востока находится в плачевном состоянии, и, в частности, не отпускаются деньги на фортификационные работы во Владивостоке. Коковцов и государственный контролёр П.А. Харитонов тут же опровергли его слова, заставив признать, что, «вероятно, какой-нибудь молодой и неопытный полковник Генерального штаба просмотрел не всё дело»³⁶. Однако Попов, бегло упомянув об этой скандальной дискуссии, пишет про «хамское поведение Коковцова», согласившегося предоставить соответствующие суммы лишь после посещения Дальнего Востока, куда он как раз собирался, и «живого обмена мнений с местными деятелями военного и морского ведомства» (с. 359). При этом исследователю удалось обнаружить в РГВИА журнал этого «межведомственного совещания», который, если верить мемуарам Коковцова, не составлялся³⁷.

Обстановка на Дальнем Востоке, по-видимому, действительно беспокоила Сухомлина, трижды побывавшего там – в 1910, 1911 и 1914 гг. В.Ф. Романов, служивший в Главном управлении землеустройства и земледелия и являвшийся членом Особого комитета по организации прибрежной обороны и управляющим делами Амурской экспедиции, вспоминал, как в 1911 г. во время поездки по области Сухомлина, «поглощённый решением безжизненных теоретических задач в ожидании какого-то неведомого врага, изыскивал способы, как бы получше заградить вход в Приамурье со стороны моря». Министр даже вступил в конфликт с новым генерал-губернатором Н.Л. Гондатти, который, как и местные чиновники разных ведомств, стремился, напротив, по возможности развить сообщение края с Тихим океаном. В итоге подготовленный Сухомлиновым проект в столице не поддержали³⁸.

Сановники тем временем продолжали полемику в отчётах. В конце 1909 г. Коковцов представил Николаю II развёрнутый доклад о посещении тихоокеанской окраины³⁹. Полгода спустя о собственном знакомстве с регионом доложил царю и Сухомлинов, чей отчёт «представлял собой сплошную критику» выводов и наблюдений министра финансов. Ознакомившись с ним, Столыпин не скрывал своего возмущения, а Извольский не мог «оставить без разбора его заключений по политической части нашего положения на Дальнем Востоке, поскольку они противоречат тому, что он постоянно докладывает государю»,

³⁵ Коковцов В.Н. Из моего прошлого... Кн. I. С. 313–316.

³⁶ Там же. С. 316–318.

³⁷ Там же. С. 318.

³⁸ Романов В.Ф. Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1920 гг.) / Отв. ред. С.В. Куликов. СПб., 2019. С. 270.

³⁹ Всеподданнейший доклад министра финансов о поездке на Дальний Восток 17 ноября 1909 г. // Зайцев М.В., Ковалёв М.В. Государственная и общественная деятельность В.Н. Коковцова. Документальная монография. СПб., 2022. С. 171–228.

и что положено в основу всей нашей политики, освящённой полным одобрением государя». Дабы избежать очередного скандала, Сухомлинову пришлось придать своим замечаниям «совершенно конфиденциальный характер», не допускающий коллегиального обсуждения⁴⁰.

Современники нередко называли Владимира Александровича «более чем легкомысленным человеком», сетуя на его «верхоглядство» и связывая с ним неудовлетворительную подготовку империи к Первой мировой войне⁴¹. По свидетельству начальника отделения канцелярии Совета министров П.П. Менделеева, на заседаниях Сухомлинов вообще предпочитал молчать, выступал же, как правило, его товарищ — А.А. Поливанов, у которого «неизменно проходил рыцарский словесный поединок» с Коковцовым, хотя они оставались «в самых лучших отношениях»⁴². Неудивительно, что, по воспоминаниям октябриста Э.П. Беннигсена, Сухомлинов опасался Поливанова, видя в нём возможного преемника⁴³, который к тому же «в противоположность своему шефу... пользовался особенными симпатиями Государственной думы»⁴⁴.

Обращаясь к депутатам, Сухомлинов, по словам В.И. Гурко, также не умел «отчётливо доложить все задачи, осуществление которых необходимо для постановки обороны страны на крепких устоях»⁴⁵. Однако на первых порах это не препятствовало совместной работе⁴⁶. Она осложнилась лишь после того, как в 1910 г. председатель III Думы октябрист А.И. Гучков в доверительной беседе пожаловался Николаю II на беспорядки в Военном министерстве. С тех пор и Сухомлинов стал регулярно обращать внимание монарха на вмешательство думцев вообще и Гучкова с октябристами в особенности в дела армии⁴⁷.

Попов полагает, что в 1912 г. «Коковцов предпочитал служить своему фешишу полной кубышки, а не благу страны, он раскрыл ящик Пандоры, способствуя интригам лидера партии, когда-то приведённой во власть могущественным Столыпином» (с. 412). Действительно, и в Думе, и в правительстве были недовольны тем, как военное ведомство распоряжалось выделяемыми ему суммами⁴⁸. Однако даже в офицерской среде тогда далеко не все сочувствовали Сухомлинову в его конфликте с Гучковым. К примеру, А.И. Деникин

⁴⁰ Коковцов В.Н. Из моего прошлого... Кн. I. С. 352–355.

⁴¹ Голицын А.Д. Воспоминания / Сост. А.К. Голицын. М., 2008. С. 536; Беннигсен Э.П. Записки (1875–1917) / Сост. А.Г. Римский-Корсаков. М., 2018. С. 417; Еропкин А.В. Записки члена Государственной думы. Воспоминания. 1905–1928 / Сост. К.А. Соловьёв. М., 2016. С. 40; Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Т. I. Париж, 1939. С. 24–25; Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 2012. С. 249–250. Характерно, что первым потребовал суда над ним Н.Е. Марков 2-й (Иванов А.А. Вождь чёрной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб., 2023. С. 380–381).

⁴² Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: обрывки воспоминаний. 1864–1933 / Публ. К.А. Соловьёва и А.В. Сазанова. М., 2017. С. 219.

⁴³ Беннигсен Э.П. Записки... С. 380. Быстрое перемещение начальника Главного управления Генерального Штаба А.З. Мышлаевского на должность командира 2-го Кавказского армейского корпуса Беннигсен также объяснял интригой Сухомлина, будто бы испугавшегося конкуренции (там же).

⁴⁴ Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел / Публ. С.В. Куликова и Д.Н. Шилова. М., 2015. С. 146.

⁴⁵ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Публ. Н.П. Соколова. М., 2022. С. 1098.

⁴⁶ Хечт О. Россия. Введение (на основании её истории от войны с Японией до Мировой войны) / Публ. Л.В. Ланника. М., 2021. С. 284.

⁴⁷ Политические партии России. Конец XIX – начало XX в. Т. 2. М., 2022. С. 407.

⁴⁸ Беннигсен Э.П. Записки... С. 455.

и А.М. Крымов не сомневались в виновности полковника Мясоедова и злоупотреблениях его покровителя⁴⁹. Характерно, что Коковцов, согласно воспоминаниям Беннигсена, окончательно осознал «опасность оставления военным министром Сухомлина» лишь после того, как получил некое письмо от генерала Н.И. Иванова, командовавшего Киевским военным округом. Однако обращение главы правительства к императору осталось без результата, и тогда он «сообщил свой материал Гучкову»⁵⁰. Гурко утверждал, будто Николай II даже согласился на отставку Сухомлина, для чего причины были «самые веские», но затем под влиянием Владимира Александровича передумал и назначил Поливанова членом Государственного совета, освободив от обязанностей помощника министра⁵¹.

Как бы то ни было, ни показания современников, ни данные, собранные Поповым, не убеждают в том, что в 1912 г. оппоненты Сухомлина желали его политически уничтожить. Любопытно, что немецкий историк О. Хетч в 1917 г., напротив, приписывал военному министру едва ли не решающую роль в увольнении Коковцова с руководящих постов в 1914 г.⁵²

Вадим Дёмин: Интриги или политика?

*Vadim Demin (Institute of Humanities, Moscow City University, Russia):
Intrigue or politics?*

DOI: 10.7868/S3034579025060157

В основе монографии А.М. Попова – весьма солидный фундамент. Исследователь использовал обширные материалы Департамента полиции МВД и комиссии генерала Н.П. Петрова, расследовавшей обвинения, выдвинутые против В.А. Сухомлина, и собравшей множество документов разных ведомств, привлек источники личного происхождения (как опубликованные, так и хранящиеся в архивах) и публикации в периодических изданиях различных направлений. Значительная часть этих текстов ранее не анализировалась или рассматривалась недостаточно внимательно. Автор неплохо знаком с научной литературой, её концепциями и источниковой базой. Это позволило ему убедительно опровергнуть ряд укоренившихся в историографии стереотипов. Весьма удачная очерковая структура работы позволяет как следить за развитием событий и мотивами их участников, так и вникать в детали отдельных проблем. Книга очень хорошо написана и читается как интересный детектив.

В монографии подробно разобраны «дела» С.Н. Мясоедова и В.А. Сухомлина и связанные с ними сюжеты. В частности, тщательно проследив жизненный путь Мясоедова, Попов подтверждает уже звучавший в историографии вывод о ложности обвинений полковника в шпионаже, но в то же время констатирует, что офицер был лишён «каких бы то ни было моральных устоев» (с. 579) и отличался мстительностью и вероломством. Так, в 1907 г. он предал жандармское ведомство, дав в суде свидетельские показания против секретных

⁴⁹ Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 2012. С. 228–229.

⁵⁰ Беннигсен Э.П. Записки... С. 433.

⁵¹ Гурко В.И. Черты и силуэты... С. 1047.

⁵² Хетч О. Россия... С. 192–193.

сотрудников полиции, а в 1912 г. — своего друга и покровителя Сухомлина. При этом утверждается (правда, без каких-либо доказательств), что благодаря своим разоблачениям и помощи адвоката О.О. Груzenberga Мясоедов получил место председателя «Северо-Западного пароходства» (с. 578). Безосновательными историк считает и обвинения в шпионаже А.О. Альтшиллера.

Деятельность Сухомлина на посту военного министра Попов оценивает в целом положительно, хотя серьёзных доводов в её пользу в тексте не видно. Генерал предстаёт перед читателем человеком, озабоченным прежде всего сохранением личного положения и усилением своего влияния. Не принимая «правила игры» XX в., он отличался неразборчивостью в связях и частной жизни, что облегчало его компрометацию. В мясоедовской истории ему изменил и «здравый смысл» (с. 575).

Попов почему-то считает Сухомлина «чужеродным» элементом в среде высшей бюрократии (с. 137). Его попытка организовать в армии политический сыск, подчинённый военному министру, в 1909 г. не удалась из-за интриг и возражений П.А. Столыпина, рекомендовавшего Сухомлинову уже дискредитированного Мясоедова. В итоге в войсках работала полицейская агентура.

Со своей стороны, министр финансов В.Н. Коковцов стремился установить контроль над расходами военного ведомства и сократить их рост, чему Сухомлинин, опираясь на доверие царя, решительно сопротивлялся. Существовала, по мнению исследователя, и личная неприязнь между сановниками (с. 367).

В марте 1912 г. Коковцов, возглавивший правительство после гибели Столыпина, и министр внутренних дел А.А. Макаров при помощи интриг и односторонней подачи информации втянули в заговор против Сухомлина сотрудников полиции и жандармерии, начальника Главного управления Генерального штаба Я.Г. Жилинского, помощника военного министра А.А. Поливанова, лидера октябристов А.И. Гучкова и ряд второстепенных чиновников. При этом Гучков даже сравнивается с «агентом охранки» и «цепным псом» (с. 285), которого будто бы Коковцов сделал «разоблачителем Мясоедова» и «фактически превратил в вершителя судеб министров» (с. 604), с чем сложно согласиться.

Подробно рассмотрев деятельность Поливанова, Попов наглядно показал, что до 1910–1912 гг. генерал оставался вполне лоялен своему начальству, а его репутация интригана, стремившегося к министерскому креслу, сложилась уже в годы войны и закрепилась благодаря позднейшей мемуаристике, учитывавшей роль, сыгранную им в 1917–1920 гг. Ценные сведения исследователю удалось извлечь из очень информативного дневника Алексея Андреевича, хранящегося в РГВИА и опубликованного лишь фрагментарно. Полное его издание безусловно обогатило бы историческую науку.

В целом, основное внимание автора сосредоточено на событиях весны 1912 г. и их предыстории. Соответствующие сюжеты изложены особенно обстоятельно, едва ли не каждая мысль опирается на блестящий анализ источников. Однако в своих оценках историк далеко не беспристрастен и не всегда корректен. Наиболее ярко это проявляется при характеристике Коковцова, который, если верить Попову, не обладал, в отличие от Столыпина, умением находить компромиссы и «договариваться» с другими деятелями, преследовал личные цели и «предпочитал служить своему фетишу полной кубышки, а не благу страны» (с. 412). Уже в самом начале книги сказано, что Коковцов и Макаров в 1912 г. невольно встали на революционный путь и оказались

«разрушителями государства» (с. 17–18). Именно их борьба с Сухомлиновым и воспринимается автором как «саморазрушение власти».

Между тем, как известно, Коковцов и Сухомлинов в своих воспоминаниях не отрицали ни существовавшей между ними вражды, ни лежавших в основе её серьёзных разногласий. Владимир Николаевич указывал на то, что запросы военного ведомства превышали те суммы, которые оно успевало освоить, и это приводило к накоплению неизрасходованных кредитов⁵³. А Владимир Александрович уверял, что средства перечислялись с запозданием, часто лишь к концу бюджетного года, и именно поэтому их не удавалось своевременно потратить⁵⁴. Очевидно, для выяснения того, как всё обстояло на самом деле, требовалось погрузиться в механизмы финансирования армии в начале XX в. Но Попов лишь бегло затронул эту тему (с. 67–68), оговорив, что её полноценное изучение выходит за рамки его исследования (с. 361). Впрочем, это не помешало ему в заключении полностью солидаризироваться с Сухомлиновым (с. 608–609), не обосновывая свою позицию теми или иными доводами.

Исследователь вообще склонен чрезмерно преувеличивать значение интриг и порою сводит к ним причины крупных политических событий. Возражая против «бытового подхода» к политике, автор нередко сам к нему скатывается. А ведь столкновение Коковцова и Сухомлинова едва ли принципиально отличалось от иных конфликтов, постоянно происходивших (и совершенно неизбежных) в правящей элите. Достаточно вспомнить, к примеру, соперничество С.Ю. Витте с И.Л. Горемыкиным (также сопровождавшееся публичной полемикой) или с В.К. фон Плеве и т.д. Многочисленные склоки между сановниками в 1915–1916 гг. можно объявить «саморазрушением государственности» в той же самой мере. К сожалению, рассказывая о происходившем в 1915 г., Попов по большей части выстраивает умозрительные и зачастую сомнительные предположения. Казнь Мясоедова объясняется в книге происками охранки и товарища министра внутренних дел, командира Корпуса жандармов В.Ф. Джунковского, раздувавшего «шпиономанию» для усиления собственного влияния, добивавшегося популярности и склонного к «заискиванию перед общественными силами» (с. 561). Попов допускает даже наличие некоего «соглашения» между Джунковским и главноуправляющим землеустройством и земледелием А.В. Кривошеиным (с. 611), следствием которого стали не только операции контрразведки, но и «во многом череда отставок министров» (с. 574), включая Сухомлинова. Правда, затем перестановки в правительстве признаются всё же результатом усилий Кривошеина, думской оппозиции и Ставки (с. 595). На рост оппозиционных настроений в Думе скандалы, возникавшие вокруг Сухомлинова, существенно не влияли. Депутатов гораздо больше волновало ограничение их законодательных и финансовых полномочий⁵⁵.

В заключении Попов объясняет конфликт Сухомлинова с другими сановниками тем, что генерал «покушался на фундаментальное право Совета министров определять внутреннюю политику посредством перенаправления денежных потоков». По словам автора, «усилиями Столыпина Совет превратился в могущественного самостоятельного игрока, который для защиты собственной

⁵³ Коковцов В.Н. Из моего прошлого... Кн. I. С. 314–318; Кн. II. М., 1992. С. 99–101.

⁵⁴ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Минск, 2005. С. 234–235.

⁵⁵ Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 / Публ. Б.Д. Гальпериной, З.И. Перегудовой и В.И. Старцева // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 4–5.

независимости рано или поздно бросил бы вызов самодержавию» (с. 610). Но тогда получается, что Коковцов не столько служил «фетишу полной кубышки», сколько отстаивал полномочия объединённого правительства, а также упорядоченное распределение казённых ресурсов между ведомствами. Соответственно действия противников Сухомлинова предстают, вопреки желанию Попова, не заговорами и интригами, вызвавшими «саморазрушение власти», а наоборот, попыткой помешать дезорганизации государственного управления ради удовлетворения интересов военного ведомства и достижения личных целей его руководителя.

Конечно, спор о причинах краха монархии и ответственности за него будет идти ещё долго. Попов сумел удачно осветить ряд сложных частных вопросов, но предложенная им концепция слишком противоречива. К тому же его исследование не лишено мелких фактических ошибок и терминологических неточностей. Например, в 1907 г. государственный переворот заключался не в распространении II Думы (с. 97), на что монарх имел право, а в одновременном издании без одобрения представительными учреждениями нового Положения о выборах. Помощники полковника И. В. Горленко оказываются то унтер-офицерами (с. 100, 103), то — опытными офицерами (с. 147). Названия «Генеральный штаб» и «Главный штаб» используются в книге как синонимы (с. 104 и 114), хотя это разные учреждения. Автор, похоже, путает Генеральный штаб как род службы с Главным управлением Генерального штаба, созданным только летом 1905 г. Так, он пишет о назначении А. Ф. Редигера в 1890 г. «начальником 2-го делопроизводства Генерального штаба» (с. 419), тогда как полковник всего лишь перешёл из одного подразделения канцелярии Военного министерства в другое «с оставлением по Генеральному штабу»⁵⁶. При этом одно и то же подразделение Генерального штаба фигурирует то как «Особое делопроизводство», то как «Особое отделение» (с. 152), а разгромленный под Августовом корпус — то как XX, то как 22-й (с. 555).

Сенаторами Попов почему-то именует членов Государственного совета, а не Правительствующего Сената (с. 138). П. Г. Курлов и Джунковский представлены как шефы жандармов (с. 181, 487 и др.). Однако с 1880 г. шефом жандармов по должности являлся министр внутренних дел, а оба генерала служили командирами Корпуса жандармов, осуществляя непосредственное руководство данной структурой. Упоминается в тексте и «Макаров, назначенный на место Курлова» (с. 380), но именно Курлов в 1909 г. сменил на посту товарища министра внутренних дел Макарова, который никогда не занимал должность, ранее принадлежавшую Курлову. П. М. Михайлов будто бы состоял секретарём комиссии III Думы по государственной обороне (с. 310 и др.). Между тем секретари думских комиссий избирались ими из числа своих членов⁵⁷. Соответственно в той, о которой идёт речь, ими являлись А. И. Звегинцев (в 1907–1910 гг.) и А. З. Танцов (в 1910–1912)⁵⁸. Михайлов же был делопроизводителем думской канцелярии (как и указано на с. 305 и др.). В «число лидеров и видных членов»

⁵⁶ Редигер А. Ф. История моей жизни / Публ. Л. Я. Саеты и Н. В. Ильиной. Т. 1. М., 1999. С. 155, 201; Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Биобиографический справочник. СПб., 2001. С. 558.

⁵⁷ Наказ Государственной думы // Дёмин В. А. Государственная дума России (1906–1917). М., 1997. С. 192.

⁵⁸ Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия I. СПб., 1908. С. 31; Сессия III. СПб., 1910. С. 83; Сессия V. СПб., 1912. С. 106.

правой группы Государственного совета автором включены гр. Витте, ни к каким фракциям не принадлежавший, и барон Ю.А. Икскуль фон Гиндельбанд (с. 463), входивший с 1910 г. в кружок внепартийного объединения⁵⁹.

Тем не менее, несмотря на недочёты, работа А.М. Попова вносит существенный вклад в историческую науку.

Артем Евдокимов: Ещё одно исследование хорошо изученной темы

Artem Evdokimov (Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod): Another study of a well-studied topic

DOI: 10.7868/S3034579025060165

В книге А.М. Попова освещается влияние «дела Мясоедова» и «дела Сухомлинова» на политический кризис в Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны, завершившийся разрушением монархии в 1917 г. Однако данный сюжет к настоящему времени довольно хорошо изучен. Конечно, советские историки, по понятным причинам, оценивали деятельность С.Н. Мясоедова и В.А. Сухомлинова весьма тенденциозно⁶⁰, но уже К.Ф. Шацилло⁶¹ и А.Я. Аврех⁶² писали о ней более взвешенно. В зарубежной историографии наиболее подробно эту проблематику рассмотрел У. Фуллер⁶³. В России появились работы О.Р. Айрапетова⁶⁴, Е.В. Бея⁶⁵, А.В. Евдокимова и Ф.А. Селезнёва⁶⁶. В общем и целом эти публикации раскрывают практически все аспекты борьбы вокруг «дела Сухомлинова».

Исследование Попова производит неоднозначное впечатление. Пытаясь сделать книгу более понятной широкому кругу читателей, автор составил её из ряда очерков, не указав во введении ни целей, ни задач своего труда, хронологические рамки которого только обозначены, но никак не обоснованы (с. 19). Несколько затрудняет знакомство с текстом и отсутствие именного указателя.

⁵⁹ Государственный совет Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохов. М., 2008. С. 38, 107.

⁶⁰ См., например: *Анушкин В.А. Генерал от поражений В.А. Сухомлинов. Л., 1925; Сейдаметов Д., Шляпников Н. Германо-австрийская разведка в царской России. М., 1939.*

⁶¹ Шацилло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 103–116.

⁶² Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989; Аврех А.Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. Т. 118. М., 1990. С. 72–101.

⁶³ Фуллер У. Указ. соч.

⁶⁴ Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917. М., 2003; Айрапетов О.Р. «Дело Мясоедова». ХХ век начинается...; Айрапетов О.Р. Дело Мясоедова: предвыборные технологии...

⁶⁵ Бей Е.В. Военный министр...

⁶⁶ Евдокимов А.В. Политическая борьба вокруг «дела Сухомлинова» (1915–1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2017; Евдокимов А.В., Селезнев Ф.А. Комиссия генерала Н.П. Петрова и материалы, компрометирующие бывшего военного министра В.А. Сухомлинова (1915–1916) // Новейшая история России. 2017. № 2(19). С. 216–227; Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Некоторые обстоятельства отставки военного министра Сухомлинова // Вестник СПбГУ. Сер. История. Т. 62. 2017. Вып. 3. С. 481–496; Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Роковая женщина...; Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Суд над генералом...

Судя по вполне удовлетворительному историографическому обзору (с. 19–66), Попов достаточно свободно ориентируется в современной литературе, но, похоже, прежде всего стремится опровергнуть сделанные в ней выводы, особенно касающиеся роли А.И. Гучкова и А.А. Поливанова. При этом автор риторически восклицает: «Можно долго продолжать список несущественностей, превратившихся уже в устойчивые мифы» (с. 66).

Пересмотр сложившихся представлений, очевидно, требовал анализа множества источников, но их характеристика (с. 66–85) является одним из самых слабых мест книги. Попов бегло перечислил использованные им газеты и выборочно затронул ряд дел, хранящихся в фондах штаба Отдельного корпуса жандармов (ГА РФ, ф. 110), который почему-то представлен как «фонд Департамента полиции (ф. 110)» (с. 76), и Гучкова (ГА РФ, ф. 555), подробнее оставившись лишь на дневниках А.В. Богданович (РГИА, ф. 1620) и А.А. Поливанова (РГВИА, ф. 89), а также на материалах Комиссии генерала Н.П. Петрова (РГВИА, ф. 962). По словам историка, её «фонд пронизан предвзятостью суждений, но это не означает, что собранные документы подложны». Тут же не без наивности утверждается, будто «вообще, до сих пор никто из исследователей не обратил внимания на то, что количество документов по расследованиям, связанным с Мясоедовым, огромно» (с. 68). Как ни странно, автор не заметил, насколько часто его предшественники обращались к этим делам. Удивительно и то, что он пропустил опубликованный ещё в 2021 г. сборник «Суд над генералом В.А. Сухомлиновым: документы и материалы (1912–1917 гг.)», размещённый в свободном доступе в Интернете. В него вошло немало свидетельств, обнаруженных нами в ГА РФ, РГИА и РГВИА, которые важны для понимания не только «дела Мясоедова», но и «дела полковника Иванова и других», деятельности комиссии Петрова, предварительного следствия, подготовки и проведения суда над Сухомлиновым.

В частности, там приведено письмо Гучкова, сообщившего 7 августа 1915 г. генералу М.В. Алексееву: «Председатель К[омис]сии Ник[олай] Павл[ович] Петров советовался со мною на этих днях, как направить работы К[омис]сии»⁶⁷. И это далеко не единственный пример участия Гучкова в борьбе с Сухомлиновым, которое явно недооценивается Поповым.

Трудно что-либо сказать и о том, на какие принципы и методы опирался историк в своём исследовании. Книга его во многом носит описательный характер, а наблюдения зачастую далеко не новы, как, например, констатация того, что «высшие государственные сановники, лидеры парламентских фракций, издатели крупнейших столичных газет вели информационную войну с режимом и считали это нормой» (с. 611). Для осмыслиения же причин и последствий этой борьбы не следовало бы игнорировать те возможности, которые открывает применение теории элит⁶⁸.

Конечно, книга А.М. Попова имеет право на существование. В ней можно найти и сведения, взятые из новых интересных источников, и оригинальную, порой слишком вольную, интерпретацию различных событий и фактов. Вероятно, она будет способствовать популяризации политической истории последних лет существования Российской империи и привлечёт дополнительное внимание к деятельности Мясоедова и Сухомлинова.

⁶⁷ Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Суд над генералом... С. 116.

⁶⁸ Подробнее см.: Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Роковая женщина...

Надежда Винюкова: «Тёмные» стороны межведомственного взаимодействия

*Nadezhda Vinyukova (Bauman Moscow State Technical University, Russia):
The «dark» sides of interagency cooperation*

DOI: 10.7868/S3034579025060173

В центре исследования А.М. Попова – фигура жандармского полковника С.Н. Мясоедова, казнённого в марте 1915 г. по обвинению в шпионаже в пользу Германии. Автор проливает свет на ранее неизвестные аспекты становления российской контрразведки, попытки организации политического сыска в армии, раскрывает «тёмные» стороны межведомственного взаимодействия в империи и убедительно демонстрирует агонию системы, созданной П.А. Столыпином после изменения 3 июня 1907 г. избирательного закона.

Символично, что именно в 1907 г. на судебном процессе, проходившем в Вильне в начале апреля, Мясоедов разоблачил полицейского провокатора, нажив влиятельных врагов в МВД. Тем самым он сделал первый шаг к эшафоту. А уже осенью самой многочисленной партией в III Думе стал «Союз 17 октября» во главе с А.И. Гучковым, который помог Мясоедову проделать оставшийся путь.

Попов приводит убедительные аргументы, позволяющие пересмотреть устоявшееся в историографии представление о глубокой вражде между Сухомлиновым и Гучковым до весны 1912 г. В частности, историк показывает, что прекращение деятельности «кружка младотурок», объединявшего в 1908–1910 гг. членов думской Комиссии по государственной обороне и ряд служащих Военного министерства, объяснялось сменой настроений монарха и поисками правых, тогда как Сухомлинов ничего не имел против её продолжения и даже потворствовал передаче секретных документов лицам, имевшим к ней отношение. Со своей стороны, Гучков поддерживал военного министра в борьбе с начальником Главного артиллерийского управления Д.Д. Кузьминым-Караваевым и генерал-инспектором артиллерии вел. кн. Сергеем Михайловичем (с. 294–330). Разумеется, это не помешало лидеру октябрьстов развернуть в 1912 г. против Мясоедова и Сухомлинова газетную кампанию, однако фактически она направлялась и обеспечивалась информацией руководством МВД и его Департамента полиции, а также начальством Главного управления Генерального штаба и его Особого делопроизводства, которые действовали в интересах председателя Совета министров В.Н. Коковцова (с. 228, 284, 337). Таким образом, по словам Попова, «Гучков не был политическим тяжеловесом, бросившим вызов военному министру, но стал агентом охранки, цепным псом, которому в надлежащий момент скомандовали «фас!» и спустили с привязи» (с. 285).

Автор монографии связывает это не с личными обидами, а с тектоническими сдвигами, изменившими политический ландшафт Российской империи. Если при Столыпине лояльность октябрьстов правительству обеспечивала проведение реформ, то Коковцову, который отказался от открытой поддержки какой-либо парламентской партии и перешёл к закулисным соглашениям, они были нужны для интриг против коллег, проявлявших излишнюю независимость. При этом, сделав Гучкова разоблачителем Мясоедова и позволив ему вершить судьбы министров, Коковцов опрометчиво разжигал его политические амбиции и претензии на роль серого кардинала, в чьих руках находится реальная власть (с. 604).

Сергей Сергушкин: Дело закрыто?

*Sergey Sergushkin (State Historical Museum, Moscow, Russia):
Is the case closed?*

DOI: 10.7868/S3034579025060188

Как утверждает А.М. Попов, в интригах против военного министра В.А. Сухомлинова участвовали вел. кн. Николай Николаевич (младший), В.Н. Коковцов, А.А. Макаров, К.И. Гершельман, А.М. Ерёмин, В.Ф. Джунковский, А.А. Поливанов, Н.А. Монкевич и др. Причём ещё П.А. Столыпин, располагая материалами, уличавшими отставного жандармского полковника С.Н. Мясоедова в сомнительных коммерческих операциях, почему-то рекомендовал в 1909 г. Сухомлинову назначить данного офицера начальником Петроградского контрразведывательного отделения (с. 599). По мнению автора монографии, делалось это с расчётом на последующую дискредитацию главы военного ведомства. И хотя предполагавшееся назначение не состоялось, а со временем Столыпину и Сухомлинову удалось наладить конструктивный диалог, заложенная тогда информационная бомба сдетонировала позднее, и «дело Мясоедова» превратилось в один из крупнейших скандалов, ударивших по авторитету власти.

Непросто складывались и отношения между Сухомлиновым и вел. кн. Николаем Николаевичем (младшим). Принято считать, что после 1908 г. их взаимная неприязнь переросла в откровенную вражду⁶⁹. Однако, как указывает Попов, это случилось не ранее марта 1915 г., т.е. уже после ареста и казни Мясоедова. До того, судя по многочисленным примерам, приведённым в монографии, они пытались сотрудничать, и даже отмена военно-стратегической игры 1910 г., вопреки воспоминаниям Сухомлинова, не имела решающего значения для их противостояния (с. 433, 439–448, 557–559). По мнению Попова, оно обострилось во многом благодаря командиру Отдельного корпуса жандармов Джунковскому, который всячески поощрял шпиономанию и стремился любыми средствами сфабриковать «дело Мясоедова» (с. 551, 553, 561, 563, 566). С виду вполне рациональная задача – объединение разрозненных органов контрразведки (разумеется, под руководством самого Джунковского) – решалась самыми безобразными методами. Впрочем, в хитросплетении интриг, описанных Поповым, трудно отыскать хотя бы одного положительного и не запятнанного чем-либо персонажа. Собственно и Мясоедов, ставший разменной монетой в чужой игре, ничем не напоминал невинного агнца. Шантажируя Сухомлинова, он подтолкнул к пропасти и его, и себя.

Масштаб революционных потрясений 1917 г. делает поиск их причин неисчерпаемым. Монография А.М. Попова, раскрывая одну из граней этой сложной проблемы, демонстрирует шокирующую картину разложения, в том числе и морально-нравственного, системы управления империей в начале XX в. Этим автор и объясняет как падение монархии, так и критическую неэффективность всего государственного аппарата России в годы Первой мировой войны.

⁶⁹ Айрапетов О.Р. «Дело Мясоедова». XX век начинается... С. 113.

Кирилл Соловьёв: «Дело Мясоедова» и особенности российского конституционного строительства начала XX в.⁷⁰

Kirill Soloviev (HSE University, Moscow, Russia; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): «Myasoedov's case» and the peculiarities of Russian constitutional construction at the beginning of the 20th century

DOI: 10.7868/S3034579025060193

Изучение «дела Мясоедова», неоднократно изложенного в историографии, требует особого авторского ракурса, позволяющего не повторяться и, что ещё важнее, в малом увидеть большое. А.М. Попов предложил взглянуть на него как на эпизод межведомственной и политической борьбы, в которой министры сталкивались с министрами, партии с партиями, правительство с депутатами, все — со всеми, включая прессу, общественные организации и съезды и т.п. Между революцией 1905–1907 гг. и Первой мировой войной в России родилась публичная политика, и это существенно изменило правила игры — заметно увеличилось число участников законотворческого процесса, возросло значение общественного мнения, с которым так или иначе приходилось считаться и правительству, и представительным учреждениям.

Попов исследовал колоссальный корпус источников из трёх архивов, просмотрел около 20 газет, основательно проработал лишь частично опубликованные и поразительные по информативности дневники А.А. Поливанова, позволяющие заглянуть за кулисы управления государством. Анализируя их, историк сделал ряд интересных наблюдений о тесном взаимодействии правительственныех и думских кругов и порой непримиримых конфликтах между бюрократическими структурами. Впрочем, и депутаты чаще всего занимали отнюдь не конструктивную позицию. В итоге торжествовал плавтовский принцип «человек человеку — волк», что заставляет думать об обречённости строя, неизбежно подразумевавшего «войну всех против всех».

Политическая система Российской империи той поры была довольно сложно устроена: этот слоёный пирог пекли десятилетиями, и каждый новый слой нарастал над старым, не упраздня его. Так, даже после 1905 г. руководители ведомств мало зависели от председателя Совета министров и отнюдь не всегда координировали с ним свои шаги. В некоторых случаях их назначения осуществлялись помимо желания главы правительства, являвшегося объединённым лишь отчасти⁷¹. В то же время думские фракции были слабо организованы и плохо дисциплинированы. В особенности этим отличались октябрьцы, балансирующие на грани развала с 1906 г.⁷² По сути, шла сложная игра с постоянно менявшимися правилами и множеством фигур разной величины: и отдельные депутаты, и их группы, и «кабинет» и его члены. Порою между ними выстраивались самые причудливые альянсы. В апреле 1912 г., открывая кампанию в прессе против В.А. Сухомлинова, А.И. Гучков рассчитывал поддержать премьер-министра В.Н. Коковцова в его противостоянии с гене-

⁷⁰ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

⁷¹ Соловьёв К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 133–143.

⁷² Там же. С. 167–187.

ралом⁷³. Расчёт оказался неверным, и вскоре военный министр праздновал победу, хотя, возможно, она и стала пирровой. И в правительстве, и в Государственном совете многих разочаровало увольнение его помощника Поливанова, близкого к Гучкову⁷⁴.

Государственная дума, конечно, не была всемогуща, однако представляла собой тогда значимый, самостоятельный центр силы, наделённый бюджетными правами, которые позволяли и Сухомлинову, и его коллегам с выгодой для себя маневрировать между «скаредным» министром финансов и порой более щедрыми народными представителями. Собственно и активное вмешательство Думы в военные дела объяснялось не доброй волей П.А. Столыпина, а наличием у неё бюджетных полномочий. Определяя сметы военного и морского ведомств, она могла корректировать их политику, настаивать на предоставлении долгосрочных программ и т.п.

Устойчивой поддержки в Думе у правительства не было ни при Столыпине, несмотря на все его усилия, ни после него. В условиях, когда законодательные палаты играли двойственную роль политического и корпоративного представительства⁷⁵, любое голосование превращалось в комбинацию депутатских договорённостей и частных интересов. Его исход не гарантировал даже соглашение фракций, которого трудно было добиться, особенно если речь шла о каких-то совместных действиях. Систему ещё более усложняло и запутывало то, что в центре её стоял император, от которого многое зависело, поскольку и тогда, когда он предпочитал молчать, окружение пыталось угадать его желания и мысли, подчиняя им логику своих решений.

В результате политический процесс был слабо упорядочен, не всегда предсказуем и в известной мере хаотичен. Его нельзя описать с помощью бинарной конструкции, где есть белые и чёрные, сторонники царской власти и её противники, правительство и оппозиция. Своеобразное «броуновское движение» той поры легче понять, если учесть, что ключевые игроки выстраивали между собой договорённости, обмениваясь услугами, достигали компромиссов и некоего баланса интересов. Так складывались сетевые связи, в которые включались бюрократические учреждения, депутатский корпус, разнообразные группы влияния, лоббистские объединения, региональные элиты, органы печати.

Поэтому роль и возможности высших государственных учреждений не стоит преувеличивать, но и не надо преуменьшать, как это иногда делается в книге Попова. Тот же Совет министров с октября 1905 г. уже не являлся сошвешательным органом, но играл роль правительства, которое до того времени в Российской империи фактически отсутствовало. Конечно, его прерогативы определялись в законодательстве без должной конкретизации, а некоторые правовые нормы их заметно ограничивали, закрепляя, например, особый статус глав военного, морского и внешнеполитического ведомств. И всё же политическая система, юридически оформленная в 1905–1906 гг., нуждалась в координационном центре, способном вести диалог с депутатским корпусом, так как сама природа конституционной монархии подразумевала, что

⁷³ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред. В.В. Шелохаев, сост. К.А. Соловьёв. М., 2014. С. 237.

⁷⁴ Там же. С. 241.

⁷⁵ Соловьёв К.А. Парламент империи или парламент против империи // Новое литературное обозрение. 2024. № 188. С. 60–65.

император не несёт ответственность за управление страной и не подлежит критике⁷⁶.

На практике, как верно отмечает Попов, многое зависело от личных качеств председателя Совета министров. Столыпин немало сделал для того, чтобы повысить значение данного поста. При его преемниках ситуация заметно изменилась⁷⁷. Тем не менее и под руководством И.Л. Горемыкина Совет министров оставался правительством, пускай и не всегда эффективным и консолидированным. Проблема же заключалась не в его притязаниях на власть, а скорее в том, что многое препятствовало осуществлению им своих прямых обязанностей, в особенности в условиях Первой мировой войны. Ведь существование объединённого правительства сочеталось с сохранением всеподданнейших докладов министров, отвечавших исключительно перед императором, который их назначал и увольнял, не всегда считаясь с мнением премьера.

После 1911 г. влияние правительства скорее уменьшалось, а главы ведомств всё чаще оказывались в «оппозиции» к председателю Совета министров. В 1914 г. ситуация усугубилась из-за предоставления обширных полномочий Ставке верховного главнокомандующего. Но и депутаты Государственной думы были обижены ограничением своей деятельности в условиях войны. Иными словами, со временем правила политической игры только усложнялись, а внутренние конфликты обострялись.

Причём все эти процессы разворачивались в публичном поле. Попов пишет о том, что оппозиция вела информационную борьбу с режимом. Действительно, её лидеры (тот же Гучков и др.) использовали печать и общественное мнение для критики государственных учреждений, отдельных сановников и представителей «высших сфер». Однако сами они также являлись элементами того же режима. Их конкуренция друг с другом, с правительством, различными министерствами и группами интересов – специфическая черта тех лет, кстати, далеко не только российская. Парламентаризм, выборы, партийная борьба невозможны без политической торговли, когда все друг для друга – контр-агенты и вместе с тем конкуренты. В полной мере это относится и к «Союзу 17 октября», претендовавшему на роль конструктивно мыслившего партнёра исторической власти.

Не вполне точно утверждать, будто политическим партиям в ходе избирательных кампаний в Государственную думу приходилось «заискивать перед толпой». Согласно закону 3 июня 1907 г. отнюдь не «толпа» определяла исход голосования, а различные элитарные группы, представлявшие местных собственников, корпорации, органы самоуправления и т.п. В том-то и дело, что в Думе и в реформированном Государственном совете заседали отнюдь не случайные люди, а фигуры, пользовавшиеся известностью и влиянием в губерниях, имевшие прочные связи в правящих кругах. Их мнения и интересы нельзя было игнорировать. Причём у тех же октябрьистов в условиях «третьеиюньской системы» была довольно устойчивая избирательная база, так как они могли

⁷⁶ Министерская система в Российской империи: к 200-летию министерств в России / Сост. Д.И. Раскин. М., 2007. С. 113–114; Соображения министра внутренних дел по некоторым вопросам, возникающим при осуществлении высочайших предуказаний, возвещённых в рескрипте 18 февраля 1905 г. (РГИА. Библиотека. Коллекция печатных записок. № 8. С. 3).

⁷⁷ Флоринский М.Ф. Совет министров 1911–1914 гг. (Кабинет В.Н. Коковцова) // Исследования по русской истории. К 65-летию И.Я. Фроянова. Ижевск, 2001. С. 366–375.

рассчитывать на поддержку земских собраний, чей голос авторитетно звучал при проведении выборов в Думу.

В книге Попова упомянуто много имён и событий, рассмотрено немало документов, в том числе неопубликованных. Но за бесчисленными «деревьями» всё-таки должен просматриваться «лес», а за случайным, сколько бы всего от него ни зависело, — то, что связано с существенными особенностями российской истории думского периода. В монографии акцент сделан на интригах всех против всех, которые, по мысли автора, и определяли характер политической жизни начала XX в. И это вполне логично: дело Мясоедова — как раз результат подобных конфликтов, взвинченного общественного настроения и просто стечения обстоятельств. Однако это лишь часть обширной картины. Вместе с тем происходило и нечто более важное: постепенно складывался порядок взаимодействия властей, партий, общественных объединений, началось становление парламентского — по сути, обычного — права, налаживались формы сотрудничества, что, разумеется, не исключало кризисов, конфликтов, системных сбоев, внутренних противоречий. При этом межведомственные столкновения, оставшиеся России в наследство от времён, предшествовавших революции 1905–1907 гг., парадоксальным образом скорее способствовали укреплению положения представительных учреждений, умело вмешивавшихся в эту борьбу. Это был динамичный и довольно драматический процесс, развернувшийся «за два шага до бездны». Но была ли империя обречена на крушение? Думаю, нет. Обновление её политической системы, находившейся в состоянии сборки, допускало как возможности роста, так и известные риски, которые в уникальных обстоятельствах военного времени оказались чрезмерными.

Институты и общности

Деятельность петроградского славянофильского общества «Славянские трапезы» в период Первой мировой войны

Дмитрий Стогов

The activities of the Petrograd Slavophile society «Slavic Meals» during the First World War

Dmitrii Stogov

(Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI», Russia)

DOI: 10.7868/S3034579025060209

Политическая ситуация в России в годы Первой мировой войны уже более ста лет является предметом острых научных дискуссий. Анализируя причины и механизмы кризиса государственности, приведшего к Февральской революции, исследователи пытаются ответить на вопрос о возможности избежать свержения династии Романовых. При достаточно слабом развитии политических институтов гражданского общества, в том числе партий, особое внимание при изучении опыта общественной самоорганизации в самодержавной России привлекают салоны, кружки, «беседы» и другие неофициальные группы, участники которых в неформальной обстановке обсуждали актуальные проблемы литературной, религиозной и политической жизни. Важное место среди них занимали объединения консервативного направления, отстаивавшие монархическую форму правления, особую роль православной Церкви и критиковавшие не только революционное движение, но и либеральную идеологию.

В историографии замечено, что к середине 1910-х гг. произошло «измельчание» таких групп, а их политическое влияние заметно снизилось, особенно после смерти в 1914 г. организаторов крупнейших салонов Санкт-Петербурга – кн. В.П. Мещерского и генерала Е.В. Богдановича¹. Вместе с тем слабоизученными остаются различные не столь известные, но достаточно представительные по количеству участников объединения правого толка, в частности славянофильское общество «Славянские трапезы», основанное в Санкт-Петербурге в начале 1912 г. До сих пор оно привлекало внимание исследователей в основном при изучении общественных настроений в России во время Балкан-

---

© 2025 г. Д.И. Стогов

¹ Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга–Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб., 2007; Леонов М.М. Российские салоны второй половины XIX – начала XX веков: патронат и протежирование. Самара, 2010; Гайдя Ф.А. «Кабинет» князя Н.Д. Голицына и поиски политического курса зимой 1916–1917 гг. // Российская история. 2020. № 1. С. 75–90; Друзин М.В. Е.В. Богданович: общественный деятель пореформенного времени // Российская история. 2020. № 1. С. 91–101; Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов и салон Богдановичей // Российская история. 2020. № 1. С. 101–107; Котов А.Э. «Ненадёжный друг»: А.С. Суворин и салон Богдановичей в конце XIX в. // Российская история. 2020. № 1. С. 107–114; Шруба М. К типологии литературных объединений в дореволюционной России // Rhema. Рема. 2020. № 4. С. 23–48; Стогов Д.И. Правые кружки Петрограда в предреволюционной политической борьбе (июль 1914 – февраль 1917 гг.). СПб., 2020.

ских войн². По замечанию А.А. Поповкина, уже тогда на мероприятиях этого общества «происходило сближение консервативных и умеренно-либеральных панславистов»³. Как показала М.М. Беклемишева, звучавшая на них критика правительской политики по отношению к Австро-Венгрии и Германии на рубеже 1912–1913 гг. сыграла заметную роль в отставке с должности главного редактора «Правительственного вестника» А.А. Башмакова — одного из устроителей «Славянских трапез», видного публициста панславистского направления, правоведа, члена Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества, в котором он занимал пост товарища (заместителя) председателя в середине 1910-х гг.⁴

Между тем данные о деятельности петроградских «Славянских трапез» во время Первой мировой войны в научной литературе ограничиваются упоминанием отдельных собраний и краткой характеристикой взглядов некоторых участников, включая призывы к борьбе с «немецким засильем»⁵. Цель настоящего исследования — восполнить лакуны в истории этого общества в военное время, определить состав его участников, организационные особенности, охарактеризовать обсуждавшиеся вопросы и предпринятые инициативы, оценить влияние «Славянских трапез» на формирование правительского курса во внешней и внутренней политике в июле 1914 – феврале 1917 г.

Следует отметить, что в обозначенных хронологических рамках наиболее подробно источники позволяют восстановить работу объединения только в первые девять месяцев войны, означененные наиболее крупными успехами русской армии. Прежде всего этому способствуют опубликованные самим обществом «известия», в которых приведены отчёты о прошедших в августе–октябре 1914 г. заседаниях⁶. Кроме того, ряд собраний «Славянских трапез» получил освещение в газетах, в основном консервативного направления («Новое время», «Земщина», «Русское знамя» и др.), в июле–сентябре 1914 г. и в феврале–марте 1915 г. После активных наступательных действий германских войск в 1915 г. и приобретения войной затяжного характера пространные отчёты о деятельности «Славянских трапез» в периодике исчезли, перестали выходить

² Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге: 1858–1921 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013. С. 409, 450–451; Гайдя Ф.А. Власть и общественность в России в период кризиса Третьеионьской системы: диалог о путях политического развития (1910–1917 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016. С. 360, 381–382; Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос: идеальная борьба в российском обществе в начале XX века. М., 2017. С. 276; Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М., 2020. С. 116–118, 282, 286.

³ Поповкин А.А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге... С. 450.

⁴ Беклемишева М.М. А.А. Башмаков (1858–1943): общественно-политические взгляды и деятельность в дореволюционной России. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. С. 25, 108–110, 287–299, 306.

⁵ Савинова Н.В. Российский национализм и немецкие погромы в России в годы Первой мировой войны: 1914–1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. С. 16, 58; Розенталь И.С. Образованное общество и народ // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 414–423; Стогов Д.И. Славянофильские общества и салоны в годы Первой мировой войны // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XVII международной научной конференции, Иваново, 28–29 марта 2018 г. Иваново, 2018. С. 336–339.

⁶ Известия Славянских трапез. № 2. Пг., 1914; Известия Славянских трапез в Петрограде за сентябрь и октябрь. 1914 год. Пг., 1915.

«известия» самого общества. Достаточно подробная информация о последних его собраниях в 1917 г. обнаруживается уже в ведомственных документах, а именно в донесениях Л.К. Куманина, чиновника особых поручений при председателе Совета министров, заведовавшего Министерским павильоном при Государственной думе⁷. Отрывочные сведения о «Славянских трапезах» за разные годы присутствуют в мемуарной литературе и в материалах перлюстрации Департамента полиции. Поэтому дальнейшее освещение деятельности этого общества будет разбито на две части, охватывающие июль 1914 – март 1915 г. и январь–февраль 1917 г. и позволяющие судить как об основных характеристиках, так и о переменах в настроениях его участников, произошедших к концу правления Николая II.

Круг участников и детали деятельности «Славянских трапез» устанавливаются в основном по данным о еженедельных собраниях в виде обедов (трапез или банкетов), устраивавшихся, как правило, по четвергам в вечернее время⁸. Эти заседания нумеровались и, например, 4 сентября 1914 г. состоялся 135-й славянский обед. Их организацией занимался специальный Комитет трапез, располагавшийся в здании Русского купеческого общества для взаимного вспоможения (Владимирский проспект, 12). В 1914 г. секретарём комитета являлся П.В. Лавров⁹. Место проведения обедов не было постоянным. Осенью 1914 г. они организовывались в ресторане гостиницы «Астория» на Исаакиевской площади, располагавшемся напротив здания бывшего германского посольства. Для участия в 135-м заседании требовалось заплатить 2 руб., а из-за ограниченного количества мест – предварительно записаться по телефону: «Астория – швейцару»¹⁰. Финансовые расходы, в том числе на отправку многочисленных телеграмм и издание «Известий Славянских трапез», ложились на всех участников собраний. К примеру, на 133-й трапезе они собрали на цели общества 70 руб. 90 коп.¹¹

Во время Первой мировой войны на заседаниях «Славянских трапез» обычно председательствовал генерал от инфanterии в отставке А.П. Скугаревский¹² – активный участник (с 1915 г. товарищ председателя) столичного Славянского благотворительного общества. В ряде случаев руководство обедами брали на себя Башмаков и публицист национал-прогрессивного направления Б.Б. Глинский. К наиболее активным участникам собраний относились младший брат П.А. Столыпина Александр (председатель Общества славянской взаимности), профессор В.М. Бехтерев¹³ (возглавлял Общество славянского научного единения), член Государственной думы Н.Н. Львов, публицист славянофильского направления А.Н. Брянчанинов и др.

Среди присутствовавших на обедах преобладали высшие чиновники, промышленники и предприниматели, военные, а также представители интелли-

⁷ Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 23–24; № 6. С. 23–24.

⁸ Одна из трапез в марте 1915 г. затянулась до полуночи, а заседание 19 февраля 1917 г. пришлось на воскресенье (Л.З. Среди славянофилов // Русское знамя. 1915. 29 марта. № 70. С. 2; Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 23).

⁹ Известия Славянских трапез. № 2. С. 8.

¹⁰ Новое время. 1914. 3(16) сентября. № 13821. С. 5.

¹¹ Известия Славянских трапез. № 2. С. 5.

¹² Л.З. Среди славянофилов. С. 2.

¹³ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 10.

генции славянофильского и панславистского направлений, в том числе члены славянских организаций столицы: Славянского благотворительного общества, Общества славянской взаимности, Общества славянского научного единения, Галицко-русского благотворительного и Чешского вспомогательного обществ и др. Согласно пространному отчёту Л.Т. Злотникова о трапезе, прошедшей, судя по всему, в четверг 26 февраля 1915 г., среди выступавших отмечены председатель московского Общества экономического возрождения России В.В. Шепетовский и председатель московских трапез В.А. Монастырёв¹⁴. Некоторые обеды посещали представители союзных государств. Так, на 141-м обеде 16 октября 1914 г. присутствовали сербский (М.И. Спалайкович) и греческий (И. Драгумис) посланники, помощник французского военного атташе майор Верлен, британские офицеры майор Кэмпл, капитан Симпсон и поручик Аллей, секретарь бельгийской миссии барон Ф. де Селис-Фансон, японские военные агенты полковник Одагири и майор Изоме, черногорский протосинкелл Мардарий (Ускокович) и фотограф Е.Л. Мрозовская¹⁵.

В прессе отмечалась популярность этих собраний. По сообщению одного из репортёров, «небывалым ещё многолюдством» отличилась трапеза 4 сентября 1914 г.¹⁶ В этот день в ресторане гостиницы «Астория» собрались более 250 человек. На следующих заседаниях численность участников росла и 16 октября превысила 350 человек¹⁷. Позднее известный историк М.В. Шахматов вспоминал, что во время войны славянофильские объединения получили сильное развитие, но «особенно посещаемыми были “Славянские трапезы”, салон Брянчанинова и Общество славянской взаимности, причём трапезы оказались «самыми шумными»¹⁸. Заинтересованные в расширении своих рядов устроители славянских обедов предлагали всем, кто разделял основные положения принимавшихся на заседаниях постановлений, направлять письменные обращения в Комитет трапез с выражением поддержки и «единения» (с указанием личных данных отправителя; допускались и коллективные письма). Также приветствовались конкретные предложения по борьбе с «немецким засильем»¹⁹.

Идеология рассматриваемого объединения базировалась на славянофильской и панславистской концепциях. Как отмечал Шахматов, на трапезах «произносились зажигательные речи, разогревавшие славянофильские чувства петроградского общества», и он сам на одном из заседаний прочитал свою поэму «В русском Царыграде»²⁰. Хотя многие участники собраний придерживались консервативных взглядов, в их идеологических установках наблюдалось определённое разнообразие, подвергшееся критике на страницах черносотенной газеты «Русское знамя». Посетив «славянский праздник»²¹ в петроградском Народном доме, автор опубликованной 20 февраля 1915 г. статьи посетовал на то, что среди его участников значительное место стали занимать «славя-

¹⁴ Зло Л. Среди славян // Русское знамя. 1915. 1 марта. № 49. С. 2.

¹⁵ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 10.

¹⁶ Земщина. 1914. 6 сентября. № 1775. С. 4.

¹⁷ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 3, 5–6, 10.

¹⁸ Шахматов М.В. Последние дни Мариинского дворца и Петрограда. Прага, 1927 г. / Публ. М.В. Сидоровой // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. Т. 14. М., 2005. С. 684.

¹⁹ Известия Славянских трапез. № 2. С. 8; Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 15.

²⁰ Шахматов М.В. Указ. соч. С. 684.

²¹ Вероятно, речь идёт о торжественном собрании славянских обществ Петрограда, которое состоялось 13 февраля 1915 г. (Русское знамя. 1915. 4 февраля. № 27. С. 4).

нофильстующие радикалы», именовавшие себя «неославистами» и отрицающие «духовную сердцевину чистой славянской идеологии», из-за увлечения «революционно-республиканскими принципами». Признавая, что не все славяне должны быть под российским «державным господством», он утверждал, что славянству следует находиться в неразрывной связи с «русскими идеалами», «под государственным и моральным водительством России и русского народа», а славянским народам — при непрекращающемся «идейном руководительстве» России. Автор выразил озабоченность тем, что среди славянства получила распространение «международная космополитическая ересь», и для утверждения славянской идеи призывал русских неуклонно придерживаться «лозунга святой Руси», «православия, самодержавия и народности», «чистого, без всякой парламентской примеси монархизма и национализма», осознавая, таким образом, как свои, так и «всеславянские» задачи²². В связи с этим примечательно признание одного из представителей русского национализма А.И. Савенко в письме к Скугаревскому: «Я считаю, что русское славянофильство с течением времени будет всё более и более выходить на дорогу здорового национализма, очищаясь от бюрократически-космополитических элементов»²³.

Первоначально трапезы устраивались для «совместного обсуждения всех вопросов, касающихся общеславянского дела»²⁴. В годы Первой мировой войны центральное место среди тем, поднятых на банкетах, заняли судьба славянства после ожидаемого разгрома противников Антанты²⁵ и борьба с «немецким засильем», или, как его определяли участники собраний, «с мирным порабощением нашей Родины»²⁶. На трапезах поднимались и другие вопросы внешней и внутренней политики, военной и экономической обстановки, включая контакты с союзниками, позицию Болгарии (до октября 1915 г. сохранявшую нейтралитет), положение военнопленных, переход промышленности на военные рельсы, идею введения сухого закона, а также предпринимались различные благотворительные акции.

В первые месяцы после подписания Николаем II 20 июля 1914 г. Манифеста о войне при рассмотрении на славянских обедах всех вопросов отмечалось влияние патриотического подъёма и стремление изъявить верноподданнические чувства. Уже 31 июля на 130-й трапезе горячо приветствовались слова императора, обращённые к членам Государственного совета и Государственной думы на высочайшем приёме 26 июля о том, что «объединение славян происходит также крепко и неразрывно с Россией». По мнению участников славянского банкета, этим заявлением царя открывалась «новая эпоха в истории всего славянского мира», ведущая к реализации «старых славянофильских идей». Полагая наступившее мировое противостояние «последней свободительной войной для всего славянства», они обрисовали программу будущего политического обустройства славянских народов «на началах национального само-

²² -нб. На злобы дня // Русское знамя. 1915. 20 февраля. № 41. С. 1.

²³ Представительные учреждения Российской империи в 1906—1917 гг.: материалы перлюстрирования Департамента полиции / Сост. В.В. Шелохов, К.А. Соловьёв. М., 2014. С. 428.

²⁴ Известия Славянских трапез. № 2. С. 7.

²⁵ Л.З. Среди славянофилов. С. 2.

²⁶ Известия Славянских трапез. № 2. С. 7. Как вспоминал Шахматов, «Славянские трапезы», как и другие популярные славянофильские группы, стремились в своих докладах «дать широкой публике некоторые знания о славянах нерусских» и показать необходимость «надлежащей политической постановки вопроса» (Шахматов М.В. Указ. соч. С. 684).

определения». Так, планировалось образование независимого чехословацкого государства, объединение сербов, хорватов и словенцев, а воссоединившимся историческим польским землям предстояло «составить единый политический организм, неразрывно связанный с Россией». Вместе с тем присоединением «Прикарпатской Руси – Галицкой, Буковинской и Угорской» должно было завершиться «собирание Земли Русской». Для тех же славянских народов, которые после войны останутся в пределах германского мира или, не образовав собственного государства, окажутся в составе «братского славянского политического организма», предлагалось организовать культурную автономию. Все освобождённые славянские земли должны объединиться в экономический и политический союз, имеющий свободные выходы к Балтийскому и Чёрному морям. При этом «ключи» от последнего, т.е. проливы Босфор и Дарданеллы, требовалось оставить в руках России²⁷.

Впоследствии участники заседаний неоднократно посыпали императору всеподданнейшие телеграммы. На одну из них, отправленную по решению 141-й трапезы (16 октября), благодарственный ответ поступил за подписью министра императорского двора и уделов гр. В.Б. Фредерикса²⁸. Участники обеда, устроенного 19 февраля 1915 г., обратились к царю с выражением «чтства своей горячей преданности и верноподданности», а также с уверенностью в том, что именно Николаю II удастся «призвать народы России и славянство к новой жизни, водрузить Крест на Св[ятой] Софии и установить в Европе прочный и благодетельный мир». На следующем заседании, состоявшемся, видимо, 26 февраля, Скугаревский зачитал ответную телеграмму императора, благодарившего членов славянских обществ Петрограда «за вознесённые молитвы» и высказанные ими чувства²⁹.

«Всепреданнейшей телеграммой» участники 131-й трапезы (7 августа 1914 г.) просили Верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича «провергнуть к стопам» императора «чтства беспредельной любви и преданности». Вскоре из Ставки последовал благодарственный ответ за подписью начальника штаба генерала Н.Н. Янушкевича³⁰. Обращения к великому князю направлялись и позднее, например, в связи с его возвзванием к полякам от 1 августа 1914 г., опубликованным в газетах на следующий день (постановление 136-й трапезы, 11 сентября), и по другим поводам³¹. После успешных действий русских войск в начале войны, по резолюции 132-го обеда, состоявшегося 14 августа, приветственные телеграммы были направлены генералам П.К. Ренненкампфу и Н.И. Иванову³². 23 октября на 142-й трапезе чествовали Черноморский флот и кавказские войска³³. На банкетах второй половины 1914 – начала 1915 г. провозглашались «ура» Николаю II и вел. кн. Николаю Николаевичу, а также тосты за здоровье императора и победу³⁴.

Участники трапез верили в скорый мир и регулярно касались вопросов послевоенного устройства Европы. В частности, 4 сентября 1914 г. на

²⁷ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 13–15.

²⁸ Там же. С. 11.

²⁹ Зло Л. Среди славян. С. 1–2.

³⁰ Известия Славянских трапез. № 2. С. 1.

³¹ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 5, 12.

³² Известия Славянских трапез. № 2. С. 5.

³³ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 12.

³⁴ Там же. С. 10; Зло Л. Среди славян. С. 2.

135-м обеде Комитет трапез заявил о необходимости выработки устава новой «русско-славянской организации» для претворения в жизнь требований славянских идей. Генерал-лейтенант А.А. Смульский предложил создать на бывших австрийских территориях славянские государства, а «венцы этих государств» передать членам Русского царствующего дома³⁵. На состоявшейся через две недели, 18 сентября, 137-й трапезе камергер высочайшего двора, дипломат и публицист Е.Н. Шелькинг отметил, что обсуждение мирных условий не является преждевременным, но выразил сомнение в достижении при последующих переговорах всех требований России, поскольку «победы русского оружия не редкость, но редкость наши дипломатические победы». При этом оратор настаивал на ликвидации Австро-Венгрии и передаче её столицы славянству. О ряде насущных задач правительства при заключении мира на этом же собрании говорил Башмаков, обратив внимание на то, «что уже есть тихие течения кое-где спаси Австрию якобы из какой-то жалости, а на самом деле для спасения Пруссии и германского милитаризма». Он подчеркнул, что «не может быть заключено отдельного мира с Австрией»³⁶.

Рассмотрев минимальные условия мира на 138-м обеде, участники общества «Славянские трапезы» подробно остановились на этом вопросе на следующем заседании, состоявшемся 2 октября. Прежде всего они выразили озабоченность появившимися слухами об усилении «немецкой партии» в Петрограде и заявили о недопустимости сепаратного мира. При этом высказывалась мысль о необходимости сохранить союзнические отношения между странами Антанты после войны. Определять мирные условия, по мнению собравшихся, могли только участники Согласия без какого-либо участия нейтральных держав, виновных в «пассивном безразличии». Во избежание ошибок Берлинского конгресса 1878 г. решавшее слово на будущих переговорах должно было принадлежать не дипломатам, а монархам и другим главам государств, а также командующим армиями. Решения 139-й трапезы также предусматривали расчленение территории Австро-Венгрии; передачу вопроса о судьбе Венгрии и Трансильвании на усмотрение России; «полное искоренение» прусского милитаризма; наложение на Центральные державы денежной и «эстетической» контрибуции, поскольку «новые гунны недостойны» хранить произведения искусства, а также штрафа по миллиарду марок за каждый акт вандализма, совершённый над «оскорблёнными ими городами»; постановку перед союзниками вопроса о Черноморских проливах. При созыве мирной конференции в Брюсселе требовалось не допускать на неё государства-противники — они подвергались бойкоту³⁷.

Отдельные вопросы послевоенного устройства обсуждались и позднее. При этом чаще стала звучать тема будущего земель, входивших в состав Османской империи. Согласно заявлению, сделанным 30 октября на 143-й трапезе, Константинополь и окрестные территории должны были оказаться «под суверенитетом России на правах вольного самоуправляющегося города», а Турецкая Армения подлежала освобождению и передаче под российский протекторат на правах автономии³⁸. Доклады по этому вопросу делались и на собрании, предположительно прошедшем 26 февраля 1915 г. В этот раз член Государственного совета В.И. Гурко убеждал в необходимости овладения Россией проливами

³⁵ Земщина. 1914. 6 сентября. № 1775. С. 4.

³⁶ Новое время. 1914. 20 сентября (3 октября). № 13838. С. 14.

³⁷ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 6–8.

³⁸ Там же. С. 13.

и Константинополем, что послужит во благо всем южным славянам. Врач, публицист и мыслитель правых взглядов Н.Н. Шипов рассказал о судьбе Константинопольского патриархата и об устройстве церковных дел на берегах Босфора³⁹. Через месяц, на 161-й трапезе (видимо, 26 марта⁴⁰), Башмаков потребовал все мечети, образованные после османского завоевания из христианских храмов, превратить снова в церкви⁴¹. Следует отметить, что к этому времени распространились слухи о намерении турок уничтожить в Константинополе храм Св. Софии и святыни Гроба Господня в Иерусалиме в случае приближения к ним войск союзников. Славянские общества в Москве организовали проведение «Дня Царьграда и проливов», на котором обратились к Министерству иностранных дел с просьбой воздействовать на турецкое правительство через нейтральные страны, в том числе США, с целью недопущения актов вандализма. Предлагалось также распространять среди народа патриотические брошюры, сообщавшие о религиозном значении похода на Османскую империю, а после установления мира – предоставлять доступ к палестинским святыням только тем христианским конфессиям, которые признают таинство Евхаристии (т.е. православным, католикам и англиканам)⁴². На этом мероприятии присутствовала и делегация петроградских «Славянских трапез»⁴³.

Участники той же 161-й трапезы в Петрограде в конце марта 1915 г. вернулись к проблеме Угорской Руси, о ненужности которой для России сообщали брошюры, как отметил галицко-русский панславист и общественный деятель Д.Н. Вергун, «иудейского происхождения». Он подверг критике эти публикации, а Башмаков подчеркнул, что Угорская Русь должна принадлежать России наравне с Галицией и Буковиной⁴⁴. На собраниях осени 1914 – начала весны 1915 г. раздавались требования к российскому правительству опираться при выработке условий мира на «русское общественное мнение», а министру иностранных дел была направлена телеграмма с выражением уверенности, что «все славянские интересы и чаяния будут везде осуществлены»⁴⁵.

Заявляя о необходимости единства между государствами Антанты в вопросе о мирных переговорах, участники славянских обедов много внимания уделяли поддержке союзнического духа. С первых дней войны выступавшие на собраниях приветствовали народы Бельгии, Франции, Англии, Сербии и Черногории в их борьбе с германизмом. Через Чешское вспомогательное общество выражались благодарность и сочувствие чехам, страдавшим от австрийской власти⁴⁶. Летом 1914 – весной 1915 г. приветственные телеграммы направлялись иностранным посланникам в Петрограде, сербскому королевичу Александру, французскому главнокомандующему, бельгийскому королю. Слова поддержки самоотверженным боевым подвигам народов союзных государств приводились в обращениях 134-й трапезы от 28 августа 1914 г. к главам бельгийской Палаты

³⁹ Зло Л. Среди славян. С. 2.

⁴⁰ Дата установлена исходя из того, что составленный, вероятно, Л.Т. Злотниковым отчёт о прошедшем заседании опубликован в воскресенье 29 марта 1915 г., а четверг приходился на 26-е число.

⁴¹ Л.З. Среди славянофилов. С. 2.

⁴² Московская копейка. 1915. 30 марта. № 16(163). С. 3.

⁴³ Пайнов Б. Царьград // Трудовая копейка. 1915. 29 марта. № 71(977). С. 2.

⁴⁴ Л.З. Среди славянофилов. С. 2.

⁴⁵ Там же; Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 8.

⁴⁶ Известия Славянских трапез. № 2. С. 3; Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 15.

представителей и британской Палаты общин, а в постановлении 143-го обеда от 30 октября – в адрес сербских войск. В ряде случаев источники упоминают и об ответах на телеграммы «Славянских трапез»⁴⁷.

16 октября 1914 г. А.Н. Азанчевский-Азанчеев, Башмаков, Брянчанинов, Глинский, И.С. Пальмов и Скугаревский в присутствии членов Государственного совета и Государственной думы зачитали приветствия посетившим в этот вечер 141-ю трапезу представителям Бельгии, Франции (обоим на французском языке), Англии, Японии (на английском), Сербии, Черногории (на сербском) и Греции (на русском). Ответные речи Аллея, Верлена, Одагири и Спалайковича прозвучали на русском языке, а де Селис-Фансона и Драгумиса – на французском. Оркестр Преображенского полка троекратно исполнил национальные гимны стран-союзниц. Главам правительств упомянутых государств (в этом месте отчёта, правда, не говорится о Греции) были направлены приветственные телеграммы. На обеде также прозвучали речи Башмакова «Славянская идеология», Брянчанинова «Новый Священный Союз» и Никанорова «Два способа ведения войны»⁴⁸.

Ввиду бедственного положения армии Черногории участники собрания 7 августа 1914 г. призывали жертвовать на отряд Красного Креста в этой стране. На следующей, 132-й, трапезе собранные 272 руб. 15 коп. они передали товарищу председателя Черногорского благотворительного общества протосинкеллу Мардарию (Ускоковичу)⁴⁹. В сентябре на 135-м банкете на нужды черногорской армии собрали 133 руб. 40 коп.; на 138-м – в пользу бельгийцев, пострадавших от немцев, пожертвовали 423 руб., которые передали бельгийскому посланнику в Петрограде⁵⁰. На славянских обедах возмущались насилием немцев над мирным населением и заявляли, что за каждый такой факт противнику воздастся сторицей⁵¹.

Особое место в постановлениях трапез второй половины 1914 г. уделено Болгарии, занимавшей в это время выжидательную позицию. Уже в резолюции заседания 31 июля 1914 г. заявлялось о её «изменническом» нейтралитете⁵². По итогам 131-го обеда, состоявшегося через неделю, было отправлено две телеграммы. В первой от болгарского царя Фердинанда требовалось чётко определить, на чьей стороне он намерен выступить. Вторая извещала болгарские политические партии о том, что при выборе враждебной России стороны Болгария «может оказаться вне славянской семьи» и лишится поддержки славянства⁵³.

В сентябре Смульский настаивал на замене в Болгарии правящей династии по окончании войны, а на мирном конгрессе обещал передать болгарам Македонию⁵⁴. Участники 142-й трапезы (23 октября) осудили власти Болгарии, заявив, что перед болгарским народом теперь стоит выбор: «Фердинанд

⁴⁷ Известия Славянских трапез. № 2. С. 2–3, 5, 6–7; Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 6, 13; Л.З. Среди славянофилов. С. 2; Земщина. 1914. 6 сентября. № 1775. С. 4; Новое время. 1914. 20 сентября (3 октября). № 13838. С. 14.

⁴⁸ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 10–12.

⁴⁹ Известия Славянских трапез. № 2. С. 2, 5.

⁵⁰ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 4, 6.

⁵¹ Там же. С. 15.

⁵² Там же. С. 14.

⁵³ Известия Славянских трапез. № 2. С. 3.

⁵⁴ Земщина. 1914. 6 сентября. № 1775. С. 4.

или Россия». Через неделю правительство в Софии подверглось осуждению за территориальные претензии к Сербии, на помощь которой участники обеда призвали выступить Румынию⁵⁵.

Следя за успехами на фронте, участники 135-го обеда (4 сентября) направили приветственную телеграмму в редакцию русскоязычной газеты «Прикарпатская Русь» во Львове, занятом русскими войсками 21 августа. На этом же заседании поддержали предложение черносотенца, присяжного поверенного П.Ф. Булацеля о необходимости создания на Карпатах казачьего войска с целью поддержания порядка на занятой территории. Для обеспечения казаков землёй следовало конфисковать её у прусских, польских, австрийских и мадьярских магнатов, настроенных по отношению к России враждебно⁵⁶.

С развитием военных действий более острыми становились вопросы положения раненых и пленённых русских солдат. На 136-й трапезе в пользу лазарета при редакции журнала «Исторический вестник» было собрано 142 руб. 35 коп.⁵⁷ На трапезе, прошёдшей, судя по всему, 26 февраля 1915 г., председатель Общества о военнопленных Г.А. Кондратьев рассказал о 500 тыс. славян, находившихся в русском плену. Другой докладчик, полковник Сергеев, обрисовал тяжёлое положение русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии по сравнению с пленными немцами в России⁵⁸. В конце марта на 161-м славянском обеде полковник Д.А. Синюхаев сообщил о тяжёлых условиях, в которых приходится воевать русской армии в Карпатах, а Лавров поведал о подвиге рядового А. Макухи, лишённого языка за отказ сообщить австрийцам сведения о русских войсках. Публицист и общественный деятель, октябрист И.В. Никаноров поделился впечатлениями от поездки во Львов и Перемышль, указав на необходимость организации санитарной и медицинской помощи в Галиции⁵⁹.

Обращаясь к внутреннему положению России в военное время, участники «Славянских трапез» видели главную угрозу в «немецком засилье», прежде всего в экономической сфере. Наиболее подробно различные аспекты этой проблемы обсуждались 14 августа 1914 г. на 132-й трапезе, участники которой пришли к заключению, что Германия и Австро-Венгрия давно готовились к войне, желая отторгнуть лучшие российские территории вплоть до Волги. В принятом постановлении подчёркивалось, что большинство живущих в России немцев считают своим настоящим отечеством Германию, ведут в Российской империи нечестную экономическую деятельность и враждебно настроены по отношению к славянству. Призываю организовать борьбу с «немецким засильем», собравшиеся требовали очистить бюрократический аппарат и образовательные учреждения страны от «многочисленного немецкого элемента», создать специальную комиссию из русских предпринимателей с целью определения международных рынков для сбыта русских товаров. Предлагалось прояснить вопрос о правомерности владения германскими и австрийскими подданными недвижимостью и занятия ими должностей в российских органах государственного управления и в коммерческих организациях. К экономическому блоку решений также относилось намерение «возбудить вопрос об урегулировании

⁵⁵ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 12–13.

⁵⁶ Там же. С. 3–4.

⁵⁷ Там же. С. 5.

⁵⁸ Зло Л. Среди славян. С. 2.

⁵⁹ Л.З. Среди славянофилов. С. 2.

крупного немецкого землевладения, о немецких колониях». Кроме того, было поддержано предложение Никанорова о необходимости «охранять все виды русского производства в противовес немецкому ввозу» и о принятии других мер для защиты российской экономики в условиях войны. Предлагалось конфисковать земли тех германских и австрийских подданных, чьи родственники сражались на стороне Центральных держав. Участники собрания решили обратиться в правительство с просьбой не назначать немцев на «ответственные и высшие должности» и намеревались найти способ «парализовать германский закон о двойном подданстве»⁶⁰.

На этом же обеде предлагалось заменить преподавание немецкого языка английским в средней школе⁶¹. Тема очищения речи обсуждалась ещё 31 июля, когда участники 130-й трапезы призвали писателей, журналистов и учёных избегать употребления германских слов в официальной терминологии⁶². В связи с отказом Министерства народного просвещения ввести в школе английский язык вместо немецкого участники 140-го обеда (9 октября) решили добиваться своей цели вплоть до окончания войны, предлагая преподавание какого-либо другого языка. Впоследствии вопрос об иностранном языке следовало передать на усмотрение учеников и их родителей⁶³.

С конца лета 1914 г. проблема немецкого элемента в управлении и экономике часто рассматривалась на славянских обедах. Так, на основании принятой 21 августа 1914 г. резолюции внимание председателя Совета министров обращалось на то обстоятельство, что сыновья и другие родственники ряда российских предпринимателей (в том числе поставщиков армии и флота) сражаются на вражеской стороне. Участники следующей, 134-й трапезы приглашали отечественные торгово-промышленные круги к совместной деятельности, включая выработку мер по освобождению русской торговли и промышленности от «немецкого засилья» и «захвата их немцами»⁶⁴.

Через неделю, 4 сентября, снова обсуждались вопросы «о мерах и способах борьбы с немецким засилием на почве экономической и общественно-политической»⁶⁵. Многие призывали русское общество активнее выступать против этого явления. Одна из участниц рассказала о вопиющем случае: в поезде с российскими подданными, следовавшими на родину, во время движения состава германский офицер выбросил в открытое окно трёхлетнего сына «госпожи Ф.», который, размахивая ручками, случайно задел офицера. Впоследствии «госпожа Ф.» сошла с ума⁶⁶. На основе информации, приведённой Булацелем, участники славянского обеда направили министру юстиции и министру путей сообщения письма о том, что на станции Вильно ответственные должности по-прежнему занимают немцы и это вызывает раздражение русских офицеров и солдат. В ещё одном письме до министра юстиции доводились полученные от Булацеля сведения, будто сенатор Э.Н. Берендтс действует в интересах герман-

⁶⁰ Известия Славянских трапез. № 2. С. 3–5.

⁶¹ Там же. С. 4.

⁶² Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 15.

⁶³ Там же. С. 10.

⁶⁴ Известия Славянских трапез. № 2. С. 5, 8.

⁶⁵ Новое время. 1914. 3(16) сентября. № 13821. С. 5.

⁶⁶ Земщина. 1914. 6 сентября. № 1775. С. 4.

ского подданного Р. Шульца, ходатайствуя о разрешении последнему торговать спиртными напитками⁶⁷.

Следует отметить, что «Славянские трапезы» включились в движение за народную трезвость не позднее 14 августа 1914 г. Тогда, по предложению Лаврова, в обращении к правительству собравшиеся ходатайствовали «о полном прекращении продажи водки и спиртных напитков не только во время войны, но и навсегда»⁶⁸. Как видно из инициативы, предпринятой после доклада Булацеля, вскоре этот вопрос оказался элементом борьбы с «немецким засильем». Впоследствии такой подход сохранялся, о чём свидетельствует заявление Шипова на 161-й трапезе (судя по всему, 26 марта 1915 г.) о потворстве чиновниками немецкого происхождения в торговле вином и пивом. По его предложению было принято специальное постановление в адрес правительства, в котором говорилось о необходимости всемерно противостоять лоббистам алкоголя⁶⁹.

Участники 136-го обеда, состоявшегося 11 сентября 1914 г., потребовали от председателя Совета министров провести сенаторскую ревизию в Лифляндской и Курляндской губерниях в связи с выявленными фактами притеснения немцами латышского и эстонского населения⁷⁰. На очередном собрании Никаноров обратил внимание на высокие котировки российских ценностей со стороны берлинской биржи, отметив, что «биржа не только показатель политической погоды, она и политическое орудие борьбы». Задав риторический вопрос: «Если германский рынок свободен от французских бумаг, то почему он не свободен от русских?», он напомнил, что в России с Германией имели дела такие банки, как Азовско-Донской, Русский для военной торговли, Петроградский международный, Сибирский торговый, Торговый банк в Лондоне и др. Говоря о необходимости выйти из зависимости от германского капитала, докладчик предложил опираться на свои собственные резервы. Решение вопроса он видел в предоставлении возможности участия в финансовых операциях мелким акционерам⁷¹.

Участники 140-го славянского обеда 9 октября выразили обеспокоенность лояльностью проживавшего в России немецкого населения, в связи с чем предложили секвестировать предприятия, в которых косвенно «участвовали капиталы враждебных наций». Они раскритиковали идею передачи государственных займов в руки крупных банков, которые подвергаются давлению со стороны международного капитала, в значительной степени немецкого. Альтернативным способом оплаты военных расходов, по мнению собравшихся, мог стать внутренний заём с 10-рублёвыми билетами⁷². На трапезе, устроенной, судя по всему, 26 февраля 1915 г., была зачитана приветственная телеграмма от вел. кн. Николая Николаевича, отвечавшего на отправленное ему ранее обращение славянского общества «Самодеятельная Россия», главной задачей которого провозглашалась борьба с «немецким засильем». В этот же день Никаноров высказался о редакционной политике газеты «Речь», защищавшей, по его мнению, интересы германской буржуазии и рекламировавшей связанное

⁶⁷ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 4.

⁶⁸ Известия Славянских трапез. № 2. С. 5.

⁶⁹ Л.З. Среди славянофилов. С. 2.

⁷⁰ Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 5.

⁷¹ Новое время. 1914. 20 сентября (3 октября). № 13838. С. 14.

⁷² Известия Славянских трапез в Петрограде... С. 9–10.

с германским капиталом «Электрическое общество 1886 года»⁷³. В связи с ростом всеобщей подозрительности следует упомянуть и о том, что на заседании, организованном, видимо, 26 марта, Вергун осудил «гнусное предательство» полковника С.Н. Мясоедова⁷⁴, о повешении которого прессы оповестила несколькими днями ранее.

В связи с поражениями на фронте в 1915 г. и приобретениемвойной за-тяжного характера, а также с нарастанием кризисных явлений внутри страны политические настроения и фокус внимания участников «Славянских трапез» к зиме 1916/17 г. заметно изменились. Об этом позволяют судить донесения Куманина о двух заседаниях общества в январе–феврале 1917 г.

О трапезе под председательством Башмакова, состоявшейся в конце января с «необычайным многолюдством» в Клубе общественных деятелей, Куманин сообщил 28 числа, в субботу. Помимо постоянных участников на ней присутствовали оппозиционные члены Государственного совета и Государственной думы (товарищ её председателя гр. В.А. Бобринский, В.А. Маклаков), видные писатели, журналисты, финансисты и т.д. В произнесённых речах, как правило, весьма резко критиковалась правительственная политика. Так, Вергун обвинил Г.Е. Распутина в нежелании содействовать возвращению русских пленных: за организацию освобождения из австрийского плена сотрудника газеты «Новое время» Д.Г. Янчевецкого (его возвращение на родину как раз чествовали на этом собрании) якобы требовали 50 тыс. руб. Обвинительную линию продолжил Никаноров, возмущившийся «засильем» «распутинцев» и немцев. Он привёл в пример распоряжение министра юстиции Н.А. Добровольского о приостановке действия закона о немецком землевладении от 2 февраля 1915 г. Поддержав оратора, Вергун напомнил об участии «Славянских трапез» в разоблачении «измены» В.А. Сухомлинова⁷⁵. В 1909–1915 гг. последний занимал пост военного министра, а в 1916 г. был отдан под суд, но обвинение в измене не подтвердилось.

19 февраля в помещении Военной гостиницы (бывшая «Астория») под председательством Скугаревского состоялась последняя из известных трапез. По сообщению Куманина, она также «была весьма многолюдной», на ней присутствовало «много офицеров и несколько генералов». Заседание началось с тоста председателя, но, по замечанию информатора, не как «обычно» – за императора, а за верховного главнокомандующего. Правда, и «этот тост был покрыт жидкими аплодисментами». Затем Скугаревский ознакомил собравшихся с приветственной телеграммой в адрес британского посла Дж. Бьюкенена. Следующим выступил член Государственной думы Л.А. Велихов, прибывший на собрание в форме артиллерийского обер-офицера. Он обвинил «безнациональную власть», «дающую» таких чиновников, как И.Ф. Манасевич-Мануйлов (бывший агент охранного отделения, состоял в окружении Распутина и председателя Совета министров Б.В. Штюремера) и министр внутренних дел А.Д. Протопопов, которые якобы делают всё, «чтобы спасти изнемогающую Германию от разгрома». Преодолеть «германофильство на верхах», «распутье» и «тёмные силы», по мысли Велихова, могло только «проснувшееся сознание армии и народа».

⁷³ Зло Л. Среди славян. С. 2.

⁷⁴ Л.З. Среди славянофилов. С. 2.

⁷⁵ Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 23–24.

После рассуждений Лаврова, Башмакова и Янчевецкого об экономическом положении славянства, интересах России в Азии и прочем последовали оппозиционные выпады других ораторов. При этом Брянчанинов критиковал как правительство («нам надо внутри у себя создать свободу и западные культурные порядки управления»), так и Государственную думу, увлечённую одними «внутренними пересудами». Вопреки распространённым нападкам думцев и периодической печати на министра земледелия А.А. Риттиха, выступающий поддержал его продовольственную политику, однако соответствующая резолюция не встретила сочувствия со стороны Комитета трапез. Также следует отметить речь члена Государственной думы кн. С.П. Мансырева, обрушившегося на «Протопоповых и Сухомлиновых» и призвавшего к освобождению народа от «безответственной и бесконтрольной», «прогнившей сверху донизу власти». В том же духе, хотя и менее резко, выступил Вергун. Никаноров, напротив, заявил, что «не всё уже у нас так плохо» и «довольно петь панихиды».

Анализируя это заседание, Куманин утверждал, что «трапезы определённо вступили на путь оппозиционной внутренней политики», но отметил, что далеко не все участники радикализировались. Наоборот, большинство поддержало весьма умеренную речь Никанорова. У многих участников собрания деятельность Государственной думы вызывала не восхищение, а «чувство разочарования»⁷⁶.

Таким образом, просуществовав около пяти лет, деятельность петроградских «Славянских трапез» стала заметным явлением в общественной жизни столицы и России в целом. В собраниях участвовали видные государственные деятели, военные, купцы и промышленники, представители интеллигенции. На них приглашались иностранные дипломаты и военные атташе. В период Первой мировой войны на трапезах обычно присутствовали 200–300 человек, известно и о более многолюдных заседаниях. С посетителей взималась плата, средства от которой шли на организацию трапез, издание печатной продукции (листовки, отчёты о деятельности), отправку телеграмм.

Расцвет деятельности «Славянских трапез» пришёлся на начало Первой мировой войны, когда надежды на воссоединение славянства под эгидой России подогревались победами русской армии. В этот период представители петроградских и московских трапез совершали взаимные визиты. На собраниях в Петрограде рассматривались преимущественно проблемы внешней политики. Планы будущего устройства славянского мира предполагали образование независимых государств под российским патронатом на заселённых славянами территориях Центральных держав, причём некоторые из новых стран должны были возглавить представители дома Романовых. Говорилось о включении в состав России Галиции, Буковины и Угорской Руси, с Россией же неразрывно связывалось и будущее Константинополя и Черноморских проливов. Подробно обсуждалась проблема «немецкого засилья». Для борьбы с ним предлагались меры, ограничивавшие влияние как германского капитала и трудившихся в России подданных Германии и Австро-Венгрии, так и соотечественников немецкого происхождения.

Попытки «Славянских трапез» повлиять на решения высшего руководства России в первые месяцы войны сводились к отправке телеграмм и писем императору, военачальникам, правительенным чиновникам. Участники

⁷⁶ Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 23–24.

собраний постоянно получали благодарственные ответы от своих адресатов, в том числе от Николая II. Однако никакого практического воплощения политическая программа, отражённая в постановлениях трапез в этот период, не получила. «На бумаге» остались как идея полного запрета алкоголя «на вечные времена», так и требование заменить уроки немецкого языка в школах на английский или другие языки. Упомянутые на славянских обедах меры борьбы с «немецким засильем» в основном также оказались нереализованными⁷⁷. Вместе с тем при отсутствии сведений о прямом влиянии «Славянских трапез» на государственную политику принимавшиеся на собраниях резолюции, несомненно, способствовали формированию общественного мнения по различным вопросам, о чём до публики и правительства доводилось через периодическую печать правоконсервативного направления.

Ухудшение дел на фронте с 1915 г. и обострение внутриполитической обстановки привели к тому, что грандиозная внешнеполитическая программа «Славянских трапез» всё более приобретала вид декларации о намерениях. Участники обедов подключились к процессу активных поисков изменников среди государственных служащих и руководства страны. Изначальная право-консервативная направленность «Славянских трапез», проникнутая идеями славянофильства и панславизма, начала размываться. Если в начале войны среди участников банкетов преобладали правые (Шипов, Злотников, Булацель и др.) и националисты (Глинский, Савенко), в меньшей степени были представлены октябристы (Никаноров), то в начале 1917 г. увеличилось число оппозиционных политиков (Велихов, кн. Мансырев и др.). Перед Февральской революцией наблюдался весьма заметный поворот трапез в сторону политического либерализма и даже отход от поддержки самодержавной власти, что соответствовало общей тенденции среди правых течений в целом. Достаточно вспомнить антиправительственную речь члена Государственной думы, лидера черносотенного Союза Михаила Архангела В.М. Пуришкевича в ноябре 1916 г.⁷⁸

⁷⁷ По данным И.Г. Соболева, из подготовленных к отчуждению земель, принадлежавших лицам немецкого происхождения, общей площадью в 3 517 688 десятин реально отчуждёнными оказались лишь 406 485 десятин, а предприятий с участием немецкого капитала ликвидировано ничтожное количество (Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004. С. 82–83, 122).

⁷⁸ Подробнее см.: Иванов А.А. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб., 2020. С. 360–367.

«Служение праву»: Общество санкт-петербургских (петроградских) женщин-юристов (1913–1917 гг.)

Евгений Крестьянников

«Serving the law»: Society of Saint Petersburg (Petrograd)
Women Lawyers (1913–1917)

Evgenii Krestiannikov
(HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.7868/S3034579025060218

Широкое распространение независимых от государственной власти ассоциаций являлось неотъемлемым элементом становления гражданского общества в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. на фоне общемировой тенденции внедрения в общественную жизнь либеральных идей и практик. Ломка традиционных устоев, распространение либерализма и рост тяги к социальному общению в правление Александра II поставили вопрос об эмансипации и способствовали появлению различных женских организаций¹. Новая фаза женского движения, которую исследователи называют по-настоящему феминистской, наступила в результате Первой российской революции и характеризовалась усилением чувства солидарности среди россиянок. События 1905–1907 гг. вселяли надежду на изменение правового положения женщин, стимулировали создание и деятельность их объединений, однако введение ряда дискриминационных мер, особенно предоставление избирательных прав при формировании парламента только мужчинам, подталкивали представительниц женского пола к дальнейшей консолидации и борьбе за равенство².

Среди возникших в результате развития феминистского движения организаций оказалось и созданное в 1913 г. Общество санкт-петербургских (с 1914 г. – петроградских) женщин-юристов, которое до сих пор почти не привлекало внимание исследователей. Оно отсутствует в опубликованных перечнях дореволюционных объединений россиянок³ и лишь вскользь упоминается

© 2025 г. Е.А. Крестьянников

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

¹ Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789–1918. М., 2011. С. 301–302; Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново, 1994. С. 47–48; Хоффманн Ш.-Л. Социальное общение и демократия. Ассоциации и гражданское общество в транснациональной перспективе, 1750–1914. М., 2017. С. 106; Yukina I. First-wave Women's Movement: Result and Factor of Civil Society Formation in Russia // Women and Transformation in Russia / Ed. by A. Saarinen, K. Ekonen, V. Uspenskaia. L.; N.Y., 2014. P. 31–43.

² Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004. С. 268; Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б. Женское движение в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Иваново, 2003. С. 81–82; Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007. С. 219–220.

³ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России... С. 612–613; Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России... С. 130–135.

в некоторых работах⁴. Возникновение ассоциации сигнализировало о глубокой социально-правовой коллизии: рост профессионального самосознания предполагал участие женщин с юридической подготовкой в написании и толковании законов, но действующие нормы этих же самых законов закрепляли неравенство полов. На пути женщин-юристов к равноправию находились властные структуры, состоявшие исключительно из мужчин. Поэтому историю Общества санкт-петербургских (петроградских) женщин-юристов целесообразно рассматривать во взаимосвязи проблем гендеря, власти и профессионализации⁵.

Следует отметить, что начавшееся с принятия Судебных уставов 1864 г. сплочение судебных деятелей мужского пола основывалось на единой образовательной (юридической) базе и высокой степени профессионального сознания, при этом объединение адвокатов происходило еще и в официально устроенных органах их самоуправления — советах присяжных поверенных. В результате, к началу XX в. мужчины-юристы прошли длительный путь консолидации по профессиональному признаку. Основу их единства формировали идеи господства права и законности, контрастировавшие с автократическим режимом⁶. По замечанию П. Бурдье, правовед «не может просто и без оговорок согласиться с династической формулой естественной передачи власти от отца к сыну», и потому юрист по природе своей выступает оппонентом монархии⁷.

Выбрав сферу деятельности, россиянки-правоведы длительное время оставались одиночками. Так, первая женщина-юрист в России А. М. Евреинова получила степень доктора права в Лейпцигском университете в 1873 г. и несколько десятилетий оставалась на родине почти единственной дипломированной в этой области женщиной, сосредоточившись на проведении научных исследований⁸. Понимая пользу ассоциаций, она 10 апреля 1905 г. публично призвала основать некий «женский союз»⁹, однако для его создания требовалось появление хотя бы сколько-нибудь заметной группы женщин с юридическим образованием, которым еще предстояло осознать общность своих интересов. На этом пути их ожидало множество препятствий со стороны правящих кругов.

Формирование социальной базы будущего Общества санкт-петербургских женщин-юристов во многом связано с Первой российской революцией. После дарования университетам автономии по временным правилам 27 августа 1905 г. советы большинства из них стали допускать женщин в аудитории. В 1908 г. высшая власть запретила эту практику, но вольнослушательницам, уже принятым в университеты, позволили закончить обучение. В 1906 г. при Санкт-

⁴ См., например: *Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б.* Женское движение в России... С. 178, 182; *Юкина И.И.* Русский феминизм... С. 367; *Ruthchild R.G.* Equality and Revolution: Women's Rights in the Russian Empire, 1905–1917. Pittsburgh, 2010. P. 166, 217.

⁵ О симбиозе этих подходов при изучении деятельности первых женщин-юристов см.: *Mossman M.J.* The First Women Lawyers: A Comparative Study of Gender, Law, and the Legal Professions. Portland, 2006. P. 9–14.

⁶ *Тарановски Т.* Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России. 1856–1874 / Под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 301–317; *Levin-Stankevich B.L.* The Transfer of Legal Technology and Culture Law Professionals in Tsarist Russia // Russia's missing middle class. The professions in Russian History / Ed. by H. D. Balzer. Armonk (NY), 1996. P. 223–249.

⁷ *Бурдье П.* О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М., 2017. С. 583.

⁸ *Пиетров-Эннкер Б.* «Новые люди» в России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005. С. 253.

⁹ Женский вестник. 1905. № 6. С. 189.

Петербургских высших женских (Бестужевских) курсах был организован юридический факультет, позднее появилось несколько самостоятельных курсов для женщин, включавших программы подготовки правоведов. Закон от 19 декабря 1911 г. об испытании лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений допустил выпускниц ряда женских курсов в области юриспруденции к итоговым экзаменам в юридических испытательных комиссиях при университетах. В результате к началу 1916 г. дипломированными правоведами стали около 400 россиянок, которых обыкновенно называли юристками¹⁰.

Стремление женщин, получивших юридическое образование, к профессиональной консолидации первоначально выразилось во вступлении в состав феминистских организаций, в частности в Российскую лигу равноправия женщин (РЛРЖ), где группы россиянок с дипломами юристов стали заметны весной 1911 г. В отделении лиги в Санкт-Петербурге 25 сентября был образован Юридический отдел, членами которого могли стать только выпускницы юридических факультетов отечественных и зарубежных университетов. На организационном собрании присутствовали 25 человек, но уже через несколько месяцев число членов достигло 48. Работой отдела руководило бюро из пяти женщин – С. Е. Рынкевич, А. В. Лучинской, Т. Н. Доктор, А. И. Бахтеревой и Т. Л. Якобсон. О стремлении к объединению по профессиональному признаку известно и в отношении женщин-юристов в Одессе, Харькове, Казани и Томске¹¹.

Вскоре члены бюро пожелали внести изменения в инструкцию, регламентировавшую работу Юридического отдела, но совет лиги в Санкт-Петербурге проигнорировал поступивший запрос. Поэтому на общем собрании отдела 27 апреля 1912 г. приступили к обсуждению вопроса о создании самостоятельной организации. Её устав разрабатывала специальная комиссия, но поданный 13 октября в столичное градоначальство вариант был отклонён по формальным причинам. После доработки документ снова передали 18 февраля 1913 г. для утверждения, и через месяц Санкт-Петербургское особое по делам обществ и союзов присутствие зарегистрировало Общество санкт-петербургских женщин-юристов. На последнем общем собрании, прошедшем 22 марта, Юридический отдел известил совет лиги о прекращении своей деятельности и о создании особого, не связанного с РЛРЖ женского юридического объединения¹².

Учредителями нового общества выступили Е. П. Ляхова, Рынкевич и Бахтерева. Согласно уставу, оно создавалось с целью «содействовать упрочению и развитию практической деятельности женщин, получивших юридическое образование», для чего планировалось издавать полезную для женщин-юристов печатную продукцию, организовывать чтение докладов и лекций, создавать научные комиссии и библиотеки. Членами организации могли стать только лица женского пола с университетскими дипломами правоведов. Кроме того, в состав общества входили соревнователи, в число которых принимались как

¹⁰ Крестьянников Е. А. Женщины-юристы Российской империи накануне и в условиях Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2(79). С. 69.

¹¹ Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1911 г. СПб., 1912. С. 4–5, 23–24; Вестник права и нотариата. 1911. № 45. С. 1395; Покровский А. Женщины-юристки // Утро России. 1911. 2 ноября. С. 1.

¹² День. 1912. 4 октября. С. 5; Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1912 г. СПб., 1913. С. 57–60; Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1913 г. СПб., 1914. С. 80.

женщины, так и мужчины по рекомендации четырёх членов и по представлению правления. Текущее руководство осуществляло правление из восьми человек (пять членов и три кандидата в члены), ежегодно избиравшееся на общем собрании¹³. Для выполнения конкретных задач, включая разработку законопроектов, формировались комиссии. Например, в 1914–1915 гг. состоялось 20 заседаний правления (в это время его членами являлись Бахтерева, Рынкевич, Е.И. Кац, С.М. Хлытчиева, Е.А. Флейшиц и Н.М. Морозова-Михайлова) и 8 общих собраний, одна из комиссий готовила законопроект о внебрачных детях, другая занималась «собиранием и разработкой материалов, составлением объяснительных записок и законопроектов, касающихся прав женщин»¹⁴.

Первое собрание общества состоялось 2 апреля 1913 г. в столичном адвокатском клубе. В приветственной речи Рынкевич заявила, что главным назначением нового содружества является «служение праву», а выступавшая после неё Бахтерева использовала эти слова как девиз ассоциации, воплощением которого должно стать «товарищеское единение». На собрании в члены объединения приняли 55 женщин, а 10 человек стали соревнователями. Среди последних находились знаменитые правоведы – профессора Бестужевских курсов П.И. Люблинский и М.Я. Пергамент (декан юридического факультета)¹⁵. В 1915 г. в организации насчитывалось 124 члена и 58 соревнователей. Любопытно, что в столичном университете к этому времени по юридическому профилю было аттестовано меньше женщин. Видимо, подавляющее большинство из них вступили в Общество санкт-петербургских (петроградских) женщин-юристов. Их соратницами становились обладательницы дипломов университетов Москвы, Казани, Саратова и других городов¹⁶.

Хотя устав не предусматривал должности руководителя, с первых дней существования общества эту функцию фактически выполняла Бахтерева¹⁷. По всей видимости, она вышла на ведущие позиции среди соратниц ещё в Юридическом отделе РЛРЖ, где являлась казначеем, а её фамилия ставилась первой под ежегодными отчётом отдела¹⁸. В 1910 г. вместе с Кац и Хлытчиевой она окончила Бестужевские курсы¹⁹. Вскоре после представления в сентябре 1911 г. необходимых документов в юридическую испытательную комиссию при Санкт-Петербургском университете Бахтерева выдержала экзамены и за-

¹³ Устав Общества санкт-петербургских женщин-юристов. СПб., 1913. С. 1–4, 7.

¹⁴ Отчёт по Обществу петроградских женщин-юристов за 1914 г. Пг., 1915. С. 3–6; Отчёт по Обществу петроградских женщин-юристов за 1915 г. Пг., 1916. С. 3, 5–6.

¹⁵ Женский вестник. 1913. № 5–6. С. 150; А.Д. Общество петербургских юристок // Женское дело. 1913. № 9. С. 18; Федосова Э.П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878–1918). М., 1980. С. 92–93.

¹⁶ Отчёт по Обществу петроградских женщин-юристов за 1915 г. С. 6, 11–18; Бахтерева А.И. Результаты второй анкеты о положении женщин-юристов в России (1916 г.) // Женский вестник. 1917. № 2. С. 18.

¹⁷ Наша дань Бестужевским курсам. Воспоминания бывших бестужевок за рубежом. Париж, 1971. С. 122; Красинская-Эльяшева С.А., Рубашова-Зорохович А.И. Юридический факультет // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918. Сборник статей. Изд. 2, испр. и доп. Л., 1973. С. 162.

¹⁸ Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1911 г. С. 25, 28–29; Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1912 г. С. 60, 62–63; Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1913 г. С. 80, 82–83.

¹⁹ Список окончивших курс на С.-Петербургских высших женских курсах. 1882–1889 гг. 1893–1911 гг. [СПб., 1911]. С. 129.

щтила дипломное сочинение о преступности²⁰. По воспоминаниям Хлытчевой, они – первые «юристки» – сразу поняли ущербность своих аттестатов, в которых, «в отличие от университетских дипломов мужчин-юристов, отсутствовал пункт о правах, предоставляемых лицам, получившим высшее юридическое образование», что ограничивало возможности трудоустройства женщин. Тогда-то, чтобы переломить ситуацию, «юристки решили создать свою профессиональную организацию, поставившую целью добиться равноправия» с мужчинами, и именно «благодаря энергичной и неутомимой работе» Бахтеревой возникло Общество санкт-петербургских женщин-юристов²¹.

Авторитет Бахтеревой в феминистских кругах сформировался в ходе активной общественной деятельности. Ещё 13 марта 1911 г. на собрании отдела избирательных прав Русского женского общества она выступила с докладом о личных правах лиц женского пола в гражданском законодательстве, в котором, согласно сообщению в прессе, ей удалось «ярко нарисовать бесправное положение замужних женщин не только в России, но и в других странах»²². В так называемом Соляном городке на Фонтанке 8 ноября 1912 г. состоялся суфражистский по своему характеру митинг, инициированный санкт-петербургским клубом Женской прогрессивной партии (ЖПП) и прошедший при значительном стечении публики. В мероприятии приняли участие выдающиеся феминистки М.И. Покровская, А.В. Тыркова и А.Н. Шабанова, а Бахтерева выступила с речью об «импульсах» женского движения, убеждая слушателей в том, что россиянки «будут бороться до тех пор, пока не сделаются равноправными». Она указала и на остроту проблемы допуска женщин в адвокатуру²³. В период создания Общества санкт-петербургских женщин-юристов Бахтерева снова озвучила это требование на митинге, устроенном тем же клубом в Александровском зале Городской думы 21 марта 1913 г. Внимание к поднятой теме усилило также выступление Флейшиц, уже ставшей знаменитой благодаря тому, что 6 ноября 1909 г. она оказалась первой помощницей присяжного поверенного в России, допущенной на судебное заседание в роли защитницы подсудимых. Этот случай сопровождался громким скандалом, и после протеста прокурора процесс пришлось прервать²⁴.

Основные устремления столичного женского юридического сообщества, лидером которого выступала Бахтерева, сосредоточились на борьбе за доступ женщин в адвокатуру и в число присяжных заседателей – два важнейших института судебной системы после реформы 1864 г. При этом более интенсивные меры предпринимались в первом направлении. Из-за последствий «дела Гитли Флейшиц» задача принятия закона о женской адвокатуре к моменту регистрации Общества санкт-петербургских женщин-юристов казалась почти неосуществимой. С одной стороны, в Судебных уставах 1864 г. и последующих законах не оговаривался пол претендентов на должности присяжного поверенного (являлся полноправным адвокатом и вёл дела в суде) и его помощника (выступал, по существу, в роли стажёра). Требовалось лишь юридическое университетское

²⁰ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб), ф. 14, оп. 8, д. 91, л. 1–21 об.; оп. 18, д. 75, л. 60.

²¹ Хлытчева С.М. Воспоминания юристки первого выпуска // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы... С. 265–266.

²² Женский вестник. 1911. № 4. С. 111–112.

²³ Женский вестник. 1912. № 12. С. 268–271; Женское дело. 1912. № 23. С. 20.

²⁴ Крестьянников Е.А. Участие женщины-адвоката Е.А. Флейшиц в судебном заседании 6 ноября 1909 г. и публичная сфера // Уральский исторический вестник. 2025. № 2(87). С. 72–80.

образование. Получив доступ к университетским аттестатам в области правоведения, россиянки в начале ХХ в. неоднократно пытались закрепиться на адвокатских позициях. Уже в программе ЖПП, принятой во время Первой российской революции, прописывалось требование допустить женщин к адвокатской работе²⁵. С другой стороны, с приходом на пост министра юстиции И.Г. Щегловитова в правящих кругах обозначилась чёткая политика по ограничению прав женщин в области юриспруденции.

Примечательно, что, до того как возглавить министерство, Щегловитов носил маску союзника женщин, стремившихся к юридическому образованию и работе по этой специальности. В начале своей карьеры он утверждал, что никакие российские законы не препятствовали россиянкам заниматься адвокатской практикой²⁶, а в 1904 г. выступил с развернутым заявлением о всемерной поддержке «юристок», назвав их устремление «симпатичным начинанием». Показательным примером способностей женщин к занятию правоведением, по его мнению, стало принятие Евреиновой и П.Н. Тарновской в члены Санкт-Петербургского юридического общества²⁷.

Перемену во взглядах Щегловитова можно связать с тем, что он стал министром в 1906 г. в условиях быстро менявшейся в ходе революционного процесса политической ситуации. По словам его биографов, именно на высшем государственном посту Иван Григорьевич «круто повернул вправо»²⁸. Поняв свою миссию как беспрекословную службу царизму, при собственной оценке своих заслуг в управлении ведомством сановник подчёркивал, что заставил суд «служить требованиям и интересам государственности»²⁹. Поэтому предпринятый им отпор женским стремлениям к адвокатуре представляется закономерным. Нельзя забывать и о том, что карьерный путь Щегловитова пролегал через прокуратуру, а как министр он являлся генерал-прокурором. Состязательность судебного процесса предполагала обстановку противостояния прокурорских работников и адвокатов, и последние, бывало, между собой в своих клубах прямо называли сторону обвинения «врагами»³⁰. Поводом к неприятию феминистского движения служило и участие россиянок в революционной борьбе, в том числе в терроре по отношению к деятелям юстиции. Так, 15 октября 1907 г. член эсеровского Летучего боевого отряда Северной области Е.П. Рогозинникова убила начальника Главного тюремного управления А.М. Максимовского. Женщины оказывались причастными к подготовке покушений и на жизнь самого Щегловитова³¹.

²⁵ Российские партии, союзы и лиги. СПб., 1906. С. 138.

²⁶ Щегловитов И.Г. Из уголовной практики мирового суда // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. № 5. С. 25–26.

²⁷ Женский вестник. 1904. № 4. С. 124–125. Тарновская была врачом, но, глубоко погрузившись в криминологию, заслужила уважение юридического сообщества. См., например, одну из её книг: Тарновская П.Н. Женщины-убийцы. Антропологическое исследование. СПб., 1902.

²⁸ Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры. 1906–1917. М., 1996. С. 28.

²⁹ Краковский К.П. «Щегловитовская юстиция» в России (Министерство юстиции позднеимперского периода по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства). М., 2014. С. 17.

³⁰ ЦГИА СПб, ф. 2059, оп. 1, д. 44, л. 3.

³¹ Кан Г.С. Грязя бедой преступной силе...: Летучий боевой отряд Северной области (1906–1908). В 2 т. Т. 1. Идеология. События. Люди. СПб., 2021. С. 297, 384–457, 464–472, 591, 593–597, 604–605, 610–611, 654–656.

Министерство юстиции вообще чинило препятствия «юристкам». Ещё до «дела Гитли Флейшиц», в 1908 г., по решению московского совета присяжных поверенных в число адвокатов были приняты М.М. Гиршман и Л.А. Бубнова, однако 20 октября Московская судебная палата лишила их этого звания³². В декабре они выступили с обстоятельными докладами на тему женщин в адвокатуре на Первом Всероссийском женском съезде в Санкт-Петербурге³³. По воспоминаниям Флейшиц, когда она пришла на памятный процесс защищать подсудимых, сам министр юстиции натравил на неё прокуратуру³⁴. В связи с разгоревшимся тогда скандалом либеральные «Биржевые ведомости» указывали, что руководитель юстиции «снял повязку с глаз казённой Фемиды, сделал её зрячей и к циркулярам, и к интересам полицейско-охранного дела»³⁵. 13 ноября 1909 г. Сенат признал неправомерным решение Санкт-Петербургского окружного суда о допуске Флейшиц к ведению защиты в уголовном процессе³⁶. Через три дня 100 депутатов Государственной думы разработали законодательное предположение о разрешении женщинам поступать в поверенные³⁷, но дальнейшее рассмотрение вопроса застопорилось после представления Щегловитовым премьер-министру П.А. Столыпину своего заключения с доказательствами того, что допускать россиянок к работе поверенными слишком рано и опрометчиво³⁸.

Результаты «дела Гитли Флейшиц» оказали влияние на судьбу будущих участниц Общества санкт-петербургских (петроградских) женщин-юристов. Так, после принятия 17 мая 1911 г. саратовским советом присяжных поверенных И.Г. Пшеничной в адвокатуру местная судебная палата с опорой на упомянутое сенатское постановление от 13 ноября 1909 г. предписала отменить это решение³⁹. За правильностью действий, с точки зрения высшей власти, в подобных случаях следил и сам министр юстиции. 10 марта 1914 г. один из столичных мировых судей разрешил члену общества женщин-юристов А.А. Миропольской⁴⁰ выступить на гражданском процессе в качестве поверенного, и она превзошла оппонента на суде⁴¹. Слухи об этом дошли до Щегловитова. Он предложил председателю съезда мировых судей рассмотреть данный инцидент, подразумевая ошибочность допуска Миропольской к выступлению в роли адвоката. Съезд не усмотрел в деле нарушений, но в таких случаях судебные деятели всё равно

³² ЦГА Москвы, ф. 1697, оп. 1, д. 42, л. 368 об.–369, 411 об.–412; РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 190, л. 7–8.

³³ Труды I-го Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге. 10–16 декабря 1908 г. СПб., 1909. С. 427–434, 807–816.

³⁴ Флейшиц Е.А. Из прошлого // Советская юстиция. 1958. № 3. С. 28.

³⁵ Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1909. 10 ноября. С. 1.

³⁶ Журнал Министерства юстиции. 1909. № 10. С. 45–48. Современный исследователь истории Сената А.Н. Верещагин отнёс это постановление к разряду «наиболее сенсационных» (Верещагин А.Н. Кассационный Сенат (1866–1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской империи. М., 2022. С. 285).

³⁷ РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 2368, л. 2–3.

³⁸ Там же, ф. 1405, оп. 531, д. 190, л. 59–65.

³⁹ Отчёт по Обществу петроградских женщин-юристов за 1914 г. С. 5; Исторический очерк деятельности совета присяжных поверенных округа Саратовской судебной палаты в период 1905–1914 гг. Саратов, 1914. С. 123–127.

⁴⁰ Отчёт по Обществу петроградских женщин-юристов за 1914 г. С. 15.

⁴¹ РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 215, л. 4. Захватывающий репортаж с этого судебного процесса см.: Неон. Первый шаг // Петербургский курьер (утренний выпуск). 1914. 15 марта. С. 3.

карались, а женщинам закрывался путь к адвокатской практике⁴². Притеснения со стороны «Щегловитовского» министерства коснулись также одного из главных достижений автономной адвокатуры – юридических консультаций. После десятилетий полезного труда и востребованности в народе в 1909 г. их попытались запретить⁴³.

Недовольные сложившейся на рубеже 1900–1910-х гг. ситуацией активистки Юридического отдела РЛРЖ начали оказывать давление на парламентариев. В частности, 1 мая 1911 г. они разослали членам думской комиссии судебных реформ заявление о том, что «недопущение вступать в ряды присяжной адвокатуры и выступать в качестве доверенных на суде является одним из самых несправедливых ограничений женских прав». В декабре РЛРЖ дополнительно адресовала данное заявление 300 депутатам, в том числе П.Н. Милюкову, возглавлявшему партию кадетов. Среди думских фракций кадеты оказались наиболее склонны идти навстречу россиянкам в вопросе о женской адвокатуре⁴⁴.

Охранительному курсу министра претили независимые решения советов присяжных поверенных о приёме в свои ряды женщин и решения судей, хотя и редкие, о допущении россиянок к участию в процессах в роли адвокатов. Поэтому он препятствовал законодательному закреплению подобных правил. В мае 1912 г. Государственная дума одобрила законопроект о допуске женщин к занятию должностей поверенных⁴⁵. При его обсуждении в Государственном совете 23 января 1913 г. Щегловитов выступил со страстной речью, навесив на проект ярлык «совершенно неприемлем» и предопределив его отклонение⁴⁶.

Однако участницы вскоре образованного Общества санкт-петербургских женщин-юристов не опустили руки. Вспоминая о начале деятельности организации, Хлытчиева писала: «Началась кропотливая, незаметная, но нелёгкая работа по подготовке общественного мнения, в первую очередь членов Государственной думы, в пользу нашего законопроекта. В этой работе А.И. Бахтерева поражала своей энергией, незаурядными организаторскими способностями, умением сплотить нас и заставить работать на общую пользу»⁴⁷. Уже 5 ноября 1913 г. 38 депутатов Государственной думы попытались вынести на обсуждение нижней палаты парламента законодательное предположение о дозволении женщинам вести адвокатскую практику, но их инициатива снова натолкнулась на сопротивление Щегловитова. 25 ноября он доложил премьер-министру В.Н. Коковцову, что считает рассмотрение данного вопроса «несвоевременным», поскольку совсем недавно, в начале года, Государственный совет уже

⁴² РГИА, ф. 1354, оп. 1, д. 4515, л. 1–6; *Krest'iannikov E.A.* Политические сигналы женской адвокатуры в поздней Российской империи // *Cahiers du Monde Russe*. Vol. 64. 2023. № 3–4. Р. 638.

⁴³ *Крестьянников Е.А.* Женщины-юристы Российской империи... С. 73. Следует отметить и наблюдение Р.С. Уортмана, согласно которому при Щегловитове «продвигались по службе многие карьеристы, проявлявшие особенную враждебность к адвокатуре» (*Уортман Р.С.* Властили и судии. Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 35).

⁴⁴ Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1911 г. С. 14; ГА РФ, ф. 579, оп. 1, д. 2448, л. 1; *Юкина И.И.* Русский феминизм... С. 367.

⁴⁵ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчёты 1912 г. Сессия пятая. Часть 4. Заседания 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. Стб. 2446–2470.

⁴⁶ Московские ведомости. 1913. 24 января (6 февраля). № 20. С. 2; Государственный совет. Стенографические отчёты. 1912–1913 гг. Сессия восьмая. Заседания 1–51 (1 ноября 1912 г. – 4 июля 1913 г.). СПб., 1913. Стб. 809–910.

⁴⁷ *Хлытчиева С.М.* Воспоминания юристки... С. 266.

принял по нему отрицательное решение. В итоге 19 декабря Совет министров признал законопроект неприемлемым⁴⁸.

Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, члены и соревнователи общества женщин-юристов не прекратили свою деятельность и использовали имевшиеся возможности для напоминания социуму и политикам о необходимости открыть россиянкам двери адвокатуры. Истории и текущему состоянию законодательства в этой области посвящались опубликованные в самых авторитетных юридических журналах статьи Люблинского и Флейшиц. Они также разбирали новые скандалы, возникавшие в связи с включением россиянок в число адвокатов (например, решение совета присяжных поверенных в Казани о принятии трёх женщин в адвокатскую корпорацию) или их участием в этом статусе в судебных заседаниях (в частности, О.Е. Коновицер и Миропольской, защищавших интересы своих подопечных в мировом суде)⁴⁹.

Начало Первой мировой войны усилило позиции сторонников женской адвокатуры. По данным за 1916 г., многие ведомства (финансовое – на должности в казённые палаты народного просвещения, путей сообщения, православного вероисповедания, Главного управления государственного здравоохранения) начали принимать россиянок на службу⁵⁰, и сфера юстиции не могла остаться в стороне⁵¹. Из-за мобилизации нарастаал дефицит поверенных-мужчин, а женщины, консультируя по правовым вопросам, весьма успешно выполняли функции, родственные адвокатским. В резолюции одного из совещаний представителей советов присяжных поверенных в Петрограде в апреле 1916 г. говорилось о «настоятельной необходимости» законодательно решить вопрос о допуске женщин в адвокатуру⁵². Обращая внимание депутатов Государственной думы на возникшие сложности в обеспечении населения юридической помощью, Общество петроградских женщин-юристов в 1916 г. направило им меморандум с призывом реанимировать и одобрить законопроект о женщинах-адвокатах, отклонённый Государственным советом в 1913 г.⁵³ Вскоре нехватка мужчин в судебных органах стала ещё заметнее, угрожая парализовать отправление правосудия, и 8 февраля 1917 г. Николай II утвердил закон о допуске лиц женского пола к работе на отдельных должностях по ведомству Министерства юстиции⁵⁴.

После падения монархии женщины-юристы стали массово обращаться в советы присяжных поверенных с ходатайствами о принятии в число адвокатов, и мужчины с удовольствием шли им навстречу. Весной 1917 г. в Москве и Петрограде десятки россиянок получили звание помощников присяжных

⁴⁸ РГИА, ф. 1276, оп. 9, д. 112, л. 6; ф. 1405, оп. 531, д. 190, л. 460–487.

⁴⁹ Люблинский П.И. Борьба с женской адвокатурой и уроки законности // Право. 1915. № 21. С. 1529–1547; Флейшиц Е.А. Адвокаты будущего // Вестник гражданского права. 1914. № 7. С. 58–70; Флейшиц Е.А. Ещё о женщинах в судебном представительстве // Вестник права. 1915. № 34. С. 967–969; Крест'янников Е.А. Политические сигналы женской адвокатуры... Р. 638.

⁵⁰ РГИА, ф. 1276, оп. 12, д. 4, л. 33–34 об., 48–49 об., 55–56 об., 65–66 об., 75–76.

⁵¹ Следует отметить, что по закону от 9 мая 1900 г. женщины допускались к работе в судебных органах и в Министерстве юстиции «по письменной и счётной частям» исключительно по вольному найму (ПСЗ-III. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18562. С. 469).

⁵² Протоколы совещаний представителей советов присяжных поверенных в Петрограде и Москве (январь–апрель 1916 г.). М., 1916. С. 55.

⁵³ Меморандум от Общества петроградских женщин-юристов. Пг., 1916. С. 1–2; Утро Сибири. 1916. 7 июня. С. 3.

⁵⁴ РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 213, л. 1, 127–127 об., 197 об.–198 об.

проверенных, а 1 июня Временное правительство утвердило постановление «О допущении женщин к ведению чужих дел в судебных установлениях»⁵⁵.

В борьбе за доступ в ряды присяжных заседателей почин, видимо, также принадлежал ЖПП, включившей соответствующий пункт в свою программу⁵⁶. Санкт-Петербургский клуб партии 26 января 1910 г. направил Щегловитову ходатайство за подпись председателя Покровской с просьбой «во имя правосудия, о возбуждении в законодательном порядке вопроса о допущении женщин в состав присяжных на равных основаниях с мужчинами». Составителям обращения представлялось совершенно несправедливым и возмутительным то обстоятельство, что «быть жертвою насилий женщина может, а судить это ей не позволяют»⁵⁷. Весной 1913 г. Общество санкт-петербургских женщин-юристов по заказу столичного клуба ЖПП сформировало комиссию для разработки законопроекта о включении лиц женского пола в число присяжных заседателей. Большинством голосов совет клуба принял текст законодательного предположения 16 мая, а для внесения проекта в Государственную думу решил обратиться к депутату А.И. Шингарёву⁵⁸.

По мнению Бахтеревой, россиянки демонстрировали способность участвовать в суде присяжных, а справедливость даже настоятельно требовала этого. Когда женщины уже длительное время успешно тружились на педагогическом, врачебном и других поприщах, едва ли стоило сомневаться, «что у них не хватит достаточного знания жизни и умения подойти к преступному деянию с точки зрения житейской совести». Также лидер общества женщин-юристов обратила внимание на злодеяния, для понимания которых женский жизненно-судейский взгляд являлся крайне желательным: детоубийство, умерщвление плода, преступление против женской чести⁵⁹.

Вместе с тем вопросы о допуске россиянок в проверенные и в присяжные заседатели наполнялись разными смыслами, и подчас одни и те же лица, выступая в пользу первого, могли оказаться противниками второго. К примеру, знаменитый адвокат П.Н. Малянович, 22 апреля 1908 г. выступивший в поддержку москвички Я.С. Подгурской – первой россиянки, ходатайствовавшей перед советом присяжных проверенных о приёме в адвокатуру⁶⁰, – пожелал провала законопроекту Шингарёва. Малянович полагал, что допустить женщин в присяжные заседатели можно будет лишь после того, как они добьются равенства во всех остальных сферах, «ибо неравноправные не могут быть судьями, не могут быть членами судебной коллегии равных: они внесут туда непременно элементы борьбы, в данном случае борьбы полов». Присутствие женщин, по его мнению, могло парализовать деятельность суда присяжных⁶¹.

⁵⁵ Крестьянников Е.А. Женщины-юристы Российской империи... С. 75; Вестник Временного правительства. 1917. 13(26) июня. С. 1.

⁵⁶ Российские партии, союзы и лиги. С. 138.

⁵⁷ Женский вестник. 1910. № 2. С. 56; РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 191, л. 1–1 об.

⁵⁸ Ардашев Н. Законодательное предположение о женщинах присяжных заседателях // Женская жизнь. 1915. № 12. С. 1; Бландова М. Судебные права женщин // Женское дело. 1913. № 23. С. 1; Женский вестник. 1917. № 7–8. С. 96.

⁵⁹ Бахтерева А.И. Женщины – присяжные заседатели // Женский вестник. 1914. № 4. С. 101–102.

⁶⁰ Сорок второй отчёт совета присяжных проверенных округа Московской судебной палаты за 1907–1908 г. М., 1908. С. 6–14; РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 190, л. 2.

⁶¹ Женская жизнь. 1915. № 14. С. 5.

Законодательное предположение «о предоставлении лицам женского пола права быть присяжными заседателями» было внесено в нижнюю палату парламента 5 ноября 1913 г. за подписью 37 депутатов в одном пакете с проектом о женской адвокатуре. В предположении особенно подчёркивалось, что «существует целый ряд преступлений, где женщина может фигурировать либо в качестве субъекта преступления, либо в качестве его жертвы», а потому необходимо предоставить россиянкам место на скамье суда присяжных⁶².

В прессе Бахтерева выражала сомнение в благоприятном решении парламента по этому законопроекту⁶³, и, как показало время, в Государственной думе дело не дошло даже до обсуждения. После Февральской революции правительенная комиссия по судоустройству, ссылаясь на затруднительность для россиянок судебских обязанностей, 25 апреля 1917 г. разрешила женщинам становиться присяжными заседателями при условии подачи заявления о желании участвовать в судопроизводстве в этом статусе, тогда как мужчины включались в состав суда присяжных без такого требования. Усмотрев в этом дискриминацию и настаивая на полном равноправии полов, Общество петроградских женщин-юристов обратилось с заявлением к министру юстиции, в котором опротестовывало принятное комиссией положение, отметив, «что русское правительство, вступив на путь широкой демократизации правовых начал, должно раз навсегда отказаться от прежней политики специальных забот о совершеннолетних женщинах». В присутствии представителя общества Н.А. Недошвиной 8 июня комиссия по судоустройству большинством голосов признала желательным без всяких ограничений возложить обязанности присяжных заседателей и на лиц женского пола⁶⁴.

Помимо прямых обращений в органы власти, прежде всего в Государственную думу, столичное общество женщин-юристов для распространения своих идей и привлечения внимания к собственной деятельности, согласно уставу, проводило различные агитационные и просветительские мероприятия, в первую очередь в форме докладов его членов и соревнователей. Мероприятия ассоциации проходили, видимо, в помещениях сторонних организаций, и, судя по всему, чаще всего в Русском женском взаимно-благотворительном обществе, хотя в источниках упоминаются также городская дума, зал Петровского коммерческого училища и т.д. Кроме того, женщины-юристы выступали на мероприятиях других ассоциаций. Так, на публичном собрании, организованном столичным клубом ЖПП 20 февраля 1914 г., Бахтерева рассказала об участии женщин в коллегиях суда присяжных, а Хлытчева – о женской адвокатуре⁶⁵.

Некоторые доклады в рамках деятельности общества женщин-юристов, вероятно, представляли собой апробацию авторами своих научных исследований. Например, в 1914–1915 гг. Флейшиц выступила с докладами «Законопроект о раздельном жительстве супругов и о расширении прав замужней женщины», «Юридическая природа имущественного найма», а Рынкевич – «Влияние войны на гражданско-правовые отношения». Обе они 23 ноября

⁶² РГИА, ф. 1276, оп. 9, д. 112, л. 2.

⁶³ Бахтерева А.И. Женщины – присяжные заседатели. С. 102.

⁶⁴ Женский вестник. 1917. № 7–8. С. 95–96; Недошвина Н.А. О далёком прошлом // Наша дань Бестужевским курсам... С. 86.

⁶⁵ ЦГИА СПб, ф. 569, оп. 13, д. 1156, л. 6, 15–16, 20, 22–23, 32, 36, 41, 46; Женское дело. 1916. № 7. С. 13; День. 1914. 22 февраля. С. 3.

1915 г. испытывались на степень магистра гражданского права в Петроградском университете⁶⁶.

Усугубление социальных проблем в связи с затяжным характером Первой мировой войны также привлекало внимание Общества петроградских женщин-юристов. Весной 1916 г. оно устроило публичное собрание в Петровском коммерческом училище, где члены ассоциации — Бахтерева, Е.Ф. Берёзова и Ю.М. Рудицкая — сделали сообщения о росте детской беспризорности и преступности в военное время. С докладом «Война и право», посвящённым проблеме соблюдения норм международного права в разразившемся в 1914 г. противостоянии, выступил известный правовед профессор М.П. Чубинский⁶⁷. Присутствие на мероприятиях общества специалистов, знаменитостей и представителей высшего света было нередким. Например, в списке приглашённых на собрание организации 3 марта 1915 г. числились светила отечественной юриспруденции: Люблинский, Пергамент, Чубинский, Н.А. Гредескул, В.М. Гессен. Особой многолюдностью отличалось собрание 23 января 1917 г., на котором доклады Милюкова и члена Государственного совета А.В. Васильева слушали около 600 человек⁶⁸.

Отдельного внимания заслуживает проведение обществом двух опросов россиянок, получивших юридическое образование. Опыт такой работы участницы столичной ассоциации женщины-юристов могли приобрести ещё во время обучения. В частности, при юридическом факультете на Бестужевских курсах действовал статистический кабинет, а для желающих из числа слушательниц этого факультета организовывались практические занятия по статистике⁶⁹. В первый раз анкеты рассыпались весной 1914 г., а результаты обработки ответов были представлены в начале 1916 г. Признав этот опыт успешным, в том же 1916 г. Общество петроградских женщин-юристов провело повторное анкетирование.

Согласно пояснению Бахтеревой, побудительным мотивом к осуществлению первого опроса стал «живой интерес» общественности «к новой отрасли женского труда». Это выражалось в регулярном поступлении вправление возглавлявшейся ею ассоциации запросов, «находят ли женщины-юристы возможность применять свои знания как заработка и приходится ли им соприкасаться с практической юриспруденцией». Кроме того, добавила она, «и самим юристкам было очень важно выяснить, имеется ли для них заработка по специальности как в столице, так и в провинции, и как к ним относятся те лица, к которым они обращаются за работой, и оказывают ли им поддержку при прискании заработка их коллеги-юристы»⁷⁰.

В 1914 г. анкетные листы направлялись членам женских юридических организаций в Санкт-Петербурге и Москве⁷¹ и в университетские города, но

⁶⁶ Женский вестник. 1915. № 12. С. 220; Вестник права. 1914. № 13–14. С 440–442; Отчёт по Обществу петроградских женщин-юристов за 1914 г. С. 3.

⁶⁷ Женское дело. 1916. № 7. С. 13–14.

⁶⁸ ЦГИА СПб, ф. 569, оп. 13, д. 1156, л. 23–23 об., 26–26 об., 66.

⁶⁹ Высшие женские курсы в Санкт-Петербурге. Краткая историческая записка. 1879–1908 гг. Изд. 4, доп. СПб., 1908. С. 40–41.

⁷⁰ Бахтерева А.И. Положение женщин-юристов в России по анкете 1914 г. // Женский вестник. 1916. № 5–6. С. 81.

⁷¹ Говоря о Москве, вероятно, речь шла об основанном в 1913 г. «Бюро труда женщин юристов».

известно и об ответах, поступивших от жительниц Омска⁷², Таганрога, Кишинёва, Риги и Ташкента, где университеты отсутствовали. Возвращено было около 60% анкет, их статистической обработкой занимались А.Е. Семёнова и В.А. Лосиевская. О результатах Бахтерева сообщила на собрании 24 февраля 1916 г., после чего их опубликовали в прессе. Опрос затрагивал проблемы оплаты труда женщин-юристов, их научной деятельности, а также отношения населения к работе женщин на юридическом поприще⁷³. Задачи второго опроса были скорректированы с учётом нараставшего дефицита мужчин-проверенных и увеличения спроса на женский труд в этой области. Организаторы нового анкетирования хотели «зарегистрировать эту растущую количественно и качественно женскую работу, чтобы дать основательные данные защитникам женской адвокатуры»⁷⁴. Выявленная динамика в этом отношении представлялась удовлетворительной: по сравнению с первым опросом доля трудоустроенных женщин с юридическим образованием возросла, они чаще находили работу по специальности, и их охотнее нанимали на должности, требовавшие более высокой квалификации⁷⁵.

Следует отметить, что столичная ассоциация женщин-юристов оказалась не единственной в России. После утверждения устава 27 февраля 1913 г. в Москве действовало «Бюро труда женщин юристов». Его членами могли стать только лица женского пола с высшим юридическим образованием, трудоустройство которых провозглашалось целью создания организации⁷⁶. На учредительном собрании 7 мая председательствовала Бубнова, среди основных докладчиков значилась Гиршман, они же вошли в правление. Серьёзное содействие обществу оказывал профессор В.М. Хвостов⁷⁷, слывший знатоком развития женского вопроса в разных частях планеты и горячо сочувствовавший женскому движению⁷⁸.

Исследователи первых организаций женщин-юристов в США отметили их обособление от других женских объединений⁷⁹. С этим наблюдением согласуются и данные о содружествах женщин-юристов в Санкт-Петербурге и Москве. Преследуя общую цель, они были близки друг к другу по ряду особенностей, выделявших их на фоне феминистских организаций. Конечно, внимание участниц обоих обществ привлекали проблемы, решение которых неминуемо вело к установлению всё большего равноправия полов. Однако более значимым в деятельности женщин-юристов оказывалась борьба за профессиональную самореализацию. Это выражалось и в существенном участии в ассоциациях мужчин. Характерно, что первая россиянка со свидетельством помощника

⁷² Предположительно, в Омске на вопросы анкеты откликнулась Л.П. Рушковская. Местный совет присяжных поверенных принял её в адвокатуру 26 января 1912 г., но уже через два дня прокурор Омской судебной палаты В.В. Едличко предписал данное постановление отменить (Государственный исторический архив Омской области, ф. 190, оп. 1, д. 188, л. 38).

⁷³ Отчёт по Обществу петроградских женщин-юристов за 1914 г. С. 5–6; *Бахтерева А.И.* Положение женщин-юристов в России по анкете 1914 г. С. 81–87; ЦГИА СПб, ф. 569, оп. 13, д. 1156, л. 41–42.

⁷⁴ *Бахтерева А.И.* Результаты второй анкеты... С. 17.

⁷⁵ Подробнее см.: *Крестьянников Е.А.* Женщины-юристы Российской империи... С. 70.

⁷⁶ Бюро труда женщин юристов. Устав. М., [1913]. С. 1, 3.

⁷⁷ Женское дело. 1913. № 11. С. 12.

⁷⁸ См., например, его работу: *Хвостов В.М.* Женщина накануне новой эпохи. Два этюда по женскому вопросу. М., 1905.

⁷⁹ *Mossman M.J.* Op. cit. P. 63–64.

присяжного поверенного Подгурская, намекая на неприятие феминизма, в одном из интервью прокомментировала своё отношение к женскому вопросу следующим образом: «Я против всех этих митингов, собраний и вообще борьбы за равноправие»⁸⁰.

Видимо, у столичного общества женщин-юристов не ладились отношения с РЛРЖ, которую исследователи считают ведущей общественно-политической женской организацией предреволюционной России⁸¹. Во всяком случае, имеющиеся материалы не позволяют говорить об активном участии последней в акциях сообщества женщин-юристов, в том числе в тех случаях, когда к ним присоединялись другие объединения. Например, заявление Общества петроградских женщин-юристов на имя министра юстиции в 1917 г. с требованием без всяких ограничений допустить россиянок в присяжные заседатели поддержали Союз женщин демократических организаций, Всероссийский женский союз, петроградский клуб ЖПП и женская трудовая артель, но РЛРЖ в этом списке не значилась⁸². Отсутствие в списке членов РЛРЖ лидеров общества женщин-юристов, кроме Флейшиц, после 1913 г., видимо, свидетельствует об основательном расхождении между организациями⁸³. Скорее всего, обособленность юридического женского сообщества обусловливала его предназначение. Согласно применяемым в современной литературе критериям классификации женских организаций в Российской империи, по характеру целей и защите специфических интересов его следует относить к профессиональным объединениям⁸⁴. На это также указывают жёсткое требование к членству в организации (наличие университетского диплома правоведа) и направления деятельности с очевидным уклоном на разрешение юридических вопросов. Элитарный по своему составу⁸⁵, самодостаточный и занимавшийся тем, что мог понять далеко не каждый, союз не стремился к привлечению масс и вряд ли был готов стать частью других, более крупных феминистских структур. Наоборот, его участницы требовали большей свободы действий и самостоятельности.

Заявив о «служении праву», Общество санкт-петербургских (петроградских) женщин-юристов достаточно чётко определило круг «своих» и «чужих». В числе первых оказались феминистские организации, оппозиционная правительству часть элиты и, конечно, правоведы-мужчины с их объединениями, склонные поддерживать женщин как минимум в главном вопросе – о допуске в адвокатуру⁸⁶. Те же, кто попирал право, закономерно становились врагами

⁸⁰ Анфимова Л. Первая женщина-адвокат в России // Голос Москвы. 1908. 24 мая. С. 5.

⁸¹ Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б. Женское движение в России... С. 81.

⁸² Женский вестник. 1917. № 7–8. С. 95.

⁸³ Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1913 г. С. 92–111; Отчёт Российской лиги равноправия женщин за 1914 и 1915 гг. Пг., 1917. С. 96–113.

⁸⁴ Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б. Женское движение в России... С. 62, 98.

⁸⁵ Об элитарном характере общества свидетельствует и то, что некоторые его активистки перед обучением в отечественных высших учебных заведениях получили дипломы правоведов в иностранных университетах, например Флейшиц в Парижском, а Пшеничная в Женевском (ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 15, д. 749, л. 1; д. 2157, л. 1–2 об.; оп. 18, д. 45, л. 16).

⁸⁶ Случаи препятствования доступу женщин в поверенные со стороны адвокатов-мужчин единичны. Так, явным недоброжелателем выступал нижегородский присяжный поверенный Н.И. Варфоломеев, который в местной прессе и письмах Щегловитову доказывал невозможность женской адвокатуры (РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 190, л. 81–81 об., 315–318 об.). Среди советов присяжных поверенных, пожалуй, только новочеркасский прямо отказал двум женщинам в приёме (Девятый

одновременно для организаций женских и мужских юридических сообществ. К этой группе, безусловно, относились руководители юстиции во главе с Щегловитовым, который среди прочих мер старался затормозить консолидацию российской мужской адвокатуры. Так, в начале 1912 г. он отклонил прошение столичного совета присяжных поверенных о разрешении организовать Всероссийский съезд адвокатов. Объясняя Коковцову мотивы своего отказа, Щегловитов отметил, что «предполагаемый съезд, ввиду враждебного отношения к правительству большинства лиц, принадлежащих к составу присяжной адвокатуры, будет, по всей вероятности, использован для противоправительственной агитации»⁸⁷.

Начав движение к коллективной самоорганизации в 1911 г., члены Общества санкт-петербургских (петроградских) женщин-юристов оказались первоопроходцами в деле консолидации женских сил в области юриспруденции. Они сами определяли организационное устройство своего сообщества, направления деятельности, выбор союзников. В остроте ставившихся ими вопросов и в сопротивлении их решению со стороны высшей власти угадывается нечто несовместимое с царской Россией: «служение праву» в ней противоречило монархической идее. Смена политического режима в 1917 г. удовлетворяла юристок. На чрезвычайном собрании 5 марта этого революционного года столичное общество женщин-юристов «единогласно постановило приветствовать Временное правительство, открывающее новую эру жизни нашей освобождённой Родины»⁸⁸.

отчёт о деятельности совета присяжных поверенных округа Новочеркасской судебной палаты за 1912–1913 г. (с 1 июня 1912 г. по 1 июня 1913 г.). Новочеркаск, 1913. С. 9–15).

⁸⁷ РГИА, ф. 1276, оп. 8, д. 53, л. 3–6.

⁸⁸ Там же, ф. 1278, оп. 5, д. 1298, л. 77.

Подготовка физкультурных кадров на базе высших и средних профессиональных учебных заведений на рубеже 1920–1930-х гг.

Anna Хорошева

Training of physical education personnel at higher
and secondary vocational educational institutions
at the turn of the 1920s–1930s

Anna Khorosheva
(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.7868/S3034579025060225

Рубеж 1920–1930-х гг. – неоднозначный период в истории нашей страны. Индустриальный рывок потребовал от населения огромных усилий и жертв. Однако мало было построить предприятия – возникла потребность в людях, которые смогут на них работать. В 1935 г. И. В. Сталин произнёс перед выпускниками военных академий ставший знаменитым лозунг: «Кадры решают всё!». Однако задача подготовки высококвалифицированных специалистов обозначилась гораздо раньше, с самого начала процесса становления Советского государства. Важным инструментом мобилизации масс на трудовом поприще, а также культурной революции, воспитания «нового человека» стала физическая культура. С её помощью предполагалось повысить степень выносливости и дисциплины людей, что в условиях индустриального рывка было чрезвычайно важно.

Однако чем больше ширилось физкультурное движение, тем острее ощущалась нехватка в нём профессиональных кадров. Это обусловило пристальное внимание власти к данной сфере. Для выполнения поставленных задач требовались слаженные действия, поэтому началась централизация управления, в том числе физкультурным образованием. Несмотря на то что в последние годы появляется всё больше исследований по истории советского спорта, данный его аспект остаётся почти неизученным, есть лишь отдельные работы, написанные на региональном материале¹. В данной статье проблема истории решения кадровой проблемы в физкультурном движении впервые рассматривается комплексно, на основе широкого круга источников, среди которых не только опубликованные законодательные и делопроизводственные материалы,

---

© 2025 г. А. В. Хорошева

¹ Сарычева Т.В. Качественная и количественная характеристика кадрового состава сферы физической культуры в Западной Сибири в 1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 126–132; Сарычева Т.В., Турыгин С.П. Формирование кадрового состава сферы физической культуры Западно-Сибирского региона в 1920-е гг. и его характеристика // История педагогической науки и практики. 2015. № 2. С. 175–183; Сидорчук И.В. Интеграция физической культуры и спорта в систему высшего образования в 1920–1930-х гг. // История: факты и символы. 2024. № 2. С. 19–28; Мутьев А.В. Становление профессионального физкультурного образования в Крыму в начале 1930-х годов // Новый исторический вестник. 2024. № 4. С. 66–86; Яковец Н.В. Образовательные учреждения Сталинграда в 1926–1930 учебных годах: состояние, развитие // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2023. № 3. С. 76–82; и др.

периодическая печать и выступления партийно-государственных деятелей, но и большой массив архивных документов. Среди последних – нормативные, делопроизводственные и статистические материалы из фондов Комитета физической культуры и спорта СССР (ф. Р-7576) и Центрального бюро физической культуры ВЦСПС (ф. Р-7710), хранящихся в ГА РФ, а также фонда ЦК ВЛКСМ (ф. М-1) РГАСПИ.

Прежде чем говорить об изменениях в сфере физкультурного образования на рубеже 1920–1930-х гг., необходимо описать положение дел в ней в предшествующий период. Поначалу ею руководило Главное управление всеобщего военного обучения и формирования резервных частей Красной армии (Всевобуч), при котором сначала появился спортивный отдел, а потом Высший совет физической культуры (ВСФК). В 1923 г. Всевобуч упразднили, а ВСФК перешёл в подчинение ВЦИК. Одной из его главных задач являлось идейное воспитание: физкультура противопоставлялась буржуазному спорту, в котором, по мнению большевиков, царили индивидуализм и культивировалась высокие достижения. Н.А. Семашко, занимавший пост председателя Совета в 1923–1926 гг., полагал, что именно с физкультуры начинается «культурность»². От советского человека требовалось уметь не только быстро бегать и прыгать, но и распознавать классового врага. Всему этому его должен был научить инструктор.

Однако первыми инструкторами работали спортсмены ещё дореволюционной выучки, для которых спорт выражался прежде всего в физической активности, неотъемлемыми составляющими которой выступали соревнования и эмоции. Как следствие, требовалось воспитать «своих», идейно подкованных специалистов. Для этого в 1918 г. в Москве на базе шестимесячных курсов создали институт физической культуры³, который в 1920 г. получил статус высшего учебного заведения⁴. Несмотря на то что инициатива его создания принадлежала Наркомату просвещения РСФСР (Наркомпрос), в 1919 г. его подчинили Наркомату здравоохранения республики (Наркомздрав), который возглавлял Семашко. В этом же году в Петрограде на базе Высших курсов воспитательниц и руководительниц физического воспитания П.Ф. Лесгафта (работали с 1896 г.) появился ещё один институт физического образования⁵, также подчинённый Наркомздраву. В 1921 г. институт физкультуры организовали в Томске, однако просуществовал он недолго⁶.

Ситуация со средним образованием в рассматриваемой сфере обстояла плохо. В 1918 г. в структуре Наркомпроса появилась секция профессионально-технического образования, которую в январе 1920 г. преобразовали в Главный комитет профессионального образования (Главпрофобр)⁷. Однако из-за нехватки финансов техникумы физкультуры создавались медленно. Первый из них

² Семашко Н.А. Физическая культура и здравоохранение в СССР // Семашко Н.А. Избранные произведения. М., 1954. С. 263–264.

³ С 1920 по 1934 г. – Государственный центральный институт физической культуры (ГЦИФК).

⁴ Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта / Сост. И.Г. Чудинов. М., 1959. С. 9.

⁵ В 1919–1924 гг. носил название Государственный институт физического образования (ГИФО), в 1924–1929 гг. – Государственный институт физического образования им. П.Ф. Лесгафта, в 1929–1935 гг. – Государственный институт физической культуры им. П.Ф. Лесгафта (ГИФК).

⁶ Деметр Г.С., Горбунов В.В. 70 лет советского спорта. Люди, события, факты. М., 1987. С. 9–10.

⁷ Декреты Советской власти. Т. 7. 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. М., 1974. С. 142–144.

открылся только в 1925 г. в Сталинграде по инициативе местных общественных организаций. Он подчинялся Наркомпросу, обучал сначала по двухгодичной, а с 1928/1929 учебного года — по трёхлетней программе⁸. В подробнейшем отчёте о состоянии физкультуры в РСФСР за 1927–1929 гг., подготовленном к началу работы расширенного пленума ВСФК в марте 1929 г., содержатся сведения о существовании второго техникума — в Москве. Главпрофобр запланировал на 1929/30 учебный год открытие техникумов в Ленинграде и Свердловске, а также физкультурных отделений при медицинских техникумах Иркутска и Ростова-на-Дону. Но подчёркивалось, что этого недостаточно, требуются заведения в Казани, Ростове-на-Дону и Новосибирске, а число выпускников московского и сталинградского надо увеличить до 100 человек в каждом⁹.

Выполнялась эта программа с трудом: в 1927 г. диплом о высшем образовании ГЦИФК получили только 17 человек, а ГИФО — 57, в 1928 г. — соответственно 30 и 63 человека¹⁰. Сталинградский техникум в 1929 г. выпустил 17 человек¹¹. Если учесть, что уже в 1925 г. в СССР, согласно официальным данным, физкультурой на постоянной основе занимались 1413 495 человек¹², такие темпы не могли обеспечить даже минимальных потребностей. Проблема нехватки кадров проходила красной нитью через все отчёты с мест, а также являлась одной из главных тем в периодической печати того времени¹³. По мнению Семашко, выйти из ситуации можно было лишь путём открытия на местах краткосрочных курсов¹⁴. Таковые организовывались без каких-либо единых программ, уровень преподавания никем не контролировался. Всё это объясняло слабые результаты работы и непрекращающийся поток жалоб на кадровый голод.

Тем не менее до конца 1920-х гг. количество учебных заведений в области физкультуры и спорта оставалось прежним. Изменила ход дел лишь «военная тревога» 1927 г., которая многократно усилила тенденцию военизации физкультурного движения, оно стало рассматриваться как важный элемент укрепления обороноспособности страны. Его прежняя главная задача — организация досуга трудящихся — потеряла актуальность. На первый план выдвинулась подготовка физически развитых строителей социализма, с количеством и особенно качеством кадров напрямую увязывали успех индустриализации. Так, июльский пленум ЦК ВКП(б) 1928 г. принял резолюцию «Об улучшении подготовки новых специалистов»¹⁵, а ноябрьский 1929 г. — «О кадрах народного хозяйства». Последняя предусматривала составление пятилетнего плана обучения специалистов высшей и средней квалификации, оптимизацию учебных планов, увеличение пропускной способности старых учебных заведений и открытие новых, выделение средств на капитальное строительство зданий,

⁸ ГА РФ, ф. Р-7710, оп. 1, д. 5, л. 30.

⁹ Там же, ф. Р-7576, оп. 1, д. 32, л. 18 об.

¹⁰ Там же, ф. Р-7710, оп. 1, д. 5, л. 28.

¹¹ Яковец Н.В. Образовательные учреждения Сталинграда... С. 79.

¹² РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 477, л. 44.

¹³ Подробнее см.: Хорошева А.В. Проблема кадров в советском физкультурном движении в 1918–1930 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2023. № 2. С. 75–96.

¹⁴ Семашко Н.А. Задачи Высшего совета физической культуры // Известия физической культуры. 1924. № 2. С. 2–3.

¹⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 4. 1926–1929. М., 1984. С. 355–356.

лабораторий, увеличение зарплат преподавателям и стипендий студентам, расширение сроков практики¹⁶.

Эти решения стали установочными для всех органов власти и общественных организаций страны, а также положили начало целенаправленной работе по усилению централизации. В сентябре 1929 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О физкультурном движении», а в апреле 1930 г. – постановление ЦИК СССР «Об учреждении Всесоюзного совета физической культуры при ЦИК СССР»¹⁷. На первом пленуме ВСФК его председатель, видный партийный деятель Н.К. Антипов озвучил требование верхов – объединить «громадное большинство трудящихся в физкультурном движении»¹⁸. Он подверг профсоюзы и комсомол разгромной критике за увлечение спортом ради спорта, погоню за рекордами и отсутствие системной борьбы с аполитичностью. Партия требовала покончить с соперничеством между ВЦСПС и ВЛКСМ, чего следовало достичь путём строгого подчинения их работы в сфере физкультуры Совету, централизации и плановости в развитии движения¹⁹.

В числе первоочередных пленум обсудил вопрос о кадрах. Антипов отметил не только их нехватку, но и «неправильный» состав. Согласно его данным, в РСФСР насчитывалось около 5 тыс. инструкторов, но среди них лишь 30% состояли в партии или комсомоле, а 23% – люди с довоенным стажем, «выученики буржуазии». Причём он признал, что последние в профессиональном плане – самая квалифицированная часть. Отсюда выводились две задачи: выдвинуть на руководящие посты рабочих, чтобы они взяли руководство движением в свои руки, и подготовить «своих» специалистов-физкультурников. Для этого набирать слушателей следовало из среды пролетариата и близких ему слоёв трудящихся²⁰. В то же время констатировалось, что профильных заведений слишком мало, поэтому к осени 1930 г. необходимо открыть новые техникумы. Эту линию конкретизировал член президиума Совета, представитель ВЦСПС Д. Ещин, предложивший создать вузы в крупнейших после РСФСР союзных республиках – Украинской и Закавказской. Обсуждался и вопрос о руководстве ими, а именно передача их из подчинения Наркомздрава в ведение союзного ВСФК²¹ (однако к единому мнению прийти не удалось).

Затронули во время прений и проблему преемственности программ техникумов и институтов, которая зачастую отсутствовала, в том числе и по причине разной ведомственной принадлежности²². С критикой выступил заместитель директора ГЦИФК С.Я. Магитон. Он подтвердил, что имеющаяся сеть средних профессиональных и высших учебных заведений выполнить задание партии по подготовке достаточного количества специалистов не сможет. Согласно его расчётам, Наркомпрос к концу первой пятилетки выпустит из техникумов только 760 человек вместо необходимых 15–18 тыс., а вузы – 750–760 вместо 2200 (именно столько мест предусматривалось контрольными цифрами Госплана). Особое внимание он обратил на то, что дело не только в количестве мест, но

¹⁶ Там же. Т. 5. 1929–1932. М., 1984. С. 19–22.

¹⁷ Основные постановления... С. 17–22.

¹⁸ Первый пленум Всесоюзного совета физической культуры 6 апреля 1930 г. Стенографический отчёт. М.; Л., 1930. С. 25.

¹⁹ Там же. С. 14, 17–18.

²⁰ Там же. С. 21–22.

²¹ Там же. С. 29.

²² Там же. С. 56.

и в том, сколько кандидатов на них присылают местные партийные и общественные организации. Например, ЦК ВЛКСМ принял решение о посылке на учёбу 200 комсомольцев-физкультурников, но за 3,5 месяца никто учиться не приехал²³.

Прозвучали и особые мнения. Так, представитель профсоюзов А.Г. Иттин настаивал, что массовая подготовка кадров возможна только в том случае, если она примет вид общественной нагрузки низового актива, поскольку вузы и техникумы с этой работой всё равно не справятся²⁴. Однако возникли вопросы: как проверить качество подготовки, как отсеять идеально неправильные установки? В любом случае эта идея уже не отвечала духу времени. В условиях первых пятилеток требовался механизм, гарантирующий результат: планы с ясными показателями, единые программы обучения, люди, обладающие высокой квалификацией и отвечающие за результаты работы своим рабочим местом.

Данный пленум готовился несколько лет. Еще в 1928 г. прошла масштабная проверка обоих физкультурных вузов. Совместная комиссия Наркомпроса и Наркомздрава выявила плачевную ситуацию: низкая успеваемость студентов, плохая посещаемость, неблагополучный социальный состав. Из 441 студента ГЦИФК лишь 130 числились рабочими, в то время как 230 – служащими, 75 – крестьянами, 6 – кустарями. 220 не состояли в партии. Государственную стипендию получали только 199 человек, остальным приходилось совмещать учёбу с работой, что отрицательно сказывалось на успеваемости. Вердикт комиссии: для улучшения подготовки студентов необходимо улучшить их материальное положение²⁵.

В 1929 г. последовала аналогичная акция социально-культурной инспекции Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрина) РСФСР. Её результатом стала объяснительная записка, где подробно излагались проблемы физкультурных вузов. Первая заключалась в том, что сами вузы не имели ясного представления, кого и для чего готовят. Московский институт специализировался на «помощниках врача» для санаториев и домов отдыха, а ленинградский – на «массовых работниках» для кружков. Учебные планы существенно различались: ленинградский институт основное внимание уделял теории, московский – больше занимался практикой. В результате, по мнению проверяющих, один оказался слишком академичен, а другой опустился до уровня техникума. И неудивительно: ГЦИФК создавался на базе курсов, имевших практическое значение, ГИФК же ещё до революции стал научным центром с большим количеством лабораторий, а его слушатели имели хорошую предварительную подготовку.

Впрочем, нашлись и общие черты. В том и другом вузе «увлекались чуждыми системами»: сокольством, французской системой Деммени, шведской гимнастикой и т.п. Практика проводилась формально, распределение на неё происходило случайным образом. Особую обеспокоенность вызвала ситуация с учебно-вспомогательными учреждениями. ГИФК в этом отношении выделялся в лучшую сторону, здесь не хватало только спортивных залов, но уже началось строительство второго корпуса, при помощи которого предполагалось решить проблему. ГЦИФК, в свою очередь, не имел даже нормальной библиотеки, лабораторий не хватало и они страдали от недоукомплектованности²⁶. Всё это показывает, что каждый вуз существовал на той материальной базе, которую имел изначально.

²³ Там же. С. 46.

²⁴ Там же. С. 68.

²⁵ ГА РФ, ф. Р-7710, оп. 1, д. 4, л. 33.

²⁶ Там же, д. 5, л. 25–27.

Вторая проблема — преподавательские и научные кадры. Ситуацию в ленинградском институте признали удовлетворительной, а вот в московском ставки занимали лица без соответствующей научной и педагогической квалификации. Причём аспирантов в нём числилось много, хотя толком ими никто не руководил. Сами же они, в свою очередь, активно привлекались к преподаванию (в том числе нелегально). В ленинградском институте числились всего три аспиранта, хотя в нём имелась прекрасная база для их подготовки²⁷.

Третьей проблемой оказался студенческий состав. Комплектование вузов шло внепланово, без учёта потребностей заинтересованных ведомств и общественных организаций. Беспокоило проверяющих социальное происхождение обучающихся, в особенности то, что в ГЦИФК за последние годы процент принятых рабочих и крестьян снизился (в ГИФК он немного вырос). Не радовала и успеваемость, которую сочли удовлетворительной лишь у 75–85% студентов. Много внимания инспекция уделила недостатку стипендиальных фондов (особенно в Ленинграде) и проблеме мест в общежитиях (в комнатах проживало до 16 человек), находившихся к тому же в аварийном состоянии²⁸. Больше того, в ГЦИФК две трети помещений занимали лица и учреждения, не имевшие к институту отношения, учёт средств и оборудования вёлся небрежно, в общем «царит бесхозяйственность». В заключении отмечалось, что постоянную связь с центральными органами поддерживал только ГЦИФК²⁹.

Записка также содержала подробный отчёт о деятельности Стalingрадского техникума физкультуры. Как и в случае с институтами, критиковалась запутанность и непродуманность его учебных планов, отмечалась ориентированность исключительно на практику и слабость теоретической и педагогической подготовки. Энтузиазм вызвал социальный состав обучающихся: преобладали рабочие (32,6%) и крестьяне (32,6%). Однако из-за нехватки оборудования и плохой посещаемости показатель успеваемости оставался низким. Общественная работа велась неудовлетворительно, материальное положение учеников не внушало оптимизма: только 50% получали стипендии, которые не обеспечивали прожиточного минимума (всего 16 руб.), мест в общежитии не хватало, столовая отсутствовала. Материальную базу техникума сочли слабой, помещения — не приспособленными для занятий. Содержался он за счёт местных средств; финансирование хоть и росло, но оставалось недостаточным³⁰.

Обстоятельная записка, подкреплённая большим количеством данных, зафиксировала реалистичную — и, в духе времени, печальную — ситуацию. Судя по всему, проверку инициировали с прицелом на дальнейшую реорганизацию учебных заведений. За годы существования в них сложились свои традиции и коллективы, выработались подходы к работе. Для разрушения этого мира требовалась «публичная порка», и она развернулась по канонам советских пропагандистских кампаний. Если в 1928 г. была опубликована серия статей, посвящённых десятилетнему юбилею ГЦИФК, которые рапортовали о его успехах и активной научно-исследовательской и педагогической деятельности³¹, то

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, л. 26 об.

²⁹ Там же, л. 29 об.–30.

³⁰ ГА РФ, ф. Р-7710, оп. 1, д. 5, л. 30–31 об.

³¹ См., например: К десятилетию Государственного центрального института физической культуры // Физкультура и спорт. 1928. № 22. С. 2; Десять лет Государственного центрального института физической культуры (из личных воспоминаний) // Физкультура и спорт. 1928. № 22.

после проверки 1929 г. ректору института А.А. Зикмунду пришлось покинуть пост. Вскоре вышли два решения высших органов власти, которые в корне изменили систему подготовки физкультурных кадров.

6 апреля появилось постановление коллегии Наркомата Рабкрина, рекомендовавшее ввести обязательный предмет «Физическое воспитание» во всех учебных заведениях страны. Началось системное изменение учебных планов в сторону унификации, а научно-теоретическая подготовка уравновешивалась с практическими занятиями. Увеличивалось количество часов, отводимых на вопросы военно-прикладного характера. Подчёркивалась необходимость выделения «достаточных средств» для научно-исследовательской работы, причём ленинградский институт должен был стать теоретико-биологической базой, а московский – заниматься общественно-методическими вопросами. Должности профессоров и доцентов могли занимать только квалифицированные кадры (особо это касалось ГЦИФК, где проверка выявила наибольшие нарушения), запрещалось чтение «ответственных курсов» аспирантами, увеличивалось число мест для последних, особенно в ГИФК. Пристальное внимание обращалось на необходимость изыскания средств на выплату стипендий, для чего значительно расширялся стипендиальный фонд. Требовалось немедленно выселить все не имевшие отношения к вузам организации и всех жильцов, находившихся в их помещениях, а также выделить суммы (прежде всего из бюджета Наркомздрава) на ремонт общежитий для студентов и залов для занятий, приобретение дополнительных площадей. Назначалась комиссия для разработки плана капитального ремонта московского института³².

Сталинградский техникум комиссия сочла оправдавшим надежды по форме обучения. Наркомпросу было дано распоряжение в дальнейшем организовывать по его образцу другие подобные заведения. Однако далее следовала разгромная критика учебного плана техникума, указывалось, что в нём практически полностью отсутствуют оборудование и учебная литература. От наркомата требовалось разработать нормы по минимальному обеспечению ими техникумов. Вследствие плачевного состояния зданий и общежитий следовало разработать нормы для типовых помещений под техникумы физкультуры и, основываясь на них, выделить дополнительные площади³³. В целом удалось учесть все выявленные при проверке недостатки.

19 июля вышло постановление СНК РСФСР, в соответствии с которым предмет «Физическое воспитание» стал обязательным во всех учебных заведениях республики. Наркомпросу предписывалось создать учебные планы и программы данного курса. Это в корне изменило значение физкультуры в образовательном процессе, и вопрос о кадрах стал ещё острее. В этом же документе основной задачей физкультурных вузов объявлялась подготовка преподавателей для высших и средних учебных заведений, инструкторов-организаторов и инспекторов-методистов для центральных и областных советов физкультуры (СФК), Наркомпроса, профсоюзов. Физкультурные техникумы должны были готовить специалистов средней квалификации для рабочих факультетов, техникумов, профессиональных школ. Должности преподавателей физкультуры во всех типах учебных заведений могли теперь занимать только специалисты

С. 3; Зикмунд А.А. Ближайшие задачи Государственного центрального института физической культуры // Теория и практика физкультуры. 1928. № 3. С. 10–11.

³² ГА РФ, ф. Р-7710, оп. 1, д. 5, л. 21.

³³ Там же, л. 22–22 об.

с соответствующим уровнем образования, не соответствовавших этому требованию предстояло постепенно заменить. Наконец, предписывалось открыть в ближайшие пять лет «ряд техникумов», которые Госплан должен был учесть при разработке плановых показателей на 1931 г.³⁴

Проект этого постановления, подготовленный Рабкрином, сохранился в архиве. Интересно сравнить предварительный и окончательный варианты. Главная задача – введение физкультуры как обязательного предмета – содержится в обоих, но находим и серьёзные отличия. Согласно проекту преподавание предмета начиналось уже с 1929/30 учебного года. Техникумы предстояло открыть в течение трёх лет в Москве, Ленинграде, Воронеже, Самаре, Иваново-Вознесенске, в Сибири и на Северном Кавказе. Они должны были работать по трёхлетней программе и принимать только лиц, окончивших семилетнюю трудовую школу. Содержались поручения наркоматам финансов и просвещения разработать нормы бюджетного содержания техникумов на местах, выдать единовременные пособия на строительство и указать, насколько учебные заведения всех типов обеспечены специальными помещениями для физкультуры. Наркомздраву и Наркомпросу следовало обеспечить все учебные заведения специальной литературой³⁵. Всего этого в итоговом документе нет. Проект составлялся в свете проблем, выявленных при проверке. Однако очевидно, что их устранение в течение лишь одного года было объективно невозможно, поэтому СНК РСФСР постарался не брать на себя лишних обязательств.

Таким образом, процесс перестройки системы физкультурных учебных заведений начался ещё до учреждения ВСФК при ЦИК СССР. Решения, принятые властями крупнейшей республики Союза, создали базу для сети среднего профессионального образования в этой сфере по всей стране. Главными принципами подготовки становились централизация, единообразие, практико-ориентированность и материальное обеспечение со стороны государства. Данные изменения объяснялись не только проблемами в самой сфере, но и тем, что в стране шла масштабная реформа среднего профессионального и высшего образования. Она предусматривала переход к ведомственному принципу подготовки кадров и оптимизацию учебного процесса.

С 30 июня по 2 июля 1930 г. прошло совещание ВСФК при ЦИК СССР по вопросу о единой системе физкультура. Его итоги подвела резолюция, в очередной раз констатировавшая, что движение развивается быстрее, чем растёт количество кадров для него, а отсутствие единой системы и плана подготовки только усугубляет ситуацию. В свете этого указывалось, что основными звеньями профильного образования должны стать вузы и техникумы, а также – в качестве временной меры – годичные курсы для работников средней квалификации, полугодичные и трёхмесячные для работников низшей квалификации и краткосрочные для общественного актива. Программы учебных заведений и методику преподавания в них требовалось сделать преемственными. Базой для подготовки высококвалифицированных кадров становились ГЦИФК и ГИФК, им же предстояло готовить специалистов для всех вузов страны. Руководители кафедр и доценты должны были иметь соответствующую

³⁴ Постановление СНК «По докладу Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1929. № 58. 30 августа. С. 826–827.

³⁵ ГА РФ, ф. Р-7710, оп. 1, д. 5, л. 23–23 об.

научную квалификацию³⁶. Подтверждалась установки постановления СНК РСФСР 19 июля 1929 г. и первого пленума ВСФК. Важной новацией стало введение трёхлетнего срока обучения в вузах: один год сокращался за счёт оптимизации учебных программ, причинами которой стали нехватка средств и необходимость быстро нарастить количество выпускников. Финансы, предназначенные для вузов, перераспределялись с целью увеличения численности мест для поступления, чтобы обучающиеся быстрее получали дипломы и могли работать. Задачей сокращения периода обучения и объяснялась критика перегруженности учебных планов «лишними» дисциплинами. Следует отметить, что это соответствовало общим тенденциям образовательной реформы: даже в медицинских вузах, несмотря на сложность и специфику обучения, его срок сокращался³⁷.

Для данного совещания подготовили расчёт потребностей физкультдвижения в кадрах на ближайшие пять лет. Специалистов высшей квалификации³⁸ требовалось 3 336 человек. На тот момент их имелось лишь около 700, при этом ГЦИФК и ГИФК могли подготовить 1 400 выпускников. Из этого делался вывод, что надо открыть ещё два вуза, а также предлагалось использовать опыт Германии, организовав центры подготовки педагогов с двойной специальностью. Потребность в кадрах средней квалификации³⁹ рассчитывалась исходя из того, что группа обучающихся в образовательных учреждениях состояла из 30 человек, а нагрузка на одного преподавателя составляла 32 часов за 10 дней. В городских физкультурных кружках предполагалось иметь одного инструктора на 500 физкультурников, в деревенских – одного на 1 тыс., в каждом районном совете физической культуры – одного специалиста⁴⁰.

В 1930 г. открылся Закавказский государственный институт физической культуры (ЗГИФК) в Баку, при котором также действовал техникум. Первые годы преподавание велось на русском языке из-за острой нехватки преподавателей из местных. В том же году на базе отделения физкультуры Института народного образования в Харькове создали Государственный институт физической культуры Украины (ГИФКУ)⁴¹. Процесс расширения сети вузов и техникумов должен был продолжаться. Сохранилось постановление пленума ВСФК при ВЦИК РСФСР о плане физкультурного строительства на 1931 г., в основе которого лежали обновлённые расчёты потребности в кадрах. Планы касались только РСФСР, но их вполне можно назвать грандиозными. Если работников с высшей квалификации имелось 600 человек, а средней – 5 500, то подготовить планировалось 550 и 6 950 соответственно⁴².

³⁶ ГА РФ, ф. Р-7710, оп. 1, д. 21, л. 32.

³⁷ Нагорная С.В., Остапенко В.М. Учебно-методическая деятельность медицинских факультетов в период университетской реформы 1920–1930 гг. // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2011. № 4. С. 105.

³⁸ Преподаватели вузов, техникумов, организаторы-методисты республиканских, областных и краевых СФК, профсоюзов и прочих организаций, организаторы-методисты для крупных предприятий, колхозов, совхозов.

³⁹ Преподаватели техникумов, школ ФЗУ и крестьянской молодежи, школ второй ступени, инструктора-организаторы в районных СФК, а также инструктора физкультуры в лечебных и профилактических учреждениях.

⁴⁰ ГА РФ, ф. Р-7710, оп. 1, д. 21, л. 44.

⁴¹ Физической культуры институты // Большая советская энциклопедия. В 30 т. Изд. 3. Т. 27. М., 1977. С. 379.

⁴² ГА РФ, ф. Р-7710, оп. 2, д. 2, л. 200.

Правда, отмечалось, что в нормальных условиях это невозможно: выпуск ГЦИФК и ГИФК должен был составлять по 290 человек в каждом, а техникумов – по 85. Потому решили открыть сеть годичных курсов на 1 тыс. человек, а также краткосрочных курсов на 5 тыс. человек. Не менее 5 тыс. работников (главным образом для деревни) предстояло подготовить в армии; предусматривалась и заочная система обучения, через которую предстояло пройти 1 тыс. инструкторов. Количество техникумов решили увеличить до 21 с 2415 учащимися, принять в них следовало 1 800 человек. Планировалось приступить к строительству институтов в Новосибирске и на Урале с расчётом, что первый откроется в 1931 г., а второй – в 1932 г., а также реорганизовать Сталинградский техникум в институт⁴³. Планом предусматривалось и финансирование: 550,6 руб. на человека в техникуме и 30 тыс. руб. на оборудование во вновь открываемых учебных заведениях. Предполагалось открыть новые техникумы в Москве, Твери, Нижнем Новгороде, Архангельске, Чебоксарах, Новосибирске, Алма-Ате, Курске, Симферополе, Казани, а также реорганизовать отделения педагогических техникумов в самостоятельные в Свердловске, Самаре, Смоленске.

Однако добиться удалось немного. К 1931 г. техникумов действовало только шесть: в Ленинградской (с выпуском 47 человек) и Уральской (28) областях, Северо-Кавказском (60), Восточно-Сибирском (30), Средневолжском (77) и Нижневолжском (113) краях⁴⁴. Планы натолкнулись на обычные для данной сферы проблемы – нехватку финансирования и кадров. Так, например, мероприятия по организации Крымского техникума в Симферополе начались в 1930 г., в 1931 г. последовало официальное решение о его создании и поступили средства на это, предусматривался набор из 40 человек. Однако открытие заведения задерживалось до тех пор, пока не прислали четверых выпускников ГЦИФК. Почти год своего существования оно не имело собственных помещений и в итоге в 1933 г. техникум перевели в Феодосию⁴⁵. Примерно те же проблемы наблюдались и в Западной Сибири, где попытки создать техникум не увенчались успехом ещё в конце 1920-х гг. из-за ограниченных материальных возможностей. В итоге учреждение удалось открыть только в 1931 г. в Новосибирске. В Восточной Сибири техникум предполагали организовать в Иркутске, но из-за комплекса проблем его перевели в Красноярск⁴⁶. Как видим, несмотря на поддержку сверху, на местах возникало множество проблем.

Уже в 1931 г. стало ясно, что сеть учебных заведений хоть и растёт, но не успевает за ростом численности физкультурников, и в план пришлось вносить корректизы. 30 июля Секретариат союзного ВСФК заслушал доклад о потребности в физкультурных кадрах на 1932 г. Выяснилось, что необходимо 30 545 специалистов, на учёте же состоял 6 661. В 1932 г. планировалось выпустить 200 человек с высшим образованием, из аспирантуры – 59, средней квалификации – 1 200, низшей квалификации – 9 тыс., всего 10 459 человек. Исходя из этих цифр обладающих высшим образованием требовалось 1 489, средним – 12 800, общий дефицит составил 14 472 человека. Пути решения проблем виделись в «форсировании сети» и «переходе на покрытие потребности в кадрах ведомствами». Предлагалось выбрать второй вариант: на основе как собственного опыта 1931 г., так и практики Наркомздрава и Наркомпроса.

⁴³ Там же, л. 195.

⁴⁴ Там же, л. 203–204.

⁴⁵ Мутьев А.В. Становление профессионального физкультурного образования... С. 72, 79–80.

⁴⁶ Сарычева Т.В. Качественная и количественная характеристика... С. 126.

Это должно было снизить финансовую нагрузку на ВСФК и приблизить физкультурное образование к отраслям производства. Главный вывод – Совет должен «ковать кадры для кадров»⁴⁷. К нему подтолкнули переговоры с Госпланом СССР, работники которого проанализировали состояние образовательных учреждений и выяснили, что по своей стоимости этот вид обучения наиболее дорогой, поскольку требует развитой инфраструктуры и наличия оборудования.

Докладчик подверг критике «распыление средств по созданию карликовых учебных заведений», на которые тратятся огромные средства, и потребовал добиваться концентрации, сосредоточившись в 1932 г. на шести вузах. Московский предполагалось оставить в подчинении ВСФК при ЦИК СССР, ленинградский – передать в ведение ВСФК при ВЦИК РСФСР, организовать институты в Новосибирске и Ташкенте, а также сохранить ЗГИФК и ГИФКУ. Физкультурных техникумов оставлялось тридцать: двадцать в РСФСР, по три на Украине, в Закавказье и Средней Азии и один в Белоруссии. Кроме того, предлагалось форсировать организацию заочного образования, на тот момент ещё не оформленного. В частности, рассматривалась идея создания Центрального заочного института с филиалами на местах, которому в 1932 г. предстояло подготовить 10 тыс. специалистов⁴⁸. Госплан одобрил эти предложения и закрепил их в контрольных цифрах на 1932 г. Для дальнейшей оптимизации использования материальной базы предполагалось увеличить пропускную способность физкультурных учебных заведений за счёт двухпоточной системы. Подчёркивалось, что они «готовят костяк», тогда как основная нагрузка по подготовке кадров ложится на заинтересованные ведомства и их учебные заведения⁴⁹.

Казалось, вопрос с количеством учебных заведений решён. Однако даже этот план реализовать не получилось. Институт в Новосибирске так и не создали, а в Ташкенте – открыли только в 1955 г.⁵⁰ В итоге к концу 1931 г. в стране насчитывалось четыре физкультурных вуза и двадцать техникумов⁵¹.

Изменения в системе подготовки кадров коснулись не только увеличения количества учебных заведений, но и качества преподавания в них. Как уже говорилось, власть хотела получать гарантированный результат, вследствие чего учебные планы унифицировались и оптимизировались. В соответствии с ними продолжительность обучения составляла три года, учебного года – 32 декады, а учебного дня – 8 часов⁵². Для каждого курса строго определялись «целевая установка» и, исходя из неё, конкретные теоретические и практические курсы, которые будет слушать студент, а также характер производственной практики. Например, на первом курсе проходили «изучение физкультуры в общественно-политическом разрезе и общеобразовательная подготовка». Изучали производство и быт, производственно-политические задачи предприятий («Политическая экономия», «Основы общей социальной гигиены», «Принципы построения физкультуры в СССР» и т.п.), общеобразовательные дисциплины («Химия», «Биология», «Общая анатомия» и т.п.). На втором и третьем годах обучения подавляющее количество часов отводилось практико-ориентированным дисциплинам, в особенности производственным. Их проведение строго регламентировалось,

⁴⁷ ГА РФ, ф. Р-7710, оп. 2, д. 2, л. 294.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, л. 296 об.

⁵⁰ Физической культуры институты...

⁵¹ Решения приняты, все силы на их выполнение // Физкультура и спорт. 1931. № 10. С. 8.

⁵² ГА РФ, ф. Р-7710, оп. 2, д. 2, л. 315.

практиканты распределялись централизованно: как методисты — в краевые или областные СФК, на крупнейшие стройки и производства, в профсоюзные и комсомольские организации, как преподаватели — в вузы и техникумы, как руководители физкультурной работы — в оздоровительные учреждения. Желающие получить практиканта заранее направляли запрос, а специальная комиссия решала, где потребность в кадрах наиболее острая. С принимающей стороной в обязательном порядке заключался договор⁵³.

Не последнюю роль в учебном процессе играла учебная литература. Поскольку важной составляющей реформы выступала задача увеличения количества обучающихся из «националов» (представители титульных этносов республик и регионов), это требовало издания большого количества книг на национальных языках. Однако их не хватало даже на русском, поэтому появилось положение об издании пособий для сети физкультурного образования, для чего был создан специальный комитет⁵⁴.

Наряду с нехваткой кадров проблемы создавала материальная сторона дела. Иллюзии, что человек может работать, ничего за это не получая, улетучились довольно быстро, обозначилась задача укрепления мотивации преподавателей с целью улучшения качества образования. Об этом свидетельствует проект постановления секретариата союзного ВСФК о перестройке системы оплаты труда преподавателей физкультуры «в рамках решения партии о ликвидации уравниловки в зарплате»⁵⁵. Однако это не нормализовало ситуацию, о чём свидетельствует докладная записка 9 апреля 1931 г., подготовленная для президиума ВСФК СССР: теоретических часов в учебных планах насчитывалось мало, а за остальные платили намного меньше⁵⁶. Однако в целом ситуация заметно улучшилась.

Важной частью перестройки системы физкультурного образования стало изменение правил набора и многократное увеличение количества мест в вузах и техникумах. Так, число поступающих в ГЦИФК и ГИФК выросло до 350 в каждом⁵⁷. Если вспомнить, что в 1928 г. первый выпустил 30 человек, а второй — 63⁵⁸, то разница многоократна. Студентами могли стать граждане обоего пола в возрасте от 18 до 32 лет. Особо оговаривалось, что к приёмным испытаниям не допускаются лица, лишённые избирательных прав или живущие на нетрудовой доход, а места распределяются по разверстке, направленной областным отделам профсоюзов и отдельным промышленным предприятиям. От сдачи общеобразовательных предметов освобождались окончившие рабфаки, единую трудовую школу, подготовительные курсы в вузы и фабрично-заводские училища. Абитуриенты должны были проходить испытания на психотехническую и физическую подготовку, а также медицинский осмотр⁵⁹.

Фактически, если человек соответствовал критериям, зачисление происходило без экзаменов, проверялось лишь его физическое состояние. Не забывали и об установках относительно «идейности» кадров: в институты закрывался доступ всем, кроме рабочих и их детей. Более того, для наполнения вузов людьми

⁵³ Там же, л. 30–31.

⁵⁴ Там же, л. 107.

⁵⁵ Там же, л. 27.

⁵⁶ Там же, л. 388.

⁵⁷ Там же, л. 184.

⁵⁸ Там же, оп. 1, д. 5, л. 28.

⁵⁹ Там же, оп. 2, д. 2, л. 184.

«правильного» социального происхождения на места отправили раскладку количества мест по регионам и профсоюзам⁶⁰. Подобный документ разослали и в 1931 г.⁶¹ Через год разверстка стала ещё более подробной: расписывались квоты не только по регионам, но и по организациям и ведомствам в них. В дальнейшем эта практика стала постоянной. Наличие нормы зачисления женщин (не менее 30% от поступивших) указывает на то, что спорт рассматривался как важный способ их «раскрепощения», вовлечения в производственный процесс и общественную жизнь (вероятность их участия в физкультурных кружках напрямую зависела от наличия женщин-инструкторов). Кроме того, приходилось учитывать менталитет местных жителей и действовать аккуратно. Поэтому постулировалась необходимость выпуска «национальных» кадров, которые смогут вести занятия на родном языке. Для этого, а также для повышения их квалификации как преподавателей организовывались подготовительные курсы.

Масштабные изменения в учебных планах и вступительной кампании в вузы заставили передвинуть набор студентов на первый курс 1931 г. с лета на осень, чтобы все профсоюзы и регионы успели прислать своих представителей⁶². Значительно ускорило процесс внимание к материальной стороне дела. Прежние инициативы даже с краткосрочными курсами часто проваливались из-за того, что многие слушатели не могли позволить себе приехать⁶³. Теперь подчёркивалось, что студенты будут получать стипендию в размере 35 руб., а профсоюзы обязаны им доплачивать не менее той же суммы. В результате в постановлении секретариата союзного ВСФК 27 ноября 1931 г. отмечалось, что наблюдается рост количества поступивших в вузы и техникумы: если в 1930 г. их насчитывалось 1067, то в 1931 г. – 1620. Более удовлетворительным с точки зрения идеологических требований оказался состав абитуриентов: 67% рабочих, 25% «националов» и 30% женщин⁶⁴.

Однако это вовсе не означало, что ситуация изменилась к лучшему во всём. Постановление содержит традиционные упрёки за недостаточную активность местных СФК, профсоюзов и комсомола, не сумевших организовать масштабную кампанию в прессе. Особую тревогу вызывало то, что 80% заявлений подали вне разверстки, «самотеком», а нормы, достигнутые «в общем», на деле выполнены далеко не всеми учебными заведениями. Например, техникумы РСФСР не добрали 20% абитуриентов и не достигли нормы набора «националов» (10% вместо 25%); та же ситуация обнаружилась и в только что открытом ЗГИФК. Отмечался недостаточный образовательный уровень зачисленных (до 15% по институтам и до 20% по техникумам), кроме того, не всех поступивших отпустили с мест работы. Нашлись и те, кто «случайно попал». Особой критике подверглись СФК Узбекистана, Закавказья, Белоруссии, среди российских – СФК на Средней Волге. Их действия, приведшие к срыву набора «националов», квалифицировались как «великодержавный шовинизм на практике» и повлекли за собой взыскания. Постановление содержало требование обеспечить в 1932 г. среди поступающих в институты не менее 90% рабочих, а в техникумы – не менее 70%. Для «националов» устанавливались нормы: не менее 30% в РСФСР и 75% в остальных. Женщин среди них должно было

⁶⁰ Там же, оп. 1, д. 23, л. 5.

⁶¹ Там же, оп. 2, д. 2, л. 186.

⁶² Там же, д. 23, л. 5, 8.

⁶³ Там же, оп. 1, д. 5, л. 30–31 об.; д. 4, л. 33.

⁶⁴ Там же, оп. 2, д. 2, л. 5.

насчитываться не менее 80%. Указывалось на необходимость вовлечения национальностей⁶⁵. Фактически на первый план выдвинулась проблема социального и этнического состава обучаемых, а их количество отошло на второй план.

В информационной сводке, составленной по итогам набора в ГЦИФК и ГИФК в 1931 г., отмечено, что указания ВСФК на местах выполнялись плохо или вовсе игнорировались, спасли положение только специально направленные вербовщики. Наибольшую тревогу вызвали самостоятельные заявления. В оба института поступило в общей сложности 1211 заявление, из них 449 – «самотёком», прибыли на испытания 819 человек, из которых приняли 665 (87 получили отказ по здоровью, 25 – из-за недостаточного образования, остальные – из-за социального происхождения). В сумме оба вуза выполнили нормы по «националам» и женщинам, но если брать каждый в отдельности, то выясняется, что в Москве приняли 30% «националов», зато в Ленинграде – 19%, женщин в Москве – 25%, а в Ленинграде – 35%. Социальный состав оказался лучше в Москве – 92% рабочих и их детей, тогда как в Ленинграде – 69%⁶⁶. Для исправления этих ошибок союзный ВСФК во время вступительной компании 1932 г. направил письмо всем СФК, комитетам комсомола и бюро профсоюзов. Помимо шаблонных фраз о важности развития физкультуры для мобилизации населения, невозможности реализовывать установки партии без кадров, в нём присутствовала и конкретика: указание осуществить выдвижение кадров для поступления и заранее их подготовить на курсах и требование, чтобы кандидаты набирались из рабочих, ударников, колхозников, командиров и т.д. Норма по «националам» осталась прежней – 25%, по женщинам её увеличили до 35%⁶⁷.

В рамках новой системы предстояло не только набрать «правильных» студентов, но и проконтролировать, чтобы они, выпустившись, оказались на нужных государству местах. Как следствие, их стали распределять централизовано. Уже 15 ноября 1929 г. во все СФК и заинтересованные организации поступило письмо, сообщившее, что им следует направлять запросы в союзный ВСФК. Последний, опираясь на них, должен был распределять выпускников на самые слабые участки. Предполагалось, что 30% попадут в местные советы и ведомства, а 35% – в вузы в качестве преподавателей. В течение трёх лет они не имели права менять место работы. Отдельно подчёркивалось, что окончившие физкультурные вузы специалисты должны работать преимущественно в провинции как организаторы и методисты, а в физкультурных кружках – только если численность таковых превышает 10 тыс. человек. Запросы можно было направлять до 1 января 1930 г. Также предлагалась платная контрактация студентов начиная со второго курса – ведомства могли «вырастить» себе специалиста, облегчив его материальное положение на время обучения⁶⁸. В плане физкультстроительства на 1931 г., составленном на основе обновлённых расчётов потребности в кадрах, планировалось из 13 тыс. выпускников до 6 тыс. (40%) распределить в сельскую местность, республики и автономии⁶⁹.

Кампания по перестройке системы физкультурного образования подкреплялась контрольными мерами. Показательна проверка ГИФКУ. В постановлении секретариата союзного ВСФК 21 ноября 1931 г. о её итогах нет

⁶⁵ Там же, л. 5–5 об.

⁶⁶ Там же, л. 65

⁶⁷ Там же, л. 67.

⁶⁸ Там же, ф. Р-7576, оп. 1, д. 39, л. 25–26.

⁶⁹ Там же, ф. Р-7710, оп. 2, д. 2, л. 195.

обстоятельного анализа ситуации, лишь констатация: отсутствие необходимой материальной базы, условий для нормальной работы, слабость руководящих и преподавательских кадров, неудовлетворительный социальный состав учащихся и слабость учебной работы. В качестве причины указывалось безответственное руководство Наркомпроса, в связи с чем предлагалось институт и четыре курируемых им техникума в течение двух декад передать в ведение ВСФК⁷⁰. Содержалась и новация: требование привлечь к ответственности виновные организации и лица, не выдвигавшиеся по результатам обследования московского и ленинградского вузов в 1929 г. Таким образом, речь шла не столько о поиске причин возникновения проблем, сколько о переделе сфер влияния между ведомствами в рамках линии на усиление ВСФК, концентрировавшего в своих руках всё больше полномочий.

Столь стремительные и кардинальные изменения в системе физкультурного образования не могли пройти безболезненно для институтов, имевших давние традиции преподавания и научной работы. Очевидно, что сопротивление переменам оказывалось. Об этом свидетельствует выступление Антипова на втором пленуме союзного ВСФК в 1931 г., где ГЦИФК подвергся разгромной критике: в нём якобы царит безотрадная картина, и такой расхлябанности и отсутствия работы не найти ни в одном учебном заведении. Утверждалось, что «нам нужны такие кадры, которые будут стоять во главе физкультурного движения под теми лозунгами, которые мы даём». Особое внимание уделили отказу части студентов (25–30 человек) ехать по распределению в регионы, решив использовать это происшествие для «показательной порки» — материалы планировалось передать в прокуратуру для организации показательного процесса⁷¹.

Подводя итоги, отмечу, что изменения в подготовке физкультурных кадров явились частью общей реформы системы высшего и среднего профессионального образования в СССР. Их вызвали к жизни новые партийно-государственные установки, обусловленные переходом к плановой экономике и сопутствующим ужесточением политического курса. От населения требовалась мобилизация как на производственном, так и на общественном «фронтах», физкультура выступала её важным инструментом. Однако выполнить поставленные задачи она не могла без решения кадровой проблемы, на которой и сконцентрировали усилия органы власти. Это позволило переломить ситуацию, которую все 1920-е гг. не удавалось изменить общественным организациям и местным советам, обладавшим скромными средствами. Главными принципами реформы стали унификация и централизация, однако государство не только контролировало, но и предоставляло материальное обеспечение. Это позволило удвоить количество физкультурных вузов и практически с нуля создать сеть физкультурных техникумов. Многократно увеличились наборы в них и их пропускная способность. Однако не удалось в полном объёме осуществить ни планы по созданию учебных заведений (из-за ограниченности финансовых возможностей государства), ни централизацию с подчинением всех учебных заведений союзному ВСФК. Пришлось идти на компромиссы и задействовать другие ведомства. Кроме того, унификация обусловила потерю части уникальных разработок старейших физкультурных вузов и привела к репрессиям в отношении преподавателей, не вписавшихся в новую систему.

⁷⁰ Там же, л. 37.

⁷¹ Решения приняты... С. 8.

Фёдор Гайда

Христианство и социализм в раннем творчестве С.Н. Булгакова*

Fyodor Gayda

(Lomonosov Moscow State University, Russia; Saint Tikhon Orthodox Humanitarian University, Moscow, Russia)

Christianity and socialism in the early works of S.N. Bulgakov

DOI: 10.7868/S3034579025060236

Начальник отдела изучения и публикации документов ГА РФ М.А. Колеров продолжает исследование отечественной либеральной и социалистической мысли XX в., начатое ещё в 1980–1990-е гг.¹ Очередная его монография посвящена деятельности С.Н. Булгакова в 1901–1905 гг. Именно на это время, по мнению автора книги, пришёлся пик публицистического влияния и короткий период политической активности Сергея Николаевича (с. 20), чем и определяются хронологические рамки работы.

Колеров сразу же помещает Булгакова в галерею героев революции. Как сказано во введении, «во главе сколь возможно легальной общественной подготовки революции в самой России стали три человека, начавшие массовый революционный процесс, развернувшие христианскую революционную агитацию, сформулировавшие основы русского христианского социализма: священник Г.А. Гапон, организатор самого многочисленного в дореволюционной России протестного уличного шествия 9 января 1905 года, священник Г.С. Петров, самый известный в то время в России социально-христианский проповедник, и С.Н. Булгаков, один из былых вождей русского марксизма, вплотную

подошедший к задаче формирования партии христианского социализма» (с. 7). Революционная традиция, не прерывавшаяся, как отмечает автор, с 1860-х гг. и включавшая социалистов и радикальных либералов, накануне 1905 г. продолжалась в основном в эмиграции или в подполье. Конечно, существовала и легальная оппозиция, и она отнюдь не ограничивалась Гапоном, Петровым и Булгаковым. Достаточно вспомнить ту же «банкетную кампанию» 1904 г. Но именно к ней и примкнул Гапон. Как ни странно, два священника, позднее лишённых сана за политическую деятельность, и один поднадзорный религиозный мыслитель, впоследствии принявший сан, действительно играли тогда в России очень большую роль. При этом, придерживаясь парадигмы «христианского социализма», все они делали ставку на массовое революционное движение.

Близость христианства и социализма не вызывает у Колерова сомнения. На неё указывают и эпиграфы, подобранные им из сочинений Булгакова и Ф. Энгельса. Говорится во введении и про связь марксизма (ещё не канонизированного в СССР) и германской социал-демократической традиции в целом с философским идеализмом.

* Колеров М.А. Революция и христианский социализм в России. С.Н. Булгаков в 1904–1907 гг. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023. 256 с.

Не случайно Ф. Лассаль считал себя учеником И.Г. Фихте. Пожалуй, только Э. Бернштейн попытался свернуть с идеалистического пути. Однако как раз к нему русские «легальные марксисты» (Колеров этот термин отвергает как бессодержательный и предпочитает понятие «критическое направление» (с. 13)) никакого отношения не имели (с. 15). Принципы, заявленные ими в 1902 г. в сборнике «Проблемы идеализма», в создании которого принял участие и Булгаков, с «теорией малых дел» Бернштейна решительно расходились (с. 50–51).

В основе исследования Колерова – анализ политической и философской публицистики Булгакова и его окружения. Автор использовал материалы, извлечённые из 12 федеральных и ведомственных архивов и отделов рукописей библиотек, музеев и научных институтов Москвы и Санкт-Петербурга, а также бывшего ЦГИА Украины. Исследователь подробно реконструировал путь, пройденный Булгаковым в конце XIX – начале XX в. Сергей Николаевич стал ортодоксальным марксистом ещё в семинарии, которую бросил, утратив веру (с. 22–27). В последующие годы молодой экономист быстро делал научную карьеру в Московском университете, однако внимательное изучение аграрных отношений в Европе заставило его во время длительной стажировки критически пересмотреть некоторые выводы К. Маркса. Наблюдения, сделанные тогда Булгаковым, оказали затем сильное влияние на народников и даже, если верить Колерову, на ленинский «Декрет о земле» 1917 г. (с. 29). На волне «критического направления» Сергей Николаевич в 1899 г. сблизился с П.Б. Струве. В 1901 г. Булгаков защитил диссертацию, в которой, вслед за Струве, обосновывал тезис о неспособности позитивной науки определять цели со-

циального развития и общественные идеалы (с. 28–29). В 1901–1902 гг., знакомясь с европейскими учениями, он постепенно дрейфовал в сторону «идеализма» и религии (с. 31). Не одухотворённый революционер будет позднее восприниматься им как Иуда (с. 246–249). На пороге Первой русской революции Сергей Николаевич всё больше интересовался политической борьбой. В 1907 г. приват-доцент Московского университета Булгаков был избран депутатом II Государственной думы как независимый христианский социалист. Но именно этот опыт вызвал у него разочарование в политической деятельности, он серьёзно поправел (оставаясь при этом идейным оппозиционером) и вернулся к Церкви (с. 36).

Первоначально христианский социализм скорее оспаривал православное вероучение и противостоял церковной иерархии. В журнале «Освобождение» Булгаков и Н.А. Бердяев критиковали даже робкие попытки наладить диалог с ней на Религиозно-философских собраниях 1901–1903 гг. (с. 38–39). Впрочем, пройдёт всего несколько лет, и знаменитая статья Булгакова «Героизм и подвижничество», опубликованная в «Вехах» в 1909 г., во многом будет перекликаться с «ререратом» В.А. Тернавцева «Церковь и интеллигенция», с обсуждения которого и начались в конце 1901 г. эти заседания публицистов, мыслителей и священнослужителей. К сожалению, не известно, как Булгаков воспринимал подобные идеи в самом начале века.

Автор монографии показывает, что в 1906 г. философский идеализм и религия уже признавались в общественных кругах (хотя и не во всех) положительной интеллектуальной и социально-политической силой. Тем самым задача, поставленная в «Проблемах идеализма» и «Вопросах жизни»,

при подготовке которых Булгаков играл одну из ведущих ролей, была решена, и это не могло не расширять амбиции сторонников данного направления, всё ещё занимавших скромное место в российской политике (с. 140). В ходе выборов в I Государственную думу Булгаков, баллотировавшийся, но не избранный в её состав, пытался заняться организацией новой партии, сделав ставку на знаменитую «группу 32-х» петербургских священников. Однако договориться с ними не удалось (с. 150). Не подал дил он и с кн. Е.Н. Трубецким, который считал себя несколько правее кадетов, тогда как Булгаков был левее (с. 171–172). Не оправдались его надежды и на кружок Д.С. Мережковского. Тут расхождение оказалось коренным: если Булгаков жаждал церковных реформ, то Мережковский говорил о «Третьем Завете» и видел себя основателем новой, по сути постхристианской, религии (с. 157–158). Хотя изначально Булгакову импонировал антимещанский, герценовский пафос «Грядущего Хама» Мережковского, со временем для него всё большее значение приобретал патриотизм (с. 188–189), соединяющий либеральные принципы, социализм, наследие Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьёва (с. 241–242)². В дальнейшем это приведёт Булгакова к англофильству: демократия казалась ему наиболее предпочтительной именно в английском варианте (с. 242–243). Тут уже явственно проступали славянофильские нотки, хотя и в духе эпохи модерна.

Размежевание с окружением Мережковского наметилось после статьи «Пророк русской революции. К юбилею Достоевского», в которой Дмитрий Сергеевич указывал на противоречия в творчестве писателя и объявлял его пророком одновременно и Христа, и антихриста. Булгаков же дорожил духовной связью с Достоевским (которого, как и славянофилов, записывал в революционеры) и любил срав-

нивать себя с Колей Красоткиным из «Братьев Карамазовых» (с. 158–160, 240). Нараставшее идейное отчуждение вылилось в открытый конфликт в 1908–1909 гг. и стало основным поводом для появления сборника «Вехи» (с. 168)³.

Пожалуй, главной причиной политических неудач Булгакова был его повышенный догматизм, отмечавшийся М.О. Гершензоном и Струве (с. 171, 191–192), и неспособность примкнуть к уже существующим течениям и структурам. В партийной борьбе он многое хотел, но мало что мог. В результате, ещё будучи депутатом, Сергей Николаевич ощущал потребность присоединиться не к партии, а к Церкви (с. 227–229). Звезда начинающего политика закатилась, восходила звезда религиозного философа.

Монография М.А. Колерова значительно дополняет и уточняет то, что было известно о раннем этапе творчества С.Н. Булгакова, вписывая его в широкий философский и политический контекст. Естественно, при этом упоминается и характеризуется множество его современников, и нельзя не сожалеть о том, что богатый научный аппарат книги не включает в себя указателя имён и библиографического списка. Но, конечно, данное исследование не останется незамеченным в современной исторической науке.

Примечания

¹ См.: Колеров М.А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996; Колеров М.А. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М., 2018; Колеров М.А. Манифесты русского политического идеализма: «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918) и их наследники. Минск, 2020; Колеров М.А. Пётр Струве: революционер без масс, 1870–1918. Приложение: новое собрание сочинений П.Б. Струве (1903–1917). М., 2020.

² Ещё в 1902 г. Булгаков писал: «Философия Соловьёва есть, в моих глазах, пока последнее слово мировой философской мысли, её высший синтез» (Проблемы идеализма [1902]. Изд. 2 / Под ред. М.А. Колерова. М., 2018. С. 61).

³ Колеров М.А. Не мир, но меч... С. 281–296; Гайды Ф.А. «Бескровная младотурецкая революция»: как реализовалась программа «Вех»? // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XIII. М., 2013. С. 112–120.

Игорь Омельянчук

Обобщающий труд о правом движении в России начала XX в.*

Igor Omelyanchuk

(Moscow City University; Bauman Moscow State Technical University, Russia)

A generalizing work on the right-wing movement in Russia at the beginning of the 20th century

DOI: 10.7868/S3034579025060245

С начала 1990-х гг. история правого (консервативного, монархического, «черносотенного») движения в Российской империи довольно часто попадала в поле зрения исследователей, отразивших в своих диссертациях его особенности почти в каждой губернии и регионе. Множество работ посвящено и таким аспектам темы, как социальный состав правых партий, деятельность монархистов в Государственной думе, черносотенный террор и т.п. При этом первая книга, обобщавшая накопленный материал, была выпущена С.А. Степановым ещё в 1992 г. и с тех пор пережила два переиздания с расширенными хронологическими рамками, охватившими уже весь период существования изучаемого явления¹. Последующие труды выявили немало фактов, существенно дополняющих наши представления о правом лагере² и его идеологии³, а также о деятельности партийных структур консерваторов⁴. Поэтому появление новой обобщающей монографии, в которой были бы учтены достижения современной историографии, явно назрело. Подготовил её известный учёный, профес-

сор Санкт-Петербургского государственного университета А.А. Иванов, неоднократно освещавший политику и судьбы русских консерваторов⁵ и их партий⁶.

Поскольку о дефинициях не спорят, а договариваются⁷, Иванов прежде всего поясняет используемые понятия, в которых неподготовленный читатель вполне может запутаться. Термины «консерваторы», «реакционеры», «правые», «черносотенцы», «революционеры справа», «зубры», «белые», «националисты» и даже «фашисты» регулярно употреблялись как синонимы не только в публицистике, но и в научных изданиях (с. 8–39). Автор тщательно отделяет полемические или антиисторичные ярлыки от корректных определений «черносотенцы», «правые» и «националисты» («умеренно-правые»), между которыми проводит чёткую границу.

Монография логично разделена на три части. В первой говорится о возникновении, структуре и численности правых организаций, во второй – об идеологии, в третьей – об основных направлениях их деятельности. При этом Иванов рассматривает не только

* Иванов А.А. Правые партии Российской империи. СПб.: Владимир Даль, 2024. 735 с.

влиятельные монархические союзы, но и довольно редко попадавшие в поле зрения исследователей консервативные салоны (с. 53–55) и «Лигу для спасения русского отечества», имевшую полицейское происхождение и существовавшую лишь в информационном поле, преимущественно французском (с. 65–68). Не забыты и общества хоругвеносцев (с. 69–73), отнюдь не являвшиеся детищем генерала Е.В. Богдановича. Правда, вопреки мнению В. Левицкого (В.О. Цедербаума), которого цитирует автор, после 1905 г. они вовсе не «сливаются с местными отделами Союза русского народа» (с. 73). Просто часть хоругвеносцев одновременно входила и в монархические партии (а некоторые даже занимали в них лидирующие позиции, как, например, в Александрове и Иваново-Вознесенке Владимирской губ.), но функции этих объединений не пересекались⁸. К правому движению автор справедливо причисляет не только Всероссийский национальный союз (ВНС) (с. 120–131), но и Партию правового порядка, которая первоначально выступила с либеральной программой, но после декабрьского вооружённого восстания 1905 г. поддерживала неограниченную власть императора⁹.

Опираясь на новые документы, автор ярко рассказывает о создании и первых шагах правых организаций¹⁰, уделяя значительное внимание их лидерам и личным конфликтам между ними, сыгравшим далеко не последнюю роль в расколе Союза русского народа (СРН) на три части – «обновленческий» во главе с Н.Е. Марковым 2-м, «всероссийский дубровинский» и Русский народный союз имени Михаила Архангела (РНСМА) под предводительством В.М. Пуришкевича¹¹.

Иванов убедительно опровергает до сих пор имеющее хождение в историографии представление

о люмпенско-уголовно-босяцком характере монархического движения. Ссылаясь на многочисленные источники и работы современных исследователей, он доказывает, что правые партии являлись подлинно всесословными, причём больше всего в их рядах насчитывалось представителей крестьянства, мещанства и пролетариата (с. 138–142). Общая же их численность, по мнению автора, составляла около 400 тыс. человек на пике популярности (в 1907 г.) и около 45 тыс. в 1916 г. – в период упадка (с. 152–154), с чем в целом соглашаются и другие исследователи¹². Как и Левицкий, Иванов пишет про «повсеместность распространения черносотенных организаций», но отмечает, что «более половины» их сторонников проживали «в 15 губерниях Западного и Юго-Западного края», которые «входили в черту европейской оседлости, где национальный вопрос стоял наиболее остро» (с. 154–155). Причём в Западном крае конфликты православных крестьян с проживавшими в перенаселённых «местечках» евреями-торговцами накладывались на не менее острые противоречия между ними и польскими помещиками-католиками¹³.

Размышляя о причинах неудачи объединения правых в рамках созданного по инициативе Грингмута Всеноародного русского союза (ВРС), Иванов указывает на нежелание региональных союзов консолидироваться вокруг московской организации (с. 89). Однако их вошло в состав ВРС более десятка, тогда как противодействие исходило скорее от петербургских руководителей движения.

К 1912 г. вследствие споров «дубровинцев» и «обновленцев», СРН, по словам А.Д. Степанова, превратился в «конгломерат организаций, лидеры которых подозревали друг друга в тайных кознях и постоянно враждо-

вали» (с. 106). Во всяком случае, более 25 его бывших отделов объявили о своей самостоятельности. Правда, этот «конгломерат» самостоятельных отделов СРН, как правило, признавал главенство А.И. Дубровина¹⁴ и враждовал с достаточно дружественными между собой союзами Маркова 2-го и Пуришкевича. «Суверенизация» же во многом объяснялась тем, что после раскола СРН большинство низовых структур остались на стороне Дубровина, но юридически по-прежнему считались частью «марковского» СРН, от которого и добивались самостоятельности (что стоило им немалых трудов). Став же независимыми, они фактически вливались на началах «соборности» во Всероссийский дубровинский Союз русского народа¹⁵.

Самая большая часть монографии посвящена идеологии русского монархического движения. Автор тщательно анализирует знаменитую уваровскую триаду («православие, самодержавие, народность») и её интерпретацию правыми. Иванов обращает внимание на их стремление к усилению роли православной Церкви в общественно-политической жизни страны (с. 162). При этом националисты рассматривали православие лишь как национальную (но не единственную спасительную) религию, а правопорядцы одобрили введение свободы вероисповеданий, столь ненавистной остальным правым (с. 166–167). Любопытно, что некоторые предложения черносотенцев (созыв Поместного собора, восстановление патриаршества, разбюрократизация церковного управления) после 1917 г. осуществили их политические оппоненты. Защищая «самодержавие» (независимость верховной власти от различных политических сил с их частными, групповыми и сиюминутными интересами, возможность «сверхзаконного» восстановления справедливости

там, «где закон бессилен», и т.п.), монархисты в то же время признавали, что существовавшая в империи система управления сковывала царя бюрократическими путами (с. 168–174). Упоминания о «народности» в программных документах черносотенцев свидетельствовали об их национализме, хотя он и не был этническим, и «практически никто из правых не ставил под сомнение, что к русским относятся и обруseвшие инородцы, лояльные православию, имперской политике и верные царскому самодержавию». Даже русские националисты, для которых, в отличие от их союзников справа, лозунг «народности» имел приоритетное значение, включали в состав русского народа политически «слившихся» с ним инородцев, в том числе и сохранявших культурную обособленность (с. 200). Напротив, оппоненты из либерального и социалистического лагерей, обвинявшие монархистов в «зоологическом» (по выражению Пуришкевича) национализме, сами скатывались к нему, с удовольствием перечисляя немецкие, татарские, молдавские и даже будто бы еврейские (Грингмут) фамилии правых (с. 194, 198).

Лозунг «Россия для русских!» изначально выражал лишь уверенность монархистов в том, что, по словам А.С. Вязигина, «ключи от русского дома должны быть в русских руках» (с. 184). Однако после 17 октября 1905 г., убедившись в невозможности сохранения прежней национальной политики, правые стали всё чаще придавать ему агрессивную тональность, требуя уже подчинить русским «все покорённые племена» (с. 185), что, по мнению Иванова, являлось «следствием осознания правыми собственной слабости» (с. 190–191).

«Русскими» черносотенцы считали великороссов, белорусов, малороссов и русинов (с. 193). М.Ф. Таубе

добавлял к ним ёщё и «литвинов» — потомков жителей Великого княжества Литовского¹⁶. «Инородцами» же они называли всех царских подданных нерусского происхождения, разделяя их на лояльных и враждебных (к ним относили поляков, евреев и финляндцев, которых не без оснований подозревали в стремлении к расчленению империи). Первых, по мнению правых, следовало полностью уравнять в правах с русскими, а вторых, наоборот, ограничить, минимизировав их влияние на политические дела. В то же время насильственную русификацию монархисты, как правило, осуждали. «Мне ненавистна политика обрусения, — заявлял С.Ф. Шарапов, — и не только потому, что она основана на насилии и чисто полицейском единобразии, но и потому что она *непрактична до глупости* и приносит результаты *как раз противоположные ожиданиям*. Инородцы, не знающие по-русски, для нас совершенно безвредны. Инородцы, изучившие русский язык *добровольно*, как ключ в русское образованное общество, в русскую торговлю, наконец, в русскую культуру и науку, — наши преданнейшие друзья. И те же инородцы, проведённые через нашу школу *насильственно*, являются нашими врагами и опаснейшими ненавистниками России» (с. 207).

Рассмотрено в работе и преломление еврейского вопроса в идеологии монархистов. Иванов подчёркивает, что антисемитизм правых не был исключительно русским, тем более великорусским явлением. Он столь же характерен и для европейских консервативных партий тех лет. Более того, если среди крайне правых черносотенцев лишь единицы (В.Ф. Залесский, А.С. Шмаков) объясняли свою неприязнь к евреям не особенностями их религии или воспитания, а национальностью как таковой, то сравни-

тельно умеренные и либеральные националисты, «вооружившись модными западными теориями, нередко проповедовали антисемитизм расовый» (с. 230–234).

Украинский сепаратизм, «мазепинство», правые объясняли исключительно влиянием из-за рубежа на представителей малороссийской интеллигенции. Обращаясь к украинским националистам, идеолог ВНС М.О. Меньшиков писал: «Допустим, что вы доведёте до кровавого бунта, и *превращённая в развалины* Малороссия добьётся призрачной “самостийности”. Но ведь Господь же не уберёт врагов ваших, многочисленных соседей, с которыми придётся воевать, истощая силы. И тот исполинский щит, который охраняет вас от всех давлений, — Российская империя — превратится в Ваш могильный камень. Ибо отказаться от завоёванных нами Бессарабии, Новороссии, Крыма, Донской области, Предкавказья и Чёрного моря, вы сами понимаете, России *нельзя*. Стало быть, вечный мир с Россией вы хотите променять на вечную войну? Не себе ли, предатели, вы роете этим яму?» (с. 224–225).

Отношения правых с правительством, как показывает Иванов, были «далеки от идиллических» (с. 240). У многих из них резкое неприятие вызывал не только «либерал» гр. С.Ю. Витте, но и П.А. Столыпин. Черносотенцы ценили его роль в подавлении революции и национальную политику, проводившуюся им на окраинах, но при этом критиковали попытки разрушить традиционную крестьянскую общину, заменив её крепкими единоличниками и сельским пролетариатом, возмущались сохранением конституционных порядков, роптали на «диктаторское властолюбие» и даже «узурпацию власти императора» председателем Совета министров. Иванов в целом согласен

с выводами современной историографии о том, что именно Столыпин, стремясь нейтрализовать «революционеров справа», сыграл главную роль в расколе и ослаблении СРН, выделив из него проправительственную умеренную часть («обновленцев») и подвергнув жёсткому прессингу непримиримых «дубровинцев»¹⁷. Впрочем, сменивший его осенью 1911 г. чисто «технический», вполне верноподданный и дистанцировавшийся от политических партий В.Н. Коковцов вообще перестал финансировать правых, чего они, в особенности «обновленцы», до того получавшие из казны значительные субсидии, простить ему не смогли (с. 255).

По мнению Иванова, монархисты и в годы Первой мировой войны сохранили двойственное отношение к власти. Но в отличие от левых, добавившихся от царя согласия на «министерство общественного доверия» или даже на образование правительства, ответственного перед Думой, «правые преследовали иную цель – путём дискредитации вынудить уйти в отставку неугодных консервативному лагерю министров», наладить деловое сотрудничество с руководителями ведомств и помочь им «найти средства для выхода из кризиса». Выражая позицию фракции, Марков 2-й заявлял: «Преступно в тревожное военное время вселять недоверие к власти и этим вносить в население растерянность» (с. 264–265).

Отношение черносотенцев к представительным учреждениям также оставалось противоречивым. Критикуя парламентаризм как принцип, они не могли выступать против воли монарха, создавшего Государственную думу. И если «обновленцы», умеренно-правые, националисты и правопорядцы смирились с её существованием, то «дубровинцы» призывали к изменению Основных законов

1906 г. В стенах Таврического дворца собственно правая фракция «сохранила своё автономное положение в монархическом движении» и не контролировалась ни одной из партий, тогда как националисты поддерживали тесную связь с ВНС (с. 306).

Монархистов часто обвиняли в непонимании законов экономики, указывая на их приверженность автаркии, критику ими золотого монометаллизма, введённого Витте. Однако Иванов выявляет вполне рациональные основания той позиции, которую они достаточно последовательно занимали, выражая недовольство тем, что привязка рубля к золоту порождала нехватку платёжных средств, а это ограничивало источники внутренних инвестиций, увеличивало стоимость кредита и вынуждало прибегать к обременительным иностранным займам (с. 309–312). Осуждая деятельность банков и синдикатов, разрушавших традиционное хозяйство, правые предполагали, что «не последнюю роль» здесь «играло и стремление крупного капитала прибрать политическую власть в стране к своим рукам» (с. 316). Виновниками экономических проблем объявлялись «в зависимости от региона... евреи, немцы, армяне и т.д.». Но в целом, по мнению автора, монархисты «проявляли весьма взвешенный, трезвый подход к реальным возможностям в решении социально-экономических вопросов» (с. 351). А некоторые их высказывания на эту тему оказались провидческими. Так, Грингмут ещё в начале XX в. утверждал, что «нефтяные богатства России призваны играть великую мировую роль» (с. 310). Не менее перспективна была и идея создания элеваторов. Ождалось, что их наличие освободит крестьянина от необходимости спешить с продажей урожая сразу после уборки и позволит ему дождаться выгодных цен. По мнению Иванова,

идею строительства элеваторов продвигал только РНСМА, и она вскоре заглохла (с. 629–630). Между тем о ней упоминалось ещё в «Избирательной программе», принятой I Всероссийским съездом уполномоченных отделов СРН в сентябре 1906 г. В 1908 г. о необходимости постройки казённых зернохранилищ говорил на Волжско-Камском областном патриотическом съезде и кн. А.Г. Щербатов. Отделы ВНС включили его в число своих пожеланий IV Думе¹⁸. Правительству пришлось прислушаться к голосу общественности (не только правой), и к лету 1913 г. в стране насчитывалось уже 498 элеваторов¹⁹.

Успеху черносотенного движения способствовало участие в нём православных иерархов и клириков. Как пишет Иванов, «многие архиереи и священники признавали, что из всех политических партий только правые были готовы оказать Церкви безоговорочную поддержку». Представителям духовенства «были видны “язвы” правого лагеря», но отсутствие «других массовых политических сил, готовых защищать церковные интересы, заставляло многих из них мириться с имеющимися недостатками». Конечно, пастырей настораживало западничество националистов, а также их готовность «пожертвовать православием ради слияния русского баптиста с русским православным», но всё это воспринималось скорее как болезнь роста (с. 357, 376–381).

Степень религиозности лидеров правых партий по-прежнему вызывает дискуссии. Ранее М.Л. Размолодин безапелляционно утверждал, «что православие для крайне правых являлось не инструментом политических манипуляций, а предметом горячей, а порой фанатичной веры»²⁰. Однако, по словам Иванова, «некоторые лидеры правых, публично поддерживавшие Церковь, делали это из

pragmaticических соображений, будучи сами равнодушными к вопросам веры и церковной жизни». Такими «прагматиками» председатель правой фракции Думы А.С. Вязигин считал, например, Г.Г. Замысловского и А.И. Дубровина. А присоединившийся в III Думе к Русской национальной фракции епископ Холмский и Люблинский Евлогий (Георгиевский) утверждал, что такие политики, как Пуришкевич, «готовы были поддерживать Церковь не бескорыстно». Иванов также полагает, что для лидера РНСМА «православная Церковь в первую очередь имела значение как опора самодержавной монархии, как институт, полезный для воспитания народа, как величественная составляющая русской традиции и лишь потом – как необходимое для его души установление». Но это нисколько не мешало Пуришкевичу именовать себя «верным сыном Православной церкви» (с. 366–367).

Иванов аргументированно доказывает, что «альянс черносотенцев и старообрядцев, которого изначально желали некоторые вожди русских правых, так и не состоялся». Тут сказывалось и влияние, которым пользовались в монархических организациях священнослужители, «продолжавшие смотреть на сторонников старого обряда как на раскольников», и то, что «власть православного самодержавного царя не являлась для старообрядцев сакральной, а господствующая Церковь – истинной». Их бытовой и религиозный традиционализм отнюдь не был тождественен консерватизму политическому (с. 397, 398).

Представители правых партий выступали за сохранение сословного деления общества, однако было бы ошибкой видеть в этом лишь желание сберечь свои привилегии, поскольку монархисты исходили из того, что «все сословия между собой равны

и доступ в каждое из них открыт для всех русских подданных». Они воспринимались как «отдельные части, связанные между собой общностью своих интересов, занятий, промыслов и прочих условий жизни», без которых общество станет «смешанной и перепуганной толпой» (с. 319). Поэтому Л.А. Тихомиров рассуждал про «свободно-сословный строй», по его мнению, уже господствующий во всех «культурных странах»²¹. Собственно, призывая сделать выборы в Государственную думу сословными, черносотенцы заботились именно о социальном представительстве, а не об электоральной сегрегации. При этом самое резкое неприятие у правых вызывала «беспочвенная» интеллигенция. Националист П.И. Ковалевский заявлял, что «большинство русской интеллигенции не только анационально, но и прямо антинационально» (с. 612). Монархисты пытались противопоставить ей интеллигенцию «белого оттенка и светлого образа» (с. 613), но её ещё только предстояло создать.

Иванов убедительно показал, что «правые не являлись противниками расширения женского участия в профессиональном труде, хотя и с существенными оговорками». Во всяком случае, они охотно принимали женщин в свои ряды, порой под их председательством оказывались не только уездные, но и губернские отделы, а Е.А. Полубояринова даже вошла в Главный совет СРН. Даже Пуришкевич, прославившийся игривым ответом на вопрос в анкете, разосланной перед Первым всероссийским женским съездом («Женский труд – когда их трут»), воскликнул с думской трибуны: «Мы должны как зеницу ока беречь русскую женщину, ибо женщина, а не мужчина является оплотом государства, залогом его будущего, залогом его славы» (с. 406–407). Кстати, не только черносотенцы, но и некоторые

кадеты, например, А.И. Шингарёв, находили, что женщины в России находятся в гораздо лучшем положении, чем в Европе (с. 409).

Следя за международными отношениями, крайне правые далеко не всегда одобряли политику МИД, националисты же, как правило, её поддерживали. Пресловутое «германофильство» монархистов было в значительной мере выдумано оппозицией для достижения своих внутриполитических целей. В сущности, правые всего лишь стремились избежать военного конфликта, опасаясь повторения 1905 г. Страны Антанты до лета 1914 г. вызывали у монархистов скорее настороженность, чем доверие. Но если в отношении Франции после начала Первой мировой войны эта настороженность сменилась поддержкой, то с Великобританией дело обстояло иначе. Черносотенцы не без оснований полагали, что она лишь желала использовать Россию для ослабления Германии – своего главного соперника в Европе. Они не сомневались, что «Англия опасная в качестве врага, совершенно бесполезна и даже вредна в качестве друга» (с. 425), она способна выйти из мировой схватки единственным победителем, истощив силы своих противников и союзников (с. 439). Националисты же относились к Туманному Альбиону с гораздо большей симпатией. Одновременно, в отличие от крайне правых, они настаивали на поддержке России славянского движения на Балканах и в землях «Подъяремной Руси», принадлежавших Австро-Венгрии (с. 448–454).

Младотурецкая революция поначалу вызвала у националистов сочувствие, но оно вскоре сменилось враждебностью. Черносотенцы же сразу увидели в ней репетицию переворота в России (с. 460). Отречение пророссийского шаха и приход к власти в Персии проанглийских

либералов правые назвали «Тегеранской катастрофой», полностью поддержав интервенцию 1911 г. Поэтому уступки, сделанные русскими дипломатами Лондону в персидских делах, они встретили бурным негодованием (с. 466). Синьхайская же революция 1911–1912 гг. в Китае монархистов особо не тревожила. После поражения в войне с Японией, считавшейся на рубеже XIX–XX вв. «варварским» государством (с. 468–469), правые радовались любым затруднениям, возникавшим у конкурентов России на Дальнем Востоке. Кстати, к таковым монархисты теперь относили и США, хотя прежде это государство рассматривалось ими как союзник, пусть и «строго платонический» (с. 472).

Немало внимания правые уделяли обороноспособности империи и особенно – укреплению престижа армии и её офицерского корпуса, заметно пошатнувшегося после русско-японской войны. Националисты требовали ещё и русификации командного состава армии и флота (с. 484). Любопытно, что, несмотря на желание как можно быстрее восстановить морскую мощь России, часть монархистов возражала против строительства дредноутов, ставших в то время обязательным атрибутом флотов великих держав. Г.А. Шекров предсказывал, что долгостоящий линейный флот может мгновенно устареть при быстром развитии подводных лодок и авиации. Марков 2-й полагал, что разъединённость морей не позволит России иметь необходимое количество броненосцев на каждом из них (с. 486).

Кроме того, в монографии Иванова рассмотрено отношение правых к решению рабочего вопроса, столыпинской аграрной реформе, переселенческой политике, борьбе с пьянством. Здесь автор придерживается оценок, устоявшихся в последние десятилетия в отечественной

историографии, подкрепляя их новым материалом.

Основные направления деятельности монархических союзов и организаций, включая правый террор, описаны в третьей части книги. Сохраняя свойственную ему академическую беспристрастность и объективность, исследователь отмечает, что с подачи оппозиционных журналистов начала XX в. в публицистике и историографии прочно утвердился миф об участии черносотенных партий в еврейских погромах октября 1905 г. Однако «некоторые свидетели эпохи и авторы исторических сочинений сознательно или неумышленно смешивают неорганизованные народные массы, давшие отпор революции, с членами конкретных политических партий и союзов... В итоге действия первых автоматически приписываются вторым, что совершенно некорректно» (с. 504). Правые действительно резко высказывались о евреях, но на погромщиков, принадлежавших преимущественно к социальным низам, «влияли не столько антиреволюционные и антисемитские статьи и брошюры, сколько реально накопившиеся проблемы во взаимоотношениях между христианским и иудейским населением в черте оседлости (больше в экономической и национальной), а также действия революционеров, оскорблявших на глазах толпы её национальные и религиозные чувства... и нередко провоцировавших монархически настроенное население на ответное насилие» (например, стрельбу по патриотическим манифестациям и т.п.) (с. 509). Лидеры правых неоднократно осуждали погромы.

Боевые дружины СРН создавались не для погромов, а для поддержания порядка, и находились под контролем властей, правда, зачастую недостаточным. Иногда их противоправные дей-

ствия сопровождались эксцессами, но они отнюдь не являлись следствием целенаправленных усилий того или иного отдела. Причём «с подавлением революции... правые партии отказались от насилиственной тактики борьбы», и к 1908 г. «большинство черносотенных дружины были распущены» (с 546).

Разумеется, автор не отрицает, что правые совершили несколько политических убийств, хотя до сих пор не установлено, кто именно являлся их инициатором. Не следует забывать и о том, что на самих черносотенцев покушений было совершено минимум на два порядка больше. И если их исполнители этим *гордились*, то монархисты всё же от террора всегда *отмежёсывались*, объясняя данные инциденты низкими моральными качествами конкретных людей (с. 547–548). Рассказывая про «Каморру народной расправы», изрядно напугавшую не только обывателей, Иванов обоснованно заключает, что это «название первоначально использовалось Петербургской боевой дружиной СРН, так или иначе причастной к совершённым правыми терактам, а затем (вероятно, после её роспуска. – И.О.) оно стало жить самостоятельной жизнью» (с. 530).

Начало Первой мировой войны застало правый лагерь «в состоянии кризиса и упадка» (с. 634). Монархисты сразу же поддержали лозунг «священного единения», объявив о прекращении всякой борьбы с оппонентами до победы над внешним врагом. Но с либералами их сблизил лишь лозунг «войны до победного конца» и стремление к экспансии, тогда как «во внутриполитических установках между ними по-прежнему лежала пропасть» (с. 635).

Основные усилия правые сосредоточили на помощи фронту, но их возможности оказались гораздо скромнее, чем у либеральных Город-

ского и Земского союзов²² и военно-промышленных комитетов, получавших громадные правительственные субсидии (с. 638). Яркие исключения, например, санитарный отряд, созданный Пуришкевичем и заслуживший высокую оценку в армии, принципиально ситуацию не меняли. Не скрывая своего недовольства, монархисты требовали введения жёсткого контроля над расходованием казённых средств общественными организациями, но даже националисты не разделяли тревогу правых, обвиняя их в алармизме (с. 640).

Своего рода «точкой невозврата» на пути к революции стало создание Прогрессивного блока, к которому присоединилась и часть национальной фракции. Правые осудили раскол Думы «в момент государственной опасности» (с. 645). Лидеры блока предъявили правительству «по сути ультиматум: либо принятие его требований и притязаний, либо ожесточённая борьба» (с. 646). За отказом от «священного единения» вполне логично последовал «штурм власти», завершившийся Февральской революцией. Неудивительно, что все попытки монархистов «войти с Прогрессивным блоком в конструктивные отношения были обречены на фиаско – примиренческая политика воспринималась исключительно как слабость» (с. 646).

Анализируя причины краха монархического движения, автор констатирует, что «последние защитники царского самодержавия прекрасно видели надвигающуюся революционную бурю», однако ожидали её снизу, а не сверху, как выразился Марков 2-й, «от недостаточных и обездоленных, а не от пресыщенных и с жиру взбесившихся» (с. 651, 664). При этом правые (Марков 2-й, В.Н. Снежков и др.) предупреждали либералов о том, что те, кто совершил или инспирирует революцию, вскоре будут сметены

более радикальными силами (с. 653). Сами же черносотенцы, «утратив к 1917 г. поддержку широких народных масс», будучи «дискредитированными вслед за властью, которую они защищали», и «раздираемые расколами» (с. 651), смогли противопоставить революционному натиску только призывы к решительным мерам в нескольких записках-меморандумах, не вызвавших никакой реакции со стороны правительства.

В феврале 1917 г. монархисты не выступили на защиту самодержавия, что в общем-то соответствовало их стилю политической деятельности – не проявлять самостоятельной политической активности, предпочитая высказывать свои соображения императору и его министрам. Между тем отречение Николая II и отказ вел. кн. Михаила Александровича занять престол лишили «политическую борьбу правых всякого смысла» (с. 706, 707). К тому же Февральская революция начиналась под национально-патриотическими лозунгами, соответственно контрреволюция в условиях войны выступала бы с «антипатриотичных» позиций, что для черносотенцев и националистов, естественно, было неприемлемо. Более того, Пуришкевич и В.В. Шульгин ещё в 1916 г. из «патриотических» же соображений перешли в ряды оппозиции. По мнению Маркова 2-го, они «оказались куда вреднее самого Милюкова», поскольку «только им да “патриоту” Гучкову, а не Керенскому и К°, поверили все эти генералы, сделавшие успех революции» (с. 706). Антанта, по мнению Маркова 2-го, также приветствовала ослабление России, не желая делиться с нею плодами близкой победы (с. 708). Однако автору следовало бы отметить, что ещё сильнее в Англии и Франции опасались заключения Россией сепаратного мира с Германией, в стрем-

лении к которому русская оппозиция обвиняла царя и «камарилью», заставив поверить в эту клевету не только часть населения, но и союзников²³.

Оставшись без монарха, правые массово переходили на сторону Временного правительства, сопротивляясь которому было «бесперспективно, невыгодно и небезопасно» (с. 669). Практически все их лидеры (Дубровин, Марков 2-й, Полубояринова, Замысловский и др.) оказались арестованы, причём за ними охотились и в столицах, и в провинции. Позднее, когда шок от революции прошёл, лишь немногие монархисты продемонстрировали готовность продолжать борьбу. Интересно, что в их числе, как пишет Иванов, наряду с Марковым 2-м оказались и побывавшие в оппозиции Шульгин с Пуришкевичем.

Победу большевиков правые восприняли как закономерный итог либерально-демократической революции (с. 678), но если одни видели в них «бич Божий», то другие – будущих собирателей Великой России, а трети – только давних политических врагов. Впрочем, разгон «Учредиловки», похоже, одобрили все, а Марков 2-й даже заявил, что «в большинстве своём народ сочувствовал матросу Железному» (с. 685). В Советской России отдельные деятели правого движения (например, академик А.И. Соболевский и писатель В.Г. Янчевецкий) чувствовали себя неплохо, однако большинство его лидеров не избежали репрессий и погибли (А.И. Дубровин, протоиерей Иоанн Восторгов, Б.В. Никольский, Е.А. Полубояринова, П.Ф. Булацель, А.С. Вязигин и др.).

Гражданская война не привела к ренессансу черносотенства. В масце своей те, кто сочувствовал правым, «не испытывая никаких симпатий к большевикам, тем не менее уклонились от вооружённой борьбы»,

и «лишь единицы приняли участие в Белом движении» (с. 694). Характерно, что во главе его встали фигуры, весьма далекие от монархических идей. И не случайно в эмиграции Марков 2-й критиковал белых за то, что вместо подавления революции они её развивали (с. 699). За рубежом русские монархисты либо вовсе отошли от политики, либо погрузились в жалкие династические споры, внутренние склоки и дрязги (с. 710).

Написанная хорошим литературным языком, снабжённая множеством иллюстраций, опирающаяся на солидную источниковую базу и аккумулирующая достижения предшествующей историографии, книга А.А. Иванова, несомненно, представляет интерес для самого широкого круга читателей, не исключая и профессиональных историков.

Примечания

¹ Степанов С.А. Чёрная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992; Степанов С.А. Чёрная сотня. Изд. 2. М., 2005; Степанов С.А. Чёрная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013.

² Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001; Омельянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2007.

³ Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.

⁴ Кирьянов Ю.И. Русское собрание. 1900–1917. М., 2003.

⁵ Иванов А.А. Последние защитники монархии: фракция правых IV Государственной думы (1914 – февраль 1917). СПб., 2006; Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху. СПб., 2013; Иванов А.А. Вызов национализма. Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб., 2016; Иванов А.А. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб., 2020; Иванов А.А. Вождь чёрной реакции Николай Евгеньевич Марков. СПб., 2023; и др.

⁶ Иванов А.А. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в. В 3 т. Т. 1. М., 2022.

⁷ Хотя без полемики всё же не обошлось: Омельянчук И.В. К вопросу о месте Всероссийского национального союза в партийной системе

России начала ХХ в. // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 95–104; Иванов А.А. Были ли русские националисты черносотенцами? (О статье И.В. Омельянчука) // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 171–175.

⁸ Омельянчук И.В. Губернские правые (становление и эволюция консервативного крыла партийной системы России на примере Владимирской губернии). М., 2022. С. 99, 130.

⁹ Антошин А.В. Партия правового порядка // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 350.

¹⁰ При этом, однако, встречаются некоторые неточности. Так, автор называет возникшую вполне самостоятельно 23 декабря 1905 г. Иваново-Вознесенскую самодержавно-монархическую партию (ИВСМП) региональным отделом Русской монархической партии В.А. Грингмута (с. 80). Но уже в 1906 г. ИВСМП вошла на правах отдела в состав СРН (Омельянчук И.В. Провинциальная контрреволюция: Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия в 1905–1917 гг. // Российская история. 2017. № 2. С. 113, 116). Графы А.И. и Э.И. Коновницыны названы «вождями черносотенного движения в Одессе» (с. 144), хотя ранее говорится, что гр. Э.И. Коновницын в 1906–1909 гг. возглавлял Столичный совет СРН в Петербурге, будучи членом Русского собрания с первых лет его существования (с. 104), т.е. не имел прямого отношения к одесским монархистам.

¹¹ Хотя, конечно, у него были и политические, и идеологические причины. Подробнее см.: Омельянчук И.В. «Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа // Российская история. 2021. № 1. С. 123, 129, 130.

¹² См., в частности: Омельянчук И.В. Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 3, 15.

¹³ Бовуа Д. Битва за землю в Україні 1863–1914. Поляки в соціо-етнічних конфліктах. Київ, 1998; Омельянчук И.В. Социальный состав черносотенных партий // Отечественная история. 2004. № 2. С. 84–96.

¹⁴ Исключение составлял Киевский отдел СРН. Его председатель Ф.Я. Постный провозгласил свою организацию самостоятельной в сентябре 1907 г., задолго до раскола Союза на «дубровинцев» и «обновленцев», и старался держаться от них равноудалённо (Омельянчук И.В. Черносотенное движение... С. 69).

¹⁵ Омельянчук И.В. «Дом, разделившийся в себе»... С. 123–138.

¹⁶ Таубе М.Ф. Основные положения славянофильства как научно-богословского учения // Мирный труд. 1906. № 8. С. 109.

¹⁷ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России... М., 2001. С. 390; Омельянчук И.В. «Дом, разделившийся в себе»... С. 125.

¹⁸ Подробнее см.: Омельянчук И.В. Черносотенное движение... С. 389.

¹⁹ Давыдов А.Ю. Свободная кооперация в России (до октября 1917) // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 32; Омельянчук И.В. Черносотенное движение... С. 389.

²⁰ Размолодин М.Л. О консервативной сущности чёрной сотни. Изд. 2. Ярославль, 2012. С. 48.

²¹ Омельянчук И.В. Социальный аспект идеологии российских консерваторов начала XX столетия // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 429–430.

²² Иванов допускает небольшую неточность, говоря, что Земский и Городской союзы *объединились* в Земгор (с. 639). Хотя оба эти союза иногда так называли в просторечии, юридически они никогда несливались, создав лишь общий комитет по снабжению армии – собственно Земгор, распределявший военные заказы для мелкой и кустарной промышленности (крупной занимались военно-промышленные комитеты). Сами же Земский и Городской союзы сохранили свои функции, связанные с организацией помощи раненым и беженцам.

²³ Подробнее см.: Омельянчук И.В. Взгляды монархистов на русско-германские отношения в начале XX в. // Вестник МГПУ. Исторические науки. 2024. № 2(54). С. 60–79.

Даниил Коцюбинский

Черносотенный циферблат, два раза в сутки показывавший точное время*

Daniil Kotsyubinsky

*(International Center for Social and Economic Research «Leontief Center»,
Saint Petersburg, Russia)*

The Black Hundred dial, which showed the exact time twice a day

DOI: 10.7868/S3034579025060258

Поскольку революционные события начала XX в. в значительной мере определили последующее развитие России, поиск причин крушения монархии по сей день увлекает отечественных исследователей. В этой связи судьба тех, кто пытался её спасти, также вызывает повышенный научный и общественный интерес. Капитальный труд А.А. Иванова подводит «итог современного историографического этапа изучения русских правых партий начала XX в.» и впервые целостно и максимально полно очерчивает пройденный ими путь, «начиная с предыстории их возникновения и заканчивая уходом с политической сцены» (с. 6, 48). При этом, как справедливо заметил Д.И. Стогов, Иванов «подробно излагает некоторые сюжеты, малоизвестные не только

широкому читателю, но даже специалистам по отечественной истории начала XX в.»¹. Книга, богато иллюстрированная фотографиями (многие из которых публикуются впервые), состоит из трёх частей, обрамлённых компактными введением и заключением. Почти половина её (девять глав, занимающих около 350 страниц) посвящена реконструкции и детальному анализу идеологии и основных программных положений правых организаций. Об их генезисе, становлении, структуре и численности, а также об основных направлениях и особенностях осуществлявшейся ими деятельности говорится в двух других, примерно равных по объёму частях.

Отсутствие в исследовании развернутого обзора историографии объясняется как тем, что все интересую-

* Иванов А.А. Правые партии Российской империи. СПб: Владимир Даль, 2024. 735 с.

шиеся могут обратиться к специально посвящённым ей работам, указанным автором (с. 39–40), так и частым упоминанием и цитированием основных публикаций Ю.И. Кирьянова, И.В. Омельянчука, А.В. Репникова, Р.Б. Ромова, С.М. Саньковой, С.А. Степанова, Д.И. Стогова, А.А. Чемакина и др. К сожалению, при этом забыта монография Р. Эделмана², положившая начало изучению Всероссийского национального союза (ВНС).

Бесспорным достоинством книги Иванова является то, что он не пытается «заставить» смотреть на прошлое под определённым углом и сохраняет за читателем право, опираясь на множество приведённых фактов, провести самостоятельную критическую верификацию сделанных в тексте выводов и оценок. Ставя очистить образ правых (и прежде всего черносотенцев) от предвзятых и далеко не научных характеристик, встречающихся ещё в историографии, Иванов в то же время не впадает в обратную крайность и не стремится к какой-либо апологетике, в целом придерживаясь взвешенного и беспристрастного подхода.

Процесс становления и развития правых партий и союзов автор признаёт не «только наступлением “чёрных сил реакции”, как пытались представить правомонархическое движение его политические противники, но и неотъемлемой частью становления русского гражданского общества» (с. 711–712). Книга позволяет разглядеть глубокие культурно-исторические корни монархического мировоззрения, для которого единственным внешним ограничителем царского самодержавия являлось православное вероучение (с. 169–170). Подобные представления восходили ещё к самому первому светскому политическому трактату Московской

Руси – «Сказанию о Дракуле воеводе» конца XV в., кстати, хорошо известному идеологам чёрной сотни³. Следуя за Н.М. Карамзиным, сторонники Союза русского народа (СРН) считали, что в России, по выражению С.К. Глинки-Янчевского, «самодержавие явилось исторической необходимостью. Им обусловливалось само существование России». Тогда как «одной какой-нибудь формы правления, пригодной для всех народов, вне зависимости от времени и пространства, никогда не было, нет и не будет» (с. 173).

Иванов справедливо указывает на двойные стандарты, применявшиеся оппонентами черносотенцев. К примеру, кадеты, «не склонившиеся на обвинения правых в терроризме, как известно, так и не осудили террор левых» (с. 518–519). В то же время в монографии достаточно фактов и цитат, раскрывающих позицию крайне правых. Так, «рупор Р[усской] м[онархической] п[артии] “Московские ведомости” в 1905 году призывал к “законному террору” против “беззаконных террористов”» (с. 520). А один из лидеров СРН Б.В. Никольский полагал, что «когда на пять-девять наших они потеряют 50–60 своих вождей, весь террор как рукою снимет, и надолго» (с. 520–521). В итоге автор делает вполне убедительный вывод: «Во-первых, до сегодняшнего дня среди историков продолжается полемика относительно того, кем именно были инициированы данные преступления – вождями чёрной сотни, Департаментом полиции или руководителями правых боевых дружин. Во-вторых, эти преступления... никак не могут быть сопоставлены по своему масштабу с террористической деятельностью левых, число жертв которых в разы превосходит количество пострадавших от правых радикалов. В-третьих... если левые радикалы

своей террористической деятельностью гордились, то правые от обвинений в терроре практически всегда отмежё- вывались». Исключение составляли, пожалуй, рассказы В.М. Пуришкевича об участии в убийстве Г.Е. Распутина (с. 547–548).

Особое внимание Иванов уделяет политическим оценкам и историческим прогнозам правых, которые оказывались иногда довольно верными. «Революция, — предсказывал в феврале 1909 г. Пуришкевич, — может быть отложена на 10–15 лет, но народ разворачивается путём народной школы... пропаганда идёт в войска, и когда войско и народная школа будут охвачены революцией, тогда дело наше проиграно, и кадеты, и левые, и правые — все будут висеть на фонарных столбах и телефонных проводах, ибо... революция будет национальною» (с. 552). Не случайно «уже в эмиграции В.А. Маклаков признавал, что “в своих предсказаниях правые оказались пророками”: “Они предсказали, что либералы у власти будут лишь предтечами революции, сдадут ей свои позиции. Это был главный аргумент, почему они так упорно боролись против либерализма. И их предсказания подтвердились во всех мелочах... Правые не ошиблись и в том, что революционеры у власти не будут похожи на тех идеалистов, которыми их по традиции изображали русские либералы”» (с. 651–652). Впрочем, подобные пророчества на фоне собранного и проанализированного Ивановым материала напоминают об остановившихся часах, которые два раза в сутки (в данном случае — в 1905 и 1917 гг.) «показывают точное время».

Книга Иванова не оставляет сомнений в том, что правые партии и движения, пережив кратковременный подъём, были обречены на неудачу. По словам автора, «период наивысшего подъёма и расцвета СРН,

пришедшийся на 1907 год, продолжался недолго, и уже в конце того же года в Союзе проявились тенденции, приведшие сначала к его ослаблению, падению численности, активности и влияния, а затем и к уходу с исторической сцены» (с. 97). В результате к 1917 г., «растеряв за время войны остатки былого влияния, правые уже не представляли силы, способной противостоять революции, и фактически потерпели поражение ещё до свержения монархии», будучи «дискредитированными вслед за властью, которую защищали» (с. 651). Как пишет Иванов, «трагедия русских правых... заключалась в том, что, сумев достаточно точно спрогнозировать последствия действий оппозиции, начавшей в условиях тяжелейшей для страны войны “штурм власти”; предсказав логику развития революции, свой крах и неспособность либералов удержать захваченную власть... а также конечное торжество радикальных левых сил, они не имели ни сил, ни возможностей победить своих противников». Но и «в годы Гражданской войны правые также не смогли стать влиятельной силой», а впоследствии, «несмотря на поправление многих русских эмигрантов, деятельность бывших лидеров дореволюционных монархических союзов на чужбине оказалась безуспешной» (с. 710).

Главной причиной краха монархической идеологии, помимо «общей разочарованности правыми партиями», являлась «растущая дискредитация в глазах общества существующего политического строя, правительства и монарха» (с. 153). На завершающем этапе существования Российской империи у самодержавия не осталось «запаса легитимной прочности»⁴. Точной невозврата, предопределившей дальнейшую неуклонную delegitimation власти Николая II, вероятно, следует признать издание Манифеста

17 октября 1905 г.⁵, после чего император с каждым годом терял популярность и всё чаще оказывался в центре политических скандалов (включая самый резонансный, связанный с Распутиным).

Даже многие монархисты (хотя, разумеется, не все) утратили веру в царя ещё до его свержения, а весной 1917 г. открыто отреклись от прежних убеждений. К примеру, издатель черносотенной газеты «Гроза» Н.Н. Жеденов призывал тогда основать новый СРН, который защищал бы православие и народность, но отнюдь не монархический принцип (с. 671). В то же время М.О. Меньшиков, идеолог ВНС, восклицал: «Боже, до чего прав я был, чувствуя задолго до войны глубокое возмущённое и презрительное чувство к Николаю II! Он погубил Россию, как губит огромный корабль невежественный или пьяный капитан». Теперь публицисту казалось, что «если бы московский народ после смерти последнего царя-Рюриковича просто упразднил бы монархию и вернулся бы к новгородскому народо-правству, то не было бы и великой смуты» (с. 672).

Не менее важным фактором, лишившим правых шанса на успех, являлась их невостребованность как в социальных «низах», так и в образованном обществе. Впоследствии Марков 2-й признавал: «Для простонародья (значит для большинства) социалисты-большевики были желаннее всех, ибо всё то, что социалисты отдельных мастей обещали давать в постепенности и в соразмерности с остатками здравого смысла, социалисты-большевики выбрасывали сразу же и без всякой соразмерности». (с. 684–685). Крестьяне поддерживали СРН только там, где это сулило в перспективе «чёрный передел» и позволяло оказывать давление, например, на польских землевладельцев. «В этом

плане, — пишет Иванов, — очень показательна ситуация на Волыни, где активная социально-экономическая деятельность [архимандрита] Виталия (Максименко) привела к массовому вступлению местных крестьян, заинтересованных в получении ссуд и в иной помощи, направленной на решение земельного вопроса, в ряды СРН. Но после революции, когда местный отдел СРН прекратил свою деятельность... тысячи крестьян, ранее стоявших под знамёнами чёрной сотни, встали под «жовто-блакитные» флаги, поскольку в изменившихся политических условиях выгоднее было «записаться» в украинцы» (с. 632–633).

Интеллигенцию монархисты именовали «дерзкой», «наглой», «истеричной», «гнилой», «пошлой», «чужедумной», «умственно протухшей», «крамольной», «преступной», «предательской» (с. 611). Пуришкевич высказывался ещё более категорично, чуть ли не с «ленинской прямотой»: «Наш общественный элемент, так называемая интеллигенция русская, в переводе на простой язык — извините за выражение — сволочь» (с. 611). Черносотенцы решительно отвергали ту часть современной им русской культуры, которая не вписывалась в их идеологические рамки. К примеру, Марков 2-й, по словам Иванова, «в творчестве А.А. Блока, Ф.К. Сологуба, А. Белого, З.Н. Гиппиус видел скрытое «отправление сатанинского культа», а Д.С. Мережковского называл «жутким писателем» и «пророком антихриста»» (с. 598). Отвергались и такие писатели, как Л.Н. Андреев и А.И. Куприн. При этом «в своём правом духе нередко отмечалось, что причиной нравственного падения русской литературы является проникновение в неё евреев, а популярность «писателей-деградантов» объяснялась их «раздутостью» еврейской

печатью» (с. 599). Весьма показательно, что «в 1908 году стараниями Р[усского] н[ародного] с[оюза имени] М[ихаила] А[рхангела] была сорвана театральная постановка драмы О. Уайльда “Саломея”, в которой правые увидели оскорбление религиозных чувств православных верующих... В итоге антреприза В.Ф. Комиссаржевской была разорена» (с. 603). Со своей стороны, РНСМА просил директора Императорских театров «изменить репертуар», напоминая о необходимости служить «интересам царя и России» и рекомендуя почаще ставить «любимую народную оперу “Жизнь за царя”» (с. 604). Беспокоил крайне правых и кинематограф, который, по их убеждению, «так же может разорять население, как и водка». Для выявления «кощунственных, порнографических и антипатриотических картин» организовывались черносотенные рейды по кинотеатрам (с. 606).

Неудивительно, что учащаяся молодёжь за правыми не пошла. В 1905–1907 гг. «малочисленные группы студентов-монархистов практически никак себя не проявили», тогда как «подавляющее большинство студенчества оказалось в леворадикальном и либеральном лагере». Причём «не встретили студенты-монархисты поддержки и в преподавательской среде, настроенной в большей части оппозиционно» (с. 561). И хотя правые использовали «весь доступный им арсенал для пропаганды своих политических взглядов и мировоззрения, но... одолеть своих идеальных противников на этом поприще так и не смогли», прежде всего – из-за нехватки «энергичных и талантливых деятелей» и меньшей привлекательности «для образованных классов консервативных политических культурных установок» (с. 632).

Несмотря назвщенность и беспристрастность авторских выводов,

некоторые из них всё же требуют уточнения. Так, отвергая популярное в либеральной публицистике обвинение черносотенцев в расизме, Иванов утверждает, что правые, используя понятие «русские», «никогда не сводили его до принципов этнической чистоты, кровного родства или расово-биологического критерия, чуждых православной традиции» (с. 199). Однако «практически во всех программах правых партий отмечалось, что не только иудеи, но и лица еврейского происхождения не могут быть членами черносотенных организаций» (с. 226). В частности, Устав Всероссийского Филаретовского общества народного образования, созданного по инициативе Пуришкевича, запрещал «приём в состав его членов евреев (включая лиц еврейского происхождения по мужской и женской линии), в том числе и принявших христианство, а также русских и лиц других национальностей, состоящих в браке с “лицом иудейского происхождения”» (с. 556). К тому же «иногда черносотенцы подхватывали и популярные в те времена на Западе расистские идеи (например, А.С. Шмаков или В.Ф. Залесский, писавшие о евреях как об особой расе), что явно вступало в противоречие с православным вероучением» (с. 230). И хотя, по мнению Иванова, «большинство черносотенцев всё же оставались чужды расовому подходу», подтверждается это лишь заявлениями православных священников (в СРН отнюдь не преобладавших), среди которых также встречались исключения, наподобие скандального иеромонаха Илиодора (Труфанова), грозившего пролить «реки жидовской крови» (с. 230–231). Вполне расистские по духу рассуждения можно найти и у идеологов ВНС. Тот же Меньшиков исходил из того, что «среди человеческих племён и типов есть прирождённые культур-

ные люди и прирождённые дикари», а Ковалевский полагал, что «люди, живущие на вольном воздухе, облашают более твёрдым духом, ясным умом, смелой поступью, радушнее и благороднее, чем люди, прячущиеся в лесах»⁶.

Отношение монархистов к насилию и террору также настоит упрощать. Конечно, Иванов убедительно показал, что руководители черносотенных союзов не являлись организаторами погромов. Пожалуй, «лидеры правых действительно позволяли себе... антисемитские выпады, могли даже пугать евреев тем, что если их единоплеменники не прекратят анти-монархической и антицерковной деятельности, то их может ждать новая волна погромов, но никогда не призывали к этим акциям членов своих партий и союзов». Но из этого всё же не следует, что, «например, трактовать думскую речь Н.Е. Маркова, произнесённую в связи с делом Бейлиса, как “прямой призыв к еврейским погромам”... большая натяжка» (с. 507). Как бы то ни было, в ней заранее оправдывалась любая самая жёсткая реакция на признание М. Бейлиса невиновным: «Тут говорили о погромах... С тех пор, как Союзы русского народа взяли в свои руки народные массы (смех слева), именно с тех пор нет еврейских погромов... Мы удерживаем народ от проявления дикого зверского произвола... но это делать мы можем только до той минуты, пока... сохраним нравственное право... убеждать союзников в том, что есть ещё правда на земле, что есть ещё закон... Но в тот день, когда при вашем соучастии, господа левые, русский народ убедится окончательно в том... что уже нет закона, что уже нет возможности обличить на суде иудея... в тот день, господа, будут еврейские погромы... и этот погром не будет таким, какие бывали до сих пор, это не будет погром жицковских перин,

а всех жидов начисто до последнего перебьют» (с. 507–508).

Иванов видит противоречие между принципиальными заявлениями черносотенцев о неприятии «какого бы то ни было убийства», так как это «смертный грех» (с. 532), и теми откликами, которые «Вече» или «Русское знамя» печатали, в частности, после гибели М.Я. Герценштейна. Не отрицает автор и то, что «в частных разговорах некоторые лидеры правых также высказывали явное сочувствие этим актам индивидуального террора» (с. 530). Но здесь хотелось бы не просто констатации, а того или иного развёрнутого комментария.

По словам автора, в 1905–1907 гг. «в результате контрреволюционной мобилизации широких народных масс правый лагерь превратился в многочисленную и влиятельную политическую силу», а «черносотенное движение было массовым и до определённого времени пользовалось поддержкой значительно большей части российского общества, чем политические организации иной идеологической направленности» (с. 149–150). Но почему же тогда на думских выборах, вплоть до изменения 3 июня 1907 г. избирательного закона, крайне правых ждал сокрушительный провал? В I Думу они не смогли привести ни одного депутата, набрав всего 9,2% голосов выборщиков. При избрании II Думы им зачастую приходилось негласно блокироваться с октябристами, но и это дало более чем скромный результат (с. 280–283). Вероятно, этот парадокс в книге следовало как-то пояснить.

Вслед за Н.Н. Козловой Иванов уверяет, что «русские консерваторы были чужды мизогинии (женоненавистничества)» (с. 409). В то же время Первый Всероссийский женский съезд, проходивший в 1908 г. под девизом «Равные обязанности – равные

права», Пуришкевич охарактеризовал как «величайший духовный всероссийский бардак». Тогда же, отвечая на разосланную организаторами анкету, он «направил “равноправкам” шокировавший всех ответ: “Женский труд – когда их трут”». Громким скандалом обернулось и его письмо устроительнице съезда 70-летней А.П. Философовой. Обращаясь к ней, лидер РНСМА «выражал “изумление”, “сколько бессемейной... трухи развелось в России”» (с. 407). Впрочем, мизогиния черносотенцев была избирательной: в частности, они полагали, что «народные учительницы – воспитанницы епархиальных училищ – будут обладать более высокой нравственностью, нежели народные учителя из интеллигентной среды, и “научат молиться Богу, а не делать революцию”» (с. 557).

По-прежнему дискуссионной остаётся и типологизация правых партий в Третьеиюньский период. Иванов не согласен «вывести националистов за пределы правого движения и, объединив их с октябристами, именовать “правоцентристами” или “консервативными либералами”, и тем более считать консерваторами исключительно октябристов и националистов как стоявших “на страже структурных и идеино-политических основ думской монархии”» (с. 38–39). Соглашаясь с ним, Стогов утверждает, что черносотенцы и русские националисты представляли собой «как бы две ветви единого правого политического спектра Российской империи периода её заката»⁷. И в целом это верно. Однако «правый политический спектр», оформленный в 1905–1907 гг. как единое антиреволюционное течение (частью которого являлись и октябристы), практически сразу после начала работы III Думы раскололся и как «правое движение», объединяющее разные союзы и группы, существовать перестал.

Крайне правые реакционеры, с различной степенью радикализма, стремились к возвращению в «доманифестное» время и, по сути, находились в более или менее конструктивной оппозиции к правительству П.А. Столыпина и его преемников. Собственно, и Иванов признаёт думских черносотенцев «системной оппозицией» и «консервативной оппозицией правительственной власти» (с. 101, 266). Между тем умеренно-правые и русские националисты (сперва действовавшие самостоятельно, а затем объединившиеся в Русскую национальную фракцию), напротив, поддерживали столыпинские реформы, блокируясь в Думе с «Союзом 17 октября» и занимая правоцентристские позиции. Поэтому, во избежание терминологической путаницы, важно различать фракцию крайне правых в III и IV Думах с одной стороны – и всё правое думское крыло («правый спектр»), к которому, помимо крайнех, принадлежали умеренно-правые, националисты и фракция «центра», с другой. Несмотря на существенные расхождения, крайне правые и русские националисты солидарно выступали по ряду законопроектов, прежде всего касавшихся национальных, религиозных и образовательных проблем⁸.

В том, что в Третьеиюньский период умеренно-правые и русские националисты типологически составляли единое партийно-политическое «движение» с октябристами, а не с крайне правыми, убеждает и материал, приведённый в книге Иванова. Весьма показательно уже то, что в отличие от черносотенцев термин «революционеры справа» никогда не применялся «к полностью признававшим третьеиюньскую политическую систему националистам и умеренно-правым» (с. 27). При этом «представители правительственной власти» предпочитали «иметь дело с либерально-консервативными

или консервативно-либеральными партиями», т.е. с октябрьстами и ВНС (с. 266–267).

Сами русские националисты дистанцировались от крайне правых. «Зачем делать вид... будто партия национальная одно и то же, что партия правых?», — недоумевал Меньшиков. Он же указывал: «Самое несогласимое различие между Всероссийским национальным союзом и монархическими партиями то, что мы признаём Основные законы, а они воюют с ними. Для монархистов акт 17 октября 1905 года есть акт революции, для нас — акт закономерной воли монарха. Монархисты полагают, что так называемый “новый режим” не народен, что он навязан народу и государю кучкой узурпаторов с демоническим С.Ю. Витте во главе. Националисты думают наоборот: они полагают, что так называемый “старый режим”... перестал быть национальным. Какова бы ни была наша новая конституция... она более национальна, чем вечное бездействие и вечное превышение власти» (с. 177).

Иванов констатирует, что «двойственность программы ВНС» отталкивала черносотенцев, которые «критиковали идеологию ВНС как “национализм без веры и царя”, обвиняя националистов в “полном равнодушии” к православной вере и “непризнании царского самодержавия”» (с. 128). Марков 2-й в феврале 1912 г. даже сравнивал их с вероотступниками: «Как униаты суть те же православные, но признающие папу римского, так и националисты суть те же правые, но признающие конституцию» (с. 177). Согласно наблюдениям Р.Б. Ромова, «консервативная роль в третьеиюньской монархии “националистов” и разного рода “умеренных” несомненна, притом, что самодержавие если и сохранялось в их идеологическом багаже, то в качестве пустой ритуальной формулы или пре-

ходящего обстоятельства» (с. 129). Не спорит с этим и Иванов (с. 175). «Союз же русского народа и единомышленные ему организации...», — свидетельствовал позднее Марков 2-й, — не могли отказаться и не отказались от отстаивания незыблемости царского самодержавия и в этом смысле заняли враждебное отношение к конституционной Государственной думе и к поддерживавшему её правительству» (с. 269).

При обсуждении аграрной политики ВНС и думская фракция националистов, в отличие от многих крайне правых, «не только всецело поддержали столыпинскую реформу, но и выступили за её дальнейшее развитие» (с. 338). Иванов считает, что «черносотенцы и националисты немало способствовали прохождению столыпинского законопроекта о западном земстве» (с. 210)⁹. Но при этом он почему-то не упоминает о ярком выступлении Пуришкевича, который 27 апреля 1911 г. раскритиковал данную меру с думской трибуны, обвинив Столыпина и его сторонников в «зоологическом национализме»¹⁰.

Упорное стремление автора включить крайне правых и русских националистов в единое «движение» и в один «лагерь» неизбежно приводит к путанице. Так, в книге определение «правые» часто используется для обозначения собственно черносотенцев и только их (с. 196, 240, 287, 442, 498). К примеру, Иванов пишет про «недовольство правого лагеря» тем, что Столыпин «проявлял “конституционную твёрдость в охране народного представительства”». Причём «правые также подозревали премьера в попытках узурпации власти императора, в “диктаторском властолюбии”, в стремлении быть “самодержавным министром”» (с. 246). Очевидно, что речь тут идёт не про русских националистов, которые, наоборот, внедряли

«культ П.А. Столыпина» в массовое сознание¹¹. Не случайно в некоторых параграфах русские националисты представлены крайне скрупульно либо по-просту «выпадают» из поля зрения автора. «1905 год, — пишет Иванов, — явился годом зарождения и становления массовых правых политических партий в России... Особенности следующего периода в деятельности правых партий (конец 1907 — начало 1914 года) заключались в том, что они стремительно стали растрачивать былое влияние» (с. 136). Но, как известно, ВНС возник в 1908 г., а на 1910—1912 гг. пришёлся пик его деятельности. Забыты русские националисты и в Заключении (с. 711—717).

Конечно, партийная политическая жизнь ВНС была на порядок менее масштабной и яркой, чем у СРН. Но такие фигуры, как В.В. Шульгин или Меньшиков, ничем не уступали самым видным черносотенцам. Тем не менее цитируются и упоминаются они в монографии гораздо реже, чем Пуришкевич или Марков 2-й. Характерно, что при освещении борьбы правых против народного пьянства ничего не сказано про резонансный публицистический цикл Меньшикова «Пьяный бюджет»¹². Попадаются также досадные фактологические ошибки: образование фракции умеренно-правых отнесено к 1908 г. (с. 123), тогда как оно произошло в ноябре 1907 г.¹³, депутат В.П. Шеин назван священником (с. 373), хотя его рукоположили в сан иеря только 12 сентября 1920 г., и т.п.

Можно найти у Иванова и отголоски «теории двух большинств». Правда, решающую роль он отводит не октябристам, как это делалось в советской историографии, а «партии и довольно представительной фракции националистов, занявших нишу между фракцией правых и октябристов». Столыпин будто бы использо-

вал их «как гирю на весах, которую председатель правительства передвигал в нужном ему направлении: если премьеру необходимо было провести законопроект консервативного, национально-патриотического или церковного содержания, националисты, как правило, голосовали вместе с крайне правыми; если главе правительства нужно было получить большинство голосов в поддержку той или иной реформаторской инициативы... голоса националистов усиливали либеральный сектор Думы» (с. 127). Вот только абсолютного большинства у националистов и крайне правых в III Думе не было. Поэтому более убедительным кажется вывод А.В. Лопуховой, установившей, что «фактически действовало одно большинство» и «все наиболее значимые для Столыпина законопроекты были проведены через Думу при содействии умеренно-правых и октябристов»¹⁴.

Как отмечает автор, многие черносотенцы (правда, с разной степенью полноты и далеко не все) приняли большевистскую революцию, публиковали «хвалебные слова в адрес новой власти», наводившей в стране долгожданный «порядок», голосовали за РСДРП(б) на выборах в Учредительное собрание, затем приветствовали его разгон, утверждая, что большевики — «единственные политически честные люди за всё время революции», которые «вопреки своей воле и мысли» выполняют «всю закладку объединительной политики по нашей, русской патриотической программе» и фактически собирают «великую, единую и неделимую» Россию (с. 679—681). По сути, в этом черносотенцы предвосхитили то, что чуть позже сформулировали евразийцы и сменовеховцы. Но ещё более «показательно, что некоторые предложения правых партий, призванные навести порядок в сфере управления госу-

дарством, в идеологии, образовании, культуре, воспитании и т.п., частично нашли своё воплощение в сталинском СССР» (с. 713).

Финальный абзац книги переносит её выводы на совершенно иной уровень. «Таким образом, — уверенно заявляет историк, — многие вопросы и проблемы, волновавшие правые партии и союзы более ста лет назад, не утрачивают актуальности и сегодня. Происходит это потому, что правые партии дореволюционной России являлись одним из проявлений русского традиционализма со всеми его достоинствами и недостатками, который, пусть и в иных формах, продолжает отстаивать своё право на существование и в настоящее время» (с. 717). Всё это лишний раз убеждает в том, что А.А. Иванов создал в высшей степени ценный и содержательный научный труд, открывающий перед исследователями новые перспективы.

Примечания

¹ Стогов Д.И. Рец. на: А.А. Иванов. Правые партии Российской империи. СПб.: Владимир Даль, 2024 // Ключевые проблемы Русской революции в историографии сегодняшнего дня. Сборник материалов конференции. СПб., 2024. С. 287.

² Edelman R. Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution. The Nationalist Party. 1907–1917. New Brunswick (NJ), 1980.

³ Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 41.

⁴ Коцюбинский Д.А. Делегитимация императорской власти в контексте формирования антираспутинской фронды и освещение на

страницах российской прессы думских дебатов вокруг «старца» (1909–1916 гг.) // Таврические чтения 2021. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Сборник научных статей. Ч. 2. СПб., 2022. С. 63.

⁵ Там же. С. 48–63.

⁶ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 98–100.

⁷ Стогов Д.И. Рец. на: А.А. Иванов. Правые партии Российской империи... С. 286.

⁸ Коцюбинский Д.А. Думская монархия (1906–1917) в современной историографии: проблема переосмыслиния и уточнения понятийно-категориального аппарата // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Сборник научных статей. Ч. 2. СПб., 2020. С. 44–61.

⁹ По мнению Д.И. Стогова, напротив, «к столыпинскому законопроекту о западном земстве далеко не все черносотенцы относились положительно». Подробнее см.: Стогов Д.И. Русские монархисты начала XX в. о положении православного населения Западного края // Руцин. 2019. Т. 58. С. 85–87.

¹⁰ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчёты. 1911 г. Сессия четвёртая. Часть III. Заседания 74–113. СПб., 1911. Стб. 2887–2914.

¹¹ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия... С. 477–490.

¹² Меньшиков М.О. Пьяный бюджет. Р.С. // Новое время. 1907. 29 марта. С. 2; Меньшиков М.О. Пьяный бюджет (II). Р.С. // Новое время. 1907. 2 июня. С. 2–3; и др.

¹³ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия... С. 30–31.

¹⁴ Лопухова А.В. III Государственная дума: механизм функционирования // Российская государственность: от истоков до современности. Сборник статей международной научной конференции, приуроченной к 1150-летию российской государственности. Самара, 2012. С. 80–83.

Ольга Белоусова

Русское и имперское во второй половине XIX – начале XX в.: конфликт или единство?*

Olga Belousova

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Russian and Imperial in the second half of the 19th – early 20th century: conflict or unity?

DOI: 10.7868/S3034579025060261

Проблема соотношения русского и имперского в общественном мнении и политической жизни России, впервые чётко обозначенная в полемике славянофилов и западников, обрела в преобразованный период и особенно в конце XIX – начале XX в. качественно новое содержание. На фоне происходившей модернизации русская об разность стала важнейшим элементом официальных презентаций самодержавной власти, которая всё сильнее акцентировала органическое единство русского (т.е. фактически допетровского) и имперского, ставшего по воле Петра Великого на символическом уровне отрицанием прошлого и рецепцией европейского. Эти попытки соединить не то чтобы объективно противоречившие друг другу, но для обыденного восприятия действительно трудно соединимые феномены накладывались на трансформацию общества, обострившую в нём внутренние конфликты. Анализу данных процессов и посвящена новая фундаментальная монография М.В. Лескинен.

Исследовательница стремится реконструировать визуальные стереотипы русскости, которые существовали в общественном мнении России второй половины XIX – начала XX в. (при этом она часто обращает внимание и на более ранние периоды,

вплоть до первых лет петербургской империи) и «тиражировались для массового потребления». Тем самым она продолжает работы Е.А. Вишленковой, изучившей их бытование в период, предшествовавший эпохе Великих реформ (I, с. 24–25)¹. Очевиден междисциплинарный характер данного труда, написанного с учётом подходов «национальной имажинерии» (I, с. 17–19), исторической памяти (I, с. 21–23), визуальной антропологии (I, с. 23–24), антропоэстетики (I, с. 44–45, 90–93). Вместе с тем Лескинен признаётся, что ей «пока не удалось чётко и однозначно разграничить» категории имперского, национального и этнического при характеристике «визуальных образов русскости» (I, с. 12).

Автор активно использует не только изобразительные, но и нарративные источники, причём для неё важны не столько описания, сколько встречающиеся в них оценочные суждения (I, с. 12). Но тут любая выборка окажется неполной. Например, освещая реакцию на русскую экспозицию, представленную на Парижской выставке 1867 г., Лескинен цитирует статью К.Н. Леонтьева «Грамотность и народность» (I, с. 141–145), но упускает из виду и не учитывает множества других отзывов о тех же

* Лескинен М.В. Визуальные презентации русскости в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. В 2 кн. Кн. 1. Облики – обличья – облаченья. 720 с., ил. (I); Кн. 2. Русское зеркало. 400 с., ил. (II). М.: Кучково поле Музеон, 2024.

экспонатах и их восприятии, публиковавшихся в русских газетах, например, в «Голосе»². Возможно, так же выгодно дополнило бы воссоздаваемую исследовательницей картину обращение к описанию Ф.М. Достоевским Лондонской выставки 1862 г., точнее, грандиозного Хрустального дворца, возведённого в британской столице ещё в 1851 г. Писатель уподобляет его библейскому Ваалу и ярко передаёт то воздействие, которое это здание производит на «голодную душу»³. Конечно, Лескинен интересуют исключительно представление и восприятие русскости (I, с. 126–127). Однако и русский взгляд на символ британской имперской в данном контексте был бы вполне уместен, особенно во введении, озаглавленном «Всемирные выставки как “смотр” наций: формирование имиджа» (I, с. 124).

К сожалению, не всегда понятны авторские критерии при оценке успешности той или иной презентации. Так, Лескинен считает, что на Чикагской выставке 1893 г. «национальная презентация» России имела успех благодаря продуманности экспозиции (I, с. 199), но этот вывод не подтверждается ссылками на свидетельства современников. Говоря же о Парижской выставке 1900 г., исследовательница отмечает, что, по мнению современников и историков, российское присутствие выглядело весьма удачно, однако её доводы не убеждают. Она сетует на то, что расположение русских павильонов будто бы усиливало их обособленность от ведущих европейских стран, указывая на намерение организаторов сформировать представление о них как о второродных (I, с. 200), к тому же при устройстве экспозиции не получилось отказаться от прежних «клишированных представлений» при презентации русскости (I, с. 209). Между тем, судя по приведённым в книге

фактам, ожидаемые впечатления от привычных её выражений не вызывали негативных эмоций, а суждения отдельных критически настроенных отечественных наблюдателей явно не были определяющими (I, с. 208).

Пристальное внимание в книге уделено проблеме национального костюма и моде на русскую одежду при дворе. Прослеживаются шаги, сделанные в этом направлении в первой половине XIX в., отмечена попытка внесения элементов народного крестьянского костюма в армейскую форму во время Крымской войны и рассмотрены аналогичные начинания, предпринятые при Александре II в связи с подготовкой военной реформы. Впрочем, как известно, апогей влияния национальных мотивов на обмундирование войск пришёлся уже на царствование Александра III. Тогда же, в 1880-х гг., по мнению Р. Уортмана, при репрезентации самодержавной власти стали активно использовать образы допетровской Москвы, что и продолжалось вплоть до 1917 г. Соглашаясь с американским русистом, исследовательница пишет, что вводимые изменения затрагивали именно «символику историческую» (I, с. 273).

Лескинен предельно пунктуально в атрибуции деталей форменной одежды. Так, она установила, что красная косоворотка, которую любил носить Николай II, являлась «не просто мужицкой рубахой», а «элементом формы стрелков», о чём знали далеко «не все» (I, с. 280). Более того, похоже, об этом не догадывались даже близкие к императору персоны. К примеру, гр. С.Д. Шереметев, регулярно бывавший на аудиенциях у царя, часто отмечал, что «государь был в обычной красной рубашке», «по обычай в красной рубашке» или даже «как всегда в красной рубашке», иногда «с накидкой», но при этом он ни разу не указал на её связь с униформой⁴.

Вряд ли стоит вслед за автором книги в размышлениях министра внутренних дел Д.С. Сипягина о «введении боярских элементов костюма в мужской придворный и военный мундиры» видеть один из «предполагавшихся к реализации проектов» (I, с. 644). О подобных намерениях данного сановника, пусть и влиятельного, но далеко не всесильного, известно лишь из источников личного происхождения, тогда как в официальных документах нет ничего, что позволяло бы утверждать, будто Николай II планировал «введение “боярского” стиля в придворные мундирыные платья» (I, с. 365). Собственно, и сама Лескинен сомневается в том, насколько оправданно Уортман считал, что Сипягин успел предпринять практические шаги по привнесению черт XVII в. в придворный церемониал (I, с. 281–282). Вместе с тем она пишет, что на рубеже XIX–XX вв. сложилось «поддерживавшееся лично императором представление об исторических элементах русского национального костюма», в основе которого лежал именно образ элиты допетровской Москвы – бояр, стольников и т.д., а вовсе не «великорусский крестьянский костюм» (I, с. 287). Но тогда непонятно, откуда взялись подобные предпочтения, если «боярство» кроме Сипягина никто не пропагандировал? И действительно ли в окружении царя, присматриваясь к боярским нарядам, «не рассматривали их в качестве альтернативы народному крестьянскому платью», исходя из того, что московская одежда XVI–XVII вв. не имела «никаких ярких сословных различий», кроме богатства и качества (I, с. 313)? Всё же для обоснования данного вывода явно недостаточно ссылки на то, что так думали И.Е. Забелин и Н.И. Костомаров (I, с. 400).

Лескинен почему-то противопоставляет «униформу» облачениям,

использовавшимся для «досуга и отдыха» (I, с. 316), хотя и упоминает, что для придворных балов в эпоху Николая I предписывался «дамский мундир» (I, с. 253). Любопытно также, что ещё с середины XVIII в. при дворе возникла традиция устраивать русские народные танцы (I, с. 323). А при Николае I уже регулярно проводились всесословные «балы с мужиками», когда на царский праздник приглашались простолюдины (I, с. 338). Особенно же ярко презентация русскости проявлялась с 1883 г. на костюмированных балах, участники которых наряжались по образцам XVI–XVII вв. Самый известный из них состоялся в Зимнем дворце в феврале 1903 г. (I, с. 483–484). Лескинен, не приводя никаких доказательств, то связывает его с 200-летием основания Санкт-Петербурга (I, с. 344), то называет «приуроченным к 290-летнему юбилею дома Романовых» (I, с. 509). Действительно, было бы более чем странно отмечать юбилей столицы Российской империи в допетровской стилистике.

Не исключено, что этим масштабным зрелищным событием император сознательно предвосхищал издание программного Манифеста 26 февраля 1903 г., подписанного Николаем II в день рождения Александра III и одновременно объявлявшего о преемственности правительственной политики и намечавшего её новый этап. Однако и такое предположение ничем не подтверждается. Но ещё менее вероятно, будто, как пишет Лескинен, императрице хотелось провести нечто, напоминающее Девонширский бал 1897 г. в Лондоне (I, с. 485). Скорее уж на царскую чету произвело впечатление то, как на Светлой седмице в 1900 г. её чествовало московское дворянство (I, с. 485). Гр. Шереметев в тот день даже спорил с императором о том, какие именно эпохи изо-

бражались при этом действе. А вел. кн. Сергей Александрович, сообщая брату, вел. кн. Павлу Александровичу, о прошедшем накануне приёме, особо упомянул про танцы, символизировавшие исторические «периоды» — Владимирский, Московский, Петровский, Екатерининский и Александровский⁵. Лескинен пользовалась изданием, в котором приведены эти свидетельства, прозрачно указывающие на связь между событиями 1900 и 1903 гг., но исследовательница предпочла их не заметить. По её мнению, организатором «московского пира» являлся, «вероятнее всего», Сипягин (I, с. 603), однако доказать это едва ли возможно.

Как бы то ни было, нельзя не признать, что костюмированный бал 1903 г. — «это не совсем маскарад, это иное» (I, с. 496). По сути, царь и царица демонстрировали своему окружению, как они видят и чувствуют глубинную онтологию самодержавной власти, не скрывая ни идеализации прошлого, ни презрения к современной действительности. Почти за два года до этого, 3 мая 1901 г., Николай II разрешил гр. Шереметеву напечатать письмо отца, тогда ещё наследника престола, признававшегося 10 марта 1880 г. К.П. Победоносцеву в том, что испытывает зависть к «людям, которые могут жить в глупи и приносить истинную пользу и быть далеко от всех мерзостей городской жизни, а в особенности петербургской». При этом император сказал графу: «Да ведь и теперь она та же»⁶.

Не менее показательно и то, что художник П.В. Жуковский, который был вхож к Николаю II и Александре Фёдоровне, хвалил им «национальные русские костюмы» и имел непосредственное отношение к подготовке бала 1903 г., споря в конце декабря 1902 г. с министром императорского двора бароном В.Б. Фредериксом, называл

Петра I «врагом России». Лескинен усматривает в данной полемике лишь очередное проявление «оппозиции «фрак — кафтан»» (I, с. 484), которая обсуждалась на страницах «Московских ведомостей» ещё в 1846 г. (I, с. 365—369). В то время, как показано в книге, среди современников преобладало карнавальное восприятие «русской традиционной одежды» (I, с. 369).

Однако в конце XIX — начале XX в. отношение к ней заметно изменилось. В 1880-е гг. К.Н. Леонтьев уже радовался тому, что «мы не присоединили Царьграда в 1878 году» и «даже не вошли в него», поскольку «тогда мы вступили бы в Царьград этот (во французском кепи) с общеевропейской эгалитарностью в сердце и уме» (здесь и далее курсив Леонтьева. — О.Б.). Теперь же мыслитель ожидал, что русские вернутся на Босфор «именно в той шапке-мурмолке, над которой так глупо смеялись наши западники». «Да, заметьте, заметьте это: не только либерализм, но и кепи; не только реакция, но и шапка-мурмолка...», — писал Константин Николаевич. — ...Шапка-мурмолка, кепи и тому подобные вещи гораздо важнее, чем вы думаете; внешние формы быта, одежды, обряды, обычаи, моды, — все эти разности и оттенки общественной эстетики *живой*, не той т.е. эстетики отражения или кладбища, которой вы привыкли поклоняться, часто ничего не смысля, в музеях и на выставках, — все эти внешние формы, говорю я, вовсе не причуда, не вздор, не чисто “внешние вещи”, как говорят глупцы; нет, они суть *неизбежные* последствия, органически вытекающие из перемен в нашем внутреннем мире; — это неизбежные *пластические символы идеалов*, внутри нас созревших или готовых созреть⁷. В 1889 г. Леонтьев начал письмо к А.А. Фету эпиграфом, обыгрывавшим строки лермонтовского

стихотворения «Журналист, читатель и писатель»: «Когда же на Руси бесплодной / Жизнь обретёт кафтан цветной / И стиль одежды благородный». Затем, развивая свою мысль, он заявлял, что «чёрный фрак» и современная европейская одежда напоминают ему о «куцом трауре, который Запад надел с горя по своему великому, религиозному, аристократическому и артистическому прошедшему»⁸. К сожалению, эти настроения, которые не были чужды тому же Жуковскому и его единомышленникам, не получили в книге должного осмысления.

Во второй книге исследования анализируются самые разные визуальные образы – от произведений живописи, нумизматики и монументального искусства до прессы и рекламы. Рассказывая о них, Лескинен углубляется в детали и частности, которые призваны буквально проиллюстрировать наблюдения и выводы, изложенные в первой книге. При этом автор обращается не только к исследуемой эпохе, но и ко времени после февраля 1917 г., что уже вряд ли корректно в рамках заявленной темы. Пожалуй, было бы логичнее выстроить текст монографии по хронологическому принципу и проследить эволюцию феномена русскости по эпохам, не разнося в разные тома концептуальное и конкретизирующее. Впрочем, и предложенное исследовательницей разделение материала не затрудняет чтение её работы.

Изучая формы и образы русскости в вестернизированной петербургской монархии, М. В. Лескинен в сво-

ём, бесспорно, ценном труде обращает внимание прежде всего на конфликтную сторону сложного двухвекового взаимопроникающего сосуществования русского и имперского. Между тем оба этих начала не только (и даже не столько) противостояли друг другу, сколько дополняли друг друга, о чём, вероятно, ещё напишут будущие исследователи.

Примечания

¹ Болтунова Е.М., Лескинен М.В. «Говоря о другом, описывая другого, наблюдатель гораздо больше сообщает о себе, чем о нём». Интервью с Марией Войттовной Лескинен // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 1–2. С. 208–209.

² Отчасти они отражены в комментариях к леонтьевским статьям: Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. / Под ред. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. Т. 7. Кн. 2. СПб., 2006. С. 536–537, 569–570.

³ Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 5. Л., 1973. С. 69–70.

⁴ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5053, л. 40; д. 5055, л. 183; д. 5060, л. 5, 167.

⁵ Великая княгиня Елизавета Феодоровна и император Николай II. Материалы и документы (1884–1909 гг.) / Сост. А.Б. Ефимов, Е.Ю. Ковальская. СПб., 2009. С. 502–503.

⁶ РГИА, ф. 1088, оп. 2, д. 9, л. 69; Письмо цесаревича Александра Александровича к К.П. Победоносцеву // Старина и новизна. Исторический сборник. Кн. 5. СПб., 1902. С. 1.

⁷ Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. / Под ред. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. Т. 8. Кн. 1. СПб., 2007. С. 231–233.

⁸ Леонтьев К.Н. Не кстати и кстати (письмо А.А. Фету по поводу его юбилея) // Там же. С. 625, 636.

Татьяна Филиппова

Золотой век карикатуры – «западно-восточные» отражения^{*}

Tatiana Filippova

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Reflections of the East and the West in the golden age of caricature

DOI: 10.7868/S3034579025060271

Книга, посвящённая карикатуре, обречена на успех. Кто же не любит сатирический рисунок? Пожалуй, лишь тот, кто стал для него объектом. Как редактор с опытом работы в нескольких исторических журналах могу с уверенностью сказать: в периодическом издании карикатура это почти всегда первое, на что обращает внимание читатель, а в электронном – статья, посвящённая рисунку такого рода, собирает наибольшее количество «посещений». Объяснения этому можно искать в разных областях читательских мотиваций – от простого любопытства и стремления развлечься до серьёзных культурных и психологических потребностей отреагировать, сублимировать стихией смеха те проблемы и тревоги, что беспокоят человека в окружающей действительности.

Об изоморфности сатиры той реальности, которая её порождает, ещё в XIX в. писал А. Шопенгауэр, вошедший в историю как «философ пессимизма». «Мир во всех отношениях, безусловно, плох, – утверждал он в работе “Мир как воля и представление”, увидевшей свет в 1819 г. – Эстетически он похож на карикатуру, интеллектуально – на сумасшедший дом, в нравственном отношении – на мошеннический притон, а в целом – на тюрьму». Удивительно ли, что забавные фигурки людей, а также звери, птицы и даже предметы, символизирующие те или иные госу-

дарства мира, с невиданной прежде энергией «оккупировали» страницы европейских и отечественных сатирических изданий именно по мере неуклонного приближения человечества к «эпохе войн и революций», сформировав собой золотой век карикатуры как явления (первая половина XIX – начало XX в.). Вряд ли это простое совпадение. Появление в середине XIX в. массовой периодической печати, обусловленное развитием технических возможностей её производства и доставки, востребованность быстрого отклика на злобу дня, регулярные обострения международной ситуации в связи с тем, что позднее назовут «борьбою наций и империй», – всё это сделало политическую карикатуру важным фактором журнальных войн. И тенденция эта к началу Первой мировой войны достигла апогея.

Монография А.Г. Голикова и И.С. Рыбачёнок «Карандаш и перо – инструменты политической карикатуры» не только продолжает череду их публикаций, посвящённых истории европейского и отечественного сатирического рисунка, но и выводит поставленные авторами задачи на новый уровень. «Пошаговость» их решения позволяет читателю проникнуть на профессиональную «кухню» художников этого жанра и оценить всё разнообразие идеологической «рецептуры» и политического «меню» тех пропагандистских «блюд», которые на ней

* Голиков А.Г., Рыбачёнок И.С. Карандаш и перо – инструменты политической карикатуры. М.: Перо, 2024. 338 с.

готовились (и готовятся по сей день). В этом смысле работа несёт ценный образовательный потенциал, обеспечивая тех, кто изучает историю прессы, журнальной сатиры, внешней политики и дипломатии, а также проблемы визуальной семантизации образов «своего», «иного» и «чужого», надёжным аналитическим инструментарием.

Собственно, книга и начинается с представления авторами той «лопции», которая позволит вдумчивому читателю — будь то студент, профессиональный исследователь, политический аналитик или просто любитель карикатурного жанра — смело пуститься в странствие по волнам отшумевших политических бурь, отразившихся в сатирической журналистике. В числе аналитических приёмов — резонанс изображения и текста; меняющийся «репертуар» исторических аллюзий; символика цвета; семантический контраст визуалистики и нарратива; «двойное дно» в игре художников со смыслами; внимание к клише, лозунгам и метафорам в их движении и мутациях, роль ремейков в транслировании сатирических образов и многое другое. Узловые исторические события, увиденные через призму сатиры, позволяют не только восстановить политический, экономический и культурный контекст времени, но и выявить некоторые закономерности восприятия их современниками, в том числе и журналистами. Им, как когда-то шутам при королевских дворах, позволялось посмеяться над сильными мира сего (впрочем, чаще всего — из других, соседних «королевств»).

Трудно не согласиться с выводом авторов о том, что «в совокупности работы карикатуристов разных стран создавали панорамное представление о системе международных отношений и комплексе противоречий между державами, породивших Первую мировую войну. О её истоках совре-

менники могли судить по вербальной и визуальной публицистике сатирических изданий» (с. 18). Стоит добавить, что и сами сатирики разных стран — художники, фельетонисты, авторы стихов — внесли вклад в предвоенное ожесточение политических настроений и взаимных фобий, затянувших народы мира в воронку глобального конфликта. Неслучайно содержащееся в книге предупреждение о силе манипулятивного воздействия изображения на сознание и эмоции читателя: «Являясь “жаргоном улицы” и злобой дня, карикатура в образной форме не только отображает массовые представления об общественно-политических реалиях своего времени, но и раскрывает способы воздействия на него» (с. 302).

Внимание и любовь к деталям — особое свойство исследовательского почерка Голикова и Рыбачёнок, придающее их публикациям энциклопедичность. Нельзя не почувствовать, с каким профессиональным пониманием и художественной чуткостью они на конкретных примерах пишут о творческих манерах и особенностях стиля карикатуристов разных школ и стран. Особенно привлекает симпатия, с которой говорится о российских авторах, не уступавших в мастерстве своим западным коллегам, несмотря на то что те обладали более долгим опытом работы в профессии и сравнительно лучшими (в цензурном отношении) условиями деятельности. Скажу больше: в первое десятилетие XX в. отечественные художники-сатирики, ощущив творческую свободу стихии русского Модерна и ветер политических перемен, опередили европейских собратьев по карандашу и перу. Они создали новый язык, новую стилистику и новый репертуар образов в трактовке политической реальности. Об этом наглядно свидетельствуют творческие достижения та-

ких популярных журналов, как «Стрекоза», «Сатирикон» (позднее «Новый Сатирикон») с их талантливыми редакциями и коллективами авторов.

Авторы замечают: создание образа Чужого (соперника, противника) становилось также и инструментом самоидентификации. «Подмечая и высмеивая непривычное, чужое, неприемлемое в характере и поступках Иных, русские карикатуристы тем самым выявляли специфику культурного кода Своих» (с. 302). Это особенно ярко проявлялось по мере нарастания международной напряжённости в начале XX в. Оппозиция Свой – Чужой придавала политической карикатуре эмоциональную выразительность и пропагандистскую востребованность (особенно к концу эпохи, рассматриваемой в монографии). Особый случай в этом отношении – работы на «восточные» темы. Сатирики всё отчёлтивее осознавали значение новых явлений в странах Азии, затронутых процессами модернизации жизненного и даже цивилизационного уклада. В этом отношении конкуренция различных западных проектов «обновления» и реформирования «пробуждающегося Востока» зачастую виделась сатириками как вызов собственным странам, политические режимы которых лишь дестабилизировали международную обстановку небескорыстными устремлениями «нести передовую культуру отсталым народам». Внимание к данной проблематике придаёт рецензируемой работе объём и глубину.

Подводя итог, вернувшись к сказанному в начале. Рецензируемая работа несёт в себе в широком смысле образовательный, точнее – просветительский потенциал, способный воздействовать на культурное «измерение» науки. Внимание к карикатуре, привитие вкуса к её анализу помогают обрести интеллектуальную и эмоциональную чуткость к визуальному источнику в целом, улучшить понимание сатирического рисунка как носителя сразу нескольких пластов восприятия истории. Ведь в нём откладывались и само событие, и характер понимания его художником, и способ журналистской интерпретации для читателя. Контакт, точнее, резонанс этих пластов и создаёт эмоциональный и смысловой эффект воздействия карикатуры как уникального документа эпохи. Собственно, эту уникальность и подчёркивают авторы книги, указывая, что «карикатура как исторический источник содержит достаточно полную и в целом достоверную информацию, а в сочетании с другими источниками, как традиционно используемыми, так и используемыми редко, даёт возможность получить комплексное, а значит, более многообразное и адекватное представление о действительности» (с. 303).

В заключение отмечу культуру и эстетику подачи материала, чёткость научного аппарата, богатую библиографию, а также прекрасное оформление самого издания, передающее атмосферу изучаемой эпохи.

Виталий Тихонов

Историк во власти истории*

Vitaliy Tikhonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Historian in the grip of History

DOI: 10.7868/S3034579025060283

Фигура известного советского историка Аркадия Лавровича Сидорова (1900–1966) неизменно интересует исследователей. С одной стороны, перед нами авторитетный учёный, специализировавшийся на экономической истории России начала XX в. и считающийся основателем собственной научной школы, из которой выросло «новое направление» в советской историографии¹. С другой – крупный организатор науки, занимавший должность директора Института истории АН СССР (1953–1959)² и сыгравший заметную роль в утверждении советской модели преподавания и изучения истории в странах «народной демократии»³.

Как следствие устойчиво внимание к изучению и изданию документального наследия учёного. В частности, опубликованы его воспоминания и избранная переписка⁴. Рецензируемое издание – яркий пример отмеченной тенденции. Оно вводит в научный оборот комплекс документов, связанных с поездкой Сидорова в Будапешт в 1956 г.⁵ Его основой стал «венгерский дневник», который историк вёл во время пребывания в столице Венгрии. Сложность работы с такого рода источником заключалась в том, что публикаторы должны обладать широкими познаниями в венгерской истории, в особенности о событиях 1956 г., и истории советской и восточноевропейской исторической науки. В этой

связи плодотворным оказался творческий tandem авторитетного специалиста по истории Восточной Европы к.и.н. А.С. Стыкалина и историка науки к.и.н. В.С. Груздинской, обеспечивший высокий научный уровень издания.

Предисловие рассказывает о событиях Венгерской революции, давая возможность вписать материалы в исторический контекст. Биографический очерк знакомит с автором дневника, раскрывает его личность и жизненный опыт, определившие специфику восприятия им происшедшего. Сидоров предстаёт «солдатом партии» и «бойцом идеологического фронта» – энергичным, верным, но не бездумным, способным критически анализировать правильность решений, принимавшихся руководством СССР. Здесь же дана краткая археографическая информация, разъясняющая происхождение источников и принципы их издания. Для рецензируемой книги привлечены документы из личного фонда Сидорова, хранящегося в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ф. 632), а также переписка с Институтом истории Венгерской академии наук, отложившаяся в Научном архиве Института российской истории РАН.

«Венгерский дневник» представляет собой относительно небольшой, но насыщенный источник. История его появления такова. Пребывая в Бу-

* Груздинская В.С., Стыкалин А.С. Будапештская осень профессора А.Л. Сидорова: Советский историк в водовороте Венгерской революции 1956 года. Саратов: Техно-Декор, 2024. 136 с.

дапеште с рабочей поездкой (с 15 по 31 октября 1956 г.), Сидоров неожиданно оказался в самой гуще событий. Понимая важность происходящего и стремясь его осмыслить, он начал вести записи, в которых не только фиксировал факты, но и старался их анализировать. Разбивка записей дана не только по датам, но зачастую и по часам. Чрезвычайно интересны заметки о настроениях в венгерской академической среде и среди студентов, а также наблюдения за ситуацией на улицах города.

«Понятийная сетка», которую Сидоров накладывал на окружающую его реальность, разумеется, марксистская и во многом определялась актуальными решениями партии. Так, он уверен, что венгерский пролетариат должен поддержать советскую власть, и несколько обескуражен его активным участием в восстании. Нужно учитывать, что уже состоялся XX съезд КПСС, развенчавший кульп личности И.В. Сталина, поэтому историк с осуждением оперировал термином «сталинисты», но лозунг «Долой Сталина!» считал антисоветским. Разумеется, он смотрел на всё глазами советского человека, осуждая венгров за их выступления, видя в них исключительно «национализм» и считая происходящее «фашизацией». Местных коммунистов он обвинял в низком «идейном уровне», но однозначно отдавал им предпочтение перед «националистами», считая, что первые вскоре осознают свои заблуждения и встанут на путь построения «правильного» социализма, тогда как вторые — заведомые враги, поскольку мечтают вернуться к «буржуазным порядкам».

Взгляды Сидорова на восстание во многом определялись его местонахождением. Семь дней (24–30 октября) он провёл в гостинице на острове Маргит на Дунае, между двумя ча-

стями Будапешта. С одной стороны, пребывая вдали от гущи событий, он был вынужден черпать информацию из слухов (впрочем, это типично для ситуации, когда в городе идут бои). С другой — данная ситуация, по мнению Сидорова, превратила интернациональный контингент проживавших в своеобразный микрокосм международной обстановки. Так, наблюдая за представителями славянских стран, входивших в социалистический блок, историк с удовлетворением отметил, что «славянский мир» не поддержал выступление венгров. В то же время «советский патриотизм» не помешал ему в сердцах нелицеприятно оценить работу дипломатов СССР: «Наши посольские люди всё же свиньи, т[ак] к[ак] никто из них за эти дни не прибыл (в гостиницу. — В.Т.). Между тем работники всех посольств приезжали и беседовали» (с. 49). Последняя запись датирована 31 октября, когда проходила эвакуация советских граждан через посольство. Видимо, Сидоров делал её, уже находясь в колонне из пяти-шести грузовых машин, танка и бронетранспортёров, следовавшей на аэродром. Дневник так и обрывается на словах: «До аэродрома было...» (с. 54).

Вернувшись на родину, Сидоров подготовил краткий отчёт для вышестоящих инстанций — АН СССР и ЦК КПСС, полностью воспроизведённый в рецензируемой книге. В нём он сухо отметил, что цель поездки — знакомство с научными учреждениями Венгрии — не достигнута ввиду начала «антисоветского восстания». Зато относительно подробно описан процесс эвакуации из Будапешта. Мы узнаём, что военный самолёт доставил его во Львов, откуда поездом он вернулся в Москву. Сидоров не преминул отметить плохую работу советского посольства, бросившего находившихся в ВНР сограждан на произвол судьбы.

Издание содержит подробные комментарии, позволяющие читателю ориентироваться в тексте источника и отражённых в нём событиях. Правда, постаравшись откомментировать все информационные слои документов, авторы-составители не везде достигли поставленной цели. Например, уместно было бы отметить, что в записи от 19 октября «Венг[ерский] Институт истории. Сообщение в узком кругу о советском учебнике» (с. 29) речь, скорее всего, идёт о подготовке учебника «История СССР. Эпоха социализма», вышедшего в 1957 г. Однако такие неочевидные пропуски не умаляют проделанной впечатляющей работы.

Хотелось бы отметить интересное дизайнерское оформление обложки: спереди и сзади её как будто пробивает пуля, и в прожжённой насквозь карте Будапешта видны фотографии восстания. Всё это придаёт изданию атмосферность. Важное подспорье для читателя — карты Венгрии и Будапешта 1956 г., а также именной указатель и резюме на русском и английском языках. В целом рецензируемая книга подготовлена на высоком уровне и вводит в научный оборот важные источники, которые обязательно привлекут внимание как специалистов по истории советской внешней политики, социалистического блока и т.д., так и изучающих историю советской исторической науки.

Примечания

¹ Зырянов П.В. «Школа Сидорова». Воспоминания младшего современника // *Acta Slavica Japonica*. Т. XIII. 1995. С. 256–271; Полякарпов В.В. «Новое направление» 50–70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Советская историография. М., 1996. С. 349–400; Воронкова С.В. Сидоров А.Л. // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 728–735; Markwick R.D. *Rewriting history in Soviet Russia. The politics of Revisionist historiography 1956–74*.

Basingstoke; N.Y., 2001; Киселёв М.А. «Наша провинциальная жизнь имеет свои теневые стороны...»: конфликт вокруг «нового направления» в Свердловске в переписке В.Я. Кривоногова и Н.М. Дружинина // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 13. 2022. № 4; и др.

² См.: Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб., 2016. С. 256–261, 303–313; Пивоваров Н.Ю., Тихонов В.В. «Штатов – изобилье, порядка снова нет»: к истории разделения Института истории АН СССР в 1968 г. // Российская история. 2020. № 3. С. 173–175; Институт российской истории РАН. 1936–2021. Очерк истории. Библиографический словарь / Отв. ред. Ю.А. Петров, А.А. Чернобаев. М., 2021. С. 38–46.

³ Об этом процессе см.: Груздинская В.С. «Экспорт знания»: советизация гуманитарного образования в Будапештском университете (конец 1940-х – середина 1950-х гг.) // Архивный поиск. Сборник научных статей и публикаций. М., 2023. С. 239–254; Ковалёв М.В. «Люди, с которыми мне приходилось встречаться, проявляли к советскому учёному очень много внимания»: визит академика Б.Д. Грекова в Будапешт в 1948 г. // Россия XXI. 2023. № 1. С. 30–53; Груздинская В.С., Ковалёв М.В. Кафедра истории СССР в Будапештском университете: штрихи к советизации венгерской науки и высшей школы в 1950-е гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 14. 2023. № 12–2; Груздинская В.С., Назаров С.О. «Вместе боролись, вместе строим!»: образ советизации и СССР в мемуарах чехословацких историков второй половины XX в. // Диалог со временем. 2024. № 89. С. 351–367; Груздинская В.С. Обучаясь марксизму по-советски, или Как писались национальные истории стран Восточной Европы в 1950-е годы // Россия и современный мир. 2024. № 3. С. 157–172; и др.

⁴ А.Л. Сидоров. Научно-документальное наследие: воспоминания, переписка / Сост. В.Г. Бухерт. М., 2025. См. рецензии на издание: Хорхордина Т.И. Рец. на кн.: А.Л. Сидоров. Научно-документальное наследие: воспоминания, переписка // Отечественные архивы. 2025. № 4. С. 117–120; Тихонов В.В. Новый документальный источник о А.Л. Сидорове в советской исторической науке // Исторический архив. 2025. № 6. С. 187–190.

⁵ См.: Шереш А. Визит директора Института истории АН СССР профессора А.Л. Сидорова в Венгрию в 1956 г. // Новая и новейшая история. 2019. № 1. С. 147–152.

Владимир Андреевич Кучкин (1933–2025)

1 декабря 2025 г. не стало Владимира Андреевича Кучкина.

Хотя жизненный путь учёного приближался к 92-летию (он не дожил до этой даты меньше месяца), его уход стал для всех нас трагической неожиданностью. До последнего дня Владимир Андреевич приходил в Институт, вёл заседания Центра по истории Древней Руси, которым руководил с 1998 г. Мы ждали его статью об истории волости Лопасня, которая была уже почти готова...

В.А. Кучкин придерживался удивительно твёрдой жизненной позиции. В 10 лет он решил стать историком и никогда не сомневался в этом выборе. Ещё в детстве будущий учёный начал собирать марки и в течение жизни сформировал великолепную, системно выстроенную коллекцию. Это было сродни работе с рукописями: водяные знаки, сохранность, зубцы, надпечатки, спецзагашения. Ещё одним увлечением, скорее, даже страстью стали шахматы, способствовавшие развитию комбинаторики и вероятностного анализа.

Владимир Андреевич пришёл в Институт истории АН СССР (сейчас – Институт российской истории РАН) в 1957 г. и работал здесь до последнего дня. В своих учёных штудиях он не был приверженцем одной темы, одного хронологического периода, временами совершая кардинальные повороты: от ещё школьной работы о Бородинской битве – к исследованию об Иване Калите в студенческие годы и диплому по Бронной слободе. Затем началась деятельность в Группе по изданию летописей, возглавляемой А.Н. Насоновым. Подготовка источников к публикации требовала навыка свободного чтения рукописного текста и знания основ исторической грамматики древнерусского языка. Молодой историк овладел этими знаниями и умениями самостоятельно, по учебникам. В итоге вместе с С.М. Каштановым и Н.Н. Улащиком Кучкин подготовил к изданию Никаноровскую летопись и Сокращённый свод 1493 г., принял участие в подготовке к публикации Вологодско-Пермской летописи.

Постигая эту сложнейшую материю, Владимир Андреевич одновременно писал кандидатскую диссертацию – исследование повествований о Михаиле Ярославиче Тверском. Эти две сложные работы оказались взаимосвязаны. Диссидент следовал методике работы с летописными текстами, разработанной Насоновым, во многом опередившей своё время. Работа предстала новаторской во многих отношениях. Сложные текстологические разыскания были проведены на большом корпусе текстов – летописных и нелетописных, при этом и сам памятник – «Повесть о Михаиле Тверском» – представлял собой сочинение довольно пространное, многоаспектное в отношении содержания, литературных традиций, авторской позиции. И если примеры добротных исследований житий в составе сборников к тому времени имелись, едва ли можно привести аналог изучения подобного текста в составе различных летописных сводов, с таким количеством редакций и вариантов. В.А. Кучкин не без гордости отмечал, что ему удалось поправить В.О. Ключевского. Исследование в известной мере стало примером для подобных работ и в филологической сфере, поскольку автор продемонстрировал знание текстов русских и греческих житий, Свя-

щенного Писания и других литературных источников Жития. Памятник, как это и должно быть, рассмотрен в рамках литературного процесса – с точки зрения традиций и использования его последующими книжниками.

И вновь крутой поворот в тематике и методике исследований: вслед за Насоновым, после расформирования Сектора источниковедения Института истории Кучкин перешёл в Сектор исторической географии. Так увидели свет его статьи по истории городов (Калуги, Москвы, Нижнего Новгорода и др.) и топонимике. В 1990-х гг. в его трудах появилось ещё одно направление – сфрагистика. Серия статей и специальная брошюра написаны Владимиром Андреевичем о знаменитой печати Ивана III 1497 г. и происхождении на русском гербе двуглавого орла.

Весь комплекс разнообразных глубоких знаний, наработок и методик, которыми владел В.А. Кучкин, воплотился в его докторской диссертации «Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв.», которая как монография вышла в 1984 г. Немного в нашей области существует книг, которые были бы столь читаемы и цитируемые!

В 2003 г. увидела свет третья монография – «Договорные грамоты московских князей XIV в.: Внешнеполитические договоры». Ещё в студенческие годы работать с актами Кучкина учил его научный руководитель М.Н. Тихомиров. Теперь же ему удалось выработать единую методику анализа грамот. Как было свойственно Владимиру Андреевичу, в начале – подробнейшее представление историографии, где давался анализ публикаций и изучения акта. Обязательно отмечались использованные учёными прошлого данные, ход их рассуждений, давалась оценка научного вклада. Таким образом он показывал течение мысли предшественников и выстраивал её картину от первых оценок до изысканных рассуждений А.А. Зимина и своих собственных. Характеристика грамот была столь же подробной: описание почерка, материалов, сохранности, помет; затем внутренняя критика – в этом анализе не пропускалась ни одна статья. И если для комментария одних статей оказывалось достаточно двух абзацев, то другим посвящались целые пространные исследования. В источниковедческом и историческом анализе нет и не может быть мелочей. В.А. Кучкин рассматривал их как детали, из которых вырастали новые выводы, датировки, обобщения. Он считал, что сильная сторона его учёной деятельности – умение видеть эти детали, их трактовать и интерпретировать, получая новое знание. Монография о договорных грамотах московских князей ценна не только как фундаментальное исследование актов, представленных в качестве памятников права и источников для изучения политической и социально-экономической истории Руси XIV в. Она содержит публикации этих актов, отвечающие современным эдиционным требованиям, а необходимость прочтения и анализа текста плохо сохранившейся договорной грамоты 1318 г. Юрия Даниловича и Новгорода с Михаилом Ярославичем потребовала выработки уникальной методики восстановления документа.

В 1998 г. В.А. Кучкину поступило предложение возглавить опустевший Центр по истории Древней Руси. Он стал набирать сотрудников: из Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН пришёл А.А. Горский, с кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова – молодые историки П.В. Лукин и П.С. Стефанович, которые и сегодня, став известными учёными, работают в Центре. Хочется думать, что мы многое усвоили и унаследовали от Владимира Андреевича и сможем продолжить его начинания.

Задуманный Кучкиным проект нового издания княжеских договоров и завещаний сейчас близок к завершению. Над каждым подготовленным нами актом он думал, уточнял датировку, предлагал варианты для непонятных, плохо сохранившихся мест. Вспоминается, однажды на «круглом столе» по проблемам публикации древнерусских текстов Владимир Андреевич говорил о сложностях публикации актового материала — в первую очередь грамот. Вскоре после его выступления в президиум пришла записка, содержащая лишь одну строчку: «Кучкин — завтрашний день нашей науки».

Третий том многотомной «Истории России», в который Владимир Андреевич вложил так много сил, написав около 18 авторских листов текста, вышел из печати всего за несколько дней до его кончины.

В.А. Кучкина считали учителем не только защищавшиеся под его руководством аспиранты, но и многие учёные близких, но иных специальностей называли себя приверженцами его школы. Ему писали письма, присыпали рукописи провинциальные исследователи, нуждавшиеся в научном общении, советах, консультациях. Среди них — историки, краеведы, любители без базового исторического образования. Он с одинаковым вниманием и воодушевлением читал, слушал, рассказывал, объяснял — иногда часами, радуясь, что его наука интересует многих.

Труды В.А. Кучкина ещё предстоит издать. «История Москвы» (так называл работу сам Кучкин, однако в сохранившихся файлах названия нет) полностью готова к публикации. В основном готова и книга «Договорные грамоты московских князей XIV в.: Внутринастийные договоры», которая стала бы закономерным продолжением монографии 2003 г., посвящённой внешнеполитическим договорам московских правителей. В шести главах представлен анализ шести докончаний московских князей 1340–1390-х гг. Частично эти материалы увидели свет в виде статей, но в ряде случаев — в малодоступных сегодня изданиях.

Одна из последних работ Владимира Андреевича — о Пскове. Он проследил динамику развития и изменений взаимоотношений псковских институтов самоуправления с князьями, правившими в Псковской земле, связи Пскова с Новгородом и Москвой. Работа показала, что в политической и социально-экономической истории города ещё многое предстоит прояснить. Наконец, последняя, не дописанная до конца, статья посвящена истории Лопасни, которая в источниках называется волостью, селом, «местом». Она находилась на пограничье, захватывалась и обменивалась. Владимир Андреевич планировал показать специфику подобных территорий, приводя интересные аналогии.

Однажды одну из его сложных статей прочёл молодой лингвист, далёкий от медиевистики и никогда не слышавший фамилии Кучкин. Восхищаясь работой, он высказал уверенность, что её писал молодой исследователь. На вопрос, почему он так решил, ответил: «Не знаю, но так пишут только молодые». Молодость — это когда человеку не приходит в голову сказать: «В наше время было лучше». Время, в которое он жил, и было для него «нашим».

Мы прощаемся с Владимиром Андреевичем Кучкиным как с дорогим для многих человеком, но не с его трудами, которые признаны и ещё будут признаваться образцовыми. Сам же учёный будет представлять и для нас, и, полагаю, для будущих поколений, притягательный образ Человека Науки.

Е.Л. Конявская

Михаил Викторович Ходяков (1964–2025)

25 ноября скоропостижно скончался доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета Михаил Викторович Ходяков. Родившись 27 августа 1964 г. в Новгороде, он значительную часть детства и юности провёл в Таллине, откуда приехал учиться в Ленинградском политехническом институте им. М.И. Калинина. Однако после службы в армии юноша решил сменить профессию и поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. Научным руководителем его дипломной работы, а затем и кандидатской диссертации «Совет народного хозяйства Северного района в период формирования системы централизованного государственного управления промышленностью. Январь 1918 – февраль 1920 гг.» (СПб., 1993) стал Г.Л. Соболев. Он же являлся консультантом докторской диссертации Ходякова «Децентрализм в промышленной политике регионов России. 1917–1920 гг.», опубликованной в виде монографии в 2001 г. и защищённой в университете в 2002 г. Огромное уважение и признательность Учителю всегда отличали Михаила Викторовича, гордившегося тем, что принадлежит к школе профессора Соболева. Именно о её представителях Ходяков рассказывал за две недели до смерти в своём последнем докладе на конференции в Санкт-Петербургском Институте истории РАН.

С 1993 г. Михаил Викторович преподавал на историческом факультете (ныне – Институт истории) СПбГУ, пройдя путь от ассистента до заведующего кафедрой. Очень быстро он проявил себя как прекрасный лектор, читавший общий и специальные курсы по истории России, мировых войн, денежного обращения и т.д. Эти лекции неизменно привлекали внимание студентов, учили их думать и наблюдать за ходом исторического процесса, улавливая его закономерности. Широкую известность приобрёл подготовленный М.В. Ходяковым и И.С. Ратьковским учебник «История Советской России» (СПб., 1999), выдержавший не одно переиздание. Своих студентов и учеников Михаил Викторович бережно опекал; никто из них не мог пожаловаться на невнимательность или равнодушие, напротив, для каждого он находил время, вычитывая рукописи и делясь добрым советом. Под его руководством были защищены десятки дипломных работ и 13 кандидатских диссертаций (причём две из них – гражданами КНР, которые с честью продолжают славные традиции петербургской исторической школы). Дважды он становился научным консультантом докторских диссертаций. Десятки раз ему доводилось выступать в роли официального оппонента.

В 2003 г. Ходяков возглавил кафедру. Человек необычайно ответственный и собранный, по-хорошему дотошный, он системно подходил к любому делу, за которое брался, никогда и никуда не опаздывал, всегда держал данное слово. Ему все доверяли, уважая за порядочность и честность, к его мнению прислушивались. Будучи строгим и принципиальным начальником, скрупульезным на похвалу, он многим помогал. Те, кого он считал своими друзьями, знали, что могут на него положиться. В 2014 г. ему было присвоено звание «Почётный работник

высшего профессионального образования», а в 2015 г. он удостоился университетской премии «За научные труды».

Будучи исключительно одарённым организатором, Ходяков руководил проведением ряда всероссийских и международных конференций. Людей привлекали его поистине энциклопедические познания, обаяние и умение ярко рассказывать даже о хорошо известных событиях, придавая им новые оттенки и краски. Объяснялось это упорной и плодотворной работой в архивах, где ему удавалось находить самые неожиданные документы.

Немало сил и времени Михаил Викторович уделял публикации источников («Горячешний и триумфальный город». Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу. Сборник документов и материалов / Сост. М. В. Ходяков. СПб., 2000), в том числе – участию в подготовке грандиозного многотомника «Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг.: постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний» (Ч. 1–3. СПб., 2019–2022) и мемориального труда, отразившего «потери университетского коллектива» в годы Великой Отечественной войны (Книга памяти Ленинградского – Санкт-Петербургского университета. 1941–1945. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1995). Почти четверть века назад он оказался также среди инициаторов проекта «Знаменитые универсанты», благодаря которому появились тома с очерками, посвящёнными «питомцам» XIX–XX вв.

Исследовательский талант учёного нашёл выражение в трёх индивидуальных и нескольких коллективных монографиях, не говоря уже о сотнях статей. Михаил Викторович всю жизнь увлекался бонистикой и неустанно пополнял свою коллекцию, в которой встречались достаточно редкие банкноты. Когда он читал «Введение в специальность», то мог целое занятие уделить купюрам первой четверти XX в., показывая студентам «керенки», денкинские «коло-кольчики», «юденьки» и т.д. Неудивительно, что его монография «Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг.» трижды переиздавалась (в 2009, 2018 и 2019 гг.) и была переведена на английский язык (*Khodjakov M. Money of the Russian Revolution. 1917–1920. Newcastle upon Tyne, 2014*). Он же охарактеризовал «денежное обращение по обе стороны фронта» Гражданской войны в академической «Истории России» (Т. 12. Кн. 2. М., 2024. С. 374–383).

Изучение блокады имело для Ходякова, как и для Соболева, личное измерение. Он активно включился в работу лаборатории «История блокадного Ленинграда», созданной в Санкт-Петербургском Институте истории РАН, несколько лет трудился в Государственном мемориальном музее обороны и блокады Ленинграда. При этом, обладая оригинальным складом ума, Михаил Викторович ухитрялся находить необычные и малоизвестные сюжеты. Кому, кроме Ходякова, могло прийти в голову писать о работе кондитерских фабрик в блокированном городе? Жаль, что ему удалось осветить их деятельность лишь в нескольких статьях. Думал он и о книге, в которой раскрывалась бы жилищная политика, проводившаяся в Ленинграде в 1940-е гг. В то же время его интерес к эпохе Великой Отечественной войны воплотился в монографии «Иностранные военнопленные в лагерях НКВД–МВД Эстонии. 1944–1949 гг.» (СПб., 2016).

В последние годы Ходяков тщательно исследовал историю КВЖД, подготовив совместно с российскими и китайскими коллегами коллективную монографию, основанную преимущественно на документах РГИА, которые ранее

практически не привлекали внимание специалистов. Впрочем, материалы для неё собирались не только в архивах Санкт-Петербурга и Москвы, но и в самых отдалённых провинциях Китая. За несколько часов до смерти Михаил Викторович успел отправить в издательство вычитанную им рукопись «Между двух империй: Китайско-Восточная железная дорога как трансграничная социокультурная система (конец XIX в. – первая треть XX в.)».

В 2011 г. Ходяков предложил создать первый в своём роде научный журнал, который объединял бы отечественных и зарубежных учёных, изучающих историю России XX в. В том, что подобное издание будет востребовано, он убедился на прошёлшей с большим успехом в стенах СПбГУ в октябре 2010 г. международной конференции «Поздний сталинизм и эпоха Н.С. Хрущёва в Советском Союзе: вторая половина 1940-х – первая половина 1960-х гг.». Сотрудники (Г.Л. Соболев, А.Я. Колесников, Н.Н. Смирнов, Н.И. Богомазов, Е.Д. Твердюкова, В.А. Иванов) поддержали идею Михаила Викторовича и практически сразу единодушно решили, что журнал, как и их кафедра, должен называться «Новейшая история России». Но его концепцию и рубрикацию заведующий, которому предстояло стать главным редактором, разработал, по сути, единолично. В нём изначально предполагалось публиковать статьи и документы, затрагивающие проблемы методологии, историографии и библиографии, биографики, военной, политической и экономической истории России XX в., воспоминания о видных представителях петербургской и ленинградской исторической школы, рецензии и некрологи.

Михаил Викторович желал, чтобы «Новейшая история России» выпускалась на высочайшем полиграфическом уровне, с суперобложкой, уникальными иллюстрациями. Его любимое детище всегда выглядело дорого и красиво, однако поначалу оно выходило в свет исключительно стараниями главного редактора, вложившего в дело свою душу. Именно ему приходилось добывать средства, искать авторов и тех, кто готов был обеспечивать довольно затратное просветительское начинание. Уже первые номера украшали работы Р.Ш. Ганелина, Н.Н. Смирнова, Г.Л. Соболева, К.А. Соловьёва, В.В. Шелохаева. И всё же Михаилу Викторовичу не раз приходилось убеждать даже не слишком известных исследователей направлять ему свои тексты. Потом портфель редакции по-настоящему разбух, и очередь на публикацию выстроилась весьма значительная. За 15 лет, во многом благодаря подвижничеству главного редактора, «Новейшая история России» крепко встала на ноги. Сейчас это одно из ведущих отечественных научных изданий, хорошо известное и за пределами России.

За долгие годы руководства кафедрой и журналом Ходяков стал фигурант, связывавшей российских историков и представителей европейской, североамериканской и китайской науки. Его знали и ценили учёные разных стран, о чём свидетельствуют официальные письма с соболезнованиями, поступившие в СПбГУ. Михаила Викторовича отличала колоссальная работоспособность, исключительная эрудиция и высокая исследовательская культура. Он сделал немало, но его огромный потенциал был ещё далеко не исчерпан.

Михаил Викторович никогда и никому не жаловался, окружающим и в голову не приходило, насколько он устал и нуждается в отдыхе. Смерть застала его рано утром по дороге на лекцию. Коллектив кафедры, весь Институт истории СПбГУ скорбит вместе с семьёй профессора, оставившего четверых детей. Вечная ему память!

А.С. Пученков

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Российская история» в 2025 г.

Диалог о С.С. Секиринском. № 2.

Волобуев О.В. – Сергей Секиринский – один из немногих, кто воспринимал «мир-как-историю»

Шелохаев В.В. – Запечатлённый в памяти Канищева Н.И. – Нам не хватает тебя

Петров Ю.А. – В академическом журнале

Филиппова Т.А. – Незавершающийся диалог Зверев В.В. – Историк и художник

Булдаков В.П. – Вспоминая замыслы Секиринского

Зубкова Е.Ю. – Наш Сергей Сергеевич

Гатагова Л.С. – Душа его витает где-то здесь

Невежин В.А. – Человек свободный и деятельный

Виноградов А.В. – Цена успеха

Рублев Д.И. – Либеральные традиции и оригинальное творчество

Мельникова Л.В. – Человек, абсолютно надёжный во всём

Мамонов А.В. – Советы и заветы С.С. Секиринского

Диалог о книге

А.С. Пученков. Генсек и Президент: М.С. Горбачёв в 1990–1991 гг. № 5.

Полынов М.Ф. (Санкт-Петербург) – Расчёты и просчёты политики М.С. Горбачёва в 1990–1991 гг.

Батурин Ю.М. – Изучение мотивов политических решений 1990–1991 гг. ещё только начинается

Исаков В.Б. – Блики будущего на осколках прошлого

Станкевич З.А. – «Реформация» М.С. Горбачёва как упущеный шанс (размышления старого аппаратчика)

Измозик В.С. (Санкт-Петербург) – Трагическая фигура нашей истории

Калиновский В.В. (Санкт-Петербург) – На основании свидетельств очевидцев

Петров И.В. (Санкт-Петербург) – Два года, которые потрясли мир

Пихоя Р.Г. – Историк и мемуаристы

Круглов В.Н. – Комплиментарный взгляд на перестройку и её инициатора

Андреев Д.А. – Заключительный этап советской истории по-прежнему содержит в себе много загадок

А.М. Попов. За два шага до бездны: интриги против военного министра и саморазрушение власти в России 1907–1915 гг. № 6.

Айрапетов О.Р. – Дорога в пропасть

Селезнев Ф.А. (Нижний Новгород) – Скрытые пружины конфликта С.Н. Мясоедова с МВД в 1906–1907 гг.

Сорокин А.А. (Нижний Новгород) – В.Н. Коковцов и В.А. Сухомлинов

Дёмин В.А. – Интриги или политика?

Евдокимов А.В. (Нижний Новгород) – Ещё одно исследование хорошо изученной темы

Винюкова Н.В. – «Тёмные» стороны межведомственного взаимодействия

Сергушкин С.С. – Дело закрыто?

Соловьёв К.А. – «Дело Мясоедова» и особенности российского конституционного строительства начала XX в.

Ю.А. Пелевин. Александр Михайлов и его революционная эпоха. № 6.

Милевский О.А. (Сургут) – Биография А.Д. Михайлова и проблемы изучения революционного народничества

Воронихин А.В. (Саратов) – Движение революционных народников в монографии Ю.А. Пелевина

Зверев В.В. – «Бес почвенные мечтания» или революционная альтернатива?

Барабанова М.А. – Александр Дворник

Рублев Д.И. – Взгляд на революционеров из окна редакции «Вестника Европы»

Мамонов А.В. – Власть и революционеры 1870-х гг.

Статьи

- Аракчеев В.А.** – Псковская «смута» 1665–1666 гг.: почему провалилась посадская реформа А.Л. Ордина-Нащокина? № 4.
- Аряев Л.Н.** (Германия) – Софья Палеолог в «Истории Российской» В.Н. Татищева. № 6.
- Беглов А.Л.** – СССР и Ватикан в 1942 г.: нереализованные возможности. № 3.
- Белокуров Е.В.** (Санкт-Петербург) – Кадровая и материальная обеспеченность здравоохранения Ленинграда в 1970–1980-е гг. № 4.
- Бибиков Г.Н.** – Секретные инструкции А.Х. Бенкендорфа в восприятии жандармских офицеров 1820–1830-х гг. № 2.
- Богданов А.П.** – Е.В. Барсов в поиске имперских корней венчания русских государей. № 1.
- Богданов В.П.** – Записи на книгах старопечатных кириллических изданий как массовые данные об обучении грамоте и вере (в контексте полемики И.В. Поздеевой и Н.П. Киселёва). № 2.
- Богомолов И.К.** – Драматическая цензура в России в 1914 – феврале 1917 г. № 1.
- Ватлин А.Ю.** – Курьеры и телетайп. Каналы коммуникации между Москвой и советским полпредством в Берлине в 1918 г. № 2.
- Воейков Е.В.** (Пенза) – Состояние общепита оборонных заводов Пензенской области в годы Великой Отечественной войны и пути решения продовольственной проблемы. № 3.
- Волхонский М.А.** – Разработка проекта введения всеобщей воинской повинности на Кавказе в 1870–1880-х гг. № 5.
- Гагкуев Р.Г.** – Адмирал А.В. Колчак и генерал М. Жанен: взаимоотношения верховного правителя России и главкома войск Антанты в Сибири. № 1.
- Гайда Ф.А.** – Священник и революция: образ религиозно-политического лидера в восприятии оппозиционной общественности в период Первой русской революции 1905–1907 гг. № 2.
- Горская Н.И.** (Смоленск) – Формирование Смоленского ополчения в годы Восточной войны (1853–1856). № 3.
- Гуськов А.Г.** – Организационная структура Посольского приказа. № 1.
- Домнин А.И.** – Отражение в картографических материалах действий Красной армии против курляндской группировки Вермахта в октябре 1944 – мае 1945 г. № 3.
- Домрачев Н.Е.** (Москва), **Селин А.А.** (Санкт-Петербург) – На пути к Тявзинскому миру: седьмая шведская посольская книга. № 5.
- Ермакова О.К., Накишова М.Т.** (обе – Екатеринбург) – Социальные связи и конструирование имперского пространства при Петре I (круг общения архитектора Ж.-Б.А. Леблона). № 2.
- Замулин В.Н.** (Курск) – Послевоенные споры советских полководцев о проблемах планирования и проведения стратегических операций в годы Великой Отечественной войны. К.К. Рокоссовский против Н.Ф. Ватутина. № 3.
- Захаров В.Н.** – Учёный и организатор науки. К 70-летию Ю.А. Петрова. № 3.
- Захарченко А.В.** – Лаврентий Берия как аппаратный игрок и управленец. № 4.
- Зубкова Е.Ю.** – Фронтовой социум: опыт идентификации и практики консолидации ветеранов Великой Отечественной войны в первые послевоенные годы. № 3.
- Иванов А.А.** (Санкт-Петербург) – Доктор А.И. Дубровин и Государственная дума: от надежды до бойкота. № 6.
- Казаков А.А.** – Архиепископ Вассиан (Санин) и Василий III: Русская Церковь и велиокняжеская власть в начале XVI в. № 2.
- Квон Кюнгэк** (Республика Корея) – Инспекционная поездка К.Е. Ворошилова на Дальний Восток (1931). № 2.
- Клевенская Е.С.** – П.Х. Граббе и Союз благоденствия. № 1.
- Козляков В.Н.** – «Перечневый список» разграбленной в 1610–1612 гг. казны Московского государства. № 1.
- Колихова К.И.** – Аванс за установление мира: финансовый вопрос на

советско-польских переговорах в Риге в январе—марте 1921 г. № 4.

Кометчиков И.В. — «Второе крепостное право (большевиков): персональный учёт коммунистов в западных областях РСФСР (конец 1930-х — 1947 г.). № 5.

Комзолова А.А. — «Наместнический проект» Александра I и формирование территории Белорусского учебного округа. № 5.

Кондрашин В.В. — Творческий путь Виктора Петровича Данилова как зеркало аграрной историографии России 1950-х — начала 2000-х гг. № 4.

Кондрюков И.И. — Роль Администрации президента РФ во взаимодействии центра и регионов в середине 1990-х гг. № 1.

Коновалов А.Б. (Кемерово), **Круглов В.Н.** (Москва) — В борьбе за самостоятельность Горного Алтая: инициативы руководства региона в 1950-е гг., их причины и последствия. № 5.

Крестьянников Е.А. — «Служение праву»: Общество санкт-петербургских (петроградских) женщин-юристов (1913—1917 гг.). № 6.

Кротов П.А. (Санкт-Петербург) — Санкт-Петербург — имперский проект Петра Великого (спорные вопросы). № 5.

Кудряшов С.В. — Роль высшего военного и политического руководства СССР в достижении Победы. № 3.

Кузьмин К.В. (Екатеринбург) — Социальные болезни в отражении периодической печати: по материалам «Уральского медицинского журнала» (1928—1931). № 2.

Куприянов А.И. — Война и футбол: организационные и социальные проблемы профессионального спорта. № 3.

Лиссейцев Д.В. — Ускользающий предмет сравнения: земские соборы в зеркале компаративистики. № 4.

Лосева О.В., Мелентьев Ф.И. — Баронесса М.П. Фредерикс и её воспоминания. № 4.

Майоров А.В., Веселов Ф.Н. (оба — Санкт-Петербург) — «Благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви»: латинские источники о последних днях ве-

ликого князя Ярослава Всеволодовича. № 1.

Медведев Т.Д. (Санкт-Петербург) — Истребительные батальоны Москвы и Московской области. Июнь 1941—1942 гг. № 3.

Мельникова Л.В. — Великий князь Константин Николаевич и «три Афона». № 6.

Мухин М.Ю. — Система органов мобилизационного планирования экономики в послевоенные годы (1945—1964). № 3.

Никонов С.А. (Мурманск, Апатиты) — Архиерейский сын боярский Михайло Окулов и мезенские промышленники Инковы: раскол, колдовство и покровительство на Русском Севере в конце XVII в. № 2.

Полунов А.Ю. — «Живое самодержавие»: проблема личной власти монарха и регулирования государственной службы в царствование Александра III. № 4.

Попов А.Д., Скрипник А.С. (оба — Симферополь) — Курортная революция: планы и реалии создания «пролетарской здравницы» в Крыму (1920—1925). № 5.

Попов Ф.А. — «Третья Россия» в поиске союзников: взгляды русских демократов-антибольшевиков на национальный вопрос в период советско-польской войны. № 4.

Посадский А.В. (Саратов) — Вооружённые силы Юга России и восстание Н. Григорьева в 1919 г.: оценки и контакты. № 1.

Пырх В.О. — Тюремный патронат в Томской губернии (начало XX в.). № 5.

Рудаков В.Н. — «Все полагали, что он был отравлен»: формирование памяти о кончине великого князя Ярослава Всеволодовича (середина XIII—XVI в.). № 1.

Сазонова Д.Ю. — Формирование курса истории России в средних учебных заведениях второй четверти XIX в. № 1.

Самигулов Г.Х. (Челябинск) — О значении понятий «вогулы» и «остяки» в документах XVI—XVII вв. № 5.

Сафонов А.В. — Налоговое регулирование личного подсобного хозяйства в СССР в послевоенный период. № 4.

- Сенин А.В.** – Ф.Ф. фон Берг и русская военная разведка во второй четверти XIX в. № 3.
- Слепенко И.А.** – Две тактики борьбы с «буржуазной историографией»: С.А. Пионтковский и Н.Л. Рубинштейн. № 2.
- Степанов В.Л.** – Таможенный тариф 1891 г. и апогей протекционизма в отечественной экономической литературе конца XIX – начала XX в. № 4.
- Стогов Д.И.** (Санкт-Петербург) – Деятельность петроградского славянофильского общества «Славянские трапезы» в период Первой мировой войны. № 6.
- Тюрин В.И.** – «Управдом должен быть человеком проверенным»: домоуправления Москвы в годы Великой Отечественной войны. № 3.
- Ульянова Л.В.** – Проблема статуса Севастополя в контексте референдумов 1991 г. № 1.
- Усачёв А.С.** – Крутицкий митрополит Геласий (1586–1601) и русская церковная элита в раннее Новое время. № 2.
- Федоров А.Н.** (Челябинск) – Контроль ЦК ВКП(б) над региональными партийными комитетами в 1946–1953 гг. № 5.
- Феребов А.Н.** – Образовательный ценз и замена чиновниками аттестатов в Московском университете в 1810-х гг. № 6.
- Филиппова Т.А.** – «Коллективный Восток» как образ на страницах журнала «Крокодил» (1922–1932). № 5.
- Хорошева А.В.** – Подготовка физкультурных кадров на базе высших и средних профессиональных учебных заведений на рубеже 1920–1930-х гг. № 6.
- Хроленок Е.В.** (Минск, Республика Беларусь) – Военные экспедиции Стародубского полка в 1654–1764 гг. № 3.
- Чжан Гуансян** (Чанчунь, КНР) – Итоги изучения отходничества крестьян Московской губернии в конце XIX – начале XX в. в советской и современной российской историографии: взгляд из Китая. № 4.
- Шамин С.М.** – От Азовских походов к Азовскому проекту. № 3.
- Шамина И.Н.** – Кумпанство митрополита Ростовского и Ярославского Иоасафа (1696–1700). № 2.
- Шокарев С.Ю.** – Детность в семьях русской элиты второй половины XVI – начала XVII в. (по церковной поминальной документации). № 6.
- ### Рецензии
- Айрапетов О.Р.** – В.М. Безотосный. Исторический ландшафт наполеоновских войн. Мировой конфликт и столкновение империй. № 1.
- Айрапетов О.Р.** – А.А. Вершинин. Неудавшийся союз. Военно-политическое сотрудничество СССР и Франции накануне Второй Мировой войны (1930–1939 гг.). № 3.
- Алмазов М.Г.** – Ф.А. Головин и его воспоминания. № 1.
- Белоусова О.В.** – Дворцовые коменданты последнего императора. № 4.
- Белоусова О.В.** – Русское и имперское во второй половине XIX – начале XX в.: конфликт или единство? № 6.
- Бирюкова Ю.А.** (Ростов-на-Дону) – Из Америки на Всероссийский поместный собор 1917–1918 гг. и обратно: дневники протоиерея Леонида Туркевича. № 2.
- Вершинин А.А.** – «Защитить Европу от самой себя»: новое исследование внешней политики СССР накануне Второй мировой войны. № 3.
- Войтиков С.С.** – Новая книга о Министерстве культуры СССР. № 1.
- Войтиков С.С.** – Новая биография Михаила Суслова. № 2.
- Войтиков С.С.** – Новая книга о М.И. Калинине. № 4.
- Воронин В.Е.** – Политическая система Великого княжества Финляндского во второй половине XIX – начале XX в. в монографии современного исследователя. № 5.
- Гайда Ф.А.** – А.И. Миллер. Украинский вопрос и политика идентичности. № 5.
- Гайда Ф.А.** – Христианство и социализм в раннем творчестве С.Н. Булгакова. № 6.
- Галкин Т.О.** (Зарайск) – Частная жизнь в России XVII века. Записные книги

- Духовного приказа Рязанского митрополичьего дома 1660–1670-х годов. № 1.
- Галкина Ю.М.** (Екатеринбург) – Воспоминания М. Жанена – выдающийся источник по истории Гражданской войны и Революции. № 1.
- Гатагова Л.С.** – Ногайцы. № 5.
- Голиков А.Г.** – Визуальная хроника Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. № 3.
- Дедук А.В.** – Заметки на полях двухтомника. № 2.
- Дубровский А.М.** (Брянск) – М.В. Зеленов. В.И. Невский – участник и историк первой российской революции. № 1.
- Зыкин И.В.** (Екатеринбург) – Сила «зелёного золота»: воображаемое и реальное во взглядах специалистов лесной отрасли. № 4.
- Котов А.Э.** (Санкт-Петербург) – Извилистые тропы славянской взаимности. № 3.
- Коцюбинский Д.А.** (Санкт-Петербург) – Черносотенный циферблат, два раза в сутки показывавший точное время. № 6.
- Кудряшов С.В.** – В. Айхведе, К. Куркоролёв, У. Шмидельт-Ритиг, Е.Ю. Зубкова. Грабёж и спасение: российские музеи в годы Второй мировой войны. № 2.
- Любичанковский С.В.** (Оренбург) – А.И. Репинецкий. Листая страницы переписей. Население Самарской области по материалам всеобщих переписей населения. Ч. I. 1897–1945 гг. № 5.
- Мамонов А.В.** – Дело А.В. Кибовского. № 4.
- Мамонов А.В.** – Самодержавие и украинофилы 1860–1870-х гг. в современной историографии. № 5.
- Мельникова Л.В.** – А.В. Кибовский. 800 неизвестных. № 4.
- Мельникова Н.В.** (Екатеринбург) – P.R. Josephson. Nuclear Russia. The Atom in Russian politics and culture. № 3.
- Нелипович С.Г.** – Человек против окружающей среды: Ландшафты Великой войны в Восточной Европе. № 3.
- Носов Б.В.** – D. Dukwicz. Na drodze do pierwszego rozbioru. Rosja i Prusy wobec Rzeczypospolitej w latach 1768–1771. № 5.
- Омельянчук И.В.** – Обобщающий труд о правом движении в России начала XX в. № 6.
- Петрова Т.М.** – Колхозы СССР в условиях позднего сталинизма и оттепели: взаимодействие с властью и его последствия. № 4.
- Поляков И.А.** (Санкт-Петербург) – Архиерейское, монастырское и церковное строительство на Руси. № 2.
- Проскурякова М.Е.** (Санкт-Петербург) – Крестьянские договоры и церковное «строительство» на Русском Севере в XVII – первой половине XVIII в. № 2.
- Пученков А.С.** (Санкт-Петербург) – «Пожары над страной». № 3.
- Пученков А.С.** (Санкт-Петербург) – «Бунтарь» Ельцин против «гроссмейстера» Горбачёва. № 5.
- Раздорский А.И.** (Санкт-Петербург) – Архангельская (Двинская) таможенная книга 1719 года. № 4.
- Самыловская Е.А.** (Санкт-Петербург) – Архитектор-католик на службе у Петра Великого. № 1.
- Соловьёв К.А.** – Н.Д. Постников. Политические партии Великого княжества Финляндского (60–70-е гг. XIX века – 1914 год). № 5.
- Тихонов В.В.** – Историк во власти истории. № 6.
- Уайт Дж.М.** (Екатеринбург) – P. Herrlinger. Holy sobriety in modern Russia: a faith healer and his followers. № 2.
- Феребов А.Н.** – Приглашение к познавательному путешествию. № 4.
- Филиппова Т.А.** – Золотой век карикатуры – «западно-восточные» отражения. № 6.
- Pro memoria**
- А.И. Аксёнов (1942–2025). № 1.
- В.А. Кучкин (1933–2025). № 6.
- М.В. Ходяков (1964–2025). № 6.

Наши авторы

Айрапетов Олег Рудольфович, кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Аряев Леонид Николаевич, независимый исследователь (Германия)

Барабанова Мария Андреевна, кандидат исторических наук, ассистент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Белоусова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Винюкова Надежда Валерьевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана

Воронихин Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, независимый исследователь (Саратов)

Гайда Фёдор Александрович, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Дёмин Вадим Александрович, доктор исторических наук, профессор Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета

Евдокимов Артем Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Зверев Василий Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Иванов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Конявская Елена Леонидовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, главный редактор журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики»

Коцюбинский Даниил Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Международного центра социально-экономических исследований «Леонтьевский центр» (Санкт-Петербург)

Крестьянников Евгений Адольфович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института региональных исторических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Мамонов Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Мельникова Любовь Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Милевский Олег Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Сургутского государственного педагогического университета

Омельянчук Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор Московского городского педагогического университета и Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Рублев Дмитрий Иванович, кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Селезнев Федор Александрович, доктор исторических наук, профессор, руководитель центра краеведческих исследований Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Сергушкин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного исторического музея

Соловьёв Кирилл Андреевич, доктор исторических наук, профессор факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Сорокин Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Стогов Дмитрий Игоревич, доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

Тихонов Виталий Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Феребов Александр Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН

Филиппова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Хорошева Анна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Шокарев Сергей Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

СОДЕРЖАНИЕ

Русская элита

С.Ю. Шокарев

- Детность в семьях русской элиты второй половины XVI – начала XVII в.
(по церковной поминальной документации) 3

Историк и источник

Л.Н. Аряев

- Софья Палеолог в «Истории Российской» В.Н. Татищева 23

Сюжеты и эпизоды

А.Н. Феребов

- Образовательный ценз и замена чиновниками аттестатов в Московском
университете в 1810-х гг. 36

Россия и мир

Л.В. Мельникова

- Великий князь Константин Николаевич и «три Афона» 57

Диалог о книге

Ю.А. Пелевин. Александр Михайлов и его революционная эпоха

- О.А. Милевский: Биография А.Д. Михайлова и проблемы изучения
революционного народничества* 75
*А.В. Воронихин: Движение революционных народников в монографии
Ю.А. Пелевина* 79
В.В. Зверев: «Бес почвенные мечтания» или революционная альтернатива? 84
М.А. Барабанова: Александр Дворник 88
Д.И. Рублев: Взгляд на революционеров из окна редакции «Вестника Европы» 92
А.В. Мамонов: Власть и революционеры 1870-х гг. 95

Лица и взгляды

А.А. Иванов

- Доктор А.И. Дубровин и Государственная дума: от надежды до бойкота 108

Диалог о книге

**А.М. Попов. За два шага до бездны: интриги против военного министра
и саморазрушение власти в России 1907–1915 гг.**

- О.Р. Айрапетов: Дорога в пропасть* 126
*Ф.А. Селезнев: Скрытые пружины конфликта С.Н. Мясоедова с МВД
в 1906–1907 гг.* 131
А.А. Сорокин: В.Н. Коковцов и В.А. Сухомлинов 134
В.А. Дёмин: Интриги или политика? 138
А.В. Евдокимов: Ещё одно исследование хорошо изученной темы 142
Н.В. Винюкова: «Тёмные» стороны межведомственного взаимодействия 144
С.С. Сергушкин: Дело закрыто? 145
*К.А. Соловьёв: «Дело Мясоедова» и особенности российского конституционного
строительства начала XX в.* 146

Д.И. Стогов

Деятельность петроградского славянофильского общества «Славянские трапезы» в период Первой мировой войны 150

Е.А. Крестьянников

«Служение праву»: Общество санкт-петербургских (петроградских) женщин-юристов (1913–1917 гг.) 165

А.В. Хорошева

Подготовка физкультурных кадров на базе высших и средних профессиональных учебных заведений на рубеже 1920–1930-х гг. 180

Рецензии

Ф.А. Гайда – Христианство и социализм в раннем творчестве

С.Н. Булгакова 195

И.В. Омельянчук – Обобщающий труд о правом движении в России

начала XX в. 198

Д.А. Коцбинский – Черносотенный циферблат, два раза в сутки

показывавший точное время 209

О.В. Белоусова – Русское и имперское во второй половине XIX –

начале XX в.: конфликт или единство? 219

Т.А. Филиппова – Золотой век карикатуры – «западно-восточные»

отражения 224

В.В. Тихонов – Историк во власти истории 227

Pro memoria

В.А. Кучкин (1933–2025) 230

М.В. Ходяков (1964–2025) 233

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Российская история»

в 2025 г. 236

Наши авторы 241

CONTENTS

The Russian elite

<i>S. Yu. Shokarev (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)</i>	
Children in the families of the Russian elite of the second half of the 16 th – early 17 th centuries (according to church memorial documentation)	3

The historian and the source

<i>L. N. Aryayev (independent researcher, Germany)</i>	
Sophia Palaiologina in « <i>Istoriya Rossiyskaya</i> » by V. Tatishchev	23

Scenarios and episodes

<i>A. N. Ferebov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Educational qualifications and the replacement of certificates by officials at Moscow University in the 1810s	36

Russia and the world

<i>L. V. Melnikova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Grand Duke Konstantin Nikolaevich and the «Three Athos»	57

Discussing recent books

Yu.A. Pelevin. Alexander Mikhailov and his revolutionary era

<i>O. A. Milevsky (Surgut State Pedagogical University, Russia): Biography of A. D. Mikhailov and the problems of studying revolutionary populism . . . . .</i>	75
<i>A. V. Voronikhin (independent researcher, Saratov): The movement of revolutionary populists in the monograph by Y. A. Pelevin . . . . .</i>	79
<i>V. V. Zverev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): «Groundless dreams» or a revolutionary alternative? . . . . .</i>	84
<i>M. A. Barabanova (Lomonosov Moscow State University, Russia): Alexander the Janitor (Dvornik) . . . . .</i>	88
<i>D. I. Rublev (Lomonosov Moscow State University, Russia): A look at the revolutionaries from the editorial office of «<i>Vestnik Evropy</i>» . . . . .</i>	92
<i>A. V. Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Power and revolutionaries of the 1870s . . . . .</i>	95

Persons and views

<i>A. A. Ivanov (Saint Petersburg State University, Russia)</i>	
Doctor A. I. Dubrovin and the State Duma: from hope to boycott	108

Discussing recent books

A. M. Popov. Two steps to the Abyss: intrigues against the Minister of War and the self-destruction of power in Russia 1907–1915

<i>O. R. Airapetov (Lomonosov Moscow State University, Russia): The road to the abyss . . . . .</i>	126
<i>F. A. Seleznev (Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia): The hidden springs of S. N. Myasoedov's conflict with the Ministry of Internal Affairs in 1906–1907 . . . . .</i>	131
<i>A. A. Sorokin (Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia): V. N. Kokovtsov and V. A. Sukhomlinov . . . . .</i>	134

<i>V.A. Demin (Institute of Humanities, Moscow City University, Russia):</i> <i>Intrigue or politics?</i>	138
<i>A.V. Evdokimov (Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod):</i> <i>Another study of a well-studied topic</i>	142
<i>N.V. Vinyukova (Bauman Moscow State Technical University, Russia):</i> <i>The «dark» sides of interagency cooperation</i>	144
<i>S.S. Sergushkin (State Historical Museum, Moscow, Russia): Is the case closed?</i>	145
<i>K.A. Soloviev (HSE University, Moscow, Russia; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): The «Myasoedov affair» and the peculiarities of Russian constitutional construction at the beginning of the 20th century</i>	146

Institutions and communities

<i>D.I. Stogov (Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI», Russia)</i> The activities of the Petrograd Slavophile society «Slavic Meals» during the First World War	150
<i>E.A. Krestiannikov (HSE University, Moscow, Russia)</i> «Serving the law»: Society of Saint Petersburg (Petrograd) Women Lawyers (1913–1917)	165
<i>A.V. Khorosheva (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i> Training of physical education personnel at higher and secondary vocational educational institutions at the turn of the 1920–1930s	180

Reviews

<i>F.A. Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia; Saint Tikhon Orthodox Humanitarian University, Moscow, Russia)</i> Christianity and socialism in the early works of S.N. Bulgakov	195
<i>I.V. Omelyanchuk (Moscow City University, Russia; Bauman Moscow State Technical University, Russia)</i> A generalizing work on the right-wing movements in Russia at the beginning of the 20 th century	198
<i>D.A. Kotsyubinsky (International Center for Social and Economic Research «Leontief Center», Saint Petersburg, Russia)</i> The Black Hundred dial, which showed the exact time twice a day	209
<i>O.V. Belousova (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i> Russian and Imperial in the second half of the 19 th – early 20 th century: conflict or unity?	219
<i>T.A. Filippova (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Reflections of the East and the West in the golden age of caricature	224
<i>V.V. Tikhonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Historian in the grip of History	227

Pro memoria

<i>V.A. Kuchkin (1933–2025)</i>	230
<i>M.V. Khodyakov (1964–2025)</i>	233
Index of materials published in the journal in 2025	236
Contributors to this issue	241

РЕДАКЦИЯ

- Круглов В.Н., к.и.н.** — Отдел Новейшей истории
Мамонов А.В., к.и.н. — Отдел Новой истории
Феребов А.Н., к.и.н.
Лисейцев Д.В., д.и.н.
Мамонова Е.В. — Отдел Древней и Средневековой истории
Шамина И.Н., к.и.н. — Заведующая редакцией
— Литературный редактор

Для заметок